

И. С. Кон

ДРУЖБА

4-е издание

**Москва • Санкт-Петербург • Нижний Новгород • Воронеж
Ростов-на-Дону • Екатеринбург • Самара • Новосибирск
Киев • Харьков • Минск**

2005

ББК 88.37

УДК 301

К64

Кон И. С.

К64 Дружба. — 4-е изд., доп. — СПб.: Питер, 2005. — 330 с.

ISBN 5-469-00180-6

Во все времена дружба имела высокую моральную и социальную ценность. В чем особенность и нравственный смысл этой формы человеческих привязанностей? От чего зависят глубина и прочность дружбы? Как исторически менялись ее идеалы и критерии? Чем отличается юношеская дружба от дружбы взрослых людей и как она соотносится с другими человеческими привязанностями? Эти вопросы раскрывает доктор философских наук, профессор И. С. Кон. Настоящее издание дополнено новыми материалами по социологии и возрастной психологии общения. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

ББК 88.37

УДК 301

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Содержание

Предисловие к 4-му изданию	6
--------------------------------------	---

Часть I. Образцы и образы

1. Истину назови мне.	12
Идеал, опрокинутый в прошлое.	12
Немного этимологии.	15
От определений к проблемам.	16
2. Дружба в сравнительно-исторической перспективе	18
Дружба животных	18
Социология дружбы. Фердинанд Тённис и Георг Зиммель.	20
Кооперация, конкуренция и зависть.	22
Антропология мужской солидарности	24
Функции дружбы в архаических обществах	27
Типы дружбы.	29
Ритуализованная дружба	31
Социальный институт или личные отношения?	35
Дружба и родство	37
Территориальные факторы общения и обособления.	39
Этнокультурные коды и нормативные запреты.	40
3. Античная дружба: идеал и действительность	44
Слова и их значения	44
Героическая дружба	46
Дружба как личное отношение	48
Дружба и мужская любовь.	50
Нравственная ценность дружбы	53
Аристотель о дружбе.	54
Дружба в поздней античности.	56
4. От рыцарской дружбы к романтической	60
Христианский канон дружбы.	60
Дружба рыцарей	64
Дружба духовных лиц.	68
Гуманисты. Интимизация дружбы	71
Рост интроспекции и словарь эмоций.	74
Одиночество и потребность в общении	75
Дружба как воплощение человечности.	77
От придворной жизни к коммерческому обществу.	80
Романтическая дружба и ее противоречия.	83
Разочарование в романтизме	90

5. Дружба в постиндустриальном обществе	93
Ускорение и омассовление?	93
Территориальная мобильность	96
Друзья, соседи и сослуживцы	99
Сила слабых связей.	100
Мобильно-информационное общество	102
Общество риска и потребность в «чистых» отношениях	105
Насколько глобальна глобализация?	108
6. Русская дружба	113
Былинные богатыри и поборимы.	113
Романтическая дружба. Пушкин и его круг.	116
Белинский и Бакунин.	119
Герцен и Огарев.	122
Образ юношеской дружбы у Толстого	124
Александр Блок и Андрей Белый	126
Советский канон дружбы.	128
Россияне и иностранцы	137
Сохранится ли «русская дружба»?	141

Часть II. Чувства и отношения

7. Психология дружбы.	148
Аттракция.	148
Психология личных отношений	154
Объективные предпосылки дружбы	156
Кодекс дружбы	158
Сходство или различие?	161
Трасктории развития дружеских отношений	165
Самораскрытие	169
Понимание, симпатия и эмпатия.	172
8. Детские дружбы	178
Параметры и аспекты	178
У истоков детских привязанностей.	180
Социально-возрастные особенности дружбы.	182
Нормативные ожидания и ценности дружбы.	184
Дружба и товарищество	185
Понимание и сопереживание.	187
Психологические функции детской дружбы	192
Квазиотношения	196
9. Юность в поисках друга.	198
Равнение на сверстников и борьба за статус	198
Открытие Я и потребность в дружбе	200
Критерии и ценности юношеской дружбы.	203
С кем дружат старшеклассники?	207

Возраст друзей	208
Друзья и другие значимые лица	210
Социально-средовые факторы	215
Что меняется в юношеской дружбе?	218
Дружба и самоуважение	220
Идентичность и интимность	222
10. Дружба взрослых	226
Возрастная динамика дружеского общения	226
Социально-психологические особенности дружбы взрослых	228
Дружба в системе личных отношений	230
Друзья и психическое благополучие	234
Дружба в старости	236
11. Мужская и женская дружба	239
Существует ли женская дружба?	239
Мужчины в собственной среде	241
Гендерная сегрегация и возраст	243
Маскулинность и фемининность	246
Коммуникативные способности и стиль общения	248
Структура общения и эмоциональная культура	250
Ценности мужской и женской дружбы	254
Смешанная дружба	258
12. Дружба или любовь?	264
Образы любви	264
От образов к типологиям	268
Любовь, дружба и симпатия	271
Друзья и возлюбленные	274
Дружба и однополая любовь	276
13. Скажи мне, кто твой друг...	280
Тип дружбы и тип личности	280
Коммуникативные свойства личности	282
Дружба и застенчивость	286
Одиночество и некоммуникабельность	289
Заключение	295
Список литературы	298

Предисловие к 4-му изданию

Мир — лишь луч от лика друга,
Все иное — тень его.

Шота Руставели

У этой книги была счастливая судьба.

Впервые природа дружбы осознанно (неосознанно эта тема волнует каждого 14–16-летнего подростка) заинтересовала меня еще в студенческо-аспирантские годы. Я учился в Ленинградском пединституте им. А. И. Герцена и — в порядке общественного поручения — работал внештатным инструктором отдела школ Куйбышевского райкома комсомола, территория которого располагалась по обе стороны Невского проспекта. Чтобы преодолеть свойственные комсомольской работе формализм и казенность, мы начали проводить со старшеклассниками диспуты на морально-этические темы, и одной из самых общественноинтересных тем оказалась дружба: когда и как она возникает, чем она отличается от товарищества и любви, может ли существовать дружба между мальчиками и девочками и т. д. Вопросов у ребят было много, а ответов на них не было: популярные брошюры на эти темы были преимущественно назидательными, подменяя реальные проблемы слащавыми, а то и вовсе лживыми, рассказами о дружбе Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина.

Позже, в 1960-х гг., когда я занялся теорией личности и психологией юношеского возраста, мой интерес к феномену дружбы поднялся на более высокую ступень и стал профессиональным, причем сразу же стало ясно, что изучать это явление нужно с разных сторон. Психологические проблемы, такие как связь представлений о дружбе с развитием самосознания и образа Я, нельзя понять без учета того, как институт дружбы и ассоциирующиеся с нею ценности изменялись в ходе исторического развития культуры и общества.

Чтобы разобраться в психологии юношеской дружбы, в 1970 г., вместе с моим ныне покойным аспирантом Владимиром Лосенковым и группой студентов психологического факультета Ленинградского университета (Л. Я. Гозманом, В. П. Гордеевой, С. Н. Богдановой, О. Б. Годлиник и М. А. Раевым), мы провели довольно крупное эмпирическое исследование представлений о дружбе и о реальных

дружеских отношениях подростков-школьников с 5-го по 10-й класс, а также группы студентов. Автономный блок исследований был проведен в Москве А. В. Мудриком. Результаты этого исследования были опубликованы в нескольких научных статьях (Кон и Лосенков, 1974; Кон, 1973; Kon and Losenkov, 1978), брошюрах (Кон, 1973) и сборниках («Проблемы общения и воспитания», 1974). Параллельно я занимался изучением истории и антропологии дружеских отношений (Кон, 1973-а, 1974, 1987) и социально-психологической теорией общения (Кон, 1981). На этой основе была написана книга «Дружба», первая публикация которой состоялась в Венгрии (Кон, 1977), а затем под названием «Дружба: история и социальная психология дружбы как социального института и личного отношения» — в ФРГ (Кон, 1979).

Эти публикации не остались незамеченными. Американский социолог Алан Силвер называет мою немецкую книгу «вдумчивым историческим очерком и социально-психологическим анализом современной дружбы» (Silver, 1990, p. 1485). О ней положительно отзываются и цитируют в книгах по социологии дружбы (Noetzoldt-Linden, 1994). Голландский психолог Франс ван дер Линден использовал нашу концептуализацию мотивов юношеской дружбы и сравнил наши данные со своими (Linden, 1991).

Издавать книгу в СССР я не спешил. Разговор о личных ценностях плохо вписывался в тогдашнюю официальную идеологию. К тому же многие люди не верили, что дружба может быть не только темой назидательных бесед для подростков, одобренных хрестоматийными историческими примерами, но и предметом серьезного научного исследования.

После моего доклада на первом Всесоюзном симпозиуме по проблемам общения (Кон, 1970), в котором я впервые изложил общие контуры своего проекта, кто-то прислал мне записку: «Я всегда с интересом читал Ваши работы. Жаль, что Вы так рано отходите от настоящей науки». По сравнению с философией истории, историей социологии и социологией личности, которыми я занимался раньше, новая тема казалось мелкой и незначительной (позже я много раз слышал то же самое о своих работах, посвященных сексуальности).

Несколько лет спустя такое же скептическое отношение к проблеме я наблюдал в иной ситуации. Студентам физического факультета Ленинградского университета сказали, что они могут прослушать факультативный курс по психологии общения. «О!» — обрадовались

физики. «Речь пойдет о психологии дружбы», — уточнил преподаватель. «А...» — разочарованно протянули студенты.

Тем не менее, когда в 1980 г. философская редакция Политиздата, которой, как и издательством, руководили умные и порядочные люди (я печатал там большую часть своих работ), начала издавать массовую серию художественно-публицистических и научно-популярных изданий «Личность, мораль, воспитание», одной из первых в ней стала моя книга «Дружба. Этико-психологический очерк» (Кон, 1980).

По проблематике и характеру она была тесно связана с моими работами по истории и психологии человеческого Я, особенно с вышедшей позднее книгой «В поисках себя» (Кон, 1984). В сущности, обе эти книги освещают одни и те же социально-психологические и нравственные проблемы человеческого бытия, только в одном случае отправной точкой является индивидуальное Я, а в другом — личные взаимоотношения.

Хотя часть эмпирических данных и научного аппарата, присутствовавшего в немецком издании, в русскую книгу не вошли, ее хорошо встретили как массовый, так и профессиональный читатель. Особенно теплым был отзыв покойного заведующего кафедрой этики МГУ профессора А. И. Титаренко: «“Этико-моралеведческая” методология исследования в данной книге — это, на наш взгляд, целое творческое событие, которое еще предстоит осмысливать и осмысливать в этике» (Титаренко, 1982, с. 91). Книга сразу же стала бестселлером, дважды переиздавалась (в 1987 и 1989 гг.) и, несмотря на огромные тиражи (100 тыс. + 200 тыс. + 200 тыс. экземпляров), купить ее было очень трудно. Она вошла в списки рекомендуемой литературы для студентов по курсу социальной психологии и по некоторым историческим дисциплинам и была переведена на несколько иностранных языков (болгарский, латышский, словацкий, испанский, молдавский, китайский, итальянский, литовский и др.).

Самым приятным для меня было то, что ее запоем читали не только взрослые, но и многие подростки, хотя она вовсе не была на них рассчитана. Я до сих встречаю людей, которые рассказывают, что когда-то, в студенческие годы, они читали эту книгу и она им в чем-то помогла.

Конечно, наука не стоит на месте. При подготовке 2-го русского издания (1987) мне пришлось переписать всю психологическую часть книги, потому что в начале 1980-х гг. в мировой социальной психологии сменилась научная парадигма: если раньше дружбу рассматривали преимущественно как форму аттракции, эмоционально-

то притяжения, то теперь ее стали изучать и осмысливать в более широком социальном и временном контексте, как разновидность личных отношений.

Нынешнее, 4-е, издание книги в значительной степени написано заново. Хотя таких радикальных теоретических сдвигов, как в 1980-х гг., в психологии и социологии дружбы в последние 20 лет не произошло, появилось много новых научных фактов. Повышение теоретического интереса к проблеме общения в философии и культурологии (Каган, 1988) повлекло за собой уточнение представлений о природе «инаковости», сущности социальных процессов индивидуализации, формах психологической интимности, соотношении «функциональных» (деловых) и «чистых» (самоценных) отношений и т. д. Гендерные исследования заставляют по-новому взглянуть на социально-психологические особенности мужской и женской дружбы. Сексуальная революция вызвала к жизни новый любовно-эротический дискурс и обогатила наши представления о соотношении любви и дружбы. Выход из подполья геев и лесбиянок делает необходимым серьезное обсуждение соотношения дружбы и однополрой любви (в советское время это было невозможно) и т. д. Тем не менее, хотя «дружба занимает первостепенное место в жизни многих людей, ее значение для общества мало исследовано большой социологической наукой» (Лоусон, Гэррод, 2000, с. 110).

Но основная метаморфоза, требующая осмысления, — изменение самого российского общества. Как повлиял на положение дружбы в системе личных ценностей и на характер реальных межличностных взаимоотношений переход к рыночной экономике и распад многих привычных социальных связей? Стали ли люди действительно черствее и эгоистичнее, чем в советское время, или это нам только кажется? Чем отличаются дружеские отношения и ценности современных подростков от того, что мы зафиксировали 30 лет назад? Да и только ли в рыночных отношениях дело?

Поскольку многие из этих сюжетов недостаточно изучены или вообще не исследованы, мне нередко приходится оперировать не столько строгими научными фактами, сколько догадками и предположениями. Но ведь познание всегда начинается с вопросов.

Структура книги проста. Первая часть ее является историко-социологической, в ней прослеживается, как менялись образцы и образы дружбы в истории человечества, с древнейших времен до наших дней. Завершается эта часть разделом о русской дружбе. Вторая часть книги посвящена психологическим сюжетам. Чем отличается дружба

от других личных отношений? Каковы закономерности ее зарождения, развития и умирания? Как варьируют дружеские чувства и отношения в зависимости от возраста, пола/гендера и социально-демографических особенностей личности? Чем мужская дружба отличается от женской? Каково соотношение дружбы и любви на разных стадиях жизненного пути и от чего зависят индивидуальные особенности дружеских привязанностей? Хотя обе части книги автономны, между ними есть органическая связь. Без серьезной социальной истории психология дружбы выглядит довольно жалко.

Книга основана на изучении огромной философской, исторической, социологической, антропологической, филологической, психологической и художественной литературы, список которой дается в конце книги. Я сохранил и ссылки на исследования прошлых лет. Во-первых, многие из них отнюдь не устарели. Во-вторых, мне хотелось развеять существующее у многих молодых людей ложное представление, что до 1990-х гг. в нашей стране ничего серьезного не делалось и не издавалось.

Как и предыдущие три издания, эта книга является научно-популярной, она рассчитана не только — и не столько — на специалиста, сколько на массового читателя: родителей, учителей, социальных работников, студентов, вообще интеллигентов.

Мне также хотелось бы, чтобы ее читали молодые юноши и девушки. Всерьез рассчитывать на это нельзя. Современная молодежь мало читает, выбор источников информации у нее очень велик, а чтение этой книги требует некоторых интеллектуальных усилий. Но насколько я могу судить по своему личному общению с 15–18-летними, слухи о полном «отмирании» у них интеллектуальных интересов сильно преувеличены, а многие вопросы, которые были актуальными 50 и даже 150 лет назад, не утратили значимости и сегодня. В общем, поживем — увидим.

В книге частично использован материал проекта «Особенности развития и социализации мальчиков: социально-педагогический анализ» (грант РГНФ № 01–06–00012а).

И. Кон

Москва, апрель 2004

Часть I

Образцы и образы

1. Истину назови мне

Истинная дружба — одна из тех вещей, о которых, как о гигантских морских змеях, неизвестно, являются ли они вымышленными или где-то существуют.

Артур Шопенгауэр

Вряд ли найдется человек, который не задумывался бы о сущности дружбы. Впервые это случается обычно в ранней юности, когда от школьных диспутов о дружбе, товариществе и любви ждут не только абсолютной ясности, но и практического решения жизненных проблем. Умудренные опытом взрослые улыбаются такой наивности. Однако их также волнуют проблемы психологии общения, социальные и психологические причины некоммуникабельности, способы укрепления соседских и дружеских связей.

Трудно назвать классика философии, который не писал бы о дружбе: Платон и Аристотель, Феофраст и Эпикур, Цицерон и Сенека, Августин и Дунс Скотт, М. Монтень и Ф. Бэкон, К. Томазий и Х. Вольф, А. Шефтсбери и Д. Юм, П. Гольбах и К. Гельвеций, И. Кант и Г. В. Гегель, С. Кьеркегор и Л. Фейербах, А. Шопенгауэр и Ф. Ницше, В. Г. Белинский и Н. Г. Чернышевский.

И сразу же мы сталкиваемся с парадоксом.

Идеал, опрокинутый в прошлое

С одной стороны, все народы во все времена почитают дружбу величайшей социальной и нравственной ценностью. «Если найдешь разумного друга, готового идти вместе, праведно живущего, мудрого, преодолевающего все невзгоды, — иди с ним, радостный и вдумчивый. Если не найдешь разумного друга, готового идти вместе, праведно живущего, мудрого, — иди один, как царь, отказавшийся от завоеванного царства, или как слон в слоновом лесу», — учит Дхаммапада, собрание религиозно-этических изречений раннего буддизма, III–I вв. до н. э. (Дхаммапада, 1960, с. 115).

С другой стороны, люди неизменно считают «подлинную дружбу» редкостью, а расцвет ее, как правило, относят к прошлому. Перелистаем страницы истории — от настоящего к прошлому.

Сейчас многие, и старые и молодые, убеждены в том, что в советские времена дружба между людьми было гораздо больше, чем теперь. Все называли друг друга товарищами, жили в коммунальных квартирах и руководствовались формулой «Человек человеку друг, товарищ и брат». В мире рыночной экономики этого нет.

Однако советская молодежь 1960–1980-х гг. часто сетовала на поверхностность и экстенсивность своих взаимоотношений, завидуя глубокой и верной дружбе времен Великой Отечественной войны. Представители старшего поколения разделяли эту озабоченность. Известный писатель Юрий Нагибин писал: «Меня недавно познакомили с результатами социологического исследования, там обсуждались мои рассказы о детстве и юности, по принципу “книги читают нас”. Так вот, старшеклассники завидуют нашей более чем полувековой дружбе и прямо признаются, сетуют, что у многих из них нет настоящей потребности друг в друге, поэтому бестрепетно одних спутников меняют на других. А после школы — институт, там будет своя компания, на службе — своя. То неглубокое общение, которое связывает тебя с сегодняшними приятелями, легко завяжется с любыми другими — зачем за кого-то держаться? Такие молодые, а уже одиночки...» (Нагибин, 1986).

Но если молодые люди завидуют дружбе своих дедов, значит, потребность в такой дружбе у них есть. А жалобы на оскудение дружеских отношений раздавались задолго до современности, когда не было еще ни телефона, ни телевизора, ни частых переездов с места на место.

Западногерманский социолог Фридрих Тенбрук относил расцвет «высокоиндивидуализированной дружбы» к периоду между 1750 и 1850 гг. Ныне, по мнению Тенбрука, дружеские отношения «теряют свою силу и распространенность. В сегодняшнем мире дружба играет сравнительно небольшую роль и уж, во всяком случае, персонализированные дружеские отношения составляют исключение» (Tenbruck, 1964. S. 454).

Но романтики начала XIX в. тоже считали глубокую дружбу большой редкостью. По словам немецкого поэта Людвиг Тика, все люди любят или, по крайней мере, думают, что любят, «но лишь очень немногим дано быть друзьями в подлинном смысле слова» (цит. по: Kluckhohn, 1931. S. 555). Какой же смысл дружбы считать «подлинным»?

Склонность проецировать царство дружбы в прошлое наблюдалась и раньше. В середине XVIII в. французский философ Клод Ад-

риан Гельвеций писал в своей книге «Об уме», что «во времена рыцарства, когда выбирали себе товарища по оружию, когда два рыцаря делили славу и опасность, когда трусость одного могла стоить жизни и потери чести другому», дружба, несомненно, была более избирательной и прочной. Напротив, при «настоящей форме правления» (имелся в виду французский абсолютизм) «частные лица не связаны никаким общим интересом... И нет больше дружбы; со словом “друг” уже не связывают тех представлений, которые связывали раньше...» (Гельвеций, 1973, с. 397–398).

В XVII в. о расчетливости и своекорыстии дружбы писал английский философ Фрэнсис Бэкон. В XVI в. французский философ Мишель де Монтень утверждал, что для возникновения настоящей дружбы «требуется совпадение стольких обстоятельств, что и то много, если судьба ниспосылает ее один раз в три столетия» (Монтень, 1954, т. 1, с. 237).

Гуманисты эпохи Возрождения вдохновлялись античными образцами дружбы. Античные же авторы, в свою очередь, ссылались на более древних героев. Древнегреческий поэт Феогнид (VI в. до н. э.), воспевая достоинства дружбы, считал ее весьма несвойственной своим согражданам:

...Милых товарищей много найдешь за питьем и едою.
Важное дело начнешь — где они? Нет никого!..

Античная лирика. 1968, с. 143

Уже древнеегипетский автор «Спора разочарованного со своей душой» (XXIII–XXII вв. до н. э.) оплакивает оскудение человеческого общения:

Кому мне открыться сегодня?
Братья бесчестны,
Друзья охладели...
Нет закадычных друзей,
С незнакомцами душу отводят!

Лирика Древнего Египта, 1965, с. 79–81

Спрашивается, когда же было время «настоящей дружбы» и было ли оно вообще? Или нужно принять всерьез приведенное в качестве эпиграфа к этой главе ироническое замечание из «Афоризмов житейской мудрости» немецкого философа Артура Шопенгауэра¹ (Schopenhauer ohne Jahr. S. 537)?

¹ Перевод автора.

Немного этимологии

Грудности начинаются уже с определения понятия «дружба». Современные толковые словари, философские справочники и учебники этики определяют дружбу как отношения между людьми, основанные на взаимном доверии, привязанности, общности интересов и т. д. (Ожегов, 1972, с. 166; Философский энциклопедический словарь, 1983, с. 177). Но чем дружеские отношения отличаются от других личных отношений, например, товарищества или приятельства? Можно ли считать слово «дружба» простым синонимом «дружеских отношений»?

Чтобы очертить реальную проблему, лучше всего начать с изучения этимологических словарей. История языка наглядно показывает, как формировались, изменялись и дифференцировались соответствующие значения.

В большинстве языков значения слов «друг» и «дружба» тесно связаны с понятиями родства, товарищества (особенно воинского) и любви.

Единое этимологически праславянское слово *drugъ* значит «приятель, товарищ» и «иной, другой, второй, следующий» (Срезневский, 1958, т. 1, с. 727).

Древнеславянское *дружьба* означало близость, товарищество, общество. Обращение «друзья и братья», имеющее сегодня метафорический смысл, некогда звучало буквально. Литовское *draugas* значит не только «друг», но и «родственник». Русский глагол *дружить* этимологически близок к сербохорватскому *дружити се* — «присоединяться», словенскому *druziti* — «соединять» и т. д. Новгородская судная грамота 1471 г. повелевает «дать в позовниково место грамота безсудная племеннику его или другу» (Срезневский, 1958, т. 1, с. 727).

Обращает на себя внимание близость корней «семейных» и «воинских» понятий. Слово «дружина», в русском языке означающее воинский отряд, в словенском и болгарском языках означает семью, домочадцев. Лингвисты предполагают, что в основе всего этого гнезда слов находился глагол со значением «следовать»; это согласуется с реально засвидетельствованными значениями «спутник», «следующий», «идти походом», «отряд», «свита» и другими во многих германских, балтийских и славянских языках (Трубачев, 1978, с. 131–132, 135–137; Фасмер, 1964, т. 1, с. 543).

Французское *amitié* и итальянское *amicizia* восходят к латинскому *amicus* (друг), которое, как и слово *amor* (любовь), происходит от глагола *amare* (любить) (Ernout, Meillet, 1959, p. 29).

Немецкое существительное *Freund* (друг) — с его готским прообразом *frijonds* этимологически восходит к глаголам *freien* (свататься)

и *freuen* (радоваться) (Grimm und Grimm, 1878, S. 161–1642). Староанглийское *frēond*, старонорвежское *fraend*, старосаксонское *friend*, староверхненемецкое *frunt* — «кровный родственник» — восходят к староанглийским глаголам *frēogan*, *frēon* (любить). Готское *frijōnds* — причастие от глагола *fryōn* (любить). Тот же смысл имеет староисландское *fria*. В основе всех этих слов лежит германский корень *frī* — «оберегать, заботиться». Готские и древнегерманские корни, в свою очередь, связаны со старонидийским *priyāh* — «собственный», «дорогой», «любимый», индоевропейским *prijā* и авестийским *frya* — «дорогой», «любимый». Отсюда же происходит украинское слово «приятн» («помочь») и русское «приятель» — друг, спутник, провожатый (Срезневский, 1989, т. 2, ч. 2, с. 1501–1502).

«Любовно-семейные» корни тесно переплетены с корнями, обозначающими «свободу»: староанглийское *frēo* значит «свободный», средневерхненемецкое *vrien* означает одновременно «любить» и «освобождать» (Feist, 1939, S. 168; Klein, 1966, p. 622). Это не случайные созвучия: определения «любимый», «свободный» были применимы только к свободным членам клана.

От определений к проблемам

За общностью этимологических корней прослеживается первоначальная нераздельность общественных и личных отношений и сопутствующих им эмоций. Сегодня мы эти нюансы смысла различаем и придаем им важное значение. Поэтому любое содержательное определение дружбы осуществляется через серию различений и оппозиций.

1. В отличие от функциональных, деловых отношений, где один человек использует другого как средство для достижения собственных целей, дружба — отношение *самоценное*, которое само по себе является благом. Друзья помогают друг другу *бескорыстно*: «не в службу, а в дружбу».
2. В отличие от объективно-данной кровнородственной, семейной близости и от товарищества, члены которого связаны принадлежностью к одному и тому же коллективу и узами групповой солидарности, дружба *индивидуально-избирательна*, свободна и основана на взаимной симпатии, приязни.
3. В отличие от поверхностного приятельства дружба — отношение глубокое и *интимное*, предполагающее не только верность и взаимопомощь, но и внутреннюю близость, откровенность, доверие, любовь. Недаром мы называем друга своим *alter ego* («другим Я»).

4. Наконец, по характеру своей мотивации дружба отличается от любовно-эротических, сексуальных чувств и отношений как разнородных, так и однополых.

Однако все эти тонкие различия и оппозиции возникли не сразу, они являются продуктом истории.

При научном изучении дружбы необходимо иметь в виду, что фактически мы имеем дело с разными объектами.

- Во-первых, дружба это **социальный институт**, принятая и оформленная обществом структура, специфический элемент социума, выполняющий в нем определенные функции. Ее изучением занимаются общественные науки, прежде всего — социология, история и антропология (этнография).
- Во-вторых, это складывающиеся в повседневной жизни реальные **личные отношения**, изучением которых занимается в первую очередь социальная психология.
- В-третьих, это связанные с дружескими отношениями **чувства и переживания**, в изучении которых ключевая роль принадлежит психологии эмоций и психологии личности.

Очень важно также иметь в виду, что, анализируя любые тексты, рассказы или описания дружбы, мы имеем дело не с «объективными фактами», которые всюду и всегда будут одинаковыми, а с определенными формами **дискурса**. Этот многозначный термин чаще всего обозначает различные практики языкового поведения, т. е. готовые тексты и идеи в головах людей, то, что подразумевается и выговаривается, — аргументы, понятия, утверждения, равно как и формы их обсуждения.

Неопределенность этого модного слова часто вызывает раздражение. «Хорошее, благородное слово, означающее по-французски “речь” — и всегда оно будет это означать, просто придется ему лет через двадцать-тридцать, а может быть и раньше сходить в душ и смыть все, чем его заляпали — не столько лингвисты даже, сколько псевдофилософы и так называемые культурологи» (Новиков, 2001, с. 105). Но обойтись без него, увы, нельзя.

Язык дружбы, как и язык любви, культурно-специфичен. Слова, в которых люди описывают свои чувства и отношения, всегда связаны с теми или иными социокультурными ценностями. То, что ретроспективно выглядит эволюцией или сменой господствующих **типов** любви или дружбы, иногда при ближайшем рассмотрении оказывается лишь сменой акцентов любовного или дружеского дискурса.

2. Дружба в сравнительно-исторической перспективе

Дружба на время -- рабство навечно.

Шумерская пословица

Этикет надо соблюдать даже в дружбе.

Японская пословица

Поскольку жалобы на оскудение дружбы апеллируют прежде всего к истории — «раньше было хорошо, а теперь стало плохо», — мы тоже начнем с истории. Из каких звеньев складывается сеть личных отношений у народов мира, стоящих на разных стадиях социально-экономического развития? По каким признакам, ожиданиям и ценностям разные народы отличают дружбу от прочих отношений? Каковы специфические функции и эмоциональные свойства их дружбы — круг участников, степень исключительности, близости, устойчивости?

Дружба животных

Если видеть в дружбе только непосредственную, нерerefлексированную эмоциональную привязанность отдельных индивидов друг к другу, человечество отнюдь не обладает в этом вопросе монополией. Этология, изучающая поведение животных в естественных условиях, располагает огромным материалом об индивидуальных эмоциональных привязанностях и союзах между животными, иногда даже разных видов (Тих, 1970; Лавик-Гудолл, ван, 1974; Harlow, 1971; Reynolds, 1974; Rosenblum, Coe, Bromley, 1975; Simonds, 1977; Wrangham and Peterson, 1996).

Что и как переживают животные, мы, конечно, не знаем. Однако сила их привязанностей проявляется в степени интенсивности и характере их взаимодействия:

- физический, телесный контакт, прикосновения друг к другу;
- совместные перемещения;
- координация еды, питья и прочих действий;
- добровольный дележ дефицитных средств существования;
- жесты доверия и расслабления;
- координированный стиль общения;
- продолжительный зрительный контакт;

- отсутствие актов агрессии или избегания;
- наличие особых «игровых» ритуалов общения.

Такое кооперативное поведение животных, несводимое ни к сексуальным, ни к родительским отношениям, ученые называют дружбой и выделяют несколько ее типов.

1. Тесная парная дружба детенышей и подростков, складывающаяся в процессе их совместного развития и игровой активности, отличается высокой эмоциональной интенсивностью: животные постоянно находятся вместе, тоскуют друг без друга. Большей частью эта дружба однополая, но встречаются и смешанные пары. Иногда такие отношения сохраняются на всю жизнь.
2. Групповая дружба молодых самцов, существующая, например, у павианов и шимпанзе, менее индивидуальна и избирательна, нежели парная, но она выполняет важные функции поддержания социальной иерархии в стаде, взаимопомощи против агрессии со стороны других самцов и т. д. У некоторых видов этот тип отношений связывает и самок.
3. Устойчивая парная дружба однополых взрослых особей встречается у многих животных. Одни исследователи (Н. А. Тих, В. Рейнолдс) считают ее более характерной для самок, а другие (Д. Лавик-Гудолл) — для самцов. Формы таких отношений весьма разнообразны. Чаще всего они бывают иерархическими, когда более сильное, старшее и обладающее более высоким групповым статусом животное покровительствует более слабому и младшему. Но существует и дружба между животными равного статуса. Иногда дружба включает и сексуальную близость, но это не обязательно и чаще имеет эпизодический характер. Дружба между разнополыми животными без сексуальных отношений встречается значительно реже.
4. Индивидуальная взаимная привязанность, напоминающая родительские отношения (квазиродительство), между старшим и младшим членами стада (семьи) наблюдается как у самок, так и у самцов, которые в этом случае проявляют обычно несвойственную им нежность, прямо-таки материнскую заботливость о своих любимцах.
5. Выраженные дружеские чувства и отношения нередко складываются между домашними животными, иногда даже разных видов (например, кошка с собакой), и между животными, растущими в условиях изоляции от себе подобных. Пространственная бли-

зость и общение, поначалу вынужденные, способствуют выработке взаимной привязанности и чувства принадлежности к некоей общности. В какой-то степени это результат человеческого воздействия. Однако эти привязанности являются сугубо индивидуальными и не меняют нормальных форм видового поведения (собака, которая очень дружна со «своим» котом, на чужого кота будет бросаться и лаять).

Теоретическая интерпретация дружеских взаимоотношений в мире животных неоднозначна и спорна. Ученые склонны считать разные виды дружбы между животными:

- а) проявлением врожденной и всеобщей потребности в эмоциональном контакте;
- б) или средством обуздания агрессивных побуждений, что необходимо для поддержания групповой солидарности;
- в) или следствием переноса первоначальной привязанности детеныша к матери на других членов стада;
- г) или продуктом адаптации к условиям групповой жизни (наличие друзей облегчает завоевание и поддержание статуса в стаде).

Социология дружбы. Фердинанд Тённис и Георг Зиммель

В отличие от спонтанных эмоциональных привязанностей животных человеческая дружба представляет собой **социокультурный** феномен. Ее история неразрывно связана с такими фундаментальными макросоциальными процессами, как дифференциация социальной структуры и индивидуализация (персонализация) человека. По образному выражению К. Маркса, человек «не только животное, которому свойственно общение, но животное, которое только в обществе и может обособляться» (Маркс, Энгельс, соч., 1955, т. 46, ч. I, с. 18).

Диалектика общения и обособления сложна и многомерна. Социологи конца XIX—начала XX в. пытались вывести свойства человеческого общения, включая дружбу, непосредственно из процессов социальной дифференциации. Первыми поставили эту проблему два классика немецкой социологии Фердинанд Тённис и Георг Зиммель (подробнее о них см. в книге «История буржуазной социологии XIX — начала XX века», 1979, главы 8 и 9).

Ф. Тённис (1855–1936), которого часто называют первым социологом дружбы, теоретически разграничил и противопоставил два типа социальных структур: «общину» (*Gemeinschaft*), основанную на непосредственной эмоциональной близости людей, и «общество» (*Gesellschaft*), основанное на холодном рациональном расчете и разделении труда. Классическим примером «общественных» отношений Тённис считал капиталистический товарообмен, пренебрегающий всеми индивидуальными различиями, а воплощением «общинности» — родство, соседство и дружбу. Поскольку родство и соседство часто обозначают «внешнюю», принудительно заданную близость, Тённис полагал, что своего высшего воплощения принцип «общинности» достигает именно в дружбе.

По мнению Тённиса, «община» и «общество» присутствуют на всех этапах исторического развития, но в разной пропорции. На ранних стадиях развития, пока люди живут сравнительно небольшими группами и в патриархальных условиях, преобладает «общинность». По мере того как социальные связи становятся все более универсальными, значение «общинных» отношений, в том числе и дружбы, снижается. Они становятся всего лишь островками «человеческого» в мире безличной расчетливости.

В отличие от Тённиса, который выводит историю межличностных отношений из дифференциации общественной деятельности и социальной структуры, Георг Зиммель (1858–1918) определяя исторические судьбы дружбы, выдвигает на первый план дифференциацию самих личностей. Человеческая индивидуальность, по Зиммелю, создается прежде всего наличием некоей тайны, составляющей исключительное достояние личности. На ранних стадиях социального развития индивид имел очень мало своего и поэтому не испытывал потребности в самораскрытии. Потребность в интимной дружбе возникает лишь в античности. Но «по мере растущей дифференциации людей такое полное самораскрытие должно было становиться все труднее. Современный человек, возможно, должен слишком многое скрывать, и это не позволяет ему поддерживать дружбу в античном смысле» (Simmel, 1923. S. 269). Индивид с более сложным внутренним миром не может полностью раскрыться кому-либо одному. Поэтому его дружбы разделяются на ряд отношений, в каждом из которых раскрывается какая-то отдельная сторона его Я. С одним человеком его связывает симпатия, с другим — общие интеллектуальные интересы, с третьим — религиозные чувства, с четвертым — общий жизненный опыт.

Теории Тённиса и Зиммеля сходны в том, что связывают эволюцию дружбы с процессами социальной дифференциации. Однако, по Тённису, в городской, индустриальной среде («общество») дружеские отношения оскудевают, оттесняясь на периферию социального бытия, тогда как, по Зиммелю, психологическая «закрытость» — результат собственного усложнения личности. Обе точки зрения интересны и плодотворны, но установить однозначную зависимость между дифференциацией социальной структуры и характером межличностных отношений едва ли возможно. Теорию Тённиса легко истолковать в духе идеализации патриархального прошлого, когда жизнь была более «человечной». По Зиммелю, напротив, именно рыночные отношения освобождают человеческие отношения от вещной оболочки, способствуя их индивидуализации и интимизации.

Кооперация, конкуренция и зависть

Идеализация исторического прошлого, и особенно докапиталистических отношений, в какой-то степени имманентна теории дружбы. Община, все члены которой знают друг друга с лица и где все социальные отношения имеют личностную форму, выглядит более человеческой и «теплой» средой обитания, чем гигантский мегаполис. Но теснота отношений совсем не обязательно предполагает тепло и благожелательность.

Выдающийся американский социолог Льюис Козер образно называл общину (*Gemeinschaft*) «жадным институтом» (Coser, 1974), а его жена, тоже известный социолог, Роза Козер, подробно раскрыла, в чем именно заключается эта «жадность». В отличие от большого и равнодушного «общества» *Gemeinschaft* «требует полной вовлеченности индивида, стабильности социальных отношений и отсутствия дифференциации как личности, так и выполняемой ею работы» (Coser, 1991, р. 138). Это делает ее враждебной всякой соревновательности и порождает сильную *зависть* к чужому успеху.

Полюбить «дальнего», о котором мы ничего не знаем, гораздо легче, чем «ближнего». Есть старый восточный анекдот: однажды Аллах увидел праведника, решил вознаградить его и сказал: «В награду за твое благочестие я выполню любое твое желание, но с одним условием — твой сосед получит вдвое больше того же самого». Праведник долго думал, а потом сказал: «О, Аллах, вынь у меня один глаз!» Доказать свое превосходство над соседом можно двумя путями. Первый, положительный путь, — конкуренция: «Я лучше моего ближне-

го, и докажу это тем, что буду лучше работать и опережу его!» Второй, негативный путь, основан на зависти: «Я лучше моего ближнего, и я не позволю ему жить лучше, чем я!» Соотношение этих стратегий связано не только с индивидуальными чертами, но и с социально-историческими условиями.

В доиндустриальных, крестьянских обществах (*Gemeinschaft*) индивиды очень терпимы к межгрупповым неравенствам, основанным на различиях в происхождении или статусе, потому что эти различия считаются естественными, неизменными и бесспорными. Уровень индивидуальных притязаний в традиционном обществе тесно связан с социальным происхождением и статусом лица. Поскольку разные сословия принадлежат к разным социальным и культурным мирам, крестьяне обычно не сравнивают себя с дворянами и не пытаются сравниться с ними. Зато они чрезвычайно чувствительны, нетерпимы и завистливы к любым успехам и достижениям лиц собственного круга (внутригрупповое соперничество и общинная зависть).

Этот факт имеет несколько взаимодополняющих объяснений.

Во-первых, в доиндустриальных обществах и вообще в культуре бедности люди склонны считать, что выигрыш одного человека неизбежно означает проигрыш другого: поскольку количество желаемых благ и вещей ограничено, один может выиграть только за счет другого, путем перераспределения, и это считается социально и морально предосудительным и несправедливым (Foster, 1965; Dow, 1981; Dundee, 1984).

Во-вторых, люди боятся социального расслоения. Потребность в достижении (Need for Achievement — «достижительность») воспринимается как угроза социальной стабильности и равновесию, подрывающая существующие отношения власти, престижа и авторитета. Из-за относительно слабой дифференцированности общественных и личных отношений изменение имущественного или социального статуса хотя бы одного человека подрывает не только структуру власти, но и всю сеть межличностных отношений общины как целого. Люди не хотят этих изменений, отсюда — сильная зависть, которую они выдают и сами принимают за социальную справедливость.

Рыночная экономика и городской образ жизни, для которых характерны высокая мобильность и анонимность, постепенно изменяют эти условия. По мере того как социальная стратификация перестает восприниматься как естественная и постоянная, уровень личных притязаний каждого человека больше не ограничивается, по крайней мере, его социальным происхождением. Каждый может сравнивать себя и со-

ревноваться с каждым, это порождает острые межгрупповые и классовые конфликты и статусную зависть. Но эти конфликты и чувства не обязательно персонализированы: я соперничаю не с конкретным богачом или чиновником, а с богатством и властью как таковыми.

Кроме того, люди, живущие в системе рыночной экономики, знают или догадываются, что социальный и финансовый успех может быть достигнут не только с помощью грабежа и передела собственности, но и в результате честной конкуренции, индивидуальной инициативы и предприимчивости, которые в этом обществе считаются положительными качествами. Внутригрупповое соперничество и зависть от этого не исчезают, но становятся менее видимыми и менее эффективными в качестве средств социального контроля на макро-социальном уровне. Это сказывается и на характере дружеских отношений и ассоциируемых с ними ценностей.

Антропология мужской солидарности

Этнографические описания дружеских отношений у разных народов мира показывают, что как язык дружбы, так и сами формы дружеских отношений чрезвычайно многообразны, но чем архаичнее общественный строй, тем строже регламентируются отношения между людьми и связанные с этими отношениями права и обязанности (Coelcho, 1959; Tegnaeus, 1952; Eisenstadt, 1956; Cohen, 1961; Ramsoy, 1968; Leyton, 1974; Brain, 1976).

Одна из характернейших черт архаического общества — гендерная сегрегация, структурное и символическое обособление мужчин и женщин и разделение их социальных функций. Чем глубже мы уходим в прошлое, тем более жесткими и непроницаемыми выглядят границы между мужским и женским мирами. При этом у мужчин тенденция к обособлению от женщин и созданию закрытых мужских сообществ и союзов выражена гораздо сильнее, чем у женщин, а сами мужские организации и группировки качественно отличаются от женских.

Ученые по-разному объясняют этот феномен. Автор знаменитого бестселлера «Мужчины в группах» американский антрополог Лайонел Тайгер (Tiger, 1969), обобщивший множество разнородных данных о мужских союзах и сообществах, начиная с животных и кончая современными тайными обществами, считает феномен мужской солидарности и группирования по гендерному признаку исторически всеобщим и имеющим биолого-эволюционные предпосылки.

Поскольку все мужчины когда-то были охотниками и воинами, выживание и жизненный успех отдельного мужчины и его группы зависят от общей способности мужчин координировать свои усилия в борьбе с общим врагом. Групповая солидарность и эмоциональная привязанность мужчин друг к другу и к группе как целому облегчают поддержание жесткой групповой дисциплины и позволяют уменьшить внутригрупповую конкуренцию и порожаемое ею социальное напряжение.

Тайгера и близких к нему авторов часто критикуют за сведение социального к биологическому, указывая, в частности, что не все древние общества промышляли охотой и что существуют другие способы проявления маскулинности (Gilmore, 1990; Connell, 1995). Но как бы ни объясняли гендерную сегрегацию и связанную с ней групповую солидарность мужчин, это явление действительно является исторически всеобщим. Сходные по типу группировки самцов существуют и у некоторых животных, включая приматов (Wrangham and Peterson, 1996).

Мужская групповая солидарность (*male bonding*) была необходима мужчинам не только для борьбы с внешними врагами, но и для поддержания своего господствующего статуса и власти над женщинами (патриархат). По всей вероятности, в древности женщины также имели свои закрытые тайные союзы и мистерии, но поскольку историю писали мужчины, они не придавали женским сообществам большого значения и часто описывали их карикатурно-иронически (например, истории амазонок). Напротив, мужским союзам и тайным обществам посвящено огромное количество специальной литературы.

Немецкий этнограф Генрих Шурц в книге «Возрастные классы и мужские союзы» (1902), опираясь на обширный эмпирический материал из жизни нескольких африканских, одного индийского и четырех североамериканских народов, пришел к выводу, что в отличие от женщин, жизнь которых целиком подчинена необходимости рожать и воспитывать детей, причем эта потребность удовлетворяется в семье, мужчины, движимые сексуальным и социальным импульсом, создают все общественные и политические институты. Главная предпосылка общественной жизни — «инстинктивная симпатия» между мужчинами, из которой вырастают все социальные связи, патриотизм и воинские доблести.

Идеи Шурца получили дальнейшее развитие в книгах Ганса Блюера «Немецкое молодежное движение как эротический феномен»

(Bluer, 1912) и «Роль эротизма в мужском обществе» (Bluer, 1917). Агрессивные арийские мужчины постоянно восвали, покоряли другие народы и основывали империи. Проводя большую часть жизни в походах, они часто наряду с женами, рожавшими им детей, имели любовников-мужчин, и эти связи укрепляли их воинское братство. В основе современных молодежных союзов и движений, по Блюеру, также лежит мужская гомоэротическая дружба в сочетании со строгой гендерной сегрегацией и беспрекословным повиновением вождю. Принцип элитарных и иерархически организованных мужских союзов Блюер открыто противопоставлял идее женского равноправия и политической демократии.

Хотя сегодня идеи Шурца и Блюера кажутся безнадежно устаревшими, универсальность мужских союзов не вызывает у этнографов сомнений (Voelger und Welck, 1990; Blazek, 1999; Андреев, 2004). Древние мужские дома и тайные союзы были тесно связаны с наличием особых мужских культов и таинств, к которым женщины не допускались.

Американский антрополог Манфред Грегор подробно описал комплекс мужского дома у живущего в джунглях бразильской Амазонии индейского племени мехинаку (Gregor, 1985). Центр социальной и эмоциональной жизни мужчин мехинаку — не семья, а мужской дом. Мужской дом — место, где мужчины чувствуют полную свободу. Здесь постоянно слышны дружеские шутки, очень распространена силовая возня. Мехинаку говорят, что «в мужском доме нет стыда». Мужчины свободно обнимаются, трогают, часами раскрашивают тела друг друга. Их любимое развлечение — борьба, причем победитель считается более мужественным, за ним буквально бегают женщины, тогда как поражение в борьбе считается постыдным, унижает мужское достоинство. Чем больше времени мужчина проводит в мужском доме с себе подобными, а не в семье или занимаясь сексом с женщинами в лесу, тем более он «настоящий мужчина». Возникающая в процессе совместной жизни групповая солидарность и эмоциональная близость мальчиков-мехинаку, закреплённая обрядом инициации, сохраняется на протяжении всей их жизни.

Конечно, этот тип гендерной социализации, практически исключая возможность социального равенства и взаимопонимания мужчин и женщин, не является исторически всеобщим. Однако воспитание мальчиков везде и всюду отличается от воспитания девочек (Кон, 2003б).

Дело не только в том, что мальчиков и девочек готовят к разным видам деятельности. Многие народы, подобно мехинаку, убеждены в том, что мальчика делают мужчиной не женщины, а другие мужчины — собственный отец, с которым он психологически идентифицируется, или взрослые мужчины, совершающие над ним обряд инициации, или сообщество однополых сверстников, о которых французский писатель Андре Моруа сказал, что «школьные товарищи — лучшие воспитатели, чем родители, ибо они безжалостны» (Моруа, 1974, с. 159).

Членство в мужских союзах не было и не могло быть добровольным. Хотя их функции и состав могли варьировать, эти сообщества имели свой специфический **этнос**, базовыми ценностями которого были смелость, выносливость, физическая сила, соревновательность, мастерство и честь. Качества, необходимые для ведения войны, в дальнейшем становятся самоценными и закрепляются в религии.

В рамках этих групповых отношений, которые мы сегодня назвали бы товариществом, формировались и исключительные парные дружба.

Функции дружды в архаических обществах

У многих народов заключение дружды (именно так — дружеский союз не возникал сам собой, а заключался) совпадало с совместным прохождением инициации и не было делом свободного выбора.

Например, у дагомейцев каждый мужчина обязан иметь трех друзей, которые называются «братьями по ножу» и располагаются по степени близости. Эта дружба, предусматривающая прежде всего взаимную помощь, особенно материальную, считается священной и принципиально нерасторжима (Herskovitz, 1938).

Каждый мужчина племени квома (Новая Гвинея) должен был иметь трех друзей, которые не могли быть кровными родственниками, но с которыми он был «породнен» актом инициации. Главный принцип этой дружды — взаимная поддержка во всем. По просьбе друга молодой человек может даже украсть фетиши собственного рода, он называет отца своего друга своим отцом и т. д. (Whiting, 1941).

У полинезийцев тикопия (Соломоновы острова) дружба связывает только мужчин и выполняет преимущественно экономические функции; в случае необходимости друзья обязаны предоставлять убежище друг другу (Firth, 1936).

У индейцев навахо ритуализованная дружба возможна не только между мужчинами, но и между мужчиной и женщиной, однако женитьба на женщине, с которой заключен дружеский союз, запрещена и равносильна кровосмешению (Kardiner, 1963).

У индейцев квакьютль лучший друг служит посредником между молодым человеком и девушкой, к которой последний сватается (Ford, 1941).

У индейцев команчей друг-побратим считается значительно ближе родного брата; в случае нужды сначала обращаются к другу и только потом — к родственникам. Отказать в помощи побратиму или бросить его на поле битвы — значит покрыть себя несмываемым позором. Дружба может существовать как между равными по рангу, так и между неравными людьми, из которых один оказывает покровительство другому, пользуясь в обмен его услугами. Напротив, у арапешей (Новая Гвинея) другом (или братом) называется просто наследственный партнер по торговле, живущий в другой деревне (Mead, 1961).

Разумеется, многие формулы имеют скорее символический смысл. Скажем, формула, что друзья относятся друг к другу «как братья», вовсе не означает, что их действительно считают братьями. У одних народов (например, у команчей) побратим вступает в символические родственные связи со всем кланом своего друга, у других же связь между друзьями остается индивидуальной, не распространяясь на их родственников.

Яркий пример ритуализованной дружбы-побратимства описывает писатель эллинистической эпохи Лукиан (ок. 120—ок. 185) в диалоге «Токсарид, или Дружба» (Лукиан, 2001). Участники этого диалога, грек Мнесипп и скиф Токсарид, спорят, у какого народа — эллинов или скифов — лучше развита дружба. Каждый рассказывает по пять самых ярких подлинных историй о дружбе. Мнесипп рассказывает, как Агафокл отдал другу все свое состояние и даже последовал за ним в изгнание; Эвтидик, спасая друга, кинулся за ним в бурное море; Деметрий ради друга пошел в тюрьму и т. п.

Но Токсарид не видит во всем этом ничего особенно примечательного. У скифов дружба проверяется кровью и служит прежде всего воинским делам. Друзья приобретаются у них «не на попойках» и «не потому, что росли вместе или были соседями». Дружбы доблестных воинов ищут, заключение дружбы оформляется специальным договором с великой клятвой: надрезав пальцы, побратимы сливают свою кровь в чашу и, омочив в ней концы мечей, отведывают

лгу кровь. После этого ничто уже не может их разлучить. «Дозволяется же заключать дружбу, самое большее, с тремя; если же у кого-нибудь окажется много друзей, то он для нас — все равно что доступная для всех развратная женщина...» (Токсарид, 37).

Подвиги дружбы у скифов исключительно кровавые, а сама она ставится выше всех прочих отношений. Абавх, который, спасая при пожаре раненого друга, бросил в огне собственную жену и детей, объясняет: «Детей мне легко вновь прижить, еще неизвестно, будут ли они хорошими, а такого друга, как Гиндаш, мне не найти и после долгих поисков; он дал мне много свидетельств своего расположения» (Токсарид, 61).

Хотя диалог Лукиана — не столько описание скифских обычаев, сколько проекция на скифов современных автору греческих споров, институт побратимства у скифов существовал (Хазанов, 1972). И не только у скифов. Поэтика героической мужской дружбы представлена практически в любом героическом эпосе, будь то древневавилонская поэма (VII в. до н. э.) о царе Урука Гильгамеше, который сражался, а затем подружился с Энкиду, гомеровская «Илиада», библейская история Давида и Ионафана или поэма Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», повествующая о дружбе Автандила и Таризла. Сравнительному анализу этой темы посвящено большое количество специальной литературы (Heidel, 1946; Gresseth, 1975; Furlani, 1977; Held, 1983; Halperin, 1990). Во всех случаях эти взаимоотношения связывают двоих и только двоих мужчин, оба они — выдающиеся воины, их дружба отличается не только верностью, но и нежностью, и ставится «превыше любви женской» (2-я Царств, 1:26). В то же время эта дружба обращена вовне и направлена на достижение высоких социально-нравственных целей.

Типы дружбы

До середины XX в. этнографические исследования дружбы были преимущественно описательными. В 1950-е гг. эти пестрые данные начали обобщать и теоретически осмысливать. В 1955, 1956 и 1958 гг. в Гарвардском университете проходил специальный междисциплинарный семинар о дружбе как социальном явлении при участии крупнейших антропологов и социологов, включая выдающихся американских социологов Роберта Мертона и Пола Лазарсфельда, опубликовавших большую совместную статью «Дружба как социальный процесс» (Lazarsfeld and Merton, 1954), в которой Мертон сформули-

ровал содержательную (субстанциальную) теорию дружбы, а Лазарфельд — модель ее методологического анализа. К сожалению, материалы этого семинара были опубликованы лишь частично. В 1969 г. в Ньюфаундлендском университете состоялся другой международный междисциплинарный colloquium, посвященный сравнительной социологии дружбы, материалы которого были опубликованы в специальном сборнике (Leyton, 1974). Такие симпозиумы проводились и позже, чаще всего в рамках международных антропологических конгрессов и конференций.

В результате объединения усилий социологов и антропологов было разработано несколько типологических моделей дружбы, которые можно условно разделить на ценностно-мотивационные и структурно-функциональные.

Ценностно-мотивационный подход классифицирует дружеские отношения главным образом по их **мотивам** и по той **ценности**, которую они представляют для самих друзей. Эта модель, которую также можно назвать этико-психологической, имеет глубокие исторические корни. Уже Аристотель (Никомахова этика, VIII, 3, 6–14) различал три вида дружбы:

- **утилитарную**, основанную на соображениях взаимной выгоды;
- **гедонистическую**, основанную на эмоциональной привязанности к человеку, общение с которым доставляет удовольствие;
- **нравственную**, когда друга любят бескорыстно, ради него самого (Аристотель, 1983, т. 4, с. 222–223).

В этнографической и социологической литературе XX в. широкое распространение приобрело разграничение **экспрессивной** (эмоциональной, аффективной) и **инструментальной** (деловой, основанной на взаимной выгоде) дружбы (Wolf, 1966). Нравственный тип дружбы, который Аристотель считал единственно подлинным, выпадает из этого деления либо молчаливо отождествляется с экспрессивными отношениями, где полнее выражено индивидуально-личностное начало.

Противопоставление деловых, функциональных и эмоционально-личностных отношений, безусловно, правомерно, и не только в социологии дружбы. Однако глубинные субъективные мотивы человеческих отношений часто неосознаваемы, их трудно объективно разграничить, а попытка иерархизировать их, разделив на «высшие» и «низшие», молчаливо предполагает наличие некоей универсальной, транскультурной системы ценностей.

Структурно-функциональный подход, тесно связанный с одноименной социологической теорией, старается быть безоценочным и беспристрастным, классифицируя формы дружбы не по мотивам, а по их функциям в рамках социальной системы. При этом на первый план выступают **социальные функции** дружбы, ее взаимодействие с другими общественными институтами, а также собственная ролевая структура дружеских отношений (являются они добровольными или обязательными, равными или неравными и т. д.).

Реальное соотношение дружбы и других социальных институтов подвижно и многообразно. Это могут быть отношения **слияния, замещения, дополнения или конкуренции** (Hess, 1968).

В первом случае дружба **сливается** с какой-нибудь другой, более значимой, социальной ролью, выступая как ее частный аспект. Например, во многих обществах родство автоматически предполагает дружбу, которая мыслится как аспект или форма родства.

Во втором случае дружба **замещает**, компенсирует какие-нибудь недостающие роли. Например, человек, не имеющий или потерявший близких родственников, активизирует общение с друзьями.

В третьем случае дружба **дополняет** другие социальные роли, не сливаясь с ними. Так, даже самые идеальные семейные отношения не заменят подростку дружбы со сверстниками семейные и дружеские отношения выполняют здесь принципиально разные функции.

В четвертом случае дружба выступает как антитеза другим социальным ролям, **конкурирует** с ними. Например, столкновение дружеского долга с семейными или служебными обязанностями.

Хотя ценностно-мотивационный и структурно-функциональный подходы в известном смысле противоположны (первый исходит из подразумеваемых внутренних потребностей *индивида*, а второй — из нужд *социальной системы*), они вместе с тем *взаимодополнительны*. В самих известных антропологических классификациях дружбы (Шмуэля Айзенштадта, Иегуди Коэна и Кору Дюбуа) эти принципы обычно пересекаются.

Ритуализованная дружба

Самой последовательно функционалистской является теория известного израильского социолога Айзенштадта (Eisenstadt, 1956, 1974). С его точки зрения, древнейшие формы дружбы — это разновидности ритуализованных личных отношений, посредством которых архаическое общество может интегрировать индивидов, не связанных

друг с другом кровным родством, и осуществлять над ними социальный контроль. Все такие отношения — «искусственное родство» или «псевдородство», «кумовство», «названное» или «кровное братство», «соотцовство» или «институционализированная дружба» — обладают четырьмя общими признаками. Эти отношения:

- 1) **партикуляристские**: взаимные обязательства участников всегда подразумевают конкретного другого (в отличие, допустим, от торговых отношений, регулируемых общими правилами и в которых партнер персонифицирует некую социальную категорию, а потому легко может быть заменен другим человеком), что сближает ритуализованные личные отношения с родством;
- 2) **личные**: в отличие от кровного родства или «заданной» принадлежности к возрастной группе они связывают индивидов личными, индивидуальными узами;
- 3) **добровольные**: они создаются путем свободного индивидуально-го соглашения, контракта, что также отличает их от родственных отношений;
- 4) полностью **институционализированные**: права и обязанности друзей по отношению друг к другу и к общине в целом жестко фиксированы и охраняются традицией.

С точки зрения привычного нам противопоставления деловых, «инструментальных» отношений («службы») и эмоционально-личностной близости («дружбы») древняя ритуализованная дружба внутренне противоречива, поскольку личное начало и добровольность сочетаются в ней с жесткой регламентацией поведения. Однако инструментальность этих отношений не безлично универалистская (типа рыночных отношений, в которых партнеры практически обезличены), а партикуляристская, связывающая индивида только с определенным, конкретным партнером и ни с кем иным.

Ритуализованная дружба позволяет включить в состав общины человека из чужого рода или племени, покончить с былой враждой. Это — особого рода механизм социальной интеграции, разрядки внутригрупповой и межгрупповой напряженности. Ритуализованные личные отношения представляют собой, по-видимому, своеобразное звено, форму перехода от отношений, основанных на родстве или символизирующих в качестве таковых, к индивидуально-избирательным отношениям, которые, однако, еще остаются институционализированными, занимая вполне определенное место в социальной структуре общины.

Но является ли ритуализованная дружба универсальной фазой исторического развития института дружбы или только одним из возможных ее вариантов? Позднее Айзенштадт вынужден был признать, что не только в разных обществах, но даже в разных сегментах одного и того же общества могут существовать разные модели, «образцы» дружеских отношений, причем их вариации зависят не только от социально-структурных, но и от культурно-идеологических факторов (Eisenstadt, 1974).

Другую типологию дружеских отношений по принципу их тесноты и устойчивости создал на основе изучения данных о 65 докапиталистических обществах американский антрополог Иегуди Коэн (Cohen, 1961).

По степени прочности (тесноты) дружеских связей Коэн различает **четыре типа дружбы**: «неотчуждаемую», «тесную», «случайную» и «дружбу по расчету», а по характеру общинных отношений — **четыре** типа социальных структур: «максимально солидарную» общину, в которой родственные связи, территориальная близость и хозяйство составляют единое целое; «солидарно расслоенную» общину, где привязанности индивида разделяются между общиной как целым и собственной семьей; «безъядерное общество», представляющее собой конгломерат автономных семейных групп, и, наконец, «индивидуализированную социальную структуру», главной социальной ячейкой которой является индивид.

Оказалось, что тип общества и тип дружбы взаимосвязаны.

- В 16 «максимально солидарных» общинах (*maximally solidary community*) преобладает «неотчуждаемая» дружба, символизируемая как родство, оформляемая специальным ритуалом и пронизывающая едва ли не все сферы жизнедеятельности.
- В 41 «солидарно расслоенной» (*solidary fissile community*) общине преобладает «тесная» дружба, неритуализованная, основанная на свободном индивидуальном выборе, принципиально расторгимая, но отличающаяся высокой личной, в том числе эмоциональной, близостью друзей.
- В 5 «безъядерных обществах» (*non nucleated society*) преобладает «случайная дружба», в которой нет ни глубокой эмоциональной близости, ни четко определенных обязанностей по оказанию взаимопомощи.
- Наконец, «индивидуализированной социальной структуре» (*individuated social structure*) (5 обществ) соответствует «дружба по

расчету», в которой эмоциональная близость отсутствует, преобладают соображения утилитарного порядка, не обязательно одинаковые у обоих партнеров. Таковы, например, отношения, основанные на покровительстве сильного слабому, который за это оказывает ему какие-то услуги.

Не ограничившись соотносением типа дружбы с типом общества, Коэн попытался классифицировать основные **социальные функции дружбы**, выделив такие, например, как материальный обмен и взаимная помощь, социально-политическая и эмоциональная поддержка, посредничество в любовных делах и заключении брака, участие в инициациях, участие в похоронных обрядах, обмен детьми, сексуальная близость и т. д.

Характерно, что в более примитивных социальных организациях институт дружбы теснее связан с хозяйственно-экономическими функциями. Эта функция представлена в 81% «максимально-солидарных» и в 77% «солидарно-расслоенных» общин. Напротив, внутри более сложных и дифференцированных социальных систем повышается значение внеэкономических, особенно экспрессивных, функций дружбы.

Однако предложенная Коэном типология социальных структур слишком формальна, она не учитывает ни способа производства, ни характера производственных отношений соответствующих обществ. Народы, которые Коэн объединяет в одну и ту же рубрику, стоят на разных уровнях социально-экономического развития. Вызывает сомнение и его классификация функций дружбы. В самом деле, можно ли достаточно определенно разграничить функции «экономической» и «социально-политической» поддержки? Героическая воинская дружба обычно сочетала в себе и то и другое.

Еще сложнее вопрос о соотношении «социально-политической» и «эмоциональной» поддержки. Интенсивное и длительное сотрудничество в достижении каких-то совместных целей само по себе способствует эмоциональному сближению, поэтому вряд ли можно считать экспрессивные функции дружбы поздним продуктом культуры. Другое дело – каковы формы этой эмоциональной поддержки (она может осуществляться и путем неформальных контактов, вне рамок институционализированных социально-политических отношений) и способы ее осмысления. То есть разница между обществами может состоять не только в характере реальных межличностных отношений, сколько в особенностях дискурса.

Третью попытку интеграции основных параметров, по которым измеряется и оценивается дружба (добровольность и селективность; экспрессивность и инструментальность; отношение диадическое или полидиадическое; интимность, степень доверия и ответственности; изменчивость и степень длительности отношения) и типы дружбы (исключительная, тесная или временная), предприняла знаменитый американский антрополог Кора Дюбуа (Du Bois, 1974). Ее теория представлена в следующей таблице.

Таблица 2.1

Параметры и типы дружбы (по Коре Дюбуа)

Параметры	Типы дружбы		
	Исключительная	Тесная	Временная
Экспрессивность/инструментальность	Преимущественно экспрессивная	Экспрессивно-инструментальная	В основном инструментальная
Диадическое или полидиадическое отношение	Исключительно диадическая	Множество диад	Полидиадическая
Интимность (степень доверия и ответственности)	Обязательна	Избирательно	Случайно
Изменчивость, длительность	Постоянная	Надежда на постоянство	Не подчеркивается

Социальный институт или личные отношения?

Акцентирование эмоционально-экспрессивных функций дружбы в общественном сознании появляется, вероятно, лишь на такой ступени развития общества и личности, когда многообразные межличностные отношения уже не вмещаются в традиционные институционализированные формы. Но даже там, где инструментальные (деловые) и эмоционально-экспрессивные функции дружбы признаются одинаково важными, институционализируются обычно только первые. Общество заинтересовано в безусловном выполнении социально значимых обязанностей, но оно не может предписывать людям испытывать те или иные чувства. Внутренний мир человека поддается

более тонким способам регулирования, таким как нравственные идеалы, поэтизация одних видов общения в противоположность другим и т. п.

Современному человеку договорные отношения и индивидуальная дружба кажутся несовместимыми, противоположными. Но исторически они восходят к одному и тому же источнику (Dumézil, 1948). Разграничение и тем более противопоставление инструментальных и экспрессивных функций общения — продукт развитого классового общества. В любом древнем обществе дружеское общение теснейшим образом связано с обменом дарами, участием в совместных пиришествях.

Именно такие отношения дружбы воспеваются в древнем скандинавском эпосе (Старшая Эдда, 1963, с. 19):

Оружье друзьям
и одежду дарю —
то теплит их взоры;
друзей одаряя,
ты дружбу крепишь,
коль судьба благосклонна.

Надобно в дружбе
верным быть другу,
отдарять за подарки...

Если дружбу ведешь
и в дружбе уверен,
и добра ждешь от друга, —
открывай ему душу,
дары приноси,
навещай его часто.

В традиционном обществе инструментальные и экспрессивные ценности дружбы существовали в единстве. В этом не было ничего исключительного. Одаривание было непременным компонентом всякого общения. Человек был *обязан* давать дары, принимать их и снова отдаривать (Мосс, 1996). Не случайно в индоевропейских языках понятия «давать» и «брать» первоначально обозначались одним и тем же словом (Гуревич, 1972, с. 202).

Отмечая «вещный», «инструментальный» характер дружеского общения, основанного на принципе *do ut des* («даю, чтобы ты дал»), нельзя, однако, упускать из виду его *символический* смысл. Дар был ценен не только сам по себе, но и как персонификация человеческих отношений, то есть он имел и экспрессивный смысл. Для современ-

ного человека ритуал и эмоция — понятия в какой-то мере взаимоисключающие. Для наших древних и средневековых предков, напротив, характерно переплетение примитивного ритуала со страстной эмоциональностью (Хейзинга, 1988).

Начиная с древнейших ритуалов одаривания и кончая сегодняшними новогодними подарками, обмен дарами имеет прежде всего символическое значение: вещь как бы заменяет слова, выражающие стремление к поддержанию добрых отношений (Carlow, 1984).

По мере дифференциации общественных отношений личные связи становятся все более подвижными и гибкими. В любой макро- или микросоциальной среде существуют неписанные правила типа:

Друг моего друга — мой друг.
 Враг моего врага — мой друг.
 Друг моего врага — мой враг.
 Враг моего друга — мой враг.

Но эти правила не везде одинаково жестки. В более развитых и сложных обществах нейтральная, промежуточная категория «не друг, но и не враг» расширяется, а дружеские отношения становятся все более неформальными и текучими, утрачивая свою былую ролевую определенность и жесткую нормативность. Личные связи выступают теперь как нечто принципиально отличное от социальных отношений, поэтому социологические классификации, игнорирующие ценностно-мотивационные аспекты, оказываются применительно к ним малопродуктивными.

Дружба и родство

В историко-этнографических исследованиях институт дружбы часто рассматривается в контексте эволюции родственных отношений и соответствующей терминологии. Понятие родства не менее многозначно, чем понятие дружбы. Хотя в первобытном обществе отношения «свой — чужой», «близкий — дальний» чаще всего символизировались как родственные и определялись по степени родства, люди уже в глубокой древности отличали прирожденное, кровное родство от искусственного, создаваемого посредством особого социального ритуала, псевдородства (Pitt-Rivers, 1968)

Любопытно в этом плане понятие «свойства». По определению Ю. И. Семенова, «свойство есть отношение, существующее между одним из супругов и родственниками другого, а также между родственниками обоих супругов» (Семенов, 1974, с. 23.). С одной стороны,

свойство является как бы расширением круга родственных связей. С другой стороны, оно систематически противопоставляется «естественному» родству: свойственники — это «чужие» люди, ставшие «своими».

Социальное расстояние «свой — не-свой — чужие — враги» не может быть полностью выражено в терминах родства, предполагающих иную логику дифференциации и социальных отношений: родство — не-родство — антиродство (категория людей, с которыми никак нельзя породниться, хотя они не являются врагами).

Соотношение понятий дружбы и родства у разных народов зависит не столько от уровня их социально-экономического развития, сколько от специфики их культурного символизма.

У одних народов дружба считается производной от родства. Например, в традиционной культуре полинезийцев маори (Новая Зеландия) «друзьями» формально считаются только родственники, хотя в неформальных отношениях признается также партнерство, или дружба, не основанная на родстве (она обозначалась термином «хоа»). Напротив, папуасы телефолмин (Новая Гвинея) даже свои отношения с кровными родственниками предпочитают описывать в терминах дружбы, различая «друзей» (тех, с кем поддерживаются длительные тесные отношения) и «посторонних» (тех, с кем таких отношений нет). В третьем случае, скажем, у меланезийцев тангу и орокаива (Новая Гвинея) термины родства и дружбы как бы параллельны, независимы друг от друга (Schwimmer, 1974). Индейцы зуны для обозначения разных степеней родства и взаимопомощи имеют 34 термина (Roberts, 1965).

Этнокультурные и лингвистические различия в терминологии дружественных отношений очень велики. Описанные Брониславом Малиновским тробрианцы (жители островов Тробриан, в настоящее время — часть государства Папуа-Новая Гвинея) имели для обозначения друга-соплеменника и друга-иноплеменника два разных термина, которые никогда не смешивались. В Бирме детская дружба обозначается одним словом, а взрослая — совсем другим. Множество тонких лингвистических градаций существует в японской и корейской терминологии дружбы (Leyton, 1974).

Даже в пределах одного и того же общества разные этносоциальные группы могут следовать разным канонам дружбы. Например, в одном из городков горной Гватемалы среди потомков испанских поселенцев, так называемых «ладинос», преобладает «инструментальный» тип дружбы, основанной на взаимной выгоде, тогда как

у местных индейцев дружба является высокоиндивидуализированным эмоционально-экспрессивным отношением; эти виды дружбы обозначаются разными терминами (Reina, 1962).

Очень велики и индивидуальные различия в форме дружеских отношений. Дружеские отношения таусугов острова Джоло (этническая группа, населяющая архипелаг Сулу) в целом укладываются в классификацию Коэна (здесь наличествуют все четыре типа дружбы — неотчуждаемая, тесная, временная и дружба по расчету), но разные типы дружбы не связаны с общественным положением людей, а, скорее, выражают разные социально-психологические потребности одного и того же населения (Kiefer, 1968).

Территориальные факторы общения и обособления

Этнография дружбы тесно связана с новой отраслью знания — проксемикой (от лат. *proximus* — «ближайший»), изучающей пространственную организацию человеческих отношений и влияние пространственных факторов на общественную и личную жизнь (Хейдметс, 1979а; Хейдметс, 1979б; Нийт, 1980; Altman I. and Wohlwill, 1976–1980).

Какие это факторы?

Во-первых, это окружающее индивида **личное пространство**, территория, которую он считает своей и на которую другие при нормальных обстоятельствах не допускаются.

Во-вторых, специфическая для разных ситуаций **дистанция**, на которой происходит общение. Она может быть **интимной** (на которой общаются только самые близкие люди), **личной** (составляющей норму бытового общения лицом к лицу), **социальной** (принятой в обращении с посторонними) и **публичной** (принятой в ситуациях публичного общения).

В-третьих, взаимная **ориентация**, местоположение партнеров по отношению друг к другу.

«Принцип территориальности» и персонализация пространства существуют уже у животных, причем его проявления зависят как от ситуации общения, так и от статуса особи: более влиятельные особи, как правило, контролируют большее пространство, занимают центральное положение в общении и т. д. Знание культурно-специфических территориальных норм позволяет объективно оценить статус и степень психологической близости взаимодействующих индивидов, даже не зная содержания их коммуникации.

Сравнительно-историческое изучение пространственных факторов общения позволило также преодолеть ошибочное мнение, что обособление жизненного мира личности начинается только в развитом обществе. На самом деле потребность в обособлении так же органически присуща человеку, как и потребность в общении.

Хотя уже упоминавшиеся индейцы мехинаку (Центральная Бразилия) не имеют личной социальной автономии, живут в общих хижинах и вся их жизнь проходит на глазах соплеменников, у них существует сложная система территориального и психологического обособления. Территория семейной хижины нераздельна, но посторонним вход в чужую хижину запрещен. Каждый мехинаку имеет в лесу свой «тайник», где он может при желании уединиться. В племенах действуют строгие правила сегрегации мужчин и женщин, ритуальная изоляция подростков в период инициации. Специальные правила запрещают рассказывать другим о своих чувствах и переживаниях и т. п. Такие социально-психологические барьеры, ограничивая свободу индивида, вместе с тем позволяют ему поддерживать чувство своей идентичности (Gregor, 1985). Аналогичные механизмы существуют и в других обществах.

Таким образом, межкультурные различия в степени персонализации личных отношений — фундаментальная проблема теории и истории дружбы! — являются не просто количественными, а качественными, причем нормативная дифференциация физического пространства перекрывается дифференциацией пространства социального.

Этнокультурные коды и нормативные запреты

Как и любые другие отношения, дружба имеет специфический этикет, правила поведения, производные от более общих норм культуры, которые предусматривают, кто, с кем, когда, где, как и ради чего обязан, должен, может или не может и не смеет поддерживать контакт или вступать в личные отношения.

У народов мира существуют многочисленные и весьма разнообразные правила **избегания**, запреты общения между определенными категориями людей. Запреты эти различаются как по степени **строгости** (одни категории людей не могут вступать друг с другом в брак или сексуальную связь, другие не должны даже разговаривать друг с другом, третьи не смеют находиться в одном помещении, а четвертым запрещается даже видеть друг друга), так и по своей **длительности**

(одни запреты действуют постоянно, всю жизнь, другие — только на протяжении определенной фазы жизненного цикла или в определенной ситуации). Субъектные (кто с кем?) и пространственно-временные (где и когда?) ограничения и предписания контактов дополняются процессуальными (как?).

Все эти нормы культурно-специфичны (Баженов, 1978). Территориальная дистанция, которую обычно поддерживают между собой американцы, почти вдвое больше принятой у арабов или греков. Объятия и поцелуи при встречах или прощаниях между мужчинами в древности были широко распространены по всей Европе. В Англии, начиная с XVII в., этот ритуал стал казаться слишком интимным и был заменен рукопожатием; а у романских народов он сохранился. Эти факты весьма существенны для понимания исторической эволюции норм интимности и самораскрытия.

Кроме «субъектных» (кто с кем) норм избегания существуют содержательные, объектные запреты, «табу слов», предусматривающие, о чем нельзя говорить. При этом одни слова и сюжеты абсолютно запрещены, о других можно говорить намеками, гротеск допустим лишь в определенном кругу (например, в мужском обществе) или при определенных условиях. Без учета таких культурных норм и запретов оценить степень доверительности, интимности дружеских отношений невозможно.

Но при всех межкультурных различиях дружбе почти везде приписывается некая исключительность, экстраординарность, выход за рамки общепринятых норм и правил. На первый взгляд это утверждение противоречит приведенным фактам об институционализированной дружбе, которая была элементом упорядоченной социальной структуры и сама жестко регламентировалась. Дело, однако, не в том, что дружба стоит *вне* этикета, а в том, что ее собственный этикет выходит за рамки общепринятого. Как эпический герой обязательно нарушает какие-то запреты, доказывая этим свою предызбранность, так и героическая дружба всегда предполагает совершение каких-то исключительных действий.

Родовые фетиши неприкосновенны, но ради друга юноша-квотом должен их похитить; нарушение общего правила в данном случае составляет *обязанность*. То же самое и с другими нормами, например, правилами вежливости. Соблюдение правил вежливости обеспечивает поддержание между людьми определенной социальной дистанции, уменьшая тем самым вероятность возникновения конфликтов. Однако интимная дружба не только уменьшает такую дистанцию,

но и предполагает частичное пересечение личных пространств. Грубоватая шутка или жест, оскорбительные для всякого постороннего человека, между друзьями выражают близость, право на интимность.

В антропологии есть специальный термин для обозначения такой признаваемой обществом связи — **отношения подшучивания** (англ. *joking relations*). Это «отношения между двумя лицами, одному из которых обычаем дозволяется или — в некоторых случаях — даже предписывается поддразнивать другого, подшучивать над ним, а этот последний не должен обижаться. Необходимо различать два основных варианта таких обычаев. При первом варианте отношения симметричны: оба дразнят друг друга и подшучивают друг над другом. При втором варианте отношения асимметричны. А высмеивает Б, Б воспринимает насмешки с добродушным юмором, но сам не платит той же монетой; или же А дразнит Б так часто и сильно, как хочет, Б же в ответ лишь слегка поддразнивает А» (Рэдклифф-Браун, 2001, с. 107). Это зависит прежде всего от статуса и ранга партнеров.

Подшучивание — своеобразная форма этикета и одновременно форма дружбы. В одних случаях оно способствует снятию или подавлению потенциальной враждебности, а в других — укреплению дружественных отношений между сторонами. Такие отношения и ритуалы (неформальные) существуют и в современном мире, особенно в мальчишеской среде.

Исключительность дружеских отношений может проявляться по-разному. У некоторых народов (например, горцев Кавказа) мужская дружба, связанная с традицией воинского братства, — предмет настоящего культа, эти отношения ставятся выше всех прочих отношений и привязанностей. Другие народы отводят дружбе более скромное место.

На степень персонализации дружбы существенно влияет специфический **культурный код**, посредством которого общество передает накопленный опыт следующим поколениям. В одних обществах обучение культуре осуществляется преимущественно путем индивидуального примера, а в других — путем усвоения системы более или менее общих правил (Лотман, 1971). Поскольку первый тип обучения является более личным, преданность учителю в этом случае нередко оказывается важнее, чем верность его учению.

Это хорошо иллюстрирует курдская поэма XIV в., излагающая принципы суфизма. В ней рассказывается, как престарелый благочестивый шейх Санан, влюбившись в прекрасную армянку, отрекся от Корана, стал пить вино и пасти свиней. Пятьсот суфиев, ученики

шейха, оскорбленные его поведением, с плачем покинули учителя. Но когда они явились к «главе пророков», тот не одобрил их поступка, сказав, что ради учителя им следовало отречься от учения, даже если бы они сами при этом погибли. Противоположный полюс представляет древнеримская формула: «Пусть погибнет мир, лишь бы торжествовала справедливость».

Нормативный идеал дружбы в таких культурах неизбежно будет различным: в первом случае утверждается безусловная личная преданность другу («Какой он мне друг, если он меня судит?!»), а во втором действует формула: «Платон мне друг, но истина дороже». Поэтому то, что будет сочтено правильным в одной культуре, окажется неверным в другой.

Таким образом, историческая эволюция канона дружбы, как и самих межличностных отношений, не является единым линейным процессом. Диалектика общения и обособления неразрывно связана со всей совокупностью условий и образа жизни народов. Поэтому оставим далекие и экзотические страны и рассмотрим исторические образцы и образы дружбы, сложившиеся в русле европейской культурной традиции, которые мы сознательно (а чаще неосознанно) принимаем в качестве нормативных эталонов всякого человеческого общения. Начать, естественно, придется с античности.

3. Античная дружба: идеал и действительность

...Самая прочная, верная и прекраснейшая дружба — это взаимная любовь людей достойных, в основе которой, естественно, лежат добродетель и благо.

Аристотель

В европейской культурной традиции античная Греция издавна считалась царством «подлинной дружбы». Имена Кастора и Полидевка, Ореста и Пилада, Ахилла и Патрокла стали нарицательными, вошли в пословицы и поговорки многих народов. Однако древнегреческий канон дружбы отнюдь не однозначен, его истолкованию посвящена огромная философская, историческая и филологическая литература (Dirlmeier, 1934; Adkins, 1963; Lots, 1971; Fraisse, 1974; Konstan, 1996; Кон, 1974), не считая многочисленных ученых комментариев к сочинениям Платон и Аристотеля (Брагинская, 1983).

Слова и их значения

Древнегреческое слово «филия» (*philia*), обычно переводимое как «дружба», не имеет точного соответствия ни в русском, ни в английском, ни в немецком, ни во французском языках. Оно обозначает не только «дружбу» как межличностное отношение, но и «дружественность», «расположение», «любовь», вообще «сближение», «соединение», доходящее до полного слияния и отождествления. Существительное «филия» впервые достоверно появляется у Геродота, но обозначает оно не личные отношения, а мирный договор, союз между государствами. У раннегреческих философов, например у Эмпедокла, слово «филия» обозначает универсальную космическую силу, соединяющую не только людей, но и природные элементы¹.

¹ В моей книге «Открытие «Я»» (1978) параграф об античности по образцу статьи выдающегося филолога-классика В. Н. Ярхо «Была ли у древних греков совесть?» (1972) назывался «Был ли древний грек личностью?» Разумеется, ни Ярхо, ни я, ни французская школа исторической психологии, на идеи которой я опирался, не собирались умалять ценность и значение античной культуры. Вопрос, где и когда возникают «личность», «совесть», «любовь», «дружба» и другие столь же общие социально-нравственные явления, онтологически вообще неправилен. Речь идет,

Слово *philos* («друг») по своему происхождению местоимение, имеющее значение обладания — «свой». У Гомера это слово фигурирует и как прилагательное, и как существительное, причем по смыслу оно значительно более многозначно и менее психологично, чем современное понятие «друг». *Philoï* (множественное число от *philos*) назывались все те, кто живет в доме Одиссея, кого он может считать своими. Женщина становится *philē* для мужа не потому, что он ее любит, а потому, что он приводит ее в свой дом и отныне она принадлежит ему. Чужой человек оказывается «своим», если его принимают в члены семьи или племени (Dirlmeier, 1934. S. 31–34).

В первую очередь «своими» считались кровные родственники, затем — вообще близкие и, наконец, — доброжелатели и соратники. Здесь прослеживается определенная линия развития — от «своего» к «другому», но «близкому», причем слово приобретает не только констатирующий, но и оценочный смысл, известную эмоциональную нагрузку, выражая идею взаимной поддержки, связи, союза. Так нарекаются все люди, на которых можно положиться в окружающем ненадежном мире (Adkins, 1963, p. 36).

Желая выразить высочайшую степень своей преданности друзьям, гомеровские герои постоянно уподобляют их родственникам — родителям и братьям, и при этом нередко даже ставят выше их.

Ахилл над телом Патрокла «словно отец сокрушается, кости сжигающий сына» (Илиада, XXIII, 222).

Выражая свою скорбь, он говорит:

Нет, не могло бы меня поразить жесточайшее горе,
Если б печальную весть и о смерти отца я услышал...

Илиада, XIX, 3213–3222

главным образом, о том, были ли в той или иной культуре соответствующие категории, и какой именно смысл люди в них вкладывали. Отсюда — повышенный интерес к словам и терминам. Однако во избежание недоразумений здесь нужна тщательная нюансировка, которая в «Открытии „Я“» зачастую отсутствовала. В книге «В поисках себя» (1984) я исправил ряд формулировок и снял «дразнящий» заголовок. Известный историк философии Ф. Х. Кессиди, который, очевидно, не читал этой, более поздней, работы, в 1989 г. посвятил критике моей первоначальной концепции специальную статью (Кессиди, 2001). Впервые эта статья была опубликована в Трудях Тбилисского университета, серия философии, 1989). Я искренне благодарен проф. Кессиди за внимание к моим дилетантским суждениям, но хочу заметить, что некоторые его возражения были мною «учтены» задолго до появления его статьи, а другие не совсем правомерны, поскольку в моей книге, как и в трудах представителей французской школы исторической психологии, речь идет не об онтологии, а лишь, как сказали бы сегодня, об исторических особенностях античного философского и психологического дискурса.

Герои одного из самых древних и широко распространенных античных мифов Кастор и Полидевк (Диоскуры), считавшиеся воплощением и покровителями дружбы, — не только неразлучные друзья, но и братья-близнецы, сыновья Зевса (в другом варианте — Посейдона). Связь понятий дружбы и родства сохраняется и в древнегреческой трагедии, поэзии, прозе. Одним словом, у древних греков, как и у других народов, первоначальные формы и термины дружбы связаны с родством.

Героическая дружба

Однако в гомеровской Греции существует также вид дружбы, принципиально не связанной ни с кровным, ни с искусственным родством. Это воинское товарищество или героическая дружба, обозначаемое словом *hetairos*, очень похоже на ритуализованные личные отношения, о которых говорилось в предыдущей главе.

Значения слов «филос» и «гетайрос» не были жестко разграничены. Эпический синкретизм вообще не знает строгого различения общественных и личных отношений. «Боевые соратники», «спутники» гомеровского Одиссея, как правило, его «друзья», а «друзья» — это все те, с кем он делит свои труды, дела и походы. «Друзьями» в «Илиаде» называются все, кто делает общее дело; это вожди и дружинники, господин и его служители, воины-союзники, люди, связанные узами гостеприимства. Одно и то же слово обозначает и дружбу между двумя людьми, и союз между двумя народами (Шталь, 1975). Вместе с тем дружеские отношения различаются по степени расположения и любви. Например, Ахиллу ближе всех Патрокл, а после него — Автомедон и Алким.

Тем не менее основу эпической дружбы героев составляют не чувства, а действия, акты взаимной поддержки. Подобно описанным Луккианом скифским побратимам, гомеровские «гетайры» — Патрокл и Ахилл, Главк и Сарпедон — связаны прежде всего взаимными воинскими обязательствами. Они сражаются бок о бок, живут в одном шатре, делят стол и постель. Их взаимоотношения ставятся выше всех прочих связей, отношений и обязанностей. Оскорбленный Ахилл не участвует в битвах против троянцев, и соотечественники не осуждают его за это, а только просят о помощи. Но Ахилл, не задумываясь, кидается мстить за смерть Патрокла.

Гектор говорит:

О Дейфоб! И всегда ты, с младенчества, был мне любезен
Более всех моих братьев, Приама сынов и Гекубы.

Илиада, XXII, 233–234

Главка, при голосе друга, объяла жестокая горсть;
Сердце терзалось его, что помочь он несколько не может.

Илиада, XVI, 508–509

Для гомеровских героев привязанность к другу есть аспект любви к себе. Как подчеркивает французский исследователь Ж. К. Фресс, в то время эти чувства еще не противопоставлялись. Но экспрессивные функции дружбы не подчеркивались культурой и не отмечались речью не потому, что их не было, а потому, что они молчаливо подразумевались.

В классической Греции картина постепенно усложняется. Разложение общинно-родовых связей, появление классов и государства существенно ослабляют узы родства, так что свободно выбранные дружеские связи все чаще не совпадают с родственными. «Не все родные — друзья тебе, но лишь те, у которых с тобой общая польза», — замечает Демокрит (Материалисты древней Греции, 1955, с. 166). Первоначальное единое понятие родства и дружбы расчленяется.

Эта мысль выражена в игре слов у Еврипида: «Брат (*philos*) стал врагом и все-таки остается близким (*philos*)» (Финикиянки, 1448)¹. Здесь обыгрывается двойное значение слова «филос» — «друг» и «близкий».

Дружба, основанная на свободном выборе и личной склонности, нередко даже противопоставляется родственным отношениям. На вопрос Ифигении (Ифигения в Тавриде, 497–498) при виде связанных Ореста и Пилада: «Вы братья? Мать одна носила вас?» — Орест гордо отвечает: «Да, братья мы — сердцами, но не кровью» (Еврипид, 1969, т. 1, с. 494).

Если у гомеровских героев родственные отношения остаются важнейшим эталоном близости, то Еврипид (Орест, 804–806) ставит дружбу выше родства:

Добывайте друга, люди, недостаточно родных.
Верьте: если слит душою с нами чуждый, то его
Мириады близких кровью не заменят одного

Еврипид, 1969, т. 2, с. 383

¹ В русском переводе Иннокентия Анненского — «Он был мой враг, но умирает братом...» (Еврипид, 1969, т. 2, с. 234) — этот важный смысловой нюанс пропадает.

Утратив свою связь с родством, дружба стала более избирательной и рациональной и приобрела скорее характер политического союза и товарищества. Понятие «политическая дружба» распространяется и на межличностные отношения. Друзьями называют просто приверженцев, единомышленников, людей, объединенных общими интересами. Такое понимание дружбы усугубляется в дальнейшем. Когда римские авторы говорят о «друзьях Гракхов» или «друзьях Августа», они имеют в виду не интимную личную привязанность, а политический союз (Hellegouarch, 1963). Этот союз не институционализирован, а вытекающие из него взаимные обязанности людей менее определены. Расширение сферы индивидуального усмотрения постепенно переводит проблему дружбы из социальной в нравственно-психологическую плоскость.

Дружба как личное отношение

Отражая упомянутые социальные сдвиги, софисты развивают рационалистическую концепцию дружбы, выводя ее из утилитарных соображений взаимной пользы и совпадения интересов. Но наряду с прославлением полезности и необходимости дружбы учащаются жалобы на ее неустойчивость, предупреждения против коварства и неверности друзей.

Разумеется, о дефицитности дружбы говорили и раньше. Уже Эсхил (Агамемнон, 824–825, 830–831) грустно замечает, что «немногим людям свойственно друзей счастливых чтить и не завидовать» и что «преданность и дружба так же призрачны, как стражение в зеркале обманчивом» (Эсхил, 1978, с. 219, 212). Неверность и предательство друзей — одна из любимейших тем поэзии Феогида.

На фоне ненадежности и инструментальности «политической дружбы» древняя ритуализованная дружба приобретает значение обращенного в прошлое идеала, который наполняется качественно новым, несвойственным реально существовавшим ранее отношениям, содержанием.

Распространение *культы героической дружбы*, в которой наряду с традиционной верностью все сильнее подчеркиваются эмоционально-экспрессивные ценности, свидетельствует как раз о проблематичности, неустойчивости современных межличностных отношений.

С одной стороны, сами общественные отношения стали более сложными, текучими, мобильными, а с другой — дифференциация

внутреннего мира личности рождает множество эмоциональных нюансов, неизвестных более примитивной культуре.

Институционализированная дружба первобытного общества однозначна, в ней нет полутонов. Дагемеец точно знает (обязан знать!), кто из его ритуальных друзей, «братьев по ножу», является первым, ближайшим, кто — вторым и третьим, и чем он обязан каждому из них. Греку классического периода подобная ясность уже заказана. Его взаимоотношения с другими людьми и сопутствующие им чувства противоречивы. Живя в атмосфере социального и личного соперничества, он уже познал чувство психологического одиночества и испытывает потребность разделить свои переживания с другим, найти душу, родственную собственной.

Тессей у Еврипида (Геракл, 1224–1227), мотивируя свою непоколебимую верность попавшему в беду Гераклу, ссылается в первую очередь на традиционные обеты, законы гостеприимства и т. д.

Та дружба, что ветшает,
Мне ненавистна. Как?
У друга за столом
Отведав брашен сладких, в дни невзгоды
Его корабль покинуть?

Еврипид, 1969, т. 1, с. 461

Вместе с тем в разговорах о дружбе все больший упор делается на психологическую близость, необходимость не только помогать другу, но и разделять его чувства (Алкеста, 1009–1010): «Скажи мне, царь, иль я достоин не был с тобой делить, как друг, твою печаль?» (Еврипид, 1969, т. 1, с. 94).

Особенно сильно звучат эти мотивы в древнегреческой лирике, в которой любовные и дружеские обращения практически неразличимы.

Еще более индивидуализирован и экспрессивен идеал дружбы в философском кругу Сократа и Платона. По словам Сократа (Ксенофонт. Пир, VIII, 13), «без дружбы никакое общение между людьми не имеет ценности».

В противоположность утилитаризму софистов Сократ видит в дружбе тотально-личностное отношение, окрашенное всем спектром человеческих эмоций. Точно так же и Платон ставит дружбу выше всех остальных человеческих привязанностей, подчеркивая прежде всего эмоциональную и духовную природу дружеских отношений.

Друзья, говорит Платон (Пир, 209в), «гораздо ближе друг к другу, чем мать и отец, и дружба между ними прочнее, потому что связывающие их дети (имеются в виду совместно вырабатываемые

духовные качества. — И. К.) прекраснее и бессмертнее» (Платон, 1970, т. 2, с. 140).

Осознание эмоциональной природы дружбы и противопоставление интимной дружбы расчетливому товариществу неизбежно ставит вопрос о соотношении дружбы и других эмоциональных привязанностей, прежде всего сексуальных. От дифференциации общественных институтов и социальных ролей греческая культура переходит к проблеме *дифференциации индивидуальных чувств и привязанностей*, а одновременно — к разграничению понятий дружбы и любви.

Греческие слова «филия» и «эрос» по своему первоначальному смыслу были противоположны: «филия» означала близость и соединение подобного, а «эрос» — борьбу и соединение противоположного. В дальнейшем эти слова стали обозначать разные виды или оттенки любви: «эрос» — бурная стихийная страсть и жажда обладания, а «филия» — любовь-дружба, обусловленная социальными связями и личным выбором (Аверинцев, 1983; Vernant, Vidal-Naquet, 1973, p. 89). Однако строгого разграничения семантики чувств дружбы и любви ни один язык не проводит.

По Платону (Пир, 193а), дружба и любовь — не столько разные чувства, сколько разные аспекты — духовный и чувственный — одной и той же тотальной личной привязанности, которую философ определяет как «жажду целостности и стремление к ней» (Платон, 1970, т. 2, с. 120).

Дружба и мужская любовь

Главная специфическая особенность древнегреческого канона дружбы — ее неразрывная связь с понятием мужской однополой любви. В большинстве культур и языков разграничение дружбы и любви базируется на том, что любовь, основанная на сексуальном влечении, имеет своим объектом женщину, тогда как дружба мыслится как отношение между мужчинами и считается несексуальной. У греков этого ограничения не было, любовь между мужчинами и особенно между мужчиной и мальчиком считалась у них нормальным явлением, и эти чувства пронизывали всю древнегреческую культуру (Кон, 2003а, с. 140–169).

Понятия дружбы и однополой любви в греческой культуре часто выступают как синонимы. Однако психологический смысл этих отношений с течением времени изменялся. В архаический период

гомоэротизм был связан прежде всего с древней традицией закрытых мужских союзов и социализацией будущих воинов.

В древних Фивах существовал особый «священный отряд», состоявший из 300 любовников, который считался непобедимым, потому что, как писал Ксенофонт (Киропедия, VII, 1, 30), «нет сильнее фаланги, чем та, которая состоит из любящих друг друга воинов» (Ксенофонт, 1976, с. 160). Обнаружить страх перед лицом возлюбленного, не говоря уже о том, чтобы бросить его в бою, было неизмеримо страшнее смерти. По словам Плутарха (Пелопид, XVIII), «родичи и одноплеменники мало тревожатся друг о друге в беде, тогда как строй, сплоченный взаимной любовью, нерасторжим и несокрушим, поскольку любящие, стыдясь обнаружить свою трусость, в случае опасности неизменно остаются друг подле друга» (Плутарх, 1987, с. 309). В битве против македонцев при Херонее (338 до н. э.) все эти воины погибли, но ни один не сбежал и не отступил. Соответственно строилась и социализация мальчиков, для которых старший мужчина-воин был одновременно другом, любовником и наставником.

В классических Афинах ни закрытых мужских союзов, ни похищения мальчиков, ни мужских инициаций уже не было. Однако характерный для афинского общества дух жесткой соревновательности, одинаково сильной и в спорте, и в политике, порождал напряженную потребность в эмоциональном тепле и самораскрытии. В общении с кем мог древний афинянин удовлетворить эту потребность?

С женой? Приниженное социальное положение афинской женщины делало это невозможным. Принцип мужского верховенства последовательно проводился во всех сферах общественной и личной жизни. В древнегреческой культуре очень сильны мотивы мизогинии, неприязни к женщинам и страха перед ними. Афинский брак не был любовным союзом. Ни страстной любви, ни дружбы супружество не предполагало. Жена, которая по возрасту зачастую годилась супругу в дочери, была хозяйкой домашнего очага и матерью его детей, но практически не покидала женской половины дома и не участвовала ни в каких мужских занятиях. Кроме законной жены, афинянин мог посещать проститутку и в редких случаях поддерживать постоянные близкие отношения с высокопоставленными и образованными гетерами. Но психологической близости и тут большей частью не возникало из-за коммерческого характера отношений и различия мужского и женского миров. Идея равенства полов глубоко чужда древнегреческой культуре.

Не было интимной близости и между отцами и детьми. Мужчины-афинянин проводил дома очень мало времени. До 6 лет дети воспитывались на женской половине дома, под опекой матерей. Затем мальчиков отдавали в школу, где их обучали специально подготовленные рабы-педагоги. Отцовская власть в семье была абсолютной, но отцы мало общались с сыновьями, а жесткая семейная дисциплина порождала психологическую отчужденность и напряженность. Проблема отцов и детей в классических Афинах стояла весьма остро.

Школа? Древнегреческая теория воспитания, «пайдейя» не знает понятия формального обучения, более или менее безличной передачи знаний и навыков. По словам Ксенофонта, «никто не может ничему научиться у человека, который не нравится» (Ксенофонт, 1937, с. 33). Воспитание мыслится здесь исключительно как глубокое личное общение, в котором старший должен быть одновременно наставником, другом и идеалом младшего и в свою очередь испытывать к нему чувство любви. Наемный педагог для этого не годится, и не только из-за его зависимого, рабского статуса.

Прогрессивные педагоги нового времени сравнивали школу, основанную на принуждении, с казармой, утверждая, что такие отношения воспитательно неэффективны: учитель, вооруженный палкой, не может вызывать добрых чувств. Ксенофонт (Анабасис, II, 12–13), наоборот, сравнивает жестокого полководца с учителем: «...в нем не было ничего привлекательного, он всегда был сердит и суров, и солдаты чувствовали себя перед ним, как дети перед учителем. При нем никогда не было ни одного человека, следовавшего за ним из дружбы или расположения» (Ксенофонт, 1951, с. 64).

В этих условиях гомоэротическая дружба-любовь между мужчиной и мальчиком/юношей становится уникальным и незаменимым институтом социализации. Дополняя то, чего не могли обеспечить другие социальные институты, она фокусировала в себе весь эмоциональный мир личности и была исключительно значима для обеих сторон. Почти все греческие мужчины рано или поздно женились и отнюдь не испытывали сексуального отвращения к женщинам, но отношения с мальчиками занимали особое место в их жизни.

Но хотя понятия однополрой любви и дружбы у греков часто совпадают, ни в теории, ни на практике они не тождественны. Если в любовных отношениях роли обычно асимметричны (греки различают понятия «любящего» и «любимого»), то в дружбе действует принцип равенства прав и обязанностей. По словам Платона (Законы, 757а-в), «истинна древняя пословица, что равенство создает дружбу...»

(Платон, 1970, т. 3, часть 2, с. 231). Кроме того, в отличие от любви дружба обязательно предполагает взаимность, она не может быть односторонней (Лисид, 212а-е; Платон, 1986, с. 280–281).

Нравственная ценность дружбы

Высокая экспрессивность, эмоциональная заряженность древнегреческого канона дружбы сочетается с тенденцией к ее интеллектуализации и превращению в добродетель. Дружба, подчеркивает Сократ, «соединяет людей нравственных» (Ксенофонт. Воспоминания о Сократе, II, 6:22), для которых духовное общение важнее преходящих чувственных удовольствий. Этот принцип ретроспективно распространяется и на древнюю героическую дружбу: Ахилл «отомстил за смерть Патрокла не как любовника, а как друга. Равным образом, Орест, Пилад, Фесей, Пирифой и многие другие доблестные полубоги, по словам поэтов, совершили сообща такие великие и славные подвиги не потому, что спали вместе, а потому, что высоко ценили друг друга» (Ксенофонт. Пир, VIII, 31–32).

Платон («Федр», 240с) специально обсуждает в этой связи вопрос о различиях дружбы между юношами-сверстниками, у которых «равенство возраста ведет к равным удовольствиям и, вследствие сходства, порождает дружбу» (Платон, 1970, т. 2, с. 174), и дружбы между старшим и младшим, в которой главная роль отводится обмену духовными ценностями.

Подчеркивая духовно-нравственные основы дружбы, Платон пытается решить проблему: что может быть основой глубоких личных взаимоотношений, когда традиционная институционализированная дружба уже умерла, а «политическая дружба» корыстна и расчетлива? Если видеть в дружбе только чувство, эмоциональную привязанность, существующую независимо от общих интересов и целей деятельности, эта проблема неразрешима. Поэтому Платон выводит дружбу за рамки непосредственных межличностных отношений и считает эмоционально-психологическую близость друзей производной от присущей им общей нравственной цели, общего стремления к совершенству. Если в «Пире», «Федре» и ряде других диалогов философ подчеркивал преимущественно единство и взаимопроникновение дружбы и любви как духовного и чувственного начал, то в «Законах» он стремится их разграничить.

Оценивая дружбу с позиций не столько отдельного индивида, сколько с точки зрения общества, Платон (Законы, 693с) подчер-

кивает ее **социально-интегративные** функции, замечая, что «рассудительность», «разумность» или «дружба» — «это не разные точки зрения, но все одна и та же» (Платон, 1970, т. 3, ч. 2, с. 164). Взаимоотношения друзей, как и все прочие отношения — «к нашим потомкам, родственникам, друзьям, согражданам, к лицам связанным с нами узами гостеприимства» (Законы, 718a) должны по мнению философа, исходить из возвышенной общей цели и направляться и регулироваться законами (Платон, 1970, т. 3, ч. 2, с. 191). Таким образом, эмоционально-экспрессивные ценности, как ни важны они для дружбы, перестают быть самодовлеющими, *а включаются в систему общественных отношений*, которые регулируют их извне (законы) и изнутри (идеал добродетели).

В суммарном виде логика эволюции древнегреческого канона дружбы сводится к следующему. Первоначально идея дружбы возникает в греческой культуре в связи с отношениями родства. Затем дружба выделяется в автономный социальный институт, в котором эмоционально-экспрессивные функции подчинены инструментальным. По мере разрушения общинных связей дружба становится более или менее временным союзом, основанным на осознанной общности интересов. Как протест против этого возникает идеал бескорыстной и безотчетной, основанной только на эмоциональном притяжении дружбы-любви. И наконец, как преодоление обеих крайностей — рассудочности и эмоциональности — появляется **этическая теория дружбы**, оценивающая мотивы друзей и их совместную деятельность на основании каких-то общих, универсальных критериев.

Аристотель о дружбе

Своеобразный итог древнегреческой философии дружбы подвел Аристотель, который дал в «Никомаховой этике» первый цельный очерк теории дружбы как самостоятельного нравственного отношения, не совпадающего с другими видами социальных связей и эмоциональных привязанностей. Философ рассматривает дружбу как *«специфически человеческий факт*, объяснение и цель которого следует искать без обращения к законам природы или к трансцендентному Благу, выходящему за рамки эмпирического существования» (Fraisie, 1974, р. 190). Иначе говоря, Аристотель подвергает дружбу не только философско-этическому, но и *психологическому* анализу.

Дружба, по Аристотелю (Никомахова этика, VIII, 1, 5), величайшая социальная и личная ценность, «самое необходимое для жизни.

Действительно, никто не выберет жизнь без друзей (*philoï*), даже в обмен на все прочие блага» (Аристотель, 1983, т. 4, с. 219).

Аристотель дает определение дружбы одновременно с нескольких позиций.

Во-первых, в зависимости от **типа партнера** он различает отношения отеческие, братские, родственные, супружеские, соседские, политические, товарищеские, эротические и основанные на гостеприимстве. Такая классификация объективна, но вместе с тем содержит указание на специфику связанных с данными отношениями эмоциональных переживаний.

Во-вторых, он разграничивает **равные отношения** и отношения, основанные на социальном или нравственном **превосходстве** одного партнера над другим.

В-третьих, он дифференцирует **характер испытываемых человеком чувств**, различая спокойное дружелюбие, расположение и приятнь вообще, индивидуализированные дружеские чувства и страстную любовь, влечение.

В-четвертых, он классифицирует **мотивы** заключения и поддержания дружеских отношений: утилитарная дружба — ради пользы, выгоды; гедонистическая дружба — ради удовольствия, приятности; совершенная дружба, в которой эти мотивы подчинены бескорыстной любви к другу как таковому.

Однако, выделяя «виды дружбы», Аристотель сомневается в том, что у этих «видов» имеется общий «род». «Дружба» как родовое понятие у него совпадает с совершенной «дружбой добродетельных», совмещая в себе все то, что есть в других «видах» дружбы.

Дружба, основанная на соображениях пользы или удовольствия, не может быть ни истинной, ни прочной: «...Это дружба постольку поскольку, ибо не тем, что он именно таков, каков есть, вызывает дружбу к себе тот, к кому ее питают, но в одном случае тем, что он доставляет какое-нибудь благо, и в другом — из-за удовольствия. Конечно, такие дружбы легко расторгаются, так как стороны не постоянны (в расположении друг к другу). Действительно, когда они больше не находят друг в друге ни удовольствия, ни пользы, они перестают и питать дружбу» (Никомахова этика, VIII, 3, 19–24; с. 222).

Совершенная же дружба **бескорыстна** и не знает разграничения экспрессивных и инструментальных ценностей: «...питая дружбу к другу, питают ее к благу для самих себя, ибо, если добродетельный становится другом, он становится благом для того, кому друг» (Ни-

комахова этика, VIII, 7, 33–35; с. 227). Соображения пользы, удовольствия, взаимопомощи не имеют в такой дружбе решающего значения, потому что отношение к другу в принципе не отличается от отношения человека к самому себе. «...Все проявления дружбы из отношения к самому себе распространяются на отношение к другим. И все поговорки в этом согласны, например: “дупа в дупу”, и “у друзей все общее”, и “уравненность — это дружность”, и “своя рубашка ближе к телу”...» (Никомахова этика¹, IX, 1168b,6-10; с. 256).

Благодаря этому дружба является также необходимым средством самопознания: «Как при желании увидеть свое лицо мы смотримся в зеркало и видим его, так при желании познать самих себя мы можем познать себя, глядя на друга» («Большая этика», 1213a, 21–24, с. 373).

Друг — наше «второе Я». Ближе друга у человека никого нет. Поэтому, считает Аристотель, количество друзей всегда ограничено. Близкая дружба — это дружба с немногими, «при товарищеской дружбе не бывает большого числа друзей, да и в гимнах юворится о парах» (Никомахова этика, IX, 1171a, 15-17, с. 263).

Из такого понимания дружбы вытекает целый ряд психологических проблем: разграничение дружбы и простого «расположения», выявление особенностей юношеской и старческой дружбы, зависимости дружбы от индивидуальных черт личности и т. п.

Дружба в понимании Аристотеля уже не является ни традиционным социальным институтом, ни разновидностью расчетливого товарищества, ни проявлением сексуального влечения, ни абстрактной добродетелью, а самостоятельным **высокоиндивидуализированным межличностным отношением**. По сути дела, Аристотель сформулировал все важнейшие вопросы психологии и этики дружбы². Однако он и мысли не допускает о возможности дружбы между свободным человеком и рабом.

Дружба в поздней античности

Культ дружбы характерен не только для древнереческой, но и для эллинистической и древнеримской философии. По выражению Эпикура, «дружба обходит с пляской вселенную, съавляя нам всем, чтобы мы пробуждались к прославлению счастливой жизни» (Мате-

¹ «Никомахова этика», «Большая этика» см.: Аристотель. Соч.: В 4 т. 1983. Т. 4.

² Факторный анализ представлений о дружбе 120 американских студенток показал, что они мало чем отличаются от описанных Аристотелем, хотя тот жил 2000 лет назад и говорил исключительно о мужчинах (Murstain and Sptz, 1973/74).

риалисты древней Греции, 1955, с. 222) Но хотя дружбу прославляют и Феофраст, и Эпиктет, и Диоген Лаэртский, и Цицерон, и Сенека, и Плутарх, расставляемые ими этические акценты различны.

Эпикур и его последователи подчеркивают утилитарно-рассудочные истоки дружбы. По словам Эпикура, «всякая дружба желанна ради себя самой, а начало она берет из пользы» (там же, с. 220). Но поскольку истинная дружба, по Эпикуру, порождается только мудростью, дружба приобретает черты некоторого духовного аристократизма и ставится в известном смысле даже выше мудрости, ибо мудрость — благо смертное, а дружба — бессмертное.

Если у эпикурейцев дружба — источник радости, то ригористическая этика стоиков (например, Эпиктет) трактует ее прежде всего как долг и добродетель, которой должны быть подчинены живые человеческие чувства. Это делает дружбу еще более исключительной, доступной только мудрецу.

Особенно широко обсуждается в поздней античности вопрос об отношениях между дружбой и государством. В доклассовом обществе, где ритуализованные личные отношения непосредственно составляли ячейку социальной жизни, такой вопрос практически не возникал. В классовом обществе он ставится чрезвычайно остро. Чем сильнее подчеркивается индивидуальность и самоценность дружбы, тем сложнее совместить ее с универсалистскими притязаниями государства.

Эту проблему подробно обсуждает Марк Туллий Цицерон, диалог которого «Лелий» (О дружбе) оказал сильнейшее влияние на последующую философию дружбы.

По мнению Цицерона, стремление к дружбе является природным свойством человека. Дружба возникает из взаимного расположения и симпатии, что предполагает также сходство желаний, стремлений, убеждений. Иначе говоря, «дружба не что иное, как согласие во всех делах божеских и человеческих в сочетании с благожелательностью и привязанностью» (Цицерон, 1975, с. 36).

Цицерон высоко ценит интимность, откровенность и доверительность дружбы. Его переписка с друзьями, особенно с Аттиком, свидетельствует, что и сам он был способен на такое чувство. Однако интимность и взаимная любовь друзей не должны заслонять **социально-нравственное содержание дружбы**. Давая людям радость взаимопонимания и общения, дружба одновременно налагает на них определенные обязательства. «Основание стойкости и постоянства, которых мы ищем в дружбе, — верность; ведь неверное не может быть стойким» (там же, с. 47). Дружба предполагает взаимную требова-

тельность и контроль, а также взаимопомощь. До некоторой степени даже дозволено «помочь друзьям в их не совсем справедливых желаниях, когда дело коснулось бы их гражданских прав или их доброго имени» (там же, с. 46).

Тем не менее внутренний кодекс дружбы тесно связан с общегражданским моральным кодексом и подчинен последнему. «...Мы не можем даже предположить, чтобы кто-нибудь из них (достойных людей прошлого. — И. К.) решился потребовать от друга чего-либо такого, что было бы противно совести, противно клятве, противно интересам государства» (там же, с. 41).

Долг гражданина выше личной дружбы. Поэтому «в дружбе должен быть незыблем закон — не просить друга о бесчестных действиях и самому таковых не совершать, уступая его просьбам; ибо позорно и никак не приемлемо оправдание, относящееся как к другим поступкам, так и к случаю, если кто-нибудь сознается в действиях, во вред государству совершенных ради друга» (там же).

Если Цицерон выражает официальную позицию римского общества середины I в. до н. э., то его современник пол Гай Валерий Катулл рисует образ дружбы этически нейтрально по отношению к обществу и государству. Акцент делается на взаимной эмоциональной привязанности и верности друзей, жизненный мир которых не только отличается от окружающего («официального») общества, но и противопоставляется ему.

Как замечает И. В. Шталь, «друг Катулла и друг Цицерона изображены, “созданы” по единой образной модели. Чтобы стать другом, герой должен иметь ряд определенных свойств и качеств, которые он выявляет на деле, в поступках, и поступки эти приносят ему при одобрении друзей славу в веках». Но содержание и даже сфера значимых для Цицерона и для Катулла поступков различны.

«Все свойства “добропорядочного мужа” Цицерона раскрываются в сфере общественной государственной жизни, в то время как “добропорядочный муж”, юноша Катулла совершает свои подвиги, проявляет себя лишь в жизни внеобщественной, в жизни частной... В дружбе, в дружеском союзе герои Катулла ищут спасения от превратностей судьбы, от жестокого и страшного внешнего мира, от разбушевавшейся гражданской стихии» (Шталь, 1977, с. 131, 132).

Что стоит за этим различием? Разные идеологические позиции — идеолог официального общества Цицерон и оппозиционно настроенный Катулл? Или социально-возрастные различия: Цицерон говорит от лица зрелого общественного деятеля, а Катулл — от лица пыл-

кого и праздного юноши? Или разные типы личности? Или жанровые особенности: одно дело — правоучительный трактат, обосновывающий определенное правило, другое дело — лирическое стихотворение, выражающее чувства автора? Вероятно, все это, вместе взятое. Полифония индивидуализированной дружбы, где личное переплетается с общественным и одно переходит в другое, не допускает однозначных объяснений.

Для нашей темы это не столь уж важно. Существенно то, что античность представляет **завершенный цикл развития понятия дружбы**. Сначала дружба выступает как синоним или частный аспект родства. Затем она превращается в самостоятельный институт; роль друга приобретает самодовлеющее социальное значение. Дальнейшая дифференциация социальной структуры приводит к тому, что личные отношения отделяются от социально-институционализированных. Это повышает индивидуальную избирательность дружбы, но одновременно делает ее социальные функции и взаимные обязанности друзей менее определенными и более проблематичными. Отсюда — психологизация, интимизация дружбы и спор о соотношении ее инструментальных и экспрессивных функций. Из договорного отношения и социального союза дружба превращается в эмоциональную привязанность, на первый план выходит проблема ее мотивов и соотношения дружбы и любви. Но экспрессивные функции также имеют определенное общественное значение (дружба как институт социализации). Это привлекает внимание к ценностной стороне дружбы, побуждая рассматривать ее преимущественно *в этическом, нормативном ключе*. Задача *описания* дружеских отношений, какими они фактически являются (сделать это становится все труднее из-за индивидуальных различий), подчиняется обоснованию *идеала* дружбы, какой она должна быть, природы дружеских обязанностей и соотношения дружбы и общественного долга.

4. От рыцарской дружбы к романтической

Ты был мне братом много лет и зим.
Друг другу не чинили мы обид.
Коль дух ты испустил — и мне не жить.

Песнь о Роланде

Поздняя античность создала высокоиндивидуализированные образы дружбы. В раннем Средневековье человек снова оказывается неотъемлемой частью общины. Вся его жизнь, от рождения до смерти, регламентирована. Он почти никогда не покидает места своего рождения. Его жизненный мир ограничен рамками сословной принадлежности. Как бы ни складывались обстоятельства, дворянин всегда остается дворянином, а ремесленник — ремесленником. Его социальная роль для него так же органична и естественна, как собственное тело. Каждому сословию присуща своя собственная система добродетелей, и каждый индивид должен знать свое место.

Средневековый канон дружбы имеет два главных источника — традицию древних мужских союзов и побратимств и христианскую этику, которая по-своему интерпретировала эту традицию.

Христианский канон дружбы

Самая знаменитая ветхозаветная история — повесть о дружбе юного героя Давида и сына царя Саула Ионафана.

Эта дружба возникла практически «с первого взгляда». После того как Давид принес Саулу голову убитого им Голиафа, «душа Ионафана прилеплась к душе его», и Ионафан «заключил с Давидом союз, ибо полюбил его, как свою душу. И снял Ионафан верхнюю одежду свою, которая была на нем, и отдал ее Давиду, также и прочие одежды свои, и меч свой, и лук свой, и пояс свой» (1-я Царств, 18:1, 3, 4).

Царь Саул не доверял Давиду и пытался погубить его, однако Ионафан не только защищал Давида от отца, но и предупредил друга о грозящей опасности и помог ему бежать. «И сказал Ионафан Давиду: чего желает душа твоя, я сделаю для тебя» (1-я Царств, 20:4). «И снова Ионафан клялся Давиду своей любовью к нему; ибо любил его, как

свою душу» (1-я Царств, 20:17). И когда Давид расставался с Ионафаном, то «пал лицом своим на землю, и трижды поклонился; и целовали они друг друга, и плакали оба вместе, но Давид плакал более» (1-я Царств, 20:41).

Когда Ионафан вместе с отцом пал в битве с врагами, Давид сказал: «Скорблю о тебе, брат мой Ионафан: ты был очень дорог для меня; любовь твоя была для меня превыше любви женской» (2-я Царств, 1:26).

Последняя фраза стала крылатой и нередко истолковывается как указание на любовь — эротический характер отношений Давида и Ионафана, но в подобных выражениях описывались многие героические дружбы. Библия говорит не просто о любви молодых людей, но подчеркивает, что Ионафан «заключил с Давидом союз». Это была типичная ритуализованная дружба, причем подчеркивается ее духовное начало.

О ценности дружбы много говорится и в Новом Завете. «Нет больше той любви, как если кто положит душу за друзей своих», — говорит Иисус (Иоанн 15:13). Христос называет своих учеников друзьями: «Я уже не называю вас рабами. Ибо раб не знает, что делает господин его; но Я называю вас друзьями, потому что сказал вам все, что слышал от Отца Моего» (Иоанн, 15:15). Отношение Христа к ученикам индивидуализированно. Среди Его учеников был один, «которого любил Иисус» и который «возлежал у груди Иисуса» (Иоанн, 13:23) (эту сцену воспроизводит трогательная немецкая деревянная скульптура XIV в. «Христос и Святой Иоанн»). Когда Его уводили на казнь, Иисус увидел Мать и рядом с нею ученика, «которого любил», и сказал Матери: «се, сын Твой», а ученику: «се, Мать твоя! И с этого времени ученик сей взял Ее к себе» (Иоанн, 19:26, 27).

Многие исследователи, в том числе известный православный богослов отец Павел Флоренский, обращают внимание также на индивидуальные отношения между апостолами, подчеркивая, что «дружба *по-двое* была осуществлена в среде учеников Христовых и что эта связь *по-двое* выразилась в распределении их *по-двое* для проповеди. Дружба эта была для них делом жизни, а не мимолетным и случайным сотрудничеством попутчиков или со-товарищей, и на эту прочность двойственных отношений явно указывает твердо установившаяся ассоциация апостольских имен *по два*» (Флоренский, 1990, с. 426).

Проблема классификации дружеских чувств и соотношения дружбы и любви занимает важное место в христианском богословии. Чисто терминологически разграничить эти понятия было невозможно. Как и в древнегреческом языке, в средневековой латыни «любовная»

и «дружеская» лексика, равно как и широко распространенное понятие «братства», никогда не были однозначными, разные значения часто накладывались друг на друга, употребление этих слов зависит исключительно от контекста (Флоренский, 1990; Egenter, 1928; Nygren, 1982; Boswell, 1994).

«Друга верного нельзя ничем заменить, — пишет Григорий Богослов (ок. 329–390) Григорию Нисскому, — и несть меры доброте его. Друг верен — кров крепок» (цит. по: Флоренский, 1990, с. 431). Отцы церкви многократно повторяют мысль о необходимости, наряду со вселенской любовью в ближнем уединенной парной дружбы. «Насколько первая должна относиться *ко всякому*, не взирая на его скверну, настолько же вторая должна быть осмотнительною в выборе друга. Ведь с другом срастаешься, друга, вместе с его качествами, принимаешь *в себя*; чтобы не погибнуть обоим, тут нужно тщательное избрание» (там же).

Христианское требование возлюбить ближнего как самого себя напоминает аристотелевский принцип «относиться к другу, как к самому себе», видеть в нем «другого себя». Но Аристотель имеет в виду взаимоотношения между двумя конкретными индивидами, окрашенные всем спектром человеческих эмоций, тогда как теологи говорят об абстрактном «ближнем». Христианская «любовь к ближнему» не является избирательной, она распространяется на всех и вытекает из общей морально-религиозной нормы.

С точки зрения средневекового теолога, «истинная дружба» проистекает не из природного, естественного взаимодействия двоих людей, а из божественной любви (Nygren, 1982). Слишком сильная эмоциональная привязанность к какому-нибудь отдельному человеку даже опасна, так как отвлекает от Бога и к тому же легко принимает эротический характер.

Отождествляя «истинную дружбу» с «христианской любовью» к Богу, отцы церкви и средневековые теологи часто противопоставляют «божественную дружбу» реальным, земным привязанностям. Автор так называемых «Поучений Силуана» (II–V вв.) предупреждает сына: «Не доверяйся никому как другу... Мой сын, не бери себе всякого человека как друга. А если ты приобрел его, не доверяйся ему. Доверяйся только Богу как отцу и как другу. Ибо всякий человек ходит во лжи» (Антология педагогической мысли христианского Средневековья. 1994. Т. 1, с. 44).

За теоретическими проблемами нередко стояли проблемы личные. Это хорошо видно в «Исповеди» самого влиятельного богослова ран-

него Средневековья епископа Гиппонского Аврелия Августина (354–430) (Августин, 1991; о его философии дружбы см. MacNamara, 1958).

Едва ли не самые трогательные ее страницы — рассказ о юношеской дружбе Августина с соучеником по школе, товарищем детских игр. Дружба эта, покоившаяся на полном совпадении всех склонностей и чувств, была искренней и нежной, но чересчур интимной.

«Что же доставляло мне наслаждение, как не любить и быть любимым? Только душа моя, тянувшаяся к другой душе, не умела соблюсти меру, оставаясь на светлом рубеже дружбы; туман поднимался из болота плотских желаний и бившей ключом возмужалости, затуманивал и помрачал сердце мое, и за мглою похоти уже не различался ясный свет привязанности» (Исповедь, II, 2, 9).

Но — Божья кара за греховные заблуждения! — друг внезапно заболел и умер. Августин тяжело переживал эту утрату: «Какой печалью омрачилось сердце мое! Куда бы я ни посмотрел, всюду была смерть. Родной город стал для меня камерой пыток, отцовский дом — обителью беспросветного горя; все, чем мы жили с ним сообща, без него превратилось в лютую муку. Повсюду искали его глаза мои, и его не было. Я возненавидел все, потому что нигде его нет, и никто уже не мог мне сказать: “Вот он придет”, как говорили об отсутствующем, когда он был жив... Только плач был мне сладостен, и он наследовал другу моему в уладе души моей» (Исповедь, IV, 4, 9).

Однако боль утраты не убила привязанности к жизни. Как же могло случиться, что я, его «второе Я», жив, когда он умер? Ведь «моя душа и его душа были одной душой в двух телах» (Исповедь, IV, 6, 11). В позднейшем примечании Августин-теолог осудил этот крик души Августина-мемуариста как «фривольную декламацию»: греховна не только мысль о слиянии душ, но и сама безоглядная любовь к смертному. Только тот не теряет близких своему сердцу, чья дружба покоится в Боге — «в Том, Кого нельзя потерять» (Исповедь, IV, 9, 14).

«Истинная дружба» в понимании христианского теолога возможна только на небе (Egenter, 1928). Святой Ансельм Кентерберийский (XI в.) называет ее в числе 14 признаков вечного небесного блаженства. Позднее, когда в церковной скульптуре (впервые — в северном портале Шартрского собора во Франции) появляется аллегорическое изображение Дружбы в виде молодой, прекрасной женщины в короне и со щитом, украшенным четырьмя голубями, а в книжных миниатюрах изображаются эпизоды библейской дружбы

Давида и Ионафана, все это символизирует не столько земные, человеческие, сколько небесные, идеальные отношения.

Природа и функции дружбы были предметом долгих теологических дебатов. Схоластики и мистики XII–XIII вв., начиная с Фомы Аквинского, всячески превозносят духовную дружбу в противоположность чувственной любви, вплоть до отождествления «истинной дружбы» и «христианской любви», коренящейся в Боге. В то же время они не могли игнорировать существование не зависящей от благочестия «естественной дружбы». «То, что по природе близко, неизбежно дружественно друг другу», — писал английский богослов XII в. Аделард Батский (Nitschke, 1972, p. 108).

Многие средневековые авторы расширительно трактуют понятие дружбы, отождествляя ее с любыми формами благожелательности, включая отношение к природе, любовь к животным и т. д. Согласно Фоме Аквинскому, «естественная дружба», основанная на преходящих земных благах, сама по себе не является добродетелью и становится таковой, только подчиняясь благочестию.

Дружба рыцарей

Богословские споры имели нормативный характер, стараясь определить, что правильно, а что неправильно, но повседневная жизнь с ними не особенно считалась. Феодальная иерархия формировала межличностные отношения значительно эффективнее. Средневековый индивид мог считаться личностью в той мере, в какой он был соотносен со всеобщим принципом и насколько полно он его выражал. Именно духовная сопоставимость всех индивидов делает их неравными. «Средневековые люди всегда связаны корпоративными и т. п. узами, — и именно связанность делает их отношения конкретными и личностными. Они пребывают на разных ступенях бесконечной лестницы, различаясь мерой олицетворения подлежащих истин и ценностей» (Баткин, 1978, с. 54).

Средневековый канон (точнее — каноны) дружбы и ориентированные на него бытовые отношения откровенно **сословны**. Это проявляется и в круге друзей, и в самом этикете дружеского общения. Существовали по меньшей мере три таких канона: 1) феодально-рыцарский; 2) бытовой, регулировавший отношения простых крестьян и ремесленников, и 3) духовно-монастырский, распространявшийся на духовенство.

Феодално-рыцарская дружба тесно связана с архаической воинской дружбой и обычаями побратимства, унаследованными от дофеодалных времен и дополненными символикой вассальной верности и покровительства сильного слабому (Кардини, 1987; Fritze, 1954, Brown ed., 1997; Haseldine ed., 1999).

Особое место среди средневековых дружб занимает институт *побратимства* (Brown ed., 1997), которое нередко скреплялось чем-то вроде церковного брачного обряда.

Известный американский историк-медиевист Джон Босуэлл нашел в европейских архивах, включая Ватиканскую библиотеку, около 80 документов, регламентирующих способы заключения таких союзов, читаемых при этом молитв и т. п. (Boswell, 1994). Прошедшие через этот обряд однополые пары, как мужские, так и женские, получали такое же божественное благословение, как муж и жена. Позже католическая церковь это запретила. Однако предположение Босуэлла, что эти отношения, оформлявшиеся *как браки*, молчаливо предполагали также сексуальную близость, кажется необоснованным. Дело не в том, что об этом нет прямых упоминаний в церковных текстах — при заключении обычных браков о сексе тоже ничего не говорится. Смысл любого договора молчаливо соотносится с системой нравственно-религиозных представлений социума. То, что казалось естественным гомеровским грекам, вряд ли приходило в голову средневековым священникам.

Английское *wedding* (брак, бракосочетание) происходит от слова *wed*, которое в средневековом английском языке означало также «обет» и «договор». Освящая такой договор, церковь признавала этот союз священным и нерушимым, но функции его могли быть разными: примирение с врагом, создание воинского союза, породнение и т. д. Внешними знаками дружбы могли быть объятия, поцелуи, совместная еда и общая постель. Поскольку многие обряды скреплялись поцелуем, средневековая мысль старается отличать «духовный поцелуй» от «телесного». Различаются также «поцелуй мира», «священный» и «святой» поцелуй. Однако условное родство всегда отличалось от кровного; в частности, оно не предполагало права наследования имущества.

Реальные взаимоотношения людей были разными. Один английский клирик XII в. специально предупреждал, что ритуальное братство может вести «ко многим грехам».

В 1407 г. два французских феодала, герцоги Людовик Орлеанский и Жан Бургундский, торжественно поклялись перед алтарем

в «вечной любви и братстве», однако это не помешало герцогу Жану несколько лет спустя подослать убийц к своему побратиму.

Но бывало и иначе. Два знатных английских рыцаря, сэр Уильям Невилл и сэр Джон Клэнвау, стали крестными братьями в 1373 г. Когда в 1391 г. во время крестового похода сэр Джон погиб, сэр Уильям через несколько дней умел от горя, оба рыцаря похоронены в одной могиле (Bray, 2003, с. 25).

Идея дружбы как воплощения благородства и верности отлично вписывается в феодальную систему ценностей. Рыцарская мораль ставит мужскую дружбу выше любви и семейных отношений. В «Песне о Роланде» рассказывается, что невеста Роланда, красавица Альда, узнав о смерти своего рыцаря, тут же падает мертвой; напротив, умирающий Роланд не вспоминает о невесте, зато он горько оплакивает своего друга и соратника Оливье.

У героя феодального эпоса «Тристан и Изольда» верность дружбе и жажда подвигов сильнее, чем любовь к Изольде. Без друга герой средневекового эпоса утрачивает половину своей силы. Отважный Роланд и вдумчивый Оливье только сообща достигают необходимого равновесия отваги и мудрости. В английской балладе XVI в. «Бевик и Грэм» отцы побратимов поссорились, и один из них приказал сыну убить друга. Грэм послушался и смертельно ранил Бевика, но затем покончил с собой. Как и в «Ромео и Джульетте», оба отца над трупами сыновей горько раскаялись в своей ссоре.

Дружеские обязательства считались необратимыми. Даже неверность и предательство друга не освобождали побратима от данной ему клятвы и связанных с нею обязательств (Bray, 2003).

Когда рыцарские романы позднего Средневековья красочно описывают нерушимость рыцарской дружбы, выдерживающей самые невероятные испытания, за этим легко разглядеть идеализированные отношения вассальной зависимости, напоминающие ритуализованную дружбу древности с ее клятвами верности, обменом дарами и т. д. (Nyatt, 1994).

Эти отношения не требовали социального равенства. Для средневекового человека иерархичность дружеских, как и всех остальных, отношений вполне естественна. Этот принцип распространялся не только на рыцарей. Данте в «Новой жизни» упоминает человека, «который, следуя степеням дружбы, является вторым другом моим, непосредственно после первого» (Данте Алигьери, 1968, с. 43). В письме к властителю Вероны Кан Гранде делла Скала, который был ему верным другом и покровителем, Данте пишет, что «священные узы

дружбы связывают не столько людей равных, сколько неравных» (Данте Алигьери, 1968, с. 385). Эта тема оживленно обсуждалась и позже, по крайней мере до XVII в.

Ритуализованный характер рыцарской дружбы вовсе не исключал высокой эмоциональности. В Средние века не существовало запретов на выражение сильных эмоций. Персонажи героического эпоса не только гомерически хохочут и легко приходят в ярость, но и публично, при всех, рыдают:

Сдержать не может слез великий Карл,
С ним плачет вся стотысячная рать...
Рвет бороду, сдержать не может гнев,
Рыдает он, и с ним бароны все...
Нет рыцаря и нет барона там,
Чтоб в грудь себя не бил и не рыдал...
Без чувств от горя многие лежат...
Над нею, сострада, он заплакал.

Песнь о Роланде, 1976, с. 53, 99, 136

Конечно, это не буквальное описание, феодальный эпос имеет свою стилистику. Но, по-видимому, такое поведение не противоречило правилам рыцарского этикета. В то же время более тонкие, внутренние переживания были еще относительно неразвиты, для их выражения людям не хватало слов.

Особое место занимали дружеские отношения в среде молодежи. Понятие молодости в Средние века было расплывчатым, охватывая период от окончания детства до момента, когда мужчина женился и становился главой семьи. Иногда этот период растягивался на 15–20 лет. Посвященные в рыцари сыновья феодальных сеньоров томилась скукой или затевали скандалы в отцовских замках. Чтобы избавиться от них и одновременно помочь приобрести боевой опыт, их часто отправляли в дальние странствия. Объединяясь в группы (нередко это были сыновья вассалов во главе с сыном их сюзерена), молодые люди вели жизнь бродячих рыцарей, сражались, грабили, искали богатых невест. По словам французского хрониста XII в., эти «друзья» «любили друг друга, как братья» (Dubu, 1969, р. 837), но общество приписывало им также всевозможные пороки, включая пристрастие к «содомскому греху».

Помимо бродячих компаний (кроме странствующих рыцарей, были также бродячие ремесленники и студенты) в городах и селах существовали оседлые сообщества молодых людей: «мальчишники», «холостячества», «братства», «королевства шутов», «аббатства моло-

дежи» и т. п. Объединяя юношей (а иногда и девушек) примерно одного возраста, эти сообщества не только развлекались всевозможными озорными проделками, давая выход молодой энергии, но и выполняли ряд функций, связанных с социализацией: регулирование внесемейного общения юношей и девушек, воинское обучение и т. п. Эти молодежные группы четко вписывались в феодальную структуру и имели собственный порядок и организацию, но отношения внутри них были значительно свободнее, чем в семье или ремесленном цехе (см. Rossiaud, 1976).

В отличие от рыцарской дружбы, которая описывалась в нарочито возвышенных тонах, дружеские связи крестьян и городских ремесленников выглядят более прозаически. Деревенская община даже в XVI–XVII вв. редко насчитывала больше 300–500 человек, так что все отношения в ней неизбежно имели непосредственно-личный характер. Дружеские связи тесно переплетались с родственными и соседскими и рассматривались как их продолжение или дополнение.

В Англии XVI — начала XVII в. слово «друг» обозначало как любимого («дорогой друг»), так и любого другого человека, с которым индивид был как-либо связан, кто оказывал или мог оказать ему помощь и поддержку. Еще шире было значение слова «друзья» во множественном числе (Stone, 1977, р. 97–99). Священник Ральф Джослин, дневник которого считается одним из ценнейших источников по истории повседневной жизни Англии XVII в., говорит о «друзьях-и-соседах» слитно. Друзьями он называет всех родственников, независимо от интенсивности своих контактов с ними. Из числа «друзей-соседей» Джослин выделяет самых близких, с которыми он поддерживает более тесные отношения (Macfarlane, 1970, р. 149–151). Эти отношения были не столько индивидуальными, сколько семейными.

Дружба духовных лиц

По иным канонам строилась дружба в духовных, монашеских кругах. Более образованные, чем их современники, эти люди испытывали и большую потребность в вербальном общении, а усугубленный обетом безбрачия дефицит эмоциональных привязанностей усиливал потребность в самораскрытии. Как писала своему духовному другу англо-ирландская аббатиса Эангита, «каждый человек, когда он не достаточен сам для себя и не доверяет собственной мудрости, ищет

верного друга, которому он мог бы оказать доверие и открыть тайну своего сердца» (Riché, 1973, p. 311).

Дружба духовных лиц в Средние века также не была единообразной. Сплошь и рядом нежные обращения и призывы к дружбе были чисто риторическими. В других случаях «дружба» служила дополнением и заменой официальных связей (путем рекомендательных писем и т. п.). Нередко дружба выступает и как форма эмоционального контакта и преодолевающего границы места и времени душевного самораскрытия.

Своеобразной формой институционализации «духовной дружбы» были распространенные в Европе в VIII–IX вв. так называемые молитвенные братства, напоминавшие по форме воинские союзы, но имевшие главным содержанием совместные или заочно возносимые молитвы друг за друга. Позже на этой основе возникают, с одной стороны, воинствующие монашеские ордена, вроде храмовников, а с другой — формы общения, характерные для мистиков XII в. — эпохи, которую некоторые исследователи называют «столетием дружбы».

В сущности, все монашеские ордена были закрытыми мужскими союзами. Например, цистерцианцы поддерживали культ не только уединения и бедности, но и безоговорочного послушания военного типа. Члены ордена не только «братья», но и «солдаты Господа». Строгая дисциплина включает в себя сильную мизогинию (женоненавистничество): даже голоса с Неба, которые слышали особенно набожные монахи, должны были звучать как мужские, а не как женские. Никакая изнеженность в ордене не допускалась. В 1199 г. один монах был даже наказан за сочинение стихов (Roth, 1990).

Однако были и другие проявления дружбы. Ученые монахи раннего Средневековья писали своим ученикам и коллегам длинные любовные письма и нежные стихи, называя друг друга символическими именами, вызывающими вполне определенные классические ассоциации гомоэротического характера; например, Алкуин называл одного из своих любимых учеников Дафнисом.

Черпая вдохновение у Цицерона и Сенеки, средневековые мистики (Бернар Клервоский, Ансельм Кентерберийский, Петр Достопочтенный и др.) стремились соединить «любовь к Богу» и основанную на природном расположении и симпатии одного человека к другому «естественную дружбу»

Настоятель цистерцианского монастыря в Рьеволксе (Англия) святой Аэльред (XII в.) в трактате «О духовной дружбе» осмелился даже перефразировать слова Иоанна Богослова, что «Бог есть любовь,

и пребывающий в любви пребывает в Боге и Бог в нем» (1-е Иоанна, 4:16) таким образом: «Бог есть дружба, и пребывающий в дружбе пребывает в Боге, и Бог в нем» (Boswell, 1980, p. 222). Но Иоанн Богослов имеет в виду христианскую любовь к ближнему вообще, Аэльред же подразумевает дружбу к конкретному человеку из плоти и крови, окрашенную всеми человеческими чувствами.

Культ исключительной дружбы был нередко связан с проблемами личного характера. «Когда я был еще школьником, — вспоминал Аэльред, — меня пленяло очарование моих друзей, среди всех опасностей и слабостей этого возраста мой дух полностью подчинялся чувству и потребности любить. Ничто не казалось мне слаще, милее и достойнее, чем любить и быть любимым» (там же). Монашеский обет безбрачия не позволял Аэльреду любить женщин (даже если он был к этому способен), зато он открыл его сердце для привязанности к молодым монахам.

Гомоэротический характер привязанностей Аэльреда и похожих на него людей очевиден, но не всегда можно с уверенностью сказать — да и так ли это важно? — были ли их взаимоотношения только духовными или также телесными. В Средние века дистанция между неосознанным гомоэротизмом и сексуальным поведением была гораздо больше, чем сегодня. Люди могли не осознавать истинной природы собственных чувств или не допускать их материализации. Иначе они не стали бы говорить о своих чувствах публично. Потребность в эмоциональном тепле и психологической интимности была в монастырях настолько сильна, что нежные письма иногда писали даже незнакомым людям или тем, кого не видели годами (см.: Ailes, 1999; Naseldine, 1999).

Принципиальное отношение средневековой культуры к психологической интимности также было неоднозначно. Хотя многие авторы XII–XIII вв. говорят о необходимости полной откровенности с другом, глубокое самораскрытие, предполагающее напряженный интерес к собственному Я, почиталось греховным.

Средневековый человек жил открыто, на глазах у своих соседей и близких, его быт не был отгорожен от жизни остальных членов общины, но делиться своими интимными, тайными переживаниями с кем бы то ни было, кроме Бога, считалось нескромным и даже неприличным. Не следует много говорить о себе, «ибо нет человека, который бы правдиво и справедливо оценивал самого себя, столь обманчиво наше самолюбие», — писал Данте. Откровенность «Исповеди» Августина Данте оправдывает только ее назидательностью, «как

образцовое и поучительное превращение его жизни из нехорошей в хорошую, из хорошей в лучшую, а из лучшей в наилучшую...» (Данте Алигьери, 1968, с. 115). Признать потребность в самораскрытии достаточным оправданием для публичной «Исповеди» автор «Божественной комедии» еще не решается.

Гуманисты. Интимизация дружбы

В Новое время положение изменилось. Быт постепенно индивидуализируется, люди отгораживаются друг от друга, а потребность в коммуникации и самовыражении, напротив, усиливается. Одним из проявлений этого было рождение новой концепции дружбы.

Первый шаг в направлении секуляризации (освобождения от влияния религии) и индивидуализации человеческих отношений сделали гуманисты эпохи Возрождения, прославляющие дружбу как самое естественное и высокое человеческое чувство (Rey, 1999; Bray, 2003). Эта тенденция была тесно связана с возрождением античной традиции. Гуманисты часто обращаются к Аристотелю, Плутарху, Лукиану, Сенеке, Цицерону. В их личной переписке ощущается упоение дружеским общением.

Среди историков культуры существует мнение, что дружба у гуманистов — скорее литературный образ, чем личное переживание, так как в своей переписке многие из них говорят не столько от собственного лица, сколько от лица некоего искусственного «литературного Я», именуя «друзьями» едва ли не всех своих корреспондентов. Гуманисты называли свою дружбу «святой», «божественной», «вершиной земного счастья» и т. п. Но «литературность» выражения чувств и стилизация самой жизни, как до того — в рыцарских романах, а позже — у романтиков, не означает, что эти чувства были фальшивыми. Как справедливо замечает Л. М. Баткин, «личные отношения имели для гуманистов надличный смысл, не переставая, однако, от этого быть личными... Общение осуществлялось посредством топики, за которой, как и за любыми формулами общения в любые времена, могли в одном случае скрываться искренние чувства, а в другом — ничего, кроме ритуальных жестов» (Баткин, 1978, с. 107).

Тот факт, что гуманистический дискурс дружбы выдвигает на первый план *интеллектуальное общение*, означал разрыв с феодально-рыцарской традицией. Важнейшей предпосылкой дружбы становится теперь не сословное равенство или иерархическая взаимозависи-

мость, а общность духовных интересов. Человек больше не чувствует необходимости оправдываться в своих дружеских или любовных привязанностях, наоборот — он гордится ими. В жизнеописаниях и автобиографиях эпохи Возрождения друзья занимают все более заметное место, а отношения с ними предстают значительно более многообразными, чем в средневековых хрониках.

Особенно большую ценность приобретает **экспрессивная сторона** дружбы. Монтень ставит дружбу даже выше любви. Любовь — «пламя безрассудное и летучее, непостоянное и переменчивое, это — лихорадочный жар, то затухающий, то вспыхивающий с новой силой и гнездящийся лишь в одном уголке нашей души. В дружбе же — теплота общая и всепроникающая, умеренная, сверх того, ровная, теплота постоянная и устойчивая, сама приятность и ласка, в которой нет ничего резкого и ранящего» (Монтень, 1954, кн. 1, с. 239). Брак, которым завершается любовь, для Монтеня равноценен сделке, добровольной лишь в момент ее заключения, ибо длительность ее навязывается партнерам принудительно и не зависит от их воли. Дружба же абсолютно свободна и добровольна, «в дружбе нет никаких иных расчетов и соображений, кроме нее самой» (там же, с. 240).

Монтень подчеркивает тотальность дружбы, ставящую ее выше всех ролевых отношений: «...Та совершенная дружба, о которой я говорю, неделима: каждый с такой полнотой отдает себя другому, что ему больше нечего уделить кому-нибудь еще... В обычных дружеских связях можно свое чувство делить: можно в одном любить его красоту, в другом — простоту нравов, в третьем — щедрость; в том — отеческие чувства, в этом — братские и так далее. Но что касается дружбы, которая подчиняет себе душу всецело и неограниченно властвует над нею, тут никакое раздвоение невозможно» (там же, с. 247).

Сходные мысли высказывает английский философ Фрэнсис Бэкон. Подчеркивая, что нужно выбирать друзей «тщательно и разумно» (Бэкон, 1971, т. 1, с. 461), не поддаваясь страсти, философ вместе с тем видит в дружбе высшую и универсальную форму человеческого общения. «Человек может говорить со своим сыном только как отец; со своей женой — только как муж...» Друг — единственный, с кем можно быть просто самим собой. Сущность дружбы — «раскрытие своего Я другу», а «главный плод дружбы заключается в облегчении и освобождении сердца от переполненности и надрыва, которые вызывают и причиняют всякого рода страсти» (Бэкон, 1971, т. 2, с. 415, 409).

Мужская дружба занимает одно из центральных мест в гуманистической системе ценностей.

Нередко слово «дружба» было эвфемизмом для обозначения однополой любви, которую люди не смели называть собственным именем и даже осознавать как таковую (Кон, 2003а). Например, дружбу Монтеня с Этьеном де Ла Боэси многие биографы философа считают гомоэротической. Поскольку вопрос о возможной эротической подоплеке дружеских отношений оставался деликатным, их предпочитали называть «сократической дружбой» или «особенной дружбой», считая их, по умолчанию, чисто духовными и оказывая им всяческое уважение.

В XIV–XVII вв. некоторые духовные лица, как и рыцари, завещали хоронить себя вместе с друзьями. В церкви Мертон-колледжа (Оксфорд) сохранилось парное надгробие Джона Блоксэма и Джона Уиттона (XIV в.), которые были близкими друзьями свыше 20 лет. Их изображение напоминает образы двух святых или мужа с женой.

Эту традицию продолжили гуманисты. Пико делла Мирандола и Джироламо Бенивьени похоронены в одной могиле. Мастер одного из кембриджских колледжей Джон Гослин в 1626 г. велел похоронить себя вместе со своим старшим другом и наставником Томасом Легге, который умер на 20 лет раньше. Надгробная надпись гласит: «Любовь соединила их при жизни. Так пусть земля соединит их во гробе» (Bray 2003, p. 88).

В музее Фицвильямса в Кембридже я обратил внимание на портреты сэра Джона Финча (1626–1682) и Томаса Бейнса (1622–1681) кисти Карло Дольчи. Подружившись мальчиками в Кембридже, они прожили вместе всю свою жизнь (когда Финч уехал в Италию, Бейнс последовал за ним) и были похоронены в церкви Крайст-колледжа, в котором они учились, в одной могиле, над которой стоит общий мраморный памятник с трогательной латинской эпитафией, прославляющей их верную дружбу, в которой современники не видели ничего предосудительного: «Чтобы они, которые при жизни слили воедино свои интересы, состояния, советы и даже души, могли после смерти точно так же соединить свои священные останки».

Таких парных захоронений, как мужских, так и женских, в начале Нового времени в Англии было немало (Wilson, 1995). Иногда так поступали и позже. Например, в 1890 г. известный английский католический теолог кардинал Ньюмэн был, согласно его завещанию, похоронен в могиле своего ближайшего друга, отца Амвросия Сент-Джона, скончавшегося на 15 лет раньше (Bray, 2003).

Рост интроспекции и словарь эмоций

«Интимизация» мышления, рост значения внутреннего мира личности по сравнению с внешним, хорошо отражены в истории языка (Кон, 1984). Согласно Оксфордскому словарю, в староанглийском языке насчитывалось всего 13 слов с приставкой *self* (сам), причем половина из них обозначала объективные отношения. Со второй половины XVI в., после Реформации, количество таких слов («самолюбие», «самоуважение», «самопознание» и т. д.) резко возрастает (Barfield, p. 165–171). Некоторые из этих слов имеют даже индивидуальных авторов. Так, слово *self-control* («самоконтроль») введено философом Энтони Шефтсбери (1671–1713), слово *self-regard* («самоуважение») — Иеремией Бентамом (1745–1832), а слово *self-conscious* («застенчивый, озабоченный собой») — поэтом Сэмюэлем Кольриджем.

Одновременно в английском языке появляются новые слова, описывающие внутренние чувства и переживания. В староанглийском языке слова *person* («лицо») или *soul* («душа») употреблялись главным образом в контексте отношений к обществу, церкви или космосу. В XVII в. появляется слово «характер», относящееся к человеческой индивидуальности. Слова «расположение», «настроение», «темперамент», которые раньше имели объективное, физико-астрономическое значение (например, «расположение звезд»), теперь приобретают субъективно-психологическое значение.

В Средние века человеческие переживания обычно описывались как бы «извне», подчеркивался их результат или моральное значение. В описаниях людей преобладали такие характеристики, как зависть, жадность, удачливость, милосердие, хитрость, раскаяние и т. п. В конце XVI — начале XVII в. в английском языке появляются «интроспективные» термины: *aversion* («отвращение»), *dissatisfaction* («неудовлетворенность»), *discomposure* («расстройство»). В XVIII в. широкое распространение получают слова, обозначающие внутренние психические состояния, настроения, объединяющиеся общим термином *feelings* («чувства»).

Психологическое значение приобретают и некоторые понятия, имевшие ранее объективный смысл. Например, слово *outlook* («воззрение»), первоначально обозначавшее место, с которого открывается хороший вид, начинает употребляться в своем современном значении. Если раньше человек описывался в «вещественных» терминах, то теперь, наоборот, вещи начинают описываться по вызываемым ими психологическим ассоциациям: «занятый» (доставляющий развле-

чение), «скучный» (вызывающий скуку), «увлекательный» (вызывающий увлечение) и т. д.

Показательно изменение значения слова *subjective* («субъективный») от «существующий в себе» к «существующий в человеческом сознании».

В XVIII в. широкое распространение приобретают слова *sentiment* («чувство»), не в психофизиологическом, а в моральном смысле, и *sentimental* («сентиментальный», «чувствительный»). Последнее слово, имеющее французский корень, в своем современном значении было впервые употреблено Сэмюэлем Ричардсоном в 1753 г., а после знаменитого «Сентиментального путешествия» Лоренса Стерна (1768) вошло практически во все европейские языки.*

В том же направлении эволюционировали и другие европейские языки. Так, во французском языке в XVII в. впервые появляется существительное *intimité* («интимность»). Слова *sensible*, *sensibilité*, обозначавшие в Средние века просто чувственное начало в отличие от разумного, в XVIII в. приобретают более конкретный смысл — «имеющий человеческие чувства». Слово *sensuel* («чувственный») в XV в. обозначало просто нечто, относящееся к чувствам, в XVII в. у него появляется значение «ищущий чувственных удовольствий» (Ullmann, 1973; Dumonceaux, 1975).

Одиночество и потребность в общении

Усложнение жизненного мира личности порождает противоречивые, не допускающие однозначного толкования, эмоциональные состояния, например одиночество.

В Средние века люди жили тесно и редко обособлялись друг от друга; даже схимники, принимавшие обет молчания, нередко обособывались вблизи монастырей, а то и прямо на городских улицах, на страх и поучение верующим. Одиночество чаще всего понималось как физическая изоляция. Культивирование одиночества как условия сосредоточенного, интимного общения с Богом было характерно только для мистиков.

Более многогранная личность Нового времени, не отождествляющая себя ни с одной из своих предметных и социальных ипостасей, нуждается в **обособлении** от других и добровольно ищет уединения. Вместе с тем она острее переживает одиночество, протекающее из дефицита личностно значимого общения или из неспособности выразить богатство своих переживаний. С этим связано и терминологическое

гическое разграничение понятий «одиночество» (*loneliness*) и «уединенность» (*solitude*).

В дворянской культуре XVII в. любовь к одиночеству связывали преимущественно с эстетическими переживаниями: «Уединение — подруга муз». Пиелизм (от лат. *pietas* — благочестие, мистическое течение немецкого протестантизма XVII–XVIII вв.) считает это состояние благотворным для развития религиозного чувства. Просветители обсуждают плюсы и минусы одиночества для развития личности и ее интеллекта.

Важный показатель развития индивидуальности и рефлексивности — открытие таких психологических состояний, как отчаяние, меланхолия, тоска и скука (Lepenies, 1972; Peters, 1975).

Средневековая мысль не знала психологии вне этики: все известные ей переживания она подразделяет на пороки или добродетели.

Латинское слово *desperatio* («отчаяние») обозначало не просто чувство или психическое состояние, а порок, греховное сомнение в милосердии Божьем. Самоубийство считалось «победой дьявола», который в буквальном смысле слова водил рукой отчаявшегося человека или толкал его в омут.

Пороком была и *acedia*, то есть апатия, духовная лень, нерадивость и безразличие к духовным занятиям, часто это состояние обозначали также словом *tristitia* («печаль»). В XIII в. это состояние стали ассоциировать с физическим разлитием желчи, которое еще Гиппократ называл меланхолией; тогда же слово *acedia* стало употребляться и в значении «тоска». Средневековая мысль, таким образом, видит в апатии и неустойчивости настроений порок или болезнь (часто то и другое вместе). Ускорение ритма жизни и усложнение самого человека сделали эти переживания в XVI–XVII вв. все более частыми.

В Англии XVII в. меланхолия, угнетенное состояние духа, получила многозначительное название «елизаветинской болезни». Хотя еще Шекспир приписывал ее разлитию желчи и влиянию звезд, она все чаще воспринимается как некое *промежуточное* состояние между нормой и патологией (средневековая мысль таких переходов не знала: душа либо здорова, либо больна). Начиная со знаменитого трактата Роберта Бёртона «Анатомия меланхолии» (1621), описания меланхолии как душевной болезни дополняются ее социально-психологической трактовкой, подчеркивающей значение таких факторов, как одиночество, страх, бедность, безответная любовь, чрезмерная религиозность и т. д.

Интересен интроспективный зачин Бёртона: «Я пишу о меланхолии, дабы избежать меланхолии. У меланхолии нет большей причи-

ны, чем праздность, и нет лучшего средства против нее, чем занятость» (Burton, 1903, v. I, p. 17)¹.

Но уже Аристотель писал, что меланхолии больше всего подвержены выдающиеся люди. В Новое время она одолевает поэта Франческо Петрарку и философа Блеза Паскаля, философа Монтеня и художника Альбрехта Дюрера, Жан-Жака Руссо и почти всех немецких романтиков, русских писателей Ф. М. Достоевского и И. А. Гончарова. В результате ее постепенно начинают считать уже не пороком, а отличительной чертой тонких, впечатлительных натур.

Меняется и значение французского слова *ennui* (скука). Первоначально оно было одним из производных слова *acedia*, но уже Паскаль (1623–1662) считает непостоянство, тоску и тревогу нормальными, хоть и мучительными состояниями человека. В XVII в. словом *ennui* обозначается очень широкий круг переживаний: тревога, угнетенность, печаль, тоска, скука, усталость, разочарование (Dumonpeaux, 1975). В XVIII в. английский словарь эмоций пополняется словами *bore*, *boredom* («тоска», «скука»), *spleen* («сплин»).

Рост интроспекции и появление тонких эмоций существенно изменяют характер дружеских отношений.

Дружба как воплощение человечности

Большинство мыслителей эпохи Просвещения, с характерным для нее рационализмом, были склонны считать дружбу в противоположность любви спокойным и рассудочным отношением, основанным на соображениях разума и морали.

Если любовь, по словам английского философа Дэвида Юма (1711–1776), — это беспокойная, переменчивая страсть, то «дружба — это спокойная и тихая привязанность, направляемая разумом и укрепляемая привычкой, возникающая из долгого знакомства и взаимных обязательств, лишенная ревности или страхов и тех лихорадочных приступов жара или холода, которые вызывают такое сладостное мучение в любовной страсти» (Юм, 1966, с. 701).

По мнению французского философа Пьера Гассенди (1592–1655), дружба — одновременно добродетель, благо и удовольствие. Она завязывается обычно «с практической целью или ради какой-либо пользы», но затем приходит взаимная любовь, которая поддерживает дружбу безотносительно к ее первоначальной цели (Гассенди, 1966, т. 1, с. 397).

¹ Перевод автора.

Особенно много внимания философы уделяют **нравственной ценности** дружбы. Немецкий философ и юрист Христиан Томазий (1655–1728) считал любовь и дружбу наиболее общими предпосылками морали. Христиан Вольф (1679–1754) расширяет понятие дружбы до идеи всеобщей любви к человечеству, а английский философ и моралист Энтони Купер, граф Шефтсбери утверждает, что дружба от отдельному человеку невозможна без более широкого чувства долга по отношению к обществу: быть другом конкретного человека — значит быть также другом человечества.

Антропоцентристское мировоззрение возводит дружбу в ранг символа всех «подлинно человеческих» отношений и делает ее предметом настоящего культа. При этом границы должного и сущего сплошь и рядом стираются. Поэты, начиная с Петрарки, воспевают дружбу в одах и лирических стихах. Аллегорические изображения дружбы — одна из любимейших тем живописи и скульптуры XVII–XVIII вв. Образы Ореста и Пилада многократно варьируются в драме и в опере. Во второй половине XVIII в. многие княжеские парки украшаются специальными «храмами дружбы». Один из лучших — в Павловском парке под Петербургом, построенный по проекту Чарльза Камерона. На фризе храма — изображения символов дружбы (например, дельфина).

Как символ человечности, дружба оказывается в оппозиции не только религиозному аскетизму, но и сословному неравенству. Рождается и получает широкое распространение глубоко чуждая феодальному мышлению идея, что личные, индивидуальные привязанности важнее происхождения и сословного ранга. Хотя в дворянской культуре этот пасторальный мотив звучал приглушенно, не посягая на социальную реальность, с течением времени, сливаясь с идеализированным образом «естественного человека» философских сочинений, он станет одним из критериев осуждения «извращенного» сословного строя.

Стремление к интимному душевному слиянию с Другим прорывается даже в сферу религиозного мирозерцания. В понимании пиетистов XVII–XVIII вв. Бог — не столько грозный, таинственный вседержитель, сколько объект интимных излияний одинокой, страдавшей души. А от наделения Бога чертами интимного друга только один шаг к обожествлению реального друга и самой дружбы. Именно такие чувства испытывает герой одной немецкой пиетистской повести начала XVIII в. к своему другу Титу: «...Бог и Тит так

близко сошлись в его сердце, что часто ему было трудно решить, любит ли он Тита в Боге или Бога в Тите»¹ (Rasch, 1936. S. 54).

Тема дружбы занимает важное место в изобразительном искусстве, в частности в портретной живописи (Lankheit, 1952). Первые парные портреты людей, не связанных узами брака, появились в XV–XVI вв., но изображали людей просто рядом друг с другом, никак не выражая их внутреннюю близость. Это отчасти характерно и для живописи XVII в. Например, английский художник Антон Ван Дейк трижды рисовал одну и ту же дружескую пару — графа Ньюпорта и лорда Горинга, и на всех трех портретах они не соприкасаются и смотрят не друг на друга, а перед собой. Хотя в портрете тонко выражена субординация возраста и ранга, изображаемые лица вполне самостоятельны.

В парных портретах художников-сентименталистов меняется не только выражение лиц, но подчеркивается взаимосвязь персонажей. Друзья заняты каким-то общим делом (чтение книги, совместное музицирование) либо держат друг друга за руки. Нежные объятия, которые раньше встречались только в семейных сценах, теперь появляются и в портретах друзей (особенно женщин). Общность настроения изображаемых лиц оттеняется ландшафтом. В романтическом портрете дружеская близость передается средствами не только внешней, но и внутренней выразительности.

Обогащается палитра ассоциирующихся с дружбой эмоциональных переживаний и способов их выражения. Доминирующей темой рыцарской дружбы была верность. У гуманистов дружба чаще всего ассоциируется с радостью и весельем. Сентиментализм создает образ «скорбящей дружбы», появляется лирическая тема прощания друзей, часто изображаются дружеские объятия. Рукопожатие, которое в символике Ренессанса обозначало верность, теперь интерпретируется как выражение нежности. Это не значит, конечно, что подобные ассоциации впервые появляются в Новое время. Достаточно вспомнить переписку средневековых мистиков. Однако изменение расстановки эмоциональных акцентов в искусстве весьма показательно: разделенная скорбь предполагает большую интимность, чем разделенная радость.

Отчетливее всего интимизация дружбы прослеживается в немецкой поэзии XVIII в. «Дружеские песни» Иммануила Якоба Пира и Самуэля Готтхольда Ланге (1745), оды Фридриха Готтлиба Клопштока, в которых, по образному определению одного исследователя,

¹ Перевод автора.

дружба становится нерerefлексированным выражением быющего через край чувства, драмы Фридриха Шлегеля, стихи Фридриха Шиллера не просто воспевают дружбу, но все сильнее подчеркивают ее интимный, эмоциональный характер.

Даже Иммануил Кант (1724–1804), считавший идеальную дружбу «коньком сочинителей романов», признает, что «человек — существо, предназначенное для общества (хотя и необщительное), и в развитом общественном состоянии он чувствует сильную потребность *делиться* с другими (даже без особой цели)...» (Кант, 1965, с. 415). Именно в этом Кант видит главную функцию дружба. Дружба не может быть ни союзом, имеющим своей целью взаимную выгоду, ни простым аффектом, ибо аффект слеп и быстро проходит: «*Моральная дружба* (в отличие от эстетической) — это полное доверие между двумя людьми в раскрытии друг перед другом своих тайных мыслей и переживаний, насколько это возможно при соблюдении взаимного уважения» (там же).

От придворной жизни к коммерческому обществу

Но чем ярче и возвышеннее становился идеал, тем проблематичнее выглядела его материализация. Сооружение павловского «Храма дружбы» было всего лишь безуспешной попыткой нелюбимого сына подольститься к ненавистной и скуповатой царственной матери, а люди, называвшие друг друга «сердечными друзьями», нередко не упускали случая навредить один другому.

Трезвые, скептически настроенные наблюдатели житейских нравов не обольщались красивыми фразами и старались преодолеть разрыв между этикой и психологией. «...По природе своей мы ищем не друзей, а почта и выгод, которых можем от них получить; этого мы желаем прежде всего, а друзей уже потом», — писал английский философ Томас Гоббс (1588–1679) (Гоббс, 1964, т. I, с. 300). «Люди обычно называют дружбой совместное времяпрепровождение, взаимную помощь в делах, обмен услугами — одним словом, такие отношения, где себялюбие надеется что-нибудь выгадать», — вторит ему француз Франсуа де Ларошфуко (Ларошфуко, 1974, с. 42) «Как мало друзей остались бы друзьями, если бы они могли полностью узнать мысли друг друга», — как бы продолжает эту мысль немецкий просветитель Ганс Кристоф Лихтенберг (Лихтенберг, 1965, с. 163).

Глубоким недоверием к юношеской дружбе проницаны знаменитые «Письма к сыну» лорда Честерфилда. Их автор пытается внушить

своему сыну с раннего детства, что тот должен рассматривать сверстников прежде всего как конкурентов, которых нужно стремиться превзойти, что дружбу между юнонами нельзя принимать всерьез: «Горячие сердца и не умудренные опытом головы, подогретые веселой пирушкой и, может быть, избытком выпитого вина, клянутся друг другу в вечной дружбе и, может быть, в эту минуту действительно в нее верят и по неосмотрительности своей сполна изливают друг другу душу, не сдерживая себя ничем» (Честерфилд, 1971, с. 132). Но привязанности эти непрочны, а откровенность — опасна.

«Поверяй им (сверстникам. — И. К.), — советует Честерфилд сыну, — если хочешь, свои любовные похождения, но пусть все твои серьезные мысли остаются в секрете. Доверь их только истинному другу, у которого больше опыта, чем у тебя, и который идет по жизни совсем другой дорогой и соперником твоим никогда не станет» (там же).

В противоположность идеализирующим дружбу моралистам французские материалисты утверждают, что в основе дружеских, как и любых иных человеческих отношений, лежит личный интерес. «Основой дружеской привязанности — писал Поль Анри Гольбах (1723–1789), — являются те выгоды, которые друзья рассчитывают получить друг от друга: лишите их этих выгод — и дружба перестанет существовать, интерес к ней будет потерян» (Гольбах 1963, с. 50).

Сведение дружбы к интересу вовсе не означало пошлого эгоизма. Истинный друг, по мнению Гольбаха, — подлинное благо, которое следует предпочитать всем другим благам. Но само понятие «бескорыстная дружба» означает не отсутствие личного интереса, а лишь то, что этот интерес основан «скорее на личных качествах и достоинствах человека, побуждающих нас предпочитать его другим, нежели на каких-либо внешних преимуществах» (там же, с. 51).

Рационалистическое истолкование дружбы углубляет Клод Адриан Гельвеций (1715–1771). Всякая дружба, считает он, порождена какой-то потребностью. Но человеческие потребности не одинаковы: «Одни нуждаются в удовольствиях и деньгах, другие — во влиянии; эти желают разговаривать, те — верить свои заботы; в результате бывают друзья ради удовольствий, ради денег, ради интриг, ради ума и друзья в несчастье» (Гельвеций, 1973, с. 395). Моралисты утверждают, что дружба не должна основываться на расчете. Но, спрашивается, если друг нужен вам для того, чтобы терпеливо выслушивать бесконечную повесть о ваших несчастьях, разве вы менее эгоистичны, чем человек, стремящийся воспользоваться деньгами своего друга или снять отражением его славы? Поэтому Гельвеций приходит

к выводу, что сила дружбы измеряется не добродетелью двух друзей, а силой связывающего их интереса.

Из дружбы часто делают роман, продолжает мыслитель. Фактически же она сохраняется лишь до тех пор, пока люди испытывают взаимную потребность друг в друге; поэтому она, как правило, неустойчива и эгоистична, даже независимо от материальных выгод. «Мы желаем иметь друга, чтобы, так сказать, жить в нём, чтобы изливать нашу душу в его душу и наслаждаться беседой, которую доверие делает всегда восхитительной» (там же, с. 400)

Люди любят возвышать и приукрашивать собственную дружбу, поэтому «всякий повторяет за Аристотелем, что друзей вообще нет, и каждый, в частности, уверяет, что он хороший друг» (там же, с. 402). В действительности же главное очарование дружеского общения состоит «в удовольствии говорить о себе» (там же, с. 400).

Рассуждения Гельвеция не просто блестящая ирония, противопоставляющая сентиментальному культу дружбы культ безличного разума. Это первый опыт **социологии дружбы**. Вместо того чтобы оценивать существующее общество в соответствии с «интуитивно ясной» моральной ценностью, Гельвеций самую мораль оценивает с точки зрения того, насколько она соответствует действительности. Если реальные отношения между людьми основаны не на эмоциональных привязанностях, а на обмене, выгоде, интересе, к чему поддерживать идеалистические фикции? Гельвеций стремится не создавать утопию, а объяснять то, что есть.

Тем не менее в глубине души ему хочется, чтобы мир стал другим. Недаром, высмеивая сентиментальные фикции, он, как, впрочем, и Ларошфуко и Честерфилд, нет-нет да и обмолвится насчет «подлинной дружбы».

Переход от моральной философии к социологии дружбы наиболее последовательно осуществили так называемые шотландские моралисты XVIII в. — Дэвид Юм (1711–1776), Адам Фергюсон (1723–1816), Френсис Хатчесон (1694–1746) и особенно Адам Смит (1723–1790) (см. Silver, 1990). «Коммерческое общество», как называл рыночную экономику Адам Смит, делающее товарный обмен, основанный на разделении труда, всеобщим принципом социальной организации, не уничтожает индивидуальную дружбу, как думают многие, а очищает ее, освобождая из-под власти обычаев и принудительных обязательств. В коммерческом обществе посторонний (*Stranger*) — это не друг, от которого мы можем ожидать помощи и симпатии, но и не потенциальный враг, которого следует опасаться. «Общество

посторонних» цементируется не любовью, а взаимозависимостью. Мы обязаны своим обедом не благожелательности мясника, пивовара или пекаря, а тому, что они заботятся о своих собственных интересах. Мы апеллируем не к их гуманности, а к их эгоизму, и это выгодно не только им, но и нам. Однако это не значит, что все человеческие отношения становятся сугубо утилитарными. Именно безличный рынок товаров и услуг делает возможной параллельную систему личных отношений, в основе которых лежит симпатия и этические соображения.

Романтическая дружба и ее противоречия

Однако рационализм имеет свои границы. За просветительским «объективизмом» скрывается неосознанное стремление заглушить тоску по идеалу. Романтики конца XVIII–начала XIX в. обнажают это противоречие, противопоставляя жестокости и холоду социального мира напряженную субъективность Я и сердечность интимного общения.

Романтический культ субъективности был одновременно культом общения и интимной дружбы. Недаром вторую половину XVIII в. часто называют «веком дружбы»

Нужно сразу же сказать, что понятие *«романтической дружбы, как и самого романтизма»* крайне неопределенно. В одних случаях оно обозначает дружбу эпохи романтизма, включая предшествовавший ей период «Бури и натиска». В других имеют в виду специфические представления о дружбе, имевшие хождение в кругу немецких поэтов-романтиков. В третьих случаях оно ассоциируется с психологическим типом «романтической личности», свойства которой также описываются по-разному: одни подчеркивают ее экзальтированность, другие — гипертрофию воображения и чувствительности, третьи — интроверсию, уход в себя.

Романтический канон дружбы, как и личности, подчеркнуто элитарен, это «не норма поведения, а духовный предел, предложенный только избранным» (Гинзбург, 1971, с. 30; ср. Берковский, 1973). Приписывая своим тончайшим переживаниям особый, высший смысл, недоступный непосвященным, романтики стремились подняться над уровнем обыденности и всякой организованной коллективности. Подобно гуманистам эпохи Возрождения, а до них — средневековым мистикам, романтики называют свою дружбу «святой», «священной» и т. п. Жизнетворческая сила романтических образов и в самом деле заставляла многих реальных лиц вживаться, по меткому выра-

женню А. И. Герцена, «в свои литературные тени», жить не по велению собственной природы, а по литературным образцам.

Но перевод художественно-эстетических понятий в термины личностной типологии — задача крайне неблагодарная. В эпоху романтизма, как и в любой другой период истории, люди имели неодинаковые характеры и представления о дружбе. Например, Джорджу Гордону Байрону и М. Ю. Лермонтову были совершенно несвойственны сентиментальность и тяга к исповедальности, характерные для большинства немецких романтиков. Да и среди последних были люди, которые «действовали в романтическом духе, романтически думали, но не обладали романтическими характерами»¹ (Huch, 1920, Bd. 2. S. 159).

Если отвлечься от индивидуальных нюансов, романтический канон дружбы означал, во-первых, **резкое повышение требований к ее интимности и экспрессивности** и, во-вторых, **ассоциацию «истинной дружбы» с юностью**. Оба эти момента тесно связаны друг с другом.

Романтический канон дружбы, как никакой другой, подчеркивает ее аффективно-экспрессивное начало. «Что такое дружба или платоническая любовь, как не сладостное слияние двух существ? Или созерцание себя в зеркале другой души?» — вопрошал юный Шиллер (письмо Рейнвальду 14 апреля 1783; Шиллер, 1956, с. 79). Но уподобление друга зеркалу — проявление крайнего эгоцентризма. Зеркало само по себе не представляет для нас интереса, мы ищем в нем только собственное отражение. Что же тогда остается на долю друга? Сознает это человек или нет, его общение всегда имеет какое-то предметное содержание, будь то совместная деятельность, общие интересы или обмен мыслями. Построить устойчивые взаимоотношения на одной экзальтации невозможно.

«О, дружба, подобная нашей, могла бы длиться вечно!.. Верь, верь мне всей душой, каждый из нас был подобием другого; верь мне, свет небес мог бы пасть на нашу дружбу, она выросла бы на прекрасной, плодородной почве; нам обоим она не предвещала ничего, кроме рая», — пишет Шиллер своему другу Фридриху Шарфенштейну (Шиллер, 1956, с. 36).

Но эти восклицания — знак того, что светлая перспектива под угрозой. Почему? Оказывается, Шарфенштейн неодобрительно отозвался о стихах Шиллера. А какое уж тут «подобие», если друг не понимает твоих стихов?! Для юного поэта такая реакция естественна, но как тут не вспомнить грустную иронию Ларошфуко или Гельвеция?

¹ Перевод автора.

Культ чувствительности

Язык дружеской переписки некоторых немецких романтиков, например писателя Жан Поля (Рихтера) и философа Фридриха Якоби (1743–1819), практически не отличается от любовного языка. Романтики сознательно размывают границы понятий любви и дружбы и даже готовы называть свои дружеские отношения браком. «Дорогой Савиньи, есть только одна среда, в которой я могу двигаться свободно, это любовь (моя дружба — это то же самое). Во всех остальных атмосферах я как рыба на земле», — пишет Brentano (Brentano, 1951. S. 57). По определению Фридриха Шлегеля, «дружба есть “частичный брак”, а любовь — это дружба со всех сторон и во всех направлениях, универсальная дружба. Знание необходимых границ — самое необходимое и самое редкое в дружбе» (Schlegel, 1959, Bd. 2. S. 229). Но где и как проходят эти границы, тем более, что «романтическая любовь» описывается так же мистически, как и дружба?

«В романтической любви соединяется учение романтиков о сущности жизни и о долге, мистическая онтология и этика. Любовь для романтика есть мистическое познание сущности жизни; любовь открывает любящему бесконечную душу любимого. В любви сливается земное и небесное, чувственное одухотворено, духовное находит воплощение; любовь есть самая сладкая земная радость, она же — молитва и небесное поклонение» (Жирмунский, 1919, с. 18). Перевести это религиозно-философское понятие на язык житейской психологии практически невозможно.

Сближение понятий любви и дружбы побуждает некоторых романтиков (поэт Клеменс Brentano и писатель Ахим фон Арним, философы Фридрих Шлегель и Фридрих Шлейермахер) даже называть свои дружеские отношения «браком», что вовсе не мешало им одновременно испытывать радости и страдания любви к женщинам. Например, Brentano был, по выражению Н. Я. Берковского, «романтический донжуан. Женская любовь — тот интерес, которым он был постоянно занят. Женщины менялись, но влюблен он был всегда» (Берковский, 1973, с. 352).

Сопоставляя любовные неудачи немецких романтиков (Гёльдерлин заранее решил не жениться, романы Ленау и Гриллпарцера не пошли дальше помолвки, основанные на страстной любви браки Клеменса Brentano и Захарии Вернера оказались несчастливыми, и т. п.) с их нежными дружбами (братья Август Вильгельм и Фридрих Шлегель, братья Якоб и Вильгельм Гримм, братья Буассере и

Б. Бертрам, Ахим фон Арним и Клеменс Brentано, Людвиг Тик и Вильгельм Ваккенродер, Теодор Кернер и Людвиг Уланд, Эрнст Теодор Амадей Гофман и Теодор Готфрид Гиппель), исследователи начала XX в. объясняли это тем, что «романтическая личность» по природе своей больше способна к дружбе, чем к любви. «Для того чтобы стать героями любви, большинству романтиков недоставало инстинктивного влечения и силы чувств. Зато они были мастерами тонкого изящного искусства душевного сближения и наслаждения» (Nuch, 1920, Bd. 1. S. 137).

В конце XX в. эти факты стали трактовать как проявления нереализованного и подчас неосознанного гомоэротизма. Очень часто так оно и было. Например, для Brentано дружба с Арнимом важнее всех прочих привязанностей. «Никто не может писать такие письма, как ты, никто не может любить меня, как ты, и нигде на земле мне не было так хорошо, как рядом с тобой, дорогой Арним» (Brentano, 1951. S. 167). «Почему я могу быть здоровым только вблизи тебя, Арним?» (там же, с. 223). Своей возлюбленной Грете Хундхаузен Brentано пишет: «Ты будешь мне не подругой, а другом, и я буду называть тебя Арнимом» (там же, с. 116). Надо ли удивляться, что все любовные связи поэта с женщинами оказывались неудачными? А когда после очередной любовной катастрофы Brentано попросил друга приютить его у себя, женатый на его сестре Беттине Арним вежливо ему отказал (Жирмунский, 1919, с. 131–132).

Но гомоэротизм характерен не для всех романтиков. Сплошь и рядом завышенные ожидания и слишком напряженная потребность в эмоциональном тепле и психологической интимности не находили удовлетворения ни в дружеских, ни в любовных отношениях.

Как бы то ни было, романтизм существенно изменил язык и ценности дружбы. «Томное адажно сентиментализма», как назвал это один немецкий историк, сделало главным символом и проявлением сердечной близости *сострадание* и *слезы*. Юноши последней трети XVIII в. льют слезы над каждым письмом, над каждой книгой. Они плачут, созерцая природу, плачут, встречаясь или прощаясь с другом, плачут от разделенной и от неразделенной любви. Молодые люди упиваются собственной чувствительностью. «Слеза сближает друзей», — записал юный Шиллер в дневник своему другу Фердинанду Мозеру (Hartmann, 1904. S. 12).

Вот как описывается встреча друзей — взрослых женатых мужчин — в культовом романе Жан Поля (Ф. Рихтера) «Зибенкээ»:

«...И когда Фирмиан вошел в их общую комнату, освещенную лишь угасающей алой зарей, его Генрих обернулся, и они молча, с поникшей головой, упали друг другу в объятия и пролили все горевшие в их душах слезы. Но то были и слезы радости, и они положили конец объятиям, но не прервали молчания» (Жан Поль, 1937, с. 371). Выспренность стиля и слезливость сегодня кажутся такими же мажорными и неискренними, как эпистолярные излияния гуманистов. Но в конце XVIII — начале XIX в. этикет дружеского общения допускал такие выражения и даже требовал их. «Век дружбы» был одновременно «веком чувствительности».

Культ юности

Не случайна и романтическая ассоциация «подлинной дружбы» с юностью.

Юность — период наиболее интенсивного и эмоционального общения со сверстниками, групповой жизни и т. д. Древняя ритуализованная дружба чаще всего формировалась в юношеских возрастных группах. Хрестоматийные примеры глубокой и прочной дружбы во все времена, как правило, подразумевают отношения, зародившиеся в юности или, по крайней мере, в молодости.

В то же время большинство мыслителей прошлого ассоциировали «настоящую дружбу» со зрелым возрастом. Таково было мнение и Аристотеля и Цицерона. В Новое время, вплоть до середины XVIII в., философы полагали, что способность к дружбе человек обретает лишь после того, как созреет, избавится от юношеского легкомыслия и ветрености. Это было вполне логично: если высший судья человеческих поступков — разум, а чувствам отводится подчиненная роль, юность не может претендовать на серьезное к себе отношение.

Напротив, романтики ставят чувства выше объективного и благонамеренного разума. Дружба у них не столько добродетель, сколько живое чувство, непосредственное жизненное переживание, носителем которого является не зрелый муж, а пылкий юноша. В литературе второй половины XVIII в. понятия «юность» и «дружба» — почти синонимы.

Это имело свои социальные предпосылки. Педагогика конца XVIII — начала XIX в., как и более ранних периодов, считала общество сверстников скорее опасным, чем полезным для подростка. Жан-Жак Руссо, который сам всю жизнь страдал от одиночества, лишил своего Эмиля общества сверстников, полагая, видимо, что их полностью

заменит любящий друг-воспитатель. Юный герой его педагогической робинзонады «рассматривает самого себя без отношения к другим и находит приличным, чтобы и другие о нем не думали. Он ничего ни от кого не требует и себя считает ни перед кем и ничем не обязанным. Он одинок в человеческом обществе и рассчитывает только на самого себя» (Руссо Ж.-Ж., 1981, т. 1, с. 243).

Такая философия не устраивала молодых людей. Интимная близость и теплота между детьми и родителями были в патриархальной семье скорее исключениями, чем правилом. «Смирненное желание всех отцов: видеть осуществленным в сыновьях то, что не далось им самим, как бы прожить вторую жизнь, обязательно используя в ней опыт первой» (Гёте, 1976, т. 3, с. 29) часто оборачивалось для детей суровым и далеко не всегда «просвещенным» деспотизмом. В конфликте с отцами молодые люди всегда опирались на общество сверстников. По мере того как все больше молодых людей сосредоточивается в университетских городах, в студенческой среде складывается новый стиль общения, выступающий как антитеза, с одной стороны, семейной скованности, а с другой — формализму университетской системы.

В Германии начало этого процесса относится к эпохе «Бури и натиска» — 70-м гг. XVIII в. (Hornstein, 1965; Muchow, 1966; Rasch, 1936). В это время в немецких университетах в противовес традиционным шумным и грубым студенческим корпорациям («буршеншафтам») и «братствам» возникают тесные дружеские кружки молодых людей, объединяемых общими интересами, чаще всего художественными, и личной привязанностью («Братский союз» Христиана Кауфмана, поэтический круг Иоганна Вильгельма Людвига Глайма, геттингенский «Союз рощи», лейпцигский кружок литературной молодежи, группировавшийся вокруг поэта Х. Ф. Геллерта). Сначала такие кружки складывались вокруг какого-либо старшего поэта, выступавшего в роли наставника и советчика молодых. Позже они становятся объединениями сверстников. Так, младшему из членов «Союза рощи» Иоганну Фридриху Хану было 19, а старшему, Генриху Христиану Бойе, — 25 лет.

Вместе с изменением состава и структуры дружеских кружков менялась и их эмоциональная тональность.

В кружке Глайма культивировались главным образом анакреонтовские настроения коллективного веселья и товарищества. Их идеал — быть «другом всего света» и освобождение от опеки стороны старших. Дружба — это веселье, счастье и свобода. Это вольное братство счита-

лось исключительно мужским и исключительно немецким явлением, его прямо противопоставляли «французской изнеженности».

Геттингенский «Союз роици» также выше всего ценит групповую солидарность. Индивидуальные «сердечные дружбы» не одобрялись, потому что они подрывают единство группы (Muchow, 1966, S. 54).

В культуре романтизма (Иенское содружество начала XIX в., к которому принадлежали братья Шлегель, Brentano, Тик, Арним и другие, гейдельбергский кружок романтиков) эмоциональный настрой уже иной. Веселая групповая дружба уступает место интимному союзу избранных сердец и умов, причем группа могла разбиваться и на отдельные пары. В этих сообществах могли участвовать и девушки, как правило, чьи-то сестры, в которых юные романтики влюблялись и на которых позже женились.

Характерная особенность романтического канона дружбы — сочетание таких, казалось бы, противоположных качеств, как *интимность* и *публичность*. Как не без иронии вспоминал Гёте, «тогда распространился среди людей такой избыток откровенности, что считалось почти невозможным говорить с кем-нибудь с глазу на глаз или обмениваться интимными письмами, не считая, что слова, сказанные тобою или тебе, предназначены для многих других. Каждый шпионил за своим сердцем и за сердцем друга...» (Гёте, 1976, с. 470–471).

Поскольку романтики придавали своим чувствам универсальное значение, они не только не делали их тайны, но и всячески популяризировали их. Интимные письма читались вслух и распространялись среди широкого круга друзей как литературные произведения, каковыми они, в известном смысле, и были. Иногда это вызывало болезненные недоразумения и ссоры. Анализируя дневники и письма той эпохи, нужно помнить, что они, как и письма итальянских гуманистов, часто были обращены не только к конкретному адресату, но и к более широкой аудитории. В каком-то смысле это аналогично современным интерактивным чатам.

Романтическая дружба в европейской перспективе

Так как романтизм возник и расцвел в Германии, некоторые исследователи склонны считать романтическую дружбу специфически немецким явлением. Однако язык и стиль дружбы молодых европейцев конца XVIII–начала XIX в., насколько позволяет судить их переписка, дневники и т. д., не обнаруживают особенно заметных национальных различий (другое дело — индивидуальные вариации).

Характерно, что один из апостолов романтической дружбы в немецкой литературе — Жан Поль (Рихтер) своим собственным личным идеалом считал дружбу английских просветителей Джонатана Свифта, Джона Арбетнота и Александра Попа. «О вы, оба друга, умерший и оставшийся! — писал он в “Зибенкэзе”, после описания очередной трогательной сцены прощания друзей. — Но зачем же мне постоянно подавлять в себе то давнее, бьющее ключом чувство, которое вы с такой силой пробудили во мне и которое обычно во дни моей юности у меня вызывала... дружба, например, между Свифтом, Арбетнотом и Попом, выраженная в их письмах? Разве не были многие другие, подобно мне, согреты и ободрены трогательной спокойной любовью этих мужественных сердец?..» (Жан Поль, 1937, с. 371).

Опубликованная переписка знаменитых англичан была весьма популярна в конце XVIII в. Однако в ней нет той исповедальности и страсти, которая так характера для переписки Жан Поля и Якоби. В отношениях Попа и Свифта четко выступает возрастная асимметрия, причем письма молодого Попа значительно теплее и эмоциональнее ответов более старшего Свифта. Например, в письме от 20 сентября 1723 г. Свифт пишет: «Ваши понятия о дружбе новы для меня. Я думаю, что каждый человек от рождения обладает определенным запасом дружелюбия, и он не может дать одному, не ограбив другого. Я отлично знаю, кому я отдал бы первое место в моей дружбе, но их нет со мной, я приговорен к другой сцене, и поэтому я раздаю свою дружбу по мелочам тем, кто вокруг меня» (Swift, 1964, v. 2, p. 465).

Повышенная эмоциональность романтического канона дружбы и ассоциация ее с юностью делали этот канон столь же привлекательным, сколь и проблематичным, намекая на возрастную, преходящий и отчасти иллюзорный характер дружеских связей. Уже в 1805 г. автор популярного немецкого учебника педагогики отмечал, что юноши идеализируют не только себя в дружбе, но и дружбу в себе (Hornstein, 1965. S. 193).

Разочарование в романтизме

Страстная юношеская дружба большей частью не выдерживает испытаний жизни. Зрелые люди оглядываются на нее со смешанным чувством сожаления, зависти и иронии. «Я открыл сегодня, что дружба длится еще меньше, чем любовь», — записал в дневнике один из видных представителей немецкого романтизма Карл Август Фарнхаген фон Энзе (Varnhagen von Ense, 1865, Bd. 2. S. 160). Тринадцать

лет спустя, рассказывая как его навестила Беттина фон Арним, молодость которой прошла в самом центре немецкого романтизма, Фарнхаген отмечает: «Она называет все дружеские излияния обманом и ложью» (Varnhagen von Ense, 1900, Bd. 13. S. 209).

В результате разочарования в романтических ценностях романтический канон дружбы уже в середине XIX в. становится предметом насмешек. Самую глубокую философскую и психологическую критику романтической дружбы дал Гегель.

«Тотальная дружба», считает Гегель, «имеет своей почвой и своим временем юность» вовсе не потому, что юношеский мир богаче и индивидуальнее взрослого, как считали романтики, а как раз потому, что он недостаточно индивидуален. «Каждый человек должен сам по себе проделать свой жизненный путь, добыть себе и удержать некую действительность. Лишь юность, когда индивиды живут еще в общей неопределенности их действительных отношений, есть то время, когда они соединяются и так тесно связываются друг с другом в *едином* умонастроении, единой воле и единой деятельности, что дело одного тотчас же становится делом другого. Этого уже нет больше в дружбе мужчин... В зрелом возрасте люди встречаются друг с другом и снова расстаются, их интересы и дела то расходятся, то объединяются. Дружба, тесная связь помыслов, принципов, общая направленность остаются, но это не дружба юношей, в которой никто не решает и не приводит в исполнение того, что не становилось бы непосредственно делом другого. Принцип нашей более глубокой жизни требует, чтобы в целом каждый заботился сам о себе, то есть чтобы каждый был искусным в своей собственной области действительности» (Гегель, 1969, т. 2, с. 281–282).

Гипертрофированную чувствительность романтической дружбы Гегель считает иллюзорной. На самом деле, подчеркивает он, «*дружба* основывается на сходстве характеров и интересов в общем совместном деле, а не на удовольствии, которое получаешь от личности другого» (Гегель, 1971, т. 2, с. 74).

Многие хрестоматийные примеры длительной и прочной дружбы XIX в., например дружба Карла Маркса и Фридриха Энгельса, вообще не имели романтического характера.

Началась она не в юности, а в молодые годы, когда Марксу было 26 лет, а Энгельсу — 24 года. Ничего гомоэротического в их отношениях не было (оба отличались гомофобией), свои сексуальные и любовные проблемы они решали самостоятельно, не посвящая в них друг друга. По характеру это были совершенно разные люди, причем

властный, нетерпимый и подозрительный Маркс явно доминировал над более мягким и человечным Энгельсом. Однако общие идейные интересы и многолетняя совместная деятельность породили между ними величайшую человеческую близость и взаимную преданность.

Чтобы помочь нуждавшемуся в деньгах Марксу, Энгельс долгое время выполнял скучную и ненужную ему конторскую работу. Поль Лафарг вспоминает, что «когда Энгельс объявлял о своем приезде, это было торжеством в семье Маркса. В ожидании его шли нескончаемые разговоры о нем, а в самый день приезда Маркс от нетерпения не мог работать. Подкрепляя свои силы табаком, друзья просиживали вместе всю ночь, чтобы досыта наговориться обо всем, что произошло со дня их последнего свидания» (Воспоминания о Марксе и Энгельсе, 1956, с. 75).

Их переписка проникнута теплом и взаимной заботой. «...Какое счастье — дружба, подобная той, какая существует между нами. Ты-то знаешь, что никакие отношения я не ценю столь высоко», — писал Маркс (Маркс, Энгельс, соч., т. 31, с. 153). «...Меня всегда поддерживала мысль о тебе и твоей дружбе и надежда, что нам вдвоем предстоит сделать еще на свете кое-что разумное» (там же, т. 28, с. 371). «Уже один вид твоего почерка прибавляет мне бодрости» (там же, т. 30, с. 318).

Сообщая другу об окончании первого тома «Капитала», Маркс прямо говорит: «Без тебя я никогда не мог бы довести до конца это сочинение... Только тебе обязан я тем, что это стало возможным!» (там же, т. 31, с. 251, 275). После смерти Маркса Энгельс взял на себя заботу о его литературном наследии.

Романтические дружбы были, как правило, более конфликтными и менее прочными.

5. Дружба в постиндустриальном обществе

Узнать можно только те вещи, которые приручишь... У людей уже не хватает времени что-либо узнавать. Они покупают вещи готовыми в магазинах. Но ведь нет таких магазинов, где торговали бы друзьями, и потому люди больше не имеют друзей.

Антуан де Сент-Экзюпери

Начатые в древности и продолженные в Новое время ностальгические жалобы на оскудение и обеднение дружбы усилились в XX в. К старым аргументам теперь прибавились новые: деперсонализация человеческих отношений под влиянием рыночной экономики, анонимность жизни в мегаполисе, рост социальной мобильности, не позволяющей людям узнавать друг друга и поддерживать стабильные отношения, кризис идентичности, развитие средств массовой коммуникации.

Ускорение и омассовление?

Слова «отчуждение», «разобщенность», «некоммуникабельность» давно уже переключались из философской литературы на страницы массовых СМИ. Мы все время слышим, что «массовое общество» разрушило или, во всяком случае, подорвало «промежуточные» социальные структуры, опосредствующие взаимоотношения индивида и общества (семья, соседство, общинные связи). В результате человеческое общение становится все более экстенсивным, анонимным, стандартным и деиндивидуализированным. За этими жалобами стоят реальные процессы и факты.

Высокая социальная мобильность, частые перемены места жительства, работы и т. п. подрывают устойчивость личных отношений и привязанностей, делают их краткосрочными, ненадежными и эфемерными. Как писал американский футуролог Алвин Тофлер, «с приближением к супериндустриализму отношения людей друг с другом приобретают все более временный, непостоянный характер. Люди, так же как вещи и места, проходят через нашу жизнь, не задерживаясь, во все убыстряющемся темпе. Чаще всего мы вступаем с окружающими нас людьми в поверхностные, деловые отношения. Созна-

тельно или нет, мы строим наши отношения с большинством людей на функциональной основе» (Тофлер, 1972, с. 234).

Современный человек общается с множеством разных людей. «Мобильность вырывает корни и делает отдельных людей менее значимыми в их взаимоотношениях друг с другом», — заявляет американский социолог Оррин Клэпп (Klapp, 1969, p. 30). В массовом обществе, где конкретный индивид, по выражению Клэппа, «растворяется в общей категории», перечеркивающей его индивидуальность, глубокая и длительная дружба практически невозможна. Американский публицист Вэнс Паккард, автор бестселлера «Нация посторонних», объясняет чувство личного отчуждения и социальной изоляции американцев именно нестабильным, «кочевым» стилем их жизни. По подсчетам Паккарда, средний американец в течение своей жизни меняет место жительства в 14 раз чаще англичанина, в 6 раз чаще француза, в 5 раз чаще японца (Packard, 1972).

Ускорению темпа жизни сопутствует изменение **чувства времени**. Традиционное общество не воспринимало время как нечто вещественное, тем более — имеющее цену. «Понимание значимости времени пришло вместе с ростом самосознания личности, начавшей видеть в себе не родовое существо, а неповторимую индивидуальность, то есть личность, поставленную в конкретную временную перспективу и развертывающую свои способности на протяжении ограниченного отрезка времени, отпущенного в этой жизни» (Гуревич, 1972, с. 137).

С одной стороны, это повышает степень личной свободы — человек может «овладеть» временем, ускорить его своей деятельностью. Идея необратимости времени тесно связана с мотивом достижения и с принципом оценки человека по его заслугам. С другой стороны, время, мыслимое как нечто вещественное, что можно «потерять», отчуждается от индивида, навязывает ему свой ритм, заставляет спешить, тем самым увеличивая степень несвободы, порождает страх отстать от других, «упустить время». Это не может не сказываться на общении, особенно на характере личных отношений.

Патриархальное Средневековье не знало жесткого противопоставления труда и досуга. Общественные отношения сохраняли свою личностную форму, а свободное время, точнее, непроизводительная деятельность, общение, досуг, быт были так же тщательно и детально регламентированы, как и труд. Никому не могло прийти в голову «сэкономить время» на приеме гостей или общении с соседями, и это никому не причиняло ущерба, так как круг общения оставался более

или менее стабильным, жизнь всех текла в одном и том же неспешном ритме.

В условиях городской жизни, особенно в современном мегаполисе, все усложняется. Человек, стремящийся чего-то достичь, должен беречь время, и это сказывается прежде всего на неутилитарном общении: банкет для налаживания отношений с «нужными людьми» — совсем не то же самое, что дружеское застолье. В системе ценностей буржуазного общества свободное общение стоит ниже производительной, предметной деятельности. Рассматривая других людей как средство собственного продвижения, человек и сам незаметно «овеществляется». В переводе на язык социальной психологии это значит, что потребность в достижении выражена у него сильнее, чем потребность в человеческом тепле, общении, сопереживании.

Герой повести французского писателя Поля Виалара «И умереть некогда...» (Виалар, 1970) преуспевающий американский делец французского происхождения Жильбер Ребель летит через Париж в Лион для заключения очередного выгодного контракта. В аэропорту Орли он получает две телеграммы. В первой жена извещает Ребеля, что уходит от него, так как не может больше выносить вечно спешащего, занятого мужа, для которого дела важнее любви. Вторая телеграмма — сообщение, что деловая встреча в Лионе откладывается. Буквально в последний момент Жильбер отказывается от продолжения полета, и самолет, в котором он должен был лететь, взрывается у него на глазах. Потрясенный финансист видит в этом знак судьбы и решает не опровергать сообщения о своей гибели.

Оказавшись в Париже, Ребель, которому впервые за много лет некуда спешить, останавливается в маленьком отеле, где жил когда-то в юности. Жизнь его вдруг обретает почти забытые краски: Жильбер наслаждается вкусом пищи, замечает красоту природы, его начинают интересовать люди, в которых накануне он увидел бы только средства для достижения своих целей. И Ребель решает начать новую жизнь. Он едет на Лазурный Берег, встречается с очаровательной девушкой, которая не стремится к материальным благам... Кажется, начинается идиллия. Но, увы, на жизнь нужны деньги. Сначала Ребель начинает работать, только чтобы просуществовать. Но его деловая хватка сильнее — его снова неудержимо тянет наверх. Ни просьбы молодой жены, ни прошлый опыт не могут остановить его. Он сколачивает новое состояние и... гибнет в авиационной катастрофе, не успев даже осознать бессмысленность своей жизни.

Ребель — не столько делец, сколько человек дела. Им движут не одни только деньги, но и жажда успеха, подтверждения собственной силы. Хотя он не чужд сильным эмоциям, удовлетворение, которое он получает от своих деловых предприятий, сильнее его привязанности к кому бы то ни было. Он сам порой страдает от этого, но стать иным не в состоянии.

Социальная мобильность и новое чувство времени меняет характер индивидуального самосознания, **идентичности** и образа Я. Один из главных признаков современного общества, по мнению известного британского социолога Зигмунда Баумана, — приход новой, «краткосрочной» ментальности на смену «долгосрочной». Браки, заключаемые «до тех пор, пока не разлучит нас смерть», стали редкостью. Людям все чаще приходится менять места работы, а то и профессии. «Согласно последним подсчетам, молодого американца или американку со средним уровнем образования в течение их трудовой жизни ожидают по меньшей мере одиннадцать перемен рабочих мест... Лозунгом дня стала гибкость» (Бауман, 2002, с. 29–30).

Откуда тут взяться устойчивой дружбе?

Но может быть, современные процессы так же неоднозначны, как и в прошлом?

Территориальная мобильность

На первый взгляд стандартизация условий жизни и быта, делающая город похожим на муравейник, подрывает чувство индивидуальности, отличия от других, и ведет к обезличиванию самого процесса общения. Но фактически это сложный многомерный процесс.

Круг личных контактов человека аграрной цивилизации был ограничен его родными и близкими, хорошо знакомыми ему соседями, жителями той же самой деревни или небольшого города. Посторонние, незнакомые люди встречались сравнительно редко и уже в силу этого вызывали к себе повышенный интерес.

С ростом плотности населения число человеческих контактов резко увеличивается. По условным подсчетам петербургского социолога А. В. Баранова (Баранов, 1981, с. 110), если предположить, что человек передвигается 4 ч в сутки со скоростью 5 км/ч, вступая в контакт с каждым встречным, с которым он сближается на расстояние менее 25 м, когда можно распознать выражение лица, и что все остальные люди движутся хаотично с той же самой скоростью, то при плотности 40 человек на 1 км² (это выше средней плотности на-

селения в сельской местности европейской части России) индивид встретит за день 32 человека. При плотности населения центральных районов Петербурга 12 тыс. человек на 1 км² число таких мимолетних суточных встреч возрастает до 10 тыс.

Избыточное общение усиливает потребность в обособлении, приватизации личного пространства, установлении определенной дистанции между собой и другими, причем с возрастом и повышением образовательного уровня эта потребность возрастает. Экспериментально установлено, что, выбирая место в библиотеке, городском транспорте, столовой, общественном туалете, человек, как правило, старается установить некоторую дистанцию между собой и другими, предпочитая не занимать соседних мест. Приватизация проявляется и в семейном быту, в частности, в повышении уровня требований к жизненным условиям.

Потребность семьи иметь отдельную квартиру и отдельную комнату для каждого из своих членов — не роскошь. По данным социологического исследования, проведенного в 1984 г. в эстонском городе Тарту, семьи, члены которых могли при желании уединиться, обособиться от других (такая возможность возрастает вместе с увеличением количества комнат и уменьшается с увеличением плотности населения квартир), были больше удовлетворены своим браком (Лийк, 1985, с. 243). По данным эстонского психолога Мати Хейдметса (Хейдметс, 1980, с. 38), в семьях, где у ребенка старше 9–10 лет не было в квартире «своего места» (своего стола, шкафа, уголка или комнаты), то есть объектов личного контроля, взаимоотношения детей и родителей были гораздо конфликтнее, чем в семьях с более дифференцированным личным пространством.

Пространственные факторы среды — степень многообразия и разнородности, уровень информационной насыщенности, открытость или замкнутость пространства — сильно влияют и на социально-психологические механизмы общения. Но влияние это опять-таки неоднозначно.

С расширением круга человеческих контактов у горожанина вырабатывается особый механизм психологической защиты — равнодушие, индифферентность к посторонним, случайным встречным. Незнакомый человек в городе — значительно более «чужой», чем в деревне, на него просто не обращают внимания. Именно потому, что *физическое* личное пространство горожанина суживается, он вынужден строже охранять границы своего *психологического* пространства, тщательнее дифференцируя свои отношения с родными, соседями, коллегами

по работе и посторонними. Чем безличнее и анонимнее среда, тем рельефнее выступают на ее фоне индивидуализированные личные отношения.

Сеть наших личных отношений, одним из звеньев которой является дружба, в значительной степени «задана» объективными социальными условиями. Тезис, что высокая плотность и социальная разнородность городского населения неизбежно порождают рост социального отчуждения, ослабление семейных, родственных и иных «первичных» связей, был впервые сформулирован и эмпирически обоснован американским социологом Луисом Виртом на примере Чикаго 1930-х гг. Однако Чикаго тогда отличался исключительно бурным и неуправляемым ростом; пришельцы из сельской местности и особенно иммигранты из Европы переживали там огромные социальные трудности и еще не успели обзавестись личными связями.

Для более или менее стабильного, хотя и растущего, городского населения столь острая дезорганизация «первичных групп» не обязательна. Например, крупнейшее английское социологическое исследование 1970-х гг. (было опрошено 2199 человек) показало, что размеры населенного пункта и плотность населения сами по себе не ослабляют родственных и семейных связей и не приводят к замене первичных, неформальных контактов более формальными, «вторичными» отношениями. Расширение круга деловых, функциональных отношений в известной степени даже стимулирует активизацию личных связей, а прочность дружеских и родственных отношений зависит не столько от плотности населения и размеров города, сколько от длительности проживания данной семьи в одном и том же месте (Kasarda and Janowitz, 1974).

Еще важнее качественные характеристики взаимоотношений человека с окружающими людьми и степень личной эмоциональной привязанности к месту жительства.

Социологическое исследование местных общинных отношений в 9 индустриально развитых странах (США, ФРГ, Швеция, Канада, Австрия, Испания, Швейцария, Бельгия и Польша (Peachey et al., 1984)) выявило, что, несмотря на высокую территориальную мобильность горожан, привязанность к месту жительства остается важным элементом их личного самосознания. Это чувство местной принадлежности, то, что мы называем «малой родиной», включает в себя множество элементов, субъективная значимость и сила которых (привязанность «к месту» — природе, климату, дому — не то же самое, что привязанность к привычному человеческому окружению) весьма

индивидуальны. Их соотношение изменяется с течением времени, возрастом и жизненными условиями и в полной мере осознается только в критических ситуациях, например при перемене места жительства.

Важнейшее условие сравнительно безболезненного привыкания к новой пространственно-социальной среде — **личная вовлеченность** в местную субкультуру, приобщение к групповой жизни в новой среде. Иными словами, существенно не столько то, как долго человек живет на одном месте, сколько то, ощущает ли он себя посторонним, чужим или же активным соучастником совместной деятельности. Чем демократичнее и живее общинная связь, тем быстрее вписываются в нее вновь прибывшие и тем легче налаживаются их человеческие контакты.

Друзья, соседи и сослуживцы

Организация быта — не в последнюю очередь организация человеческого общения. Соседство, территориальная близость — одна из важнейших социально-психологических предпосылок личного знакомства и установления дружеских отношений. Первичной ячейкой, где завязывается детская дружба, обычно бывает «свой двор», чуть позже — «своя улица». С возрастом (а также с получением образования) территориальные рамки выбора друзей заметно расширяются, но все-таки сохраняют свое значение.

Американский социолог Карлфред Бродерик, опросив в 1950-х гг. 7622 пары дружественных городских семей, обнаружил, что почти 30% из них — соседи, а 28% познакомились благодаря тому, что раньше были соседями (Broderick, 1956). У 300 мужчин, которых французский социальный психолог Жан Мезоннёв спрашивал о причинах прекращения их прежних дружеских связей, на первом месте (45% всех ответов) оказалась перемена местожительства своего или друга (Maisonneuve, 1966, p. 219).

На первый взгляд территориальная близость — только одно из *внешних* условий возникновения и сохранения дружбы. Однако проведенный французскими социологами эксперимент говорит о большем. В одной военной школе-интернате 400 курсантов (мужчины от 21 до 35 лет) были поселены группами по 40 человек. Расселение проводилось строго по списку, в алфавитном порядке; ничего общего, кроме совместного проживания, у этих людей поначалу не было. Тем не менее, когда спустя несколько недель был произведен социо-

метрический тест — курсантам предложили выбрать тех, кто им более симпатичен, — число взаимных выборов в пределах общей зоны местожительства составило 68% (Maisonpierre, 1963, p. 78–81). По данным З. А. Янковой, соседи по этажу обмениваются услугами чаще, чем соседи по дому, живущие на разных этажах (Янкова, 1979, с. 138).

Хотя и меньше, чем в деревне, дружеские отношения горожан тесно переплетаются с семейно-родственными и трудовыми. Свыше половины обследованных в конце 1960-х гг. таганрогских рабочих познакомились со своими друзьями на работе; $\frac{2}{5}$ друзей инженеров и техников «приобретены» в годы совместной учебы и около трети — на работе (Гордон, Клопов, 1972, с. 152–153). По данным других исследований, у горожан свыше 40% друзей составляют сослуживцы, с которыми они регулярно встречаются на работе (Янкова, Родзинская, 1982, с. 61).

Но как бы ни складывались личные отношения на службе, интенсивность (частота) домашнего общения зависит в первую очередь от близости проживания: чем больше расстояние, тем реже встречи. Если затраты времени на дорогу превышают 1 ч, подавляющее большинство (84,6%) опрошенных москвичей видятся с друзьями не чаще раза в месяц (там же, с. 62). Это побуждает жителей мегаполиса ценить хороших соседей. Тем не менее они не отжествляют соседство с дружбой.

Сила слабых связей

Сравнивая степень субъективной значимости и конкретные функции разных межличностных отношений — семейных, родственных, соседских, дружеских и т. п., социологи выделяют несколько формальных параметров (Granovetter, 1973, 1983; Fischer, 1971; Fischer, 1982).

Плотность (теснота) связи обозначает интенсивность, частоту повседневных бытовых контактов. Например, связь между членами семьи обыкновенно теснее, чем между соседями и тем более между друзьями, живущими в разных районах или городах. Однако понятие плотности связи не отражает субъективной **личностной значимости** взаимоотношений. Для ее обозначения введено понятие **силы связи**, которая измеряется сочетанием количества совместно проводимого времени, эмоциональной интенсивности отношений, силы взаимной привязанности, психологической интимности, взаимного доверия и объема оказываемых друг другу услуг. Хотя каждый из

этих параметров относительно автономен, между ними существует определенная зависимость.

При этом «сильные связи» далеко не всегда важнее и эффективнее «слабых». Факторы, усредненные в понятии «силы», сплошь и рядом рассогласованы. Хотя количество совместно проводимого времени и объем оказываемых бытовых услуг между соседями зачастую больше, чем между друзьями, живущими в разных районах и тем более в разных городах, эмоциональная привязанность и психологическая интимность дружеских отношений сильнее, чем соседских. Даже когда соседские отношения достаточно персонализированы, они строятся преимущественно как **обмен услугами** (уход за детьми, бытовая взаимопомощь) и в меньшей степени как **обмен информацией** (обсуждение политических или местных новостей, разговоры о работе, семейных делах и т. д.). Интимность, самораскрытие и другие личные ценности, в которых проявляется специфика дружбы, с соседством вообще не ассоциируются. Исключения представляют лишь случаи, когда соседские отношения перерастают в дружеские, то есть повышаются в ранге.

Иерархия и функции разных первичных групп — членов семьи, родственников, сослуживцев, соседей и друзей — не даны раз и навсегда, а зависят от конкретных житейских ситуаций. Например, в одном социологическом исследовании большой группе венгров (573 человека) было предложено ответить, на чью помощь они больше всего рассчитывают, если понадобится присмотреть за детьми в течение часа или в течение недели. В ситуации краткосрочной помощи у большинства (73%) опрошенных первое место заняли соседи, второе (56%) — родственники и лишь третье (33%) — друзья. В ситуации долгосрочной помощи на первое место (66%) вышли родственники, на второе (47%) — друзья, соседи же оказались на последнем (46%) месте (Litwak, Szelenyi, 1969). Отвечая на вопрос, кто больше помог им во время тяжелой болезни, 293 американца назвали в первую очередь (от 43 до 46%) ближайших родственников, во вторую (38%) — друзей, в третью (29%) — соседей и в четвертую (20%) — дальних родственников (Croog, Lipson, Levine, 1972).

В современном мире дружеские отношения часто считаются даже более важными, чем семейно-родственные связи. Свыше половины из 40 тыс. американцев, ответивших в 1979 г. на анкету популярного журнала *Psychology Today*, сказали, что в кризисной ситуации обратились бы к друзьям раньше, чем к членам собственной семьи (Parlee, 1979). Даже при сравнительно редких встречах и большом расстоянии

дружеские отношения, как правило, считаются наиболее интимными и психологически важными, а наличие близких друзей является важнейшим условием субъективного благополучия.

Массовые опросы 1980–90-х гг. показывают, что по мере повышения значимости частной жизни (по сравнению с политикой) субъективная ценность дружбы не уменьшается, а растет. Когда в 1990 г. в рамках Всемирного исследования ценностей население 43 стран спрашивали, какая сфера жизни для них самая важная, ответы распределились так (Inglehart, 1997, с. 209):

- 1) семья — 83%;
- 2) работа — 59%;
- 3) друзья — 38%;
- 4) досуг — 33%;
- 5) религия — 28%;
- 6) политика — 13%.

Изменяются не столько степени значимости разных форм жизнедеятельности, сколько критерии их оценки. Если в индустриальном обществе преобладают «материалистические» ценности, связанные с мотивами достижения, экономической эффективности и материального благосостояния, то в постиндустриальном обществе, где эти цели в основном достигнуты, в массовом сознании происходит «сдвиг в сторону индивидуальной автономии... перенос акцентов преимущественно с экономической и физической надежности на чувство принадлежности, самовыражение и качество жизни» (Inglehart, 1990, с. 11).

Это распространяется и на дружбу, которая сегодня больше, чем когда-либо в прошлом, ассоциируется не столько с практической помощью, сколько с *духовной близостью*, потребность в которой принципиально безгранична, ненасытаема. Поэтому она и кажется столь редкой.

Мобильно-информационное общество

Характер межличностного общения тесно связан со средствами массовой коммуникации и развитием соответствующей техники, которая меняется буквально у нас на глазах. Еще недавно современное общество называли просто «информационным», подчеркивая зависимость массового сознания от информации, сообщаемой прессой, радио и особенно телевидением. С появлением Интернета и особенно

мобильных телефонов в социологии появилось понятие «мобильно-информационное общество».

Внимание многих философов, ученых и художников сосредоточено прежде всего на негативной стороне этих процессов, облегчающих манипулирование сознанием и повышающих зависимость индивида от навязываемых ему стандартов поведения и мышления.

В рассказе «Игра» Альберто Моравиа изобразил двоих влюбленных, которые пытались, объявив войну «избитым истинам», устранить из своего лексикона все штампы и тривиальности, но вскоре выяснилось, что без этих шаблонов они просто не могут общаться. Их политические суждения и оценки оказались заимствованными из газет и радио, а слова любви — из массовой литературы. Даже попытка самоубийства, и та безнадежно банальна. Убедившись в этом, герои Моравиа вынуждены отказаться от опасной игры в сопротивление: «Ничего не поделаешь: мы, бедняги, выросли на иллюстрированных журналах, комиксах, телевидении, радио, кино и дешевом чтive. Так давай же признаем это со всей откровенностью, смиримся и — дело с концом!» (Моравиа, 1970).

Явная мораль рассказа — дешевый массовый стандарт нивелирует личность, лишая ее средств индивидуального самовыражения. Но найти оригинальный способ выражения наиболее массовых (и в этом смысле банальных) человеческих переживаний ничуть не легче, чем сделать научное или художественное открытие. Оно и есть открытие! Большинство людей всегда пользуются при этом «готовыми» формулами, привнося «от себя» лишь интонации. «Протест» героев Моравиа свидетельствует не столько об их обезличенности, сколько о гипертрофированном чувстве собственной индивидуальности, которая не удовлетворяется готовыми экспрессивными формами и мучается их неадекватностью. А их конформизм заключается в том, что они не верят сами себе и жаждут внешнего подтверждения своей индивидуальности. Если ты в самом деле любишь, не все ли тебе равно, сколько миллионов людей произносили слова любви до тебя? Для тебя и твоей любимой они единственны и несравненны.

Телевизор и визуальная культура — далеко не первый социальный институт, на который возлагали ответственность за деформацию сознания и оскудение человеческого общения. Платон (Федр, 275а-в), к примеру, считал, что уже появление письменности подрывает индивидуальность мышления, потому что отныне люди будут усваивать знания «по посторонним знакам», в результате чего будут «казаться многознающими, оставаясь в большинстве невеждами,

людьми, трудными для общения; они станут мнимомудрыми вместо мудрых» (Платон, 1970, т. 2, с. 216–217). Немало жалоб раздавалось и по поводу книгопечатания, не говоря уже о массовых газетах и радио. Сегодня в оскудении личного общения принято винить телефон, телевизор и Интернет.

Даже тезис о «некоммуникабельности» современного человека формулируется по-разному. В одном случае утверждается, что «одномерный человек» *не испытывает потребности* в прочных и интимных контактах, а во втором — что он *не в силах удовлетворить* свою потребность в них. Но это прямо противоположные утверждения! Многие факты, которые на первый взгляд кажутся проявлениями деперсонализации чувств и отношений, на самом деле выражают гипертрофированный эгоцентризм.

Влияние новых средств и методов коммуникации на межличностные отношения неоднозначно и противоречиво. С одной стороны, непосредственное общение «лицом к лицу» все чаще уступает место опосредованному. С другой стороны, даже самые технизированные и массовые коммуникации все больше тяготеют к интерактивности.

Это отражается даже в терминологии. Принятое в нашей стране с советских времен понятие «средства массовой *информации*» (СМИ) не предполагает обратной связи: читатель, слушатель, зритель выступает в роли не субъекта, а всего лишь реципиента. Однако эта информационная модель не точна, социологи все чаще говорят о средствах массовой *коммуникации*, которая предполагает интерактивность.

Настоящую революцию в общении произвел Интернет. Всемирная Паутина — средство не только массовой, но и межличностной коммуникации. Интернет демократичен и принципиально интерактивен. Его сочетание с мобильным телефоном радикально меняют всю структуру общения. Преодолевая границы пространства и времени (не говоря уже о государственных границах), новые технологии безгранично расширяют круг возможных субъектов общения, наших потенциальных и реальных собеседников и друзей.

Интенсивнее всего мобильниками пользуются молодые люди. По российским данным, 22% пользователей мобильных телефонов составляют люди от 14 до 18 лет и 43% — от 19 до 24 лет (Маховская, 2004). Причем мобильная связь используется не столько в деловых целях, сколько просто для общения. По данным психологов, 80% времени «мобилизованные» россияне болтают о футболе, пиве, музыке и очень мало о делах. Быстро растет и пользование SMS. 55% россиян отправляют до 7 сообщений в сутки, а 6% — более 14.

Нередко это делает общение поверхностным, экстенсивным, даже принудительным. Человек, ежеминутно хватающийся за мобильник, ни с кем не может поговорить обстоятельно. Виртуальная близость не заменяет реального человеческого тепла. Больше всего вовлекаются в такое общение люди с повышенной тревожностью, невротики, которым каждые пять минут нужно сообщать, что у них все в порядке. Чаще это женщины, требующие психологической поддержки. После дружелюбного разговора они успокаиваются, после сухого — расстраиваются.

Это напоминает общение ребенка с новой игрушкой, от которой он не в силах оторваться. Взрослый и психологически благополучный человек в состоянии преодолеть соблазн. Новые коммуникационные технологии не только расширяют потенциальный круг общения, но и делают его более интенсивным.

В прошлые исторические эпохи, когда письма отправляли с гонцами и они добирались до адресата долгие недели и месяцы, реальный собеседник зачастую становился воображаемым. Сегодня, когда общение осуществляется в реальном времени, практически мгновенно, даже виртуальный собеседник обретает реальность. Предстоящее появление мобильных видеотелефонов позволит сочетать речевое общение с визуальным, что отчасти компенсирует высокую мобильность и территориальную разобщенность современных людей.

Общество риска и потребность в «чистых» отношениях

Социология не имеет однозначной характеристики и даже термина для обозначения современного общества. В отличие от популярной литературы серьезные социологи никогда не считали общественное развитие одномерным. И хотя одни авторы фиксировали внимание на процессах «омассовления», а другие — на процессах индивидуализации, называя современное общество «обществом индивидов» (Элиас, 2001) или «индивидуализированным обществом» (Бауман, 2002), они понимали, что речь идет о встречающих, взаимодополнительных тенденциях. Кроме того, важна точка отсчета. Одни ученые сравнивали общество нового времени в широком смысле слова с традиционным, доиндустриальным обществом, тогда как другие старались зафиксировать отличия «постиндустриального», «постмодерного» общества конца XX в. от раннекапиталистического общества и от общества XIX в.

Для понимания природы личных отношений в современном обществе особенно важна концепция «общества риска», развиваемая немецким философом Ульрихом Беком (Бек, 2000), английским социологом Энтони Гидденсом (Giddens, 1989, 1992) и российским социологом О. Н. Яницким (Яницкий, 2003).

В свете этой теории глобализация мира означает, что каждый человек зависит уже не только от своей непосредственной среды, но и от глобальных процессов (экологические проблемы, угрозы терроризма и т. д.). Если прежние «мировые системы» были лишь конгломератами более или менее разобщенных сообществ, то сейчас «человечество в некоторых аспектах становится “мы”, сталкиваясь с проблемами и возможностями, где не существует “других”» (Giddens, 1989, p. 27).

Современное общество является «культурой риска» не потому, что наша жизнь стала более опасной и рискованной, чем раньше. Многие старые опасности и угрозы даже уменьшились. Однако сегодня риск стал более осознанным, чем раньше. Вместо древнего фатализма и покорности судьбе индивид должен сам заботиться об уменьшении или предотвращении тех или иных рисков, но некоторые риски ни предвидеть, ни предотвратить невозможно. Кроме того, поскольку риск составляет неотъемлемую часть самоутверждения, происходит его культивирование: принятие риска переживается как освобождение из-под власти детерминирующих нашу повседневность «абстрактных систем» и безличных социальных структур.

Индивидуализация в обществе риска представляет собой, по Беку, процесс, состоящий из трех противоречивых компонентов: 1) **освобождения** от традиционных ограничений, накладываемых классовыми, семейными и т. п. рамками; 2) **разочарования**, наступающего в результате потери традиционного общества и 3) **реинтеграции**, основывающейся на новых типах обязательств. Общество риска начинается там, где заканчивается традиция, «когда ни в одной из сфер жизнедеятельности мы не можем рассчитывать на определенность» (цит. по: Зубок, 2003, с. 125).

В ситуации глобальной неопределенности и множества выборов особое значение, по Гидденсу, приобретает феномен **базового доверия** (*trust*), которое позволяет ребенку достичь чувства онтологической безопасности (*security*). Это чувство базового доверия отличается от доверия в зimmelевском смысле слова, то есть откровенности (*confidence*). Это своего рода «защитный кокон», позволяющий индивиду поддерживать постоянство Я перед лицом изменчивого мира.

Неизбежный в обществе риска рост рефлексивности и необходимость сознательного формирования собственного жизненного стиля, который может быть неодинаковым у разных людей, означает также повышение роли и «трансформацию интимности», напряженную потребность в независимых от внешних условий, самоценных «чистых отношениях» (*pure relationships*) (брак по любви, дружба).

Эти «чистые отношения»:

- 1) не коренятся во внешних условиях социальной или экономической жизни, а являются делом свободного выбора;
- 2) самоценны для обоих партнеров;
- 3) открыты и рефлексированы, предполагают вопрос: «все ли в порядке?»;
- 4) ведущую роль в их формировании и поддержании играет включенность (*commitment*), добровольно взятая на себя обязанность;
- 5) их центральный фокус — поиск и достижение интимности;
- 6) это зависит от взаимного базового доверия, которое не требует проверки;
- 7) в этих отношениях индивид не просто «признает» Другого и получает признание с его стороны, но происходит как бы слияние идентичностей (Giddens, 1992).

Если «приложить» эту модель к дружбе, получится нечто весьма похожее на описание идеальной дружбы Аристотелем.

Но реальные человеческие отношения никогда не бывают «чистыми», а дружба — идеальной.

Каждому человеку хочется, чтобы его любили не за что-то, а ради него самого. Но что такое «ты сам», вне твоих свойств и деяний? Если мы замечаем, что друзья обращаются к нам преимущественно в момент нужды, нам становится обидно. Но мы сами поступаем так же!

Дружеские отношения ценны прежде всего *потенциально*, давая человеку уверенность в том, что ему есть с кем поделиться и к кому обратиться за сочувствием или помощью. Реальная потребность сделать это возникает не так часто, в зависимости от конкретных обстоятельств. Однако это не значит, что в остальное время мы забываем или перестаем любить своих друзей, как и они нас. Дружба просто ждет своего часа. Наши личные часы не всегда синхронизированы: актуальная потребность в душевной близости или практической помощи иногда возникает у нас и у наших друзей в разное время, порождая чувство обиды и непонятости. Но так было во все времена! Не-

обходимое условие прочной дружбы — *вера* в друга и взаимная *терпимость*. Современный человек в этом отношении не лучше и не хуже своих предков.

Таким образом, социологические исследования современной дружбы, если рассматривать их выводы на фоне исторического опыта, демонстрируют не столько «оскудение» дружеских чувств и отношений, сколько **усложнение и психологизацию их критериев**, в свете которых реальные личные связи сплошь и рядом выглядят неудовлетворительными. Новая форма общественных отношений «не уничтожила элементарной потребности всякого отдельного человека в неотрелексированной теплоте и спонтанности в отношениях с другими людьми. Она не привела к исчезновению желания надежного и постоянного подтверждения собственных чувств со стороны других людей, а также желания быть рядом с людьми, которые вызывают симпатию» (Элиас, 2001, с. 284–285).

Но и эта потребность, и способы ее удовлетворения не везде одинаковы.

Насколько глобальна глобализация?

Слово «глобализация» часто ассоциируется с представлением об однородности и стандартизации всего на свете. Действительно, куда ни приедешь, всюду висит одна и та же реклама одних и тех же международных корпораций, по телевизору показывают одни и те же фильмы, а в обменниках котируются одни и те же валюты. Но за одинаковыми фасадами нередко скрывается этнокультурное многообразие (см.: Лебедева, 1998; Стефаненко, 2003; Gudykunst et al., 1988).

Прежде всего это касается сферы **эмоций**. Хотя главные эмоциональные состояния — страх, гнев, стыд, радость и т. п. — общи для всех народов и имеют одни и те же психофизические предпосылки, разные культуры придают им неодинаковое значение. Сравнительное изучение словаря эмоций разных народов свидетельствует, что по сравнению с европейскими нормами одни чувства могут быть «переосознаны», гипертрофированы (это проявляется в богатстве словаря, позволяющего различение тонких нюансов и оттенков чувства), а другие, напротив, «недоосознаны». Например, таитяне, по сравнению с европейцами «переосознают» переживания гнева, стыда и страха и «недоосознают» чувства одиночества, депрессии и вины. Неодинаковы у разных народов и тестовые показатели по экстраверсии и интроверсии, что соответствует культурологическому различие-

нию «экстравертных» и «интровертных» культур. Различны и многие другие компоненты их субъективной культуры (Heelas and Lock, 1981).

Особенно интересно соотношение таких мотивационных синдромов, как «потребность в достижении» (стремление к личному успеху и продвижению) и «потребность в принадлежности» (аффилиации) (стремление быть принятым группой, иметь круг друзей и добрые отношения с людьми).

Анализ субъективных значений 100 понятий, с которыми 16–18-летние юноши-старшеклассники из 30 разных культурно-лингвистических групп ассоциируют мотив достижения, показал, что этот мотив статистически связан с уровнем самоуважения и личной инициативы, причем там, где личности приписывается большая ценность, жизненный успех чаще ассоциируется с достижениями социально-предметного характера (работа, учеба и т. д.), а на противоположном полюсе сильнее выражены ценности «принадлежности» (семья, сотрудничество, дружба, любовь).

Разные культуры неодинаково трактуют и само понятие «достижения» или «достижительности». В одних культурах преимущественной сферой самореализации считаются труд или учеба, а в других — игра и общение. Соответственно различаются и предпочитаемые способы достижения: если самореализация определяется в индивидуалистических терминах, мотив достижения предполагает высокую соревновательность, при акценте на групповую солидарность и коллективные достижения обе потребности — в достижении и в «принадлежности» — скорее совпадают (Fyans, Mahr, Salili, Desai, 1983).

Это накладывает отпечаток и на этнокультурные особенности дружбы, причем не только на ее нормативный канон, но и на повседневное поведение и чувства людей. Рассмотрим это на примере Японии.

Японская дружба

У японцев в отличие от американцев, с которыми их чаще всего сравнивают, высокая потребность в достижении сочетается с развитым чувством групповой принадлежности. Ученые объясняют это более длительным сохранением в Японии традиционной структуры семьи и тем, что в воспитании детей подчеркивается не столько желательность личного успеха, сколько требование не посрамить свою семью, род, группу и т. д. Юного американца учат, что он должен обязательно опередить всех, юного японца — что он должен не отставать от других (см. Кон, 2003б).

Человек в Японии постоянно чувствует себя частью какой-либо группы — семьи, общины, фирмы и т. д. Он не выносит уединения, стремится всегда быть вместе с другими. «Сельский подросток, приехавший работать в Токио, не имеет представления об одиночестве его сверстника, скажем, в Лондоне, где можно годами снимать комнату и не знать, кто живет за стеной. Японец скорее поселится с кем-нибудь вместе, и, даже если он будет спать за перегородкой, ему будет слышен каждый вздох, каждое движение соседей. Люди, с которыми он окажется под одной крышей, тут же станут считать его членом воображаемой семьи. Его будут спрашивать, куда и зачем он уходит, когда вернется. Адресованные ему письма будут вместе читать и обсуждать» (Овчинников, 1975, с. 98).

Однако тесное и не всегда добровольное общение сочетается у японцев с недостатком психологической близости и раскованности: «Строгая субординация, которая всегда напоминает человеку о подобающем месте, требует постоянно блюсти дистанцию в жизненном строю; предписанная учтивость, которая сковывает живое общение, искренний обмен мыслями и чувствами — все это обрекает японцев на известную замкнутость и в то же время рождает у них боязнь оставаться наедине с собой, стремление избегать того, что они называют словом “сабисий”. Но при всем том, что японцы любят быть на людях, они не умеют, вернее, не могут легко сходить с людьми. Круг друзей, которых человек обретает на протяжении своей жизни, весьма ограничен. Это, как правило, бывшие одноклассники по школе или университету, а также сослуживцы одного с ним ранга» (там же, с. 98–99).

Хотя сложившиеся в детстве и юности индивидуальные дружеские отношения считаются в Японии более интимными, чем внутрисемейные отношения, в целом японский идеал дружбы скорее спокоен и созерцателен, чем экспрессивен. Проявление глубокой, напряженной интимности шокирует японцев. Право личности на неприкосновенность ее частной жизни от посторонних оживленно обсуждается в современной японской художественной литературе. В пьесе знаменитого японского писателя Кобо Абэ «Друзья» описывается гибель молодого человека в результате вторжения в его жизнь бесцеремонного семейства, решившего «освободить» его от одиночества.

Массовые социологические опросы показывают устойчивость и вместе с тем противоречивость традиционных стереотипов. Отвечая на вопрос, хотите ли вы иметь другом того, «кто вникает в ваши проблемы, когда вы ему о них рассказываете, так же серьезно, как в свои

собственные», или того, «кто спросит вас о том, что вас тревожит, даже прежде, чем вы сами об этом заговорите», 73% японцев выбрали первый и только 23% — второй вариант. Зато с мнением, что не следует активно вмешиваться в дела других людей, согласились лишь 30% японцев в отличие от 82% французов, 67% немцев из ФРГ, 74% швейцарцев, 73% шведов, 63% англичан и 55% американцев. Получается, пишет японский социолог И. Сакамото, что японцы не хотят, чтобы посторонние, даже друзья, вмешивались в их дела, а сами любят вмешиваться в дела других (Sakamoto, 1975).

Естественное следствие подобной ментальности — характерная для японцев коммуникативная чувствительность (ранимость) и чувство одиночества. В одном из массовых опросов желание обрести интимных друзей, с которыми можно делиться всеми своими делами и секретами, выразили 69% молодых японцев и только 12% их сверстников-французов; доля японцев, не имеющих близких друзей, составила 23%, а французов — лишь 15% (Латышев, 1985, с. 250–251). Эти тонкие различия столь же трудно уловить, сколь и интерпретировать, но они существуют и имеют значение.

Западные каноны дружбы

Не совсем одинаковы каноны дружбы и у западных народов.

Воспитанный в духе традиционной сдержанности англичанин не склонен к бурной экспрессивности итальянца или сентиментальной исповедальности немца. В отношениях англичанина с друзьями, как и с членами собственной семьи, всегда присутствует некоторая отчужденность. Но в отличие от японца, у которого дефицит интимности связан с недостаточной автономизацией личности от группы, английская сдержанность — результат гипертрофии принципа личной независимости. «Душа англичанина — это его крепость в не меньшей степени, чем его дом. Англичанин традиционно чурается излишней фамильярности, избегает проявлений душевной близости. В его духовном мире существует некая зона, куда он не допускает даже самых близких» (Овчинников, 1979, с. 239).

Великий немецкий психолог Курт Левин, проживший много лет в США, сравнивая стиль межличностного общения американцев и немцев, писал, что американцы кажутся более открытыми, оставляя «для себя» лишь небольшой, самый глубокий участок своего Я, однако их дружеские связи сравнительно поверхностны и экстенсивны. Немцы же поддерживают отношения с меньшим числом людей

и строже соблюдают границы своего Я, зато в общении с немногими близкими людьми они раскрываются полнее (Lewin, 1948).

Сравнение самоотчетов студентов 4 американских, 1 австрийского и 2 немецких университетов показало, что уровень самораскрытия американцев действительно выше, чем у немцев; однако мнение, что немцы строже, чем американцы, отличают друзей от остальных значимых лиц, не подтвердилось (Plog, 1965).

При сравнении дружеских отношений и представлений о дружбе американских и датских старшеклассников обнаружилось, что юные датчане имеют меньше друзей, чем их американские сверстники, зато их дружба более исключительна, интенсивна и сильнее отличается от простого приятельства. Датские подростки общаются со своими друзьями значительно чаще, чем с остальными товарищами, их дружба чаще бывает взаимной, и у них больше общих черт с друзьями, чем у американских старшеклассников (Kandel, Lesser, 1972).

К сожалению, таких сравнительных исследований мало. Но они доказывают, что процесс глобализации не следует уподоблять «все-ленской смази» и что оплакивать многообразие мира, «которое мы потеряли», преждевременно. В этом ключе нужно рассматривать и особенности русской дружбы.

6. Русская дружба

Надеемся только на крепость рук,
на руки друга и вбитый крюк...

Владимир Высоцкий

В русской культуре и литературной традиции дружба занимает столь же важное и особое место, как и в немецкой. Культ мужской дружбы — характерное явление русской культуры на всем протяжении ее истории. Однако содержание канона дружбы исторически изменялось.

Былинные богатыри и побратимы

Древнейший образ дружбы в русской литературе — побратимство, «крестовое братство» былинных богатырей, подробно описанное М. М. Громыко (1986, с. 70–92), строится по тем же самым правилам, что и в Западной Европе.

В «названное» или «крестовое» братство (обряд скреплялся обменом нательными крестами) вступают практически все былинные богатыри.

Иногда, как описано в былине «Бой Добрыни с Ильей Муромцем», этот союз заключается после честного поединка, в результате которого победитель приобретает статус старшинства.

А как будешь ты — большая брат,
А я буду меньшая брат;
А мы будем ездить по чисту полю, поляковать.
Приставать будем друг за друга,
Друг за друга, за брата крестового.

Цит. по: Громыко, 1986, с. 72

Нередко братание предшествует трудному походу против общего врага. Возможно было и участие в этой процедуре третьего лица в качестве посредника. Например, Добрыню Никитича и Алешу Поповича примиряет и «сватает» Илья Муромец (былина «Добрыня и Алеша»).

А ён их улестил тут, уговорил,
Да тут они не начали больше биться, ратиться,
Укротили сердце богатырское.
Как тут оны крестами побратились.

Назвались братьями крестовыми:
 Добрынюшка назвался да большой брат,
 Алешенька назвался меньшей ему.

Цит. по: Громыко, 1986, с. 73

«Крестовое» братство ставилось выше всех прочих отношений, даже кровного родства: «крестовый брат паче родного» (Добрыня Никитич и Алеша Попович, 1974, с. 274); «а и будь ты мне названный брат и паче мне брата родимого» (Древние российские стихотворения, собранные Киршеем Даниловым, 1977, с. 49).

Побратимы принимают обет взаимного послушания, но, как правило, один из побратимов считался старшим: Илья Муромец старше Добрыни Никитича, Добрыня старше Алеши Поповича, а при встрече со Святогором сам Илья становится его младшим братом. С побратимством был связан также ряд брачных запретов: вдова богатыря не может выйти замуж за «крестового брата» покойного мужа, мужчина не может жениться на своей «крестной сестре» и т. д.

Обряд побратимства был известен на Руси еще в XI в. и имел, как и в Западной Европе, языческие истоки. Постепенно эти отношения выходят за рамки воинского союза, приравниваясь к дружбе, а в их описаниях все чаще присутствуют психологические характеристики: «У молотца был мил н(а)дежен друг, назвался молотцу названой брат, прелстил его речами прелесными» (Повесть о Горе-Злосчасти, XVII в. Цит. по: Громыко, 1986, с. 80)

Вплоть до XVII в. побратимство и вытекающие из него обязательства и брачные запреты признавала и православная церковь. Иногда обряд братания совершался в церкви или фиксировался в церковной метрической книге. Хотя в 1658 г. церковный чин побратимства был исключен из требника, в быту практика церковного оформления обряда сохранялась. Одно из последних свидетельств фиксации акта побратимства в церковной метричной книге относится к 1801 г. (Громыко, 1986, с. 81).

Наличие института побратимства в XIX в. подтверждают и лингвистические данные. Вот как объясняет эти слова В. И. Даль: «Побратим — названный или крестовый брат»; «Крестовый брат, сестра или просто крестовый, крестовая — названный, побратим и посестра». «У нас братаются за рюмкою вина, а в народе, помолясь перед иконой, или в поле, на восток, либо на тельной крест, обнимаются, дают друг другу клятву или зарок в верной дружбе и меняются крестами». «Братаются, меняясь тельными крестами, при зароке вечной дружбы,

крестятся и обнимаются» (Даль, 1956, т. 3, с. 137; т. 2, с. 191; т. 3, с. 137; т. 2, с. 191).

Институт побратимства и связанные с ним правила поведения подробно описывали русские этнографы конца XIX—начала XX в. Судя по этим данным, побратимство особенно часто встречалось среди казаков и бурлаков, т. е. именно в тех ситуациях, где чаще всего требовалась взаимная выручка и восполнение семейно-родственных отношений.

Этот институт не был исключительно мужским. В некоторых деревнях наряду с побратимством существовало и «посестримство», хотя в отличие от мужского братания, отношения посестрия распространялись только на непосредственных участниц, т. е. их мужья и дети не считались родными (Ганенко, 1886. Цит. по: Громыко, 1986, с. 88).

Отношения побратимства описаны в русской классической литературе (А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, А. К. Толстой). В «Идиоте» Ф. М. Достоевского обуреваемый противоречивыми чувствами к князю Мышкину Рогожкин предлагает ему обменяться крестами и т. д.

Интересовал этот институт и богословов. Отец Павел Флоренский разграничивает понятия «побратимство» или «братование» и «брато-творение»: «...**Побратимство** в существенном слагается из *реального объединения посредством обмена кровью, обмена именами* (иногда также рубашками, одеждою, оружием), *со-вкушения священной пищи, клятвы в верности и поцелуя*, причем в данную конкретную форму побратимства эти элементы могут входить *не все* зараз. Ясно, что побратимство соответствует естественному религиозному сознанию. В **брато-творении** же христианском заменяется обмен кровью и со-вкушение — со-причащением Святых Даров — Крови Христовой, а обмен имен — обменом *теплых крестов*, что соответствует обмену крещальных имен» (Флоренский, 1990, с. 458).

Побратимство, как и всякая ритуализованная дружба, фиксировало прежде всего взаимные обязанности друзей, сначала воинские, а затем бытовые и имущественные. Однако оно не исключало эмоциональной нежности независимо от того, как именно оформлялась или вообще не оформлялась дружба. Достаточно вспомнить поразительное по своей экспрессивности обращение из одного русского текста XVI века — «сострадальник и друг» (Срезневский, 1989, т. 1, с. 727).

Романтическая дружба. Пушкин и его круг

Настоящий культ интимной дружбы в России, как и в Европе, появляется вместе с романтизмом. Почти все хрестоматийные образцы дружбы в русской литературе и жизни первой половины XIX в. (лицейские дружбы А. С. Пушкина, дружба А. И. Герцена и Н. П. Огарева, взаимоотношения В. Г. Белинского и М. А. Бакунина и т. д.) имели отчетливо романтический характер. При этом нормативный канон дружбы и индивидуальные переживания сплошь и рядом переплетаются, накладываются друг на друга.

Тема дружбы занимает важное место практически во всех дневниках и воспоминаниях конца XVIII—начала XIX в. Для молодого В. А. Жуковского дружба — это главная жизненная добродетель. В письме А. И. Тургеневу от 11 сентября 1805 г. поэт пишет о своем желании «сделаться достойным дружбы». Для Жуковского дружба «есть все, только не в одном человеке, а в двух (много в трех или четырех, но чем больше, тем лучше)». Высшей похвалой себе он считает, если о нем скажут, что «он истинный друг» (Жуковский, 1960, т. 4, с. 453–454).

Очень часто первый опыт дружбы связан со школой, причем это характерно не только для общительных, компанейских мальчиков, которые легко сходились со сверстниками, но и для тех, кому это давалось трудно. Характерны в этом смысле воспоминания писателя С. Т. Аксакова («Детские годы Багрова-внука»). Застенчивый, нежный и болезненный мальчик, очень близкий с матерью, маленький Сережа «не дружил с со сверстниками, тяготился ими» (Аксаков, 1955, т. 1, с. 392) и вначале настолько трудно переносил гимназический интернат, что его вынуждены были забрать оттуда домой. Позже его вернули в гимназию, но уже не в интернат, в 1805 г. 15-летнего мальчика, вместе со всем старшим классом, перевели в университет, где у него началась сердечная дружба с 18-летним А. И. Панаевым. После ухода из университета (в 1807 г.), Аксаков сохранил и о нем, и о гимназии самые светлые воспоминания, и прежде всего — об отношениях с товарищами: «Я убежден, что у того, кто не воспитывался в публичном учебном заведении, остается пробел в жизни, что ему недостает некоторых, не испытанных в юности, ощущений, что жизнь его не полна...» (Аксаков, 1955, т. 2, с. 163).

Эволюция романтического канона дружбы особенно наглядно выступает в творчестве и биографии А. С. Пушкина. Тема дружбы всегда занимала важное место в творчестве поэта, но на разных этапах его жизни и творческого пути она звучит по-разному.

В произведениях лицейского периода (например, в стихотворении «Друзьям») дружба описывается преимущественно в анакреонтовских тонах бесшабашного группового веселья, перемежающегося настроениями элегической тоски и грусти. Тема дружеской пирушки, «где просторен круг гостей, а кружок бутылок тесен» (Веселый пир), близка сердцу молодого поэта и после выхода из лицея.

Однако он уже познал эфемерность подобных радостей и отношений. В стихотворении «Дружба» (1824) поэт задумывается над тем, что составляет суть дружеских отношений.

Что дружба? Легкий пыл похмелья,
Обиды вольный разговор,
Обмен тщеславия, безделья
Иль покровительства позор.

Пушкин, 1949, т. 2, с. 365

Для зрелого Пушкина «блаженство дружбы» — не просто время, проведенное за бутылкой и праздным разговором, а «приют любви и вольных муз, где с ними клятвою взаимной скрепили вечный мы союз...» (из письма к Я. Н. Толстому; там же, с. 113).

Друзья в понимании поэта — уже не просто веселые, интересные собеседники, товарищи детских игр и юношеских пиров, которым «даны золотые дни, золотые ночи» (там же, т. 1, с. 216), а прежде всего *единомышленники*.

Пушкин свято верит в нерушимость дружеских связей, способных противостоять всему окружающему миру:

Друзья мои, прескрасен наш союз!
Он как душа неразделим и вечен —
Неколебим, свободен и беспечен
Срастался он под сенью дружных муз.
Куда бы нас ни бросила судьбина,
И счастье куда б ни повело,
Все те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село.

Там же, т. 2, с. 279

Приведенный отрывок — из стихотворения «19 октября», написанного незадолго до восстания на Сенатской площади. Год спустя после восстания в знаменитом послании к И. И. Пущину (Мой первый друг, мой друг бесценный...) Пушкин снова обращается к теме дружбы. Стихотворение исполнено драматизма, тревоги и глубокой скорби по поводу утраты друзей или вынужденной разлуки с ними.

В первой редакции послания ностальгия по ушедшей юности и озабоченность судьбой разбросанных бурей друзей сочетается с одобрением гражданского выбора, сделанного другом-декабристом:

Но ты счастлив, о брат любезный,
Счастлив ты, гражданин полезный,
На избранной чреде своей.

Там же, с. 691

Верность светлым идеалам юношеской дружбы — важнейшая нравственная ценность и жизненный принцип пушкинского поколения. Недаром обращенные к декабристам пушкинские слова «Во глубине сибирских руд храните гордое терпенье» прямо перекликаются с написанной А. А. Дельвигом и исполненной на выпускном акте «Прощальной песнью воспитанников Царскосельского лицея»:

Храните, о друзья, храните
Ту ж дружбу с тою же душой,
То ж к славе сильное стремленье,
То ж правде — да, неправде — нет,
В несчастье гордое терпенье,
И в счастье — всем равно привет!

Там же, с. 693

Реальные дружеские отношения самого Пушкина и людей пушкинского круга были достаточно непростыми. Лишенный в детстве родительского тепла, вызывающе дерзкий и одновременно застенчиво-ранимый, Пушкин-лицеист трудно сходиллся с ровесниками, больше тяготев к людям «взрослого» мира — П. Я. Чаадаеву, П. П. Каверину, Н. М. Карамзину (Лотман, 1981). Позже, особенно в Михайловском, на первый план психологически выходят сверстники, причем старые лицейские отношения наполняются новым, более глубоким смыслом. В дальнейшем круг друзей и приятелей поэта пополняется более молодыми людьми, для которых он сам служил образцом. Личные и деловые отношения при этом переплетались, взаимно дополняя друг друга.

Некоторые лицейские дружбы Пушкин сохранил на всю жизнь. Особенно нежная дружба связывала его с Иваном Пушным, Антоном Дельвигом и Вильгельмом Кюхельбекером. А. П. Керн, которая в 1826 г. была свидетельницей встречи Пушкина с Дельвигом, вспоминает, что они, казалось, «не могли наглядеться один на другого. Они всегда так встречались и прощались: была обаятельная прелесть в их встречах и расставаниях» (Руденская, 1976, с. 53).

Смерть Дельвига была для Пушкина тяжелым ударом. «Вот первая смерть, мною оплаканная... — писал он П. А. Плетневу 21 января 1831 г. — Никто на свете не был мне ближе Дельвига. Из всех связей детства он один оставался на виду — около него собиралась наша бедная кучка. Без него мы точно осиротели» (Пушкин, 1949–1962, т. 10, с. 13–14).

О лицейских друзьях Пушкин вспомнил и перед смертью: «Как жаль, что нет теперь здесь ни Пущина, ни Малиновского, мне бы легче было умирать» (А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, 1974, т. 2, с. 332).

Однако, как подметила Лидия Гинзбург, личная преданность и верность дружбе сочетаются у людей пушкинского поколения с определенной внутренней закрытостью. Их интимная жизнь «не открывалась ни дружеской беседе, ни письмам и дневникам (чему свидетельством дневники Пушкина, записные книжки Вяземского и проч.). Она открывалась только ключом поэзии, чтобы в этом, эстетически преобразованном виде стать достоянием всех читающих. Ни психологическое неблагополучие Батюшкова, которое вело его к душевной болезни, ни тяжелая ипохондрия Вяземского, ни бурная эмоциональная жизнь Пушкина почти не оставили следов в их обширной переписке. Люди пушкинской поры в письмах легко сквернословили и с упорным целомудрием скрывали сердечные тайны. Они с удивлением и брезгливостью отвернулись бы от невероятных признаний дружеской переписки 1830–1840-х годов» (Гинзбург, 1971, с. 42–43).

Белинский и Бакунин

Юные аристократы пушкинской поры умели владеть собой и держать на почтительном расстоянии даже самых близких людей, полагая в этом один из признаков своего дворянского достоинства. Жить по принципу «душа нараспашку» позволялось только в ранней юности, да и то не всегда. Напротив, юные разночинцы, попадая в чуждую им городскую среду, жестоко страдали от застенчивости и неумения держаться, испытывали особенно сильную потребность в человеческом тепле и самораскрытии.

Немаловажную роль играли в этом трудности психосексуального характера. Как пишет американский историк Джеймс Биллингтон, «страсть к идеям и развитие психологических комплексов вокруг некоторых имен и понятий, вообще типичные для европейского романтизма, в России были доведены до крайности... В русской привя-

занности этого периода к классической древности и к сублимации сексуальности в творческой деятельности было нечто нездорово-одержимое. Кажется, что удивительные и оригинальные творческие жизни Бакунина и Гоголя были в какой-то степени компенсацией их сексуального бессилия. В эгоцентрическом мире русского романтизма было вообще мало места для женщин. Одинокое размышление облегчалось главным образом исключительно мужским товариществом в ложе или кружке. От Сквороды до Бакунина видны сильные намеки на гомосексуальность, хотя, по-видимому, сублимированно-го, платонического сорта» (Billington, 1970, p. 349).

К вопросу о потенциальных и реальных гомоэротических компонентах романтической дружбы мы еще вернемся. Однако «переживать» этот мотив, как делают некоторые авторы, не следует. Нередко за любовными излияниями, обращенными к другу, стоит не столько гомоэротизм, сколько общая сексуальная нереализованность.

Классический пример такой дружбы, требующей постоянного глубочайшего самораскрытия, исповеди и самообнажения, — отношения В. Г. Белинского с М. А. Бакуниным.

Подобно многим другим его современникам, 26-летний Белинский видит в дружбе высшее благо жизни. «Дружба! — вот чем улыбнулась мне жизнь так приветливо, так тепло, и, вероятно, в ней, и только в одной ней, будет сознать себя моя жизнь до конца своего» (письмо Бакунину 1 ноября 1837 г.; Белинский, т. 11, с. 190).

Темпераментный, чувственный и одновременно крайне застенчивый, преследуемый мыслью, что природа заклемила его лицо «проклятием безобразия» и поэтому его не может полюбить ни одна женщина (Станкевичу 29 сентября—8 октября 1839 г.; Белинский, т. II, с. 390), Белинский буквально буруевается сексуальными чувствами. «Мне кажется, я влюблен страстно во все, что носит юбку» (В. П. Боткину 16–21 апреля 1840 г.; там же, т. XI, с. 512). Ему хочется любви и «оргий, оргий и оргий, самых буйных, самых бесчинных, самых гнусных», а жизнь говорит «это не для тебя — пиши статьи и толкуй о литературе» (В. П. Боткину 16 декабря 1839—10 февраля 1840 г.; там же, т. XI, с. 427).

Неудовлетворенная чувственность создает напряженность и в отношениях Белинского с мужчинами. Он ни к кому не может относиться спокойно. «В людях я вижу или друзей, или враждебные моей субъективности внешние явления, — и робок с ними, сжимаюсь, боюсь их, даже тех, которых нечего бояться, даже тех, которые жмутся и боятся меня» (М. А. Бакунину, 26 февраля 1840 г.; там же, т. XI, с. 485).

Его дружба часто принимала характер страстной влюбленности. «Боткина я уже не люблю, как прежде, а просто влюблен в него и недавно сделал ему формальное объяснение», — сообщает он Бакунину 1 ноября 1837 г. (там же, с. 190). Подобное чувство не признает никакой психологической дистанции. «У меня всегда была потребность выговаривания и бешенство на эту потребность», — жалуется Белинский (там же, с. 240). Его письма 1830-х–начала 1840-х гг. — одна сплошная исповедь, желание вывернуть душу наизнанку. Для него дружба означает взаимное право «говорить друг другу все, не спрашивая себя, как это подействует и что из этого выйдет...» (Бакунину 12 октября 1838 г.; там же, с. 347).

Но даже самая горячая дружба не может восполнить отсутствия любви. За бесконечными интимными излияниями скрывается неумение слушать и фактическое невнимание к личности другого. Поэтому дружеские восторги то и дело сменяются отчуждением и горечью. В письме Бакунину от 1 ноября 1837 г. Белинский говорит о любви и дружбе к нему. А уже через две с половиной недели он пишет: «...Между мною и тобою был только призрак дружбы, а не дружба, были ложные отношения» (Бакунину 12–20 ноября 1837; там же, с. 213). Затем ссора преодолевается, Белинский снова объясняется Бакунину в любви: «Мое сердце горит любовью к тебе, и с каким бы упоением обнял я тебя в эту минуту, как страстно поцеловал бы я тебя!» (Бакунину 20–21 июня 1838 г.; т. XI, с. 234). «Между нами слово мы имеет особенное значение. Наше мы образует какое-то Я» (Бакунину 13–15 августа 1838 г.; там же, с. 273). А через два месяца, 12 октября 1838 г., опять: «Нет, не было и нет между нами дружбы... Ложные отношения произвели ложные следствия» (там же, с. 328).

Эти колебания — не столько результат идейного развития и выявления мировоззренческих расхождений обоих мыслителей, сколько свойство самой романтической дружбы, в которой эмоциональное влечение не сочетается с подлинным взаимопониманием. Горький опыт заставляет «неистового Виссариона» понять, что «дружеские отношения не только не отрицают деликатности, как лишней для себя вещи, но более, нежели какие-нибудь другие, требуют ее... Деликатность и свобода — вот основания истинных дружеских отношений» (письмо Н. В. Станкевичу, 29 сентября — 8 октября 1839 г.; там же, с. 406–408).

Чтобы преодолеть истерический надрыв, Белинскому нужно было реализоваться сексуально. Характерно, что после женитьбы (в конце 1843 г.) из писем Белинского «полностью исчезают самоанализ и пси-

хологические признания. Духовная энергия всецело ушла в общественное» (Гинзбург, 1971, с. 113). Последняя фраза, конечно, наивна: просто сексуальная удовлетворенность делает мужчину более спокойным.

В статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» критик окончательно сводит счеты с «романтическим зверьком» и его понятиями о дружбе. По его словам, романтиков «тянет к дружбе не столько потребность симпатии, столь сильной в молодые лета, сколько потребность иметь при себе человека, которому бы они беспрестанно могли говорить о драгоценной своей особе. Выражаясь их высоким слогом, для них друг есть драгоценный сосуд для излияния самых святых и заветных чувств, мыслей, надежд, мечтаний и т. д., тогда как в самом-то деле в их глазах друг есть лохань, куда они выливают помой своего самолюбия. Зато они и не знают дружбы, потому что друзья их скоро оказываются неблагородными, вероломными, извергами...» (Белинский, 1956, т. X, с. 335–336).

На самом же деле «истинные друзья не дают имени соединяющей их симпатии, не болтают о ней беспрестанно, ничего не требуют один от другого во имя дружбы, но делают друг для друга, что могут» (там же, с. 335).

Герцен и Огарев

Самый знаменитый русский пример дружбы, продолжавшейся всю жизнь, — дружба Александра Герцена и Николая Огарева.

Как и у многих их современников, напряженная потребность в интимной дружбе стимулировалась у обоих мальчиков прежде всего психологическим одиночеством в родительской семье.

Н. П. Огарев писал о своем отце: «Несмотря на мягкость, он был деспотом в семье; детская веселость смолкала при его появлении. Он нам говорил “ты”, мы ему говорили “вы”... Внешняя покорность, внутренний бунт и утайка мысли, чувства, поступка — вот путь, по которому прошло детство, отрочество, даже юность. Отец мой любил меня искренне, и я его тоже; но он не простил бы мне слова искреннего, и я молчал и скрывался» (Огарев, 1953, с. 676).

Очень похожи на это и воспоминания А. И. Герцена: «...Отец мой был почти всегда мною недоволен... товарищей не было, учителя приходили и уходили, и я украдкой убежал, провожая их, на двор поиграть с дворовыми мальчиками, что было строго запрещено. Остальное время я скитался по большим почернелым комнатам с закрытыми

окнами днем, едва освещенными вечером, ничего не делая или читая всякую всячину» (Герцен, 1956, т. 4, с. 34).

Суровость семейного быта отягощалась отсутствием общества сверстников. «Все детство я провел между женщинами... — вспоминает Огарев. — Ни единого сверстника не было около; редко появлялись два-три знакомых мальчика, но я их больше дичился, чем любил». Не удивительно, что, когда гувернантка предложила восьмилетнему мальчику написать первое свободное сочинение, им стало «письмо к мечтаемому другу, которого у меня не было...» (Огарев, 1953, с. 678, 680).

Встретившись, мальчики сразу же почувствовали взаимную симпатию. «Через месяц мы не могли провести двух дней, чтоб не увидеться или не написать письмо; я с порывистостью моей натуры привязывался больше и больше к Нику, он тихо и глубоко любил меня» (Герцен, 1956, т. 4, с. 78–79).

Но это не была просто эмоциональная привязанность. «Дружба наша должна была с самого начала принять характер серьезный. Я не помню, чтоб шалости занимали нас на первом месте, особенно когда мы были одни. <...> Мы уважали в себе наше будущее, мы смотрели друг на друга, как на сосуды избранные, предназначенные» (там же, с. 79).

Даже слово «дружба» появилось у них не сразу. «Я давно любил, и любил страстно, Ника, но не решался назвать его “другом”, и когда он жил летом в Кунцеве, я писал ему в конце письма: “Друг ваш или нет, еще не знаю”. Он первый стал мне писать *ты* и называл меня своим Агатоном по Карамзину, а я звал его моим Рафаилом по Шиллеру» (там же, с. 82).

Все это завершилось клятвой на Воробьевых горах, когда два 15-летних мальчика «постояли, оперлись друг на друга и, вдруг обнявшись, присягнули на виду всей Москвы, пожертвовать нашей жизнью на избранную нами борьбу» (там же, с. 80).

После поступления в университет круг общения Герцена расширился. «Как большая часть живых мальчиков, воспитанных в одиночестве, я с такой искренностью и стремительностью бросался каждому на шею, с такой безумной неосторожностью делал пропаганду и так откровенно сам всех любил, что не мог не вызвать горячий ответ со стороны аудитории, состоявшей из юношей почти одного возраста...» (там же, с. 117). Естественно, что вскоре дело кончилось доносом и заключением в карцере.

В отличие от многих других юношеских дружб дружба между Герценом и Огаревым сохранилась на всю их долгую жизнь. Они

сохранили верность не только своей идее, но и друг другу. Даже такие драматические события, как роман Герцена с женой Огарева, не разрушили их взаимоотношений. Это были действительно две взаимосвязанные жизни.

Образ юношеской дружбы у Толстого

Тема дружбы очень важна и для Льва Толстого. Толстовское описание юношеской дружбы Николая Иртеньева и Дмитрия Неклюдова по своей психологической точности абсолютно безупречно. Герою «Юности» «невольно хочется пробежать скорее пустыню отрочества и достигнуть той счастливой поры, когда снова истинно нежное, благородное чувство дружбы ярким светом озарило конец этого возраста и положило начало новой, исполненной прелести и поэзии, поре юности» (Толстой, 1958, т. 1, с. 166).

Дружба с Дмитрием Нехлюдовым, «чудесным Митей», не только открыла 15-летнему мальчику «новый взгляд на жизнь, ее цель и отношения» (там же, с. 187), но и явилась символическим рубежом начала юности. Дружба эта исключительно нежна, поэтична, скреплена пактом откровенности — «признаваться во всем друг другу», а чтобы не бояться посторонних (оба стыдливы и застенчивы), «*никогда ни с кем и ничего не говорить друг о друге*» (там же, с. 182). Юноши действительно говорят обо всем и больше всего о самих себе, своих чувствах и переживаниях.

Однако оба они весьма эгоцентричны. Говорить о себе им куда приятнее, чем слушать. Вот Дмитрий рассказывает другу о своей влюбленности. А что в это время думает Николай? «Несмотря на всю дружбу мою к Дмитрию и на удовольствие, которое доставляла мне его откровенность, мне не хотелось более ничего знать о его чувствах... а непременно хотелось сообщить про свою любовь к Сонечке, которая мне казалась любовью гораздо высшего разбора» (там же, с. 251).

Поэтому, не обращая внимания на то, что Дмитрий занят своими мыслями и совершенно равнодушен к тому, что мог услышать от друга, Николай спешит поведать ему о своем. Но равнодушный прием остужает чувство: «...Как только я рассказал подробно про всю силу своего чувства, так в то же мгновение я почувствовал, как чувство это стало уменьшаться» (там же, с. 252).

Безудержная откровенность, не признающая никакой психологической дистанции, столь ценимая в начале дружбы, в дальнейшем начинает мешать; интимные «признания не только не стягивали больше

связь, соединявшую нас, но сушили самое чувство и разъединяли нас...» (там же, с. 320). В момент ссоры эти признания используются для того, чтобы больнее и глубже уязвить друг друга...

Безусловно, за толстовскими образами юношеской дружбы отчасти стоят собственные неосознанные гомоэротические переживания писателя. Многие биографы Толстого отмечали, что, несмотря на его очень активную, начиная с 14 лет, сексуальную жизнь, он фактически никогда не любил женщин. Девятнадцатилетний Толстой видит в женщинах лишь «необходимую неприятность» (Толстой, 1992, т. 46, с. 32). Семидесятидвухлетний писатель смотрит «на половую потребность как на тяжелую повинность тела», хотя удовлетворение этой потребности иногда приносит наслаждение (Толстой, 1992, т. 54, с. 9). Все более тонкие эмоциональные переживания и привязанности Толстого связаны с мужчинами.

В дневниковой записи от 29 ноября 1851 г. 23-летний Толстой подробно анализирует эти свои переживания (Толстой, 1992, т. 46, с. 237–238).

«Я никогда не был влюблен в женщин. Одно сильное чувство, похожее на любовь, я испытал только, когда мне было 13 или 14 лет; но мне [не] хочется верить, чтобы это была любовь; потому что предмет была толстая горничная (правда, очень хорошенькое личико), притом же от 13 до 15 лет — время самое безалаберное для мальчика (отрочество): не знаешь, на что кинуться, и сладострастие в эту пору действует с необыкновенною силою.

В мужчин я очень часто влюблялся... Для меня главный признак любви есть страх оскорбить или просто не понравиться любимому предмету, просто страх. Я влюблялся в м[ужчин], прежде чем имел понятие о возможности педрастии /sic/; но и узнавши, никогда мысль о возможности соития не входила мне в голову».

Перечисляя свои детские и юношеские влюбленности в мужчин, Толстой упоминает, в частности, «необъяснимую симпатию» к Готье: «Меня кидало в жар, когда он входил в комнату... Любовь моя к И[славину] испортила для меня целые 8 м[есяцев] жизни в Петерб[урге]. — Хотя и бессознательно, я ни о чем др[угом] не заботился, как о том, чтобы понравиться ему...

Часто, не находя тех моральных условий, которых рассудок требовал в любимом предмете, или после какой-нибудь с ним неприятности, я чувствовал к ним неприязнь; но неприязнь эта была основана на любви. К братьям я никогда не чувствовал такого рода любви. Я ревновал очень часто к женщинам».

«Красота всегда имела много влияния в выборе; впрочем, пример Д[ьякова]; но я никогда не забуду ночи, когда мы с ним ехали из П[ирогова?] и мне хотелось, увернувшись под полостью, его целовать и плакать. Было в этом чувстве и сладостр[астие], но зачем оно сюда пошло, решить невозможно; потому что, как я говорил, никогда воображение не рисовало мне любрические картины, напротив, я имею к ним страстное отвращение».

Дмитрий Дьяков стал прообразом Дмитрия Иртеньева. Во второй редакции «Детства» Толстой рассказывает также о своей детской влюбленности в братьев Ивиных (братья Мусины-Пушкины) — он часто мечтал о них, каждом в отдельности, и плакал. Писатель подчеркивает, что это была не дружба, а именно любовь, о которой он никому не рассказывал. С возрастом такие влюбленности стали возникать у Толстого реже.

Каковы бы ни были экзистенциальные истоки его художественной интуиции, созданный Толстым образ юношеской дружбы оказал сильное влияние как на русскую литературу, так и на массовую психологию.

Александр Блок и Андрей Белый

Весьма драматичными были и дружбы некоторых русских поэтов Серебряного века.

Хотя Александр Блок не принадлежит к числу поэтов, к которым приложимо определение «певец дружбы» (Минц, 1981, с. 175), он посвятил этой теме несколько стихотворений, а его собственные дружбы, особенно многолетние отношения с Андреем Белым, сами послужили пищей для литературных мифов (см. Орлов, 1971, с. 507–635).

Уже в ранних стихотворениях Блока о дружбе (1898–1903) «первая дружба» рисуется такой же таинственной и мистической, как Любовь к Прекрасной Даме. Дружба с Андреем Белым еще больше усилила эти настроения. Эта своеобразная «дружба-вражда» зародилась, когда обоим поэтам было по 23 года, причем ощущение внутренней мистической близости сочеталось у них с пониманием глубокой личной несовместимости. Плюс — сложный любовный треугольник (Блок, Любовь Дмитриевна и Белый).

В отличие от Белинского, который мучился потребностью «выговаривания», Блок с детства чувствует неспособность к прямому самораскрытию. Между ним и его близкими всегда висит некая пелена,

разорвать которую он не может и не хочет. Эта тема часто возникает в дневниках поэта.

«Человек, утончаясь, чувствует потребность прикрыть тайну своего существования, слишком ярко и обнаженно им ощущаемую...» (Дневник 1901–1902 года; Блок, 1963, т. 7, с. 26).

«Городские человеческие отношения — добрые ли или недобрые — люты, люты, ложны, гадки, почти без исключений.

Долго, долго бы не вести “глубоких разговоров”!» (Дневник 1911 года, 26 декабря; Блок, 1963, т. 7, с. 109).

Блок особенно не любит залезавших ему в душу женщин: «...Она воображает (всякая, всякая), что я всегда *хочу* перестраивать свою душу на “ее лад”. А после известного промежутка — брань. Бабье, какова бы ни была — 16-летняя девчонка или тридцатилетняя дама» (Дневник 1912 года, 13 января; Блок, 1963, т. 7, с. 123).

Но те же самые проблемы возникают и в отношениях поэта с друзьями, особенно такими сложными, как Андрей Белый. «Ты...пишешь принципиально, что “немоты не должно быть между людьми”. Я могу исходить только из себя, а не из принципа... Мне бесконечно легче уйти от любого человека, чем прийти к нему. Уйти я могу в одно мгновение, подходить мне надо очень долго и мучительно...» (Андрею Белому, 6 декабря 1906 г.; Блок, 1963, т. 8, с. 163).

Пока молодые люди изъясняются в отвлеченных выражениях, так что каждый может вкладывать в туманные формулы другого свой собственный смысл, им кажется, что они близки. Но как только они пытаются что-то прояснить или заземлить на реальные личные переживания, обнаруживается, что они и мыслят и чувствуют по-разному. Больше того — они и не хотят быть понятыми.

У Блока это постоянный принцип, точнее — свойство личности. «Я... не стараюсь никогда узнавать никого, это — не мой прием. Я — принимаю или не принимаю, верю или не верю, но *не узнаю*, не умею... Вы хотели и хотите знать мою моральную, философскую, религиозную физиономию. Я *не умею*, фактически не могу открыть Вам ее без связи с событиями моей жизни, с моими переживаниями; некоторых из этих событий и переживаний не знает *никто на свете*, и я не хотел и не хочу сообщать их и Вам» (Андрею Белому, 15–17 августа 1907 г.; Блок, 1963, т. 8, с. 196). Свои тайные переживания, за которыми часто стояла подавленная или неприная сексуальность (Блок принадлежал к числу тех не столь уж редких мужчин, которым трудно испытывать к женщине одновременно нежность и чувственность), он может выразить лишь обобщенно, переплавив в поэти-

ческие образы, которые на обыденный язык непередаваемы. Жажда дружбы и искренности разбивается о собственную немоту и непонимание со стороны другого.

Друг другу мы тайно враждебны,
Завистливы, глухи, чужды,
А как бы и жить и работать,
Не зная извечной вражды!

Блок. Дружбам, 1960, т. 1, с. 125

И каждый вечер друг единственный
В моем стакане отражен...

Блок. Незнакомка, 1960, т. 2, с. 185

Разумеется, мой очерк — всего лишь поверхностное эссе. Далеко не все образы дружбы в русской литературе были романтическими. Достаточно вспомнить дружбу Обломова и Штольца, которые ценны друг другу именно своим психологическим несходством, однако неспособность повлиять на друга и изменить стиль его жизни не уничтожает взаимной откровенности и нежности. Весьма своеобразны дружеские отношения героев романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Очень интересна и, насколько я знаю, недостаточно изучена и тема женской дружбы.

И разумеется, классовые и сословные различия. Ни дворянские, ни литературные дружбы не могут претендовать на роль «национального» эталона. А для реконструкции реальных межличностных отношений в крестьянской (в рамках общины и вне ее) и пролетарской среде нужны основательные исследования истории повседневной жизни, которые в России только-только начинаются.

Советский канон дружбы

Как изменился российский канон дружбы и реальные межличностные отношения в советские времена?

Чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо представить себе соотношение: 1) официальных идеологических позиций, сформулированных в партийных документах; 2) культурно-нравственного канона дружбы, воплощенного в литературе и искусстве, и 3) повседневных реалий и норм человеческого общения. Эти моменты взаимосвязанны, но не тождественны, и содержание их в ходе советской истории менялось.

Важнейший принцип коммунистической идеологии — коллективизм, провозглашающий примат общественных (прежде всего — государственных) интересов над личными. Этот принцип действует как на макро-, так и на микросоциальном уровне. В соответствии с этим одной из главных социально-нравственных ценностей признается **товарищество**, то есть «отношения между людьми, основанные на общности их *интересов*, проявляющиеся во взаимной помощи и *солидарности, уважении и доверии*, доброжелательстве и симпатии» (Словарь по этике, 1983, с. 352). Советская пропаганда утверждала, что капиталистический строй с его отношениями частной собственности и конкуренции насаждает взаимную вражду и ненависть, тогда как при социализме «отношения товарищества впервые распространяются на общество в целом».

За более индивидуальной и избирательной дружбой также признавалось право на существование, но подчеркивалось, что социально-нравственная ценность любой конкретной дружбы «определяется ее общественной направленностью» (там же, с. 67). В качестве образцов «истинной дружбы» в советской философской и педагогической литературе обычно приводили примеры дружбы революционеров: Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина (на самом деле ничего похожего на дружбу между этими двумя не было), Герцена и Огарева, Чернышевского и Добролюбова.

В «Моральном кодексе строителя коммунизма» (1961) сближение категорий «товарищества» и «дружбы» вылилось в казенную формулу «Человек человеку друг, товарищ и брат». Поскольку эта формула звучала гуманистически, а коллективизм советскому человеку прививали с раннего детства, никто не подвергал ее сомнению. Кто же не хочет иметь верных друзей и товарищей?

Однако ахиллесовой пятой советской идеологии было то, что провозглашаемые ею принципы абсолютно не соответствовали реальным взаимоотношениям людей. Подмена сущего должным — типичная черта всякой тоталитарной идеологии. Выдать обязательное подчинение групповой дисциплине за добровольное включение индивида в социум или коллектив по формуле «коллектив всегда прав» было сравнительно нетрудно. Но дружба, как и индивидуальность, неизбежно «выламывается» из любой системы групповой солидарности. В этом смысле она всегда была «подрывной» силой.

Молодым красногвардейцам эпохи Николая Островского (к которому, как и вообще к людям той эпохи, лично я отношусь с огромным уважением) было нетрудно усвоить мысль, что классовая солидарность важнее любых личных привязанностей и что друг, идеи

которого расходятся с волей партии, становится врагом и подлежит уничтожению. Враг партии или народа не может быть моим другом!

Но по мере утверждения тоталитарного строя число врагов народа неуклонно возрастало. В годы массовых сталинских репрессий почти каждому человеку приходилось выбирать между политической лояльностью, групповой принадлежностью (товариществом) и долгом дружбы. Люди решали этот вопрос по-разному. Одни сохраняли верность своим близким, другие (большинство) отворачивались от них и даже становились в ряды их гонителей.

Коллективизм или конформизм?

Помимо воздействия массовой пропаганды, этому способствовали страх и внутренние, психологические механизмы конформности.

Когда быют тебя самого, возникает по крайней мере психологическое противодействие. А когда у тебя на глазах избивают других, чувствуешь прежде всего собственную незащищенность, страх, что это может случиться и с тобой. Чтобы отгородиться от этого страха, человек заставляет себя верить, что может быть «эти люди» все-таки в чем-то виноваты, а ты не такой, и потому с тобой этого не произойдет. Но полностью убедить себя не удастся, поэтому ты чувствуешь себя подлым трусом. А вместе с чувством личного бессилия рождается и укореняется социальная безответственность.

Второй защитный механизм — описанное Джорджем Оруэллом двоемыслие, когда человек может иметь по одному и тому же вопросу два противоположных, но одинаково искренних мнения. Двоемыслие — предельный случай отчуждения личности, разорванности ее официальной и частной жизни. В определенной степени оно было необходимым условием выживания. Тот, кто жил целиком в мире официальных лозунгов и формул, был обречен на конфликт с системой, рано или поздно он должен был столкнуться с тем, что реальная жизнь протекает вовсе не по законам социалистического равенства и что мало кто принимает эти нормы всерьез. А тот, кто понимал, что сами эти принципы ложны, был обречен на молчание или сознательное лицемерие. Последовательных циников на свете не так уж много, и они редко бывают счастливы. Большинство людей бессознательно принимает в таких случаях стратегию двоемыслия, их подлинное Я открывается даже им самим только в критических, конфликтных ситуациях.

Массовый конформизм, на котором держалась советская система, подрывает глубинные психологические и нравственные основы ин-

дивидуальной дружбы, но одновременно повышает ее социально-нравственную ценность.

На разных этапах развития советского общества на первый план выступали разные аспекты дружбы.

Громадный подъем чувства дружбы, если так можно выразиться, произошел в годы Великой Отечественной войны. Воинское товарищество было действительно братством — один за всех и все за одного. Для людей, прошедших войну, солдатская дружба навсегда остается эталоном идеальных человеческих отношений. Именно потому, что солдатская жизнь предельно деиндивидуализирована, война порождает исключительно острое чувство индивидуальности. Две самые личностные темы поэзии военного времени — далекая любовь и окопная дружба. Но любовь часто была и изображалась воображаемой, а дружба — вполне реальной. Послевоенные советская литература и искусство всячески культивировали эту тему, и не столько по приказу, сколько из внутренней потребности бывших фронтовиков.

Но хотя этот мотив был идеологически приемлем, идеальная мужская дружба и ностальгия по воинскому братству, даже независимо от воли авторов, приобретали социально-критический оттенок. Окопная дружба становится нравственным эталоном, камертоном, по которому оценивается действительность и с которым она никакого сравнения не выдерживает. Социальное неравенство и всевластие партократии, которых до и во время войны не замечали, в послевоенные годы становятся все более кричащими, подрывая иллюзию всеобщего товарищества. Более того, оказалось, что при столкновении с коррумпированной бюрократией пасует даже проверенная кровью фронтовая дружба. Одним из первых это показал Виктор Некрасов в повести «В одном городе», где рассказано, как фронтовики, не боявшиеся встать и идти под огнем в атаку, не смеют поддержать товарища, восстающего против социальной несправедливости. Кстати сказать, в авторитарной России, как до, так и после большевистской революции, гражданское мужество всегда было значительно дефицитнее физического.

Понимание несовместимости дружбы с конформизмом давалось обществу с большим трудом и отнюдь не было всеобщим. Как пишет, резюмируя свои исследования общественного мнения в эпоху Хрущева, известный социолог Б. А. Грушин, решительно во всех опросах «господствующее положение занимало советское общество в целом», которое ставилось выше семьи и личности. Дифференциация взглядов и ценностей обнаруживалась только в частных, конкретных

вопросах. Общие черты советского сознания — «склонность к резонерству, морализаторству, чтению нравоучений всем и каждому; доходящая до прямого экстремизма нетерпимость к инакомыслию в сферах идеологии и морали при одновременном попустительском отношении к привычным формам негативного поведения в быту; нескрываемая страсть к бесцеремонному вмешательству в чужую жизнь и публичным судилищам (ср. пресловутые разбирательства “персональных дел”) над провинившимися» (Группин, 2001, с. 540).

Тем не менее «подковерное» сознание уже в 1960-х гг. сильно отличалось от публичного. Люди думали одно, говорили другое и делали третье, и различия между этими тремя с каждым десятилетием углублялись.

Общежития и коммуналки

Существенные сдвиги происходили и в быту. Поскольку процессы урбанизации протекали в СССР медленнее, чем на Западе, советская ментальность дольше оставалась относительно патриархальной. Вчерашние крестьяне пытались и в городе воспроизводить стиль деревенской жизни. Этому способствовала пространственная скученность. Значительная часть населения многие годы жила в общежитиях, а еще большая — в коммунальных квартирах. Складывавшиеся в них бытовые отношения отнюдь не всегда были дружественными, но порой они создавали иллюзию тепла и человечности.

Как справедливо замечает Илья Утехин, коммуналка похожа на описанные Джорджем Фостером «культуры бедности», о которых говорилось в первой главе этой книги. «Ограниченных ресурсов не хватает, чтобы вполне удовлетворить всех и каждого. Поэтому люди крайне чувствительны к справедливости распределения. Это значит, что каждый участник сообщества следит не только за тем, чтобы его индивидуальная доля была выделена справедливо (не меньше, чем нормально), но и чтобы доли всех остальных участников коллектива были справедливыми (не больше, чем нормально). Такое внимание к долям благ, достающихся соседям, интенсивно окрашено эмоционально — завистью, пропитывающей отношения жильцов и стоящей за многими их побуждениями. Самими людьми это осознается не как зависть, а как чувство справедливости» (Утехин, 2001, с. 40).

Это проявляется в мелочных спорах об оплате грошовых коммунальных услуг (вспомним, как соседи выпороли Васисуалия Лоханкина), бесцеремонном вторжении в личную жизнь, постоянном подслушивании, подглядывании и доносах. В результате тесноты

связей и прозрачности пространства жители коммунальной квартиры «являются друг другу одновременно своими и чужими» (там же, с. 80). Многим из них даже трудно представить себе возможность другой, более индивидуализированной жизни. Советская пропаганда всячески поэтизировала модель общежития (= «общее житье»): «...Жизнь эта наряду с известными неудобствами несет в себе и благотворное начало: это школа поведения “на людях”, школа борьбы с самим собой, школа товарищества» (Морозова, 1960. Цит. по: Утехин, 2001, с. 166).

Однако реалии повседневной жизни, от которых человеку нигде было спрятаться, медленно, но верно подрывали казенный коллективизм.

Если западные философы обычно связывали «деформацию» дружбы с торжеством товарно-денежных отношений, то в СССР, как ни странно, этому способствовала их неразвитость.

Распространенные на сферу услуг законы товарного производства освобождают социально-бытовые отношения от той личностной формы, в которую они облекались в патриархальном прошлом. Приобретение какой-либо вещи или услуги уже не требует личных контактов. Чтобы купить мясо или запломбировать зуб, американцу не нужно дружить с мясником и дантистом.

В СССР все было иначе. Сколько-нибудь эффективной сферы обслуживания, ни государственной, ни частной, в стране не было. Что бы тебе ни потребовалось, помочь могли только друзья. Если ты переезжал на другую квартиру, друзья помогали тебе упаковать вещи. Если не с кем было оставить ребенка, снова на помощь приходили друзья. Без друзей человек просто не мог выжить. Но если когда-то дружеские услуги были абсолютно бескорыстными, то постепенно они тоже коммерциализировались.

Тривиальный и общеизвестный факт, что в советские времена почти все было дефицитным и доставалось исключительно по знакомству, имел серьезные и притом неоднозначные социально-психологические последствия. С одной стороны, всеобщий дефицит резко повышает значение личных, персонализированных отношений и связей, без которых индивид не может преодолеть имманентную неэффективность бюрократической системы. С другой стороны, расширение сферы таких псевдоличных (а по сути — сугубо функциональных) отношений неизбежно порождает опошление и инфляцию самого понятия дружбы.

Отношения между «нужными людьми» по формуле «ты — мне, я — тебе» предполагают всего лишь более или менее эквивалентный

обмен. Но поскольку этот обмен услугами закрыт для посторонних, он становится привилегией и осуществляется исключительно «по знакомству». Поддержание знакомства требует не только усилий и времени, но и морального обоснования. «Нужные люди» сначала именуются друзьями только для приличия, но затем они и в самом деле вызывают расположение — надо же ценить оказанные услуги! «Мой дом» — это уже не крепость и не место для интимного семейного и дружеского общения, а неформальная разновидность офиса. В результате грань между «дружескими» и «деловыми» отношениями стирается. Выбор между «быть» (самим собой) и «иметь» (материальные блага и связи) никогда не бывает простым. В 1970–1980-х гг. советская интеллигенция уже отчетливо осознавала эту проблему, но ничего не могла сделать.

Иллюзорными оказались и преимущества бытового коллективизма. Начатое при Хрущеве расселение коммуналок способствовало приватизации повседневной жизни. В отличие от коммуналок, где тесное общение с соседями было неизбежным и принудительным, обитатели отдельных квартир для установления контакта с соседями должны были приложить усилия. Это порождало психологические проблемы двоякого рода. Некоторые люди чувствовали себя в новых условиях одинокими. В советской прессе появилась даже ностальгия по коммуналкам, но обратно в них почти никто не переезжал (как и в деревню, в которой также видели воплощение нравственной чистоты и слияния с природой). Другие люди, напротив, намучавшись в прошлой жизни, не желали иметь никаких контактов и с новыми соседями. Однако очень быстро выяснилось, что добровольное общение, свободное от бытовых дразг и конфликтов, делает жизнь более комфортной и вызывает больше положительных эмоций, чем отрицательных.

Об этом говорят не только личные воспоминания, но и сухие социологические данные. В 1973 г., через 5 лет после заселения нового микрорайона Москвы, почти $\frac{2}{3}$ его жителей еще не имели личных контактов с соседями. Отчасти потому, что связи еще не успели сформироваться, отчасти потому, что градостроители не предусмотрели соответствующих условий для общения, а отчасти вследствие психологической реакции на вынужденные и слишком тесные контакты с соседями в старых коммунальных квартирах. В 1979 г., при опросе жителей сходного московского микрорайона, доля жителей, не имеющих никаких контактов с соседями, уменьшилась до 30%, а число имеющих дружеские отношения с соседями выросло с 40 до 66%.

В том же направлении изменялись и социальные установки. В 1973 г. за развитие тесных дружеских связей с соседями высказались только 33% опрошенных, а в 1979 г. — 47,4%; за взаимопомощь и совместную общественную деятельность, но без личных отношений в 1973 г. высказались 55%, в 1979 — 41,4%, а против всяких контактов с соседями — соответственно 23 и 8,2% (Янкова, Родзинская, 1982, с. 63–65).

Совершенно очевидно, что люди стремились не к самоизоляции, а к *персонализации* своего жизненного пространства и отношений с окружающими.

Дружба шестидесятников

Индивидуализация бытового общения и более четкое разграничение формальных (официальных) и неформальных отношений способствовало и дифференциации канона дружбы. В массовых опросах молодежи это не ощущается. Речь в них чаще всего идет о дружбе вообще как универсальной ценности, которая неизменно занимает в молодежном сознании высокое место. В 1960-х гг., отвечая на вопрос о своих жизненных планах, молодые ленинградцы поставили вариант «найти верных друзей» на второе место (88,1% всех ответов); на первом месте стояло получение любимой работы (Иконникова, Лисовский, 1969, с. 91). Среди московских старшеклассников, опрошенных весной 1987 г. журналом «Социологические исследования», дружбу как главную ценность назвали 97,7%, а любовь — 90,8% (среди учащихся ПТУ соответственно 95,9 и 94,8%). Хотя с возрастом иерархия жизненных ценностей меняется, дружба всегда занимает в ней одно из первых мест.

У взрослых картина сложнее, но и здесь советские люди выглядели более ориентированными на дружбу, чем, например, американцы. Сравнивая ценностные ориентации большой группы советских инженеров с аналогичными американскими данными, В. А. Ядов и его сотрудники нашли, что у советских людей ориентация на друзей («хорошие, верные друзья») стоит на шестом месте (ей предшествуют такие ценности, как сохранение мира, здоровье, интересная работа, счастливая семейная жизнь и любовь), тогда как у белых американцев — только на десятом месте (Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности, 1979, с. 90–91).

Один из важнейших социально-психологических процессов 1960–1970-х гг., обусловленный разочарованием молодежи в официальной идеологии, — деполитизация и деидеологизация понятия дружбы

и «перемещение» ее из сферы официального политического и делового «товарищества» в сферу интимной, частной жизни.

В социальном дискурсе 1960-х гг. центральное место заняли два понятия — «личность» и «общение». Первой появилась личность, а за ней — общение.

«В 60-е культ общения распространился на все структуры общества... Дружба стала и сутью, и формой досуга. Даже шире — жизни...

Эфемерные радости дружеского общения ценились выше более реальных, но и более громоздких достижений, вроде карьеры и зарплаты. Быть «своим» казалось, да и было, выше официальных благ. Дружба-эмоция, оккупировавшая 60-е, стала источником независимого общественного мнения. Неофициальный авторитет стал дороже официального, и добиться его было труднее...

Эпоха, когда несерьезное стало важнее серьезного, когда досуг преобразовался в труд, когда дружба заменила административную иерархию, трансформировала и всю систему социально-культурных жанров» (Вайль, Генис, 1996, с. 69–71).

Центр дружеских связей перемещается из политических и трудовых структур в туристические походы, альпинизм, романтику дальних странствий.

Это ярко проявляется в авторской песне 1960–1980-х гг. (Чернова, 2002).

А от дружбы что же нам нужно?
Чтобы сердце от нее цело,
Чтоб была она мужской дружбой,
А не просто городским делом.

Юрий Визбор. Впереди лежит хребет скальный...

«Песня о друге» Владимира Высоцкого сформулировала идеал целого поколения людей, даже если многие из них никогда не забирались в горы, не сидели у таежного костра и не переживали ничего экстремального. Эта элитарная дружба, основанная исключительно на личных качествах, вольно или невольно противопоставляется не только скучной повседневности, но и официальной идеологии. Недаром авторскую песню постоянно преследовали.

Коллективизм студенческих стройотрядов и романтический культ дружбы позволял советским людям чувствовать себя менее одинокими, чем их западные ровесники. В 1970-х гг. $\frac{2}{3}$ ответивших на социологическую анкету американцев сказали, что они «часто» или «иногда» чувствуют себя одинокими. В девяти странах Западной Ев-

ропы на сходный вопрос аналогичным образом ответили свыше трех опрошенных (Stoetzel, 1983, p. 182). Советские люди испытывали это чувство значительно реже. Правда, их об этом не спрашивали, да и признаваться в одиночестве было стыдно. Советский человек должен был всегда находиться в коллективе и был обязан быть счастливым, а если это у кого-то не получалось, то исключительно по его собственной вине.

С усложнением личности эта «простота» быстро уходит в прошлое. Стоило только «Комсомольской правде» напечатать письмо 15-летней девочки, которая пожаловалась на отсутствие настоящего друга, как в редакцию поступило свыше полутора тысяч сочувственных откликов. Широкий резонанс среди людей старшего возраста встретила опубликованная в «Литературной газете» (12 марта 1980 г.) статья известного публициста Евгения Богата «Концерт по радио. Исповедь одинокого человека».

Впрочем, простота нравов имела и преимущества. Поскольку почти все были относительно бедны, люди не считали, кто сколько тратит. За отсутствием телефонов заранее договориться с друзьями о встрече было невозможно, человек приходил, когда ему хотелось, подношения и приношения были необязательны, люди ели и пили, что Бог послал. Конечно, если друзей не оказывалось дома, было обидно. Но телефонизация, облегчая общение, создает другие трудности. Прежде чем приехать, нужно позвонить. «Можно к тебе сейчас приехать? — Старик, мы всегда тебе рады, но сейчас у меня срочное дело. Может быть, встретимся послезавтра?» А послезавтра у тебя уже может не быть настроения.

Россияне и иностранцы

Как человек из той далекой эпохи, я могу засвидетельствовать, что молодые американцы и европейцы, приобщавшиеся к нашему стилю общения, не считали его странным или безалаберным. Напротив, многие из них чувствовали себя очарованными и даже отравленными «русской дружбой» и снова и снова старались побывать у нас. Ни бытовые неудобства, ни тайный и явный надзор со стороны КГБ не обесценивали это неповторимое общение, равного которому они не находили у себя дома.

Поэзия (и поэтика) этой дружбы нашла яркое воплощение в пьесах Александра Володина и Алексея Арбузова, фильмах Эльдара Рязанова и многих других произведениях литературы и искусства.

Ностальгия по этим нравам жива и сегодня. Оказавшись в эмиграции, россияне больше всего страдают от непривычного стиля общения и отсутствия «русской дружбы». Знаменитый ведущий музыкальных программ Би-би-си Сева Новгородцев, много лет проживший в Англии, на вопрос «С кем вы общаетесь?» ответил: «Масса приятелей, а друзей в нашем, русском, смысле нет. Друг у нас — это человек, к которому ты можешь прийти, чтобы пожаловаться, довериться, положиться. Здесь полагаться можно только на себя. Друг у друга здесь десятку не стреляют и даже сигарету. Люди, приходя в гости, занимаются чисто интеллектуальной стимуляцией друг друга» (Арбатова, 2004, с. 146).

Трудности в общении существуют и у россиян, перебравшихся в США. Вот характерные высказывания «русских бостонцев» (Комарова, 2002, с. 78–81):

«У американцев все расписано заранее. Здесь не нагрянешь, как в Москве, бывало, в 10 вечера в гости и не проболтаешь полночи на кухне. Я лично от этого очень страдаю» (М., 36 лет).

«Американцы приятны в общении, “политкорректны”, не выносят наружу свои личные проблемы, но у всего этого есть и обратная сторона: черствость и безразличие...» (Ж., 27 лет).

«Мы и американцы — из разного теста. Мы никогда не поймем друг друга. Наша откровенность для них — фамильярность, самокритичность — мазохизм, сердечность — навязчивость и т. д. Мы им интересны как представители флоры и фауны, не более. Вначале — улыбки, любезности, потом, быстренько просчитав меру вашей полезности и нужности, используют и выбросят или же сразу поставят непрошибаемый заслон. И вы, как в зоопарке, окажетесь в своей клетке, а они на свободе за стеклянной стеной. Два параллельных мира» (Ж., 67 лет).

Отчасти за этим стоят трудности эмигрантской жизни, отчасти — разные правила этикета (у эмигрантов во втором поколении трудностей меньше, а понимания больше), отчасти — языковая специфика, но проблемы эти вполне реальные.

«В России мне говорили, что я “западный” человек, здесь вижу, что вполне “российский”. Нечто вроде кошки, которая, конечно, “гуляет сама по себе”, но нуждается в том, чтобы иногда было о кого потереться» (из письма старого друга).

В США слово «друг» очень часто приближается по значению к русскому «знакомый». «Для американца *friend* — это и одноклассник, с которым он не виделся лет двадцать, и человек, с которым он ино-

гда играет в гольф, и прихожанин, которого иногда встречает в церкви, и действительно близкий друг... В английском языке в отличие от русского слово “друг” не подразумевает каких-либо моральных обязательств. Часто *friend* — это человек, с которым американец проводит время в часы отдыха, а не тот, кому он доверяет секреты, с кем разделяет мысли и чувства» (Виссон, 2003, с. 37).

Взаимопонимание американцев и русских затрудняется разным этикетом общения. Американка русского происхождения Линн Виссон, много лет состоящая в браке с бывшим россиянином, в своей книге «Чужие и близкие в русско-американских браках» приводит интересные примеры такого рода.

Американец Фред говорит о своей русской жене: «Для Ирины и ее русских друзей не существует никаких полутонов. Все на свете либо правильно, либо неправильно, все или хорошо, или плохо. Они все обо всем знают, от политики до искусства».

«Американцы считают русскую манеру спорить агрессивной и враждебной. Русские находят американцев слабыми и нерешительными. В Соединенных Штатах спор не считается спортом, и несогласия должны разрешать разными методами, в том числе и на основе компромисса. В русском же языке слово “компромисс” имеет негативный оттенок и означает некое отступление от собственных принципов и отказ от правильной и обоснованной точки зрения.

У американских и российских студентов разные представления о честности на экзаменах. Наши студенты не усматривают в пользовании шпаргалками ничего дурного. Для них это значит всего лишь “помочь другому”. На вопрос американского профессора, как бы он отреагировал на просьбу списать из его контрольной работы, русский студент ответил: «Вряд ли я смог бы отказать. Если сказать “нет”, люди подумают, что ты плохой человек. Уж лучше попасться, чем сказать “нет”» (Виссон, 1999, с. 175, 197).

Российский логик В. А. Лефевр, живущий в Калифорнии, подтвердил эту разницу в специальном эксперименте. В 1993 г., читая курс «Дружба в историческом и культурологическом аспекте» в знаменитом женском Уэллсли-колледже, я устно задал такой же вопрос: «Помогли бы вы своей близкой подруге списать на экзамене?» «Да» ответили только две студентки из 35. Я рассказал им, что в России такой ответ вызвал бы шок. Девушки задумались. На следующей лекции у меня неожиданно появились двое их бой-френдов из Массачусетского технологического института (эти вузы дружат), а несколько девушек рассказали мне, что когда они изложили эту историю

своим бой-френдам, те сказали, что у юношей чувство солидарности все-таки развито лучше.

На самом деле здесь скрываются глубокие различия в системе ценностей и стиле воспитания. Американский студент знает, что правила нужно уважать и что за их нарушение строго наказывают, вплоть до исключения из университета. Кроме того, он задает себе вопрос: «А почему я должен работать на другого, даже если это мой друг? Почему он сам не подготовился к экзамену?» Россияне же растут в духе пренебрежительного отношения к законам — кто их у нас вообще соблюдает?! — солидарность с товарищем для них важнее. Тем более что любое начальство не без основания воспринимается как враждебная сила.

Различия «русской» и «американской» дружбы ярко проявляются в ситуации, когда требуется дружеский совет. Россиянина, в широком понимании этого слова, хлебом не корми, дай только поучить другого. Все дают друг другу непрошенные советы и даже обижаются, если их не принимают.

Был такой кавказский анекдот. Крестьянин, который ждет гостей, приходит к соседу и просит одолжить ему барана. «Барана я тебе дать не могу, зато я дам тебе совет — обратись с этой просьбой к такому-то». Человек идет по указанному адресу, но там ему советуют пойти еще куда-то. Когда эта история повторилась трижды, человек возмутился: «Что за безобразие! Я прошу барана, а мне все дают советы!» — «А чего ты ждал? — возразил сосед. — У нас ведь не страна баранов, а страна Советов!»

Готовность бесцеремонно вмешиваться в чужую личную жизнь свидетельствует о недостаточно четко очерченном личном пространстве. Но это также знак психологической близости. Американцы гораздо реже россиян спрашивают совета и значительно осторожнее отвечают на подобные просьбы. Если вы его об этом попросите, американец охотно поможет вам проанализировать вашу жизненную ситуацию, но никогда не скажет: «Сделай так-то и так-то!» Во-первых, это было бы вторжением в вашу суверенную частную жизнь. Во-вторых, американец не хочет принимать на себя лишнюю ответственность за последствия своего совета. «Американцы считают, что каждый человек должен сам решать свои проблемы и потому не столь внимательно выслушивают сторонние мнения о своих делах. С другой стороны, совет обычно дается американцами в сослагательном наклонении, высказывается в виде некоей возможности» (Виссон, 2003, с. 101). Любые консультативные службы в США профессионализированы.

Но иногда так нужен определенный и притом дружеский совет! Мой старый друг Анатолий Хазанов, много лет живущий в США, рассказывал мне, что у него есть один по-настоящему близкий друг-американец, который много раз бывал в России и понимает наши обычаи. Когда Толе нужен совет, он звонит этому другу и говорит: «Дай мне, пожалуйста, совет, но не американский, а русский». Американец напрягается, ставит себя на место Толи, думает и говорит, как бы он в этом случае поступил. Без такого предупреждения он ограничился бы перебором возможных вариантов. Мы в подобных случаях даем советы сразу и подчас бездумно.

Не удивительно, что даже вполне успешные иммигранты из России предпочитают дружить с себе подобными. При опросе группы иммигрантов 84% из них сказали, что их ближайшими друзьями остаются другие иммигранты, американские друзья появились лишь у немногих (Markowitz, 1991).

К сожалению, несмотря на расширение деловых и личных контактов между людьми, антиамериканские настроения и стереотипы в России усиливаются. Отчасти за этим стоит элементарная зависть к более богатой стране, отчасти — ностальгия по утраченному величию сверхдержавы, отчасти — полуколониальный статус, в котором реально оказалась Россия. Немаловажную роль играет и непонимание особенностей национальной психологии.

Недавно я смотрел по телевизору концерт известного сатирика Михаила Задорнова, в котором на все лады смаковались и обыгрывались «глупость» и «примитивность» американцев. Что именно хотел сказать автор, — осмеивал ли он этноцентризм своего лирического героя или несимпатичный ему американский образ жизни, — я решать не берусь, но публика явно понимала его во втором смысле.

Сохранится ли «русская дружба»?

Распад Советского Союза и переход к дикому капитализму повлиял и на характер межличностных отношений. Однозначно оценить эти сдвиги невозможно, да и эмпирических данных для этого недостаточно, но некоторые тенденции кажутся очевидными.

Прежде всего, общение между людьми стало *менее интенсивным*. *Опрос, проведенный ВЦИОМ в 1992 г., показал, что 41% опрошенных стали реже встречаться с родными и 49% — с друзьями, 30% стали реже общаться с родными и друзьями по телефону, а 40% стали реже переписываться.* По данным Госкомстата, количество отправленных писем с 1991 по 1995 г. уменьшилось в 2,9 раза (Муздыбаев, 1997,

с. 17). Вероятно, это объяснялось не уменьшением потребности в общении, а подорожанием почтовых услуг, но однажды подорванные привычки сплошь и рядом уже не восстанавливаются.

Атомизация общества и усиление социального неравенства способствовали росту чувства *одиночества* и *недоверия* к людям. Дефолт 1998 г. усилил эти настроения. В 1994 г. 42% людей, опрошенных ВЦИОМ, сказали, что у них «много близких, надежных друзей», а в 1999 г. так ответили только 13% (в основном молодые люди); 74% респондентов сказали, что могут вполне доверять только одному-двум близким людям (Левада, 2000, с. 527). При опросе в 1999 г. молодежи от 15 до 29 лет в 12 регионах России, проведенном Центром социологии молодежи Института социально-политических исследований (ИСПИ) РАН с мнением «Сегодня ни в ком нельзя быть уверенным» согласились 57,8% опрошенных (Чупров, Zubok, Уильямс, 2003, с. 192). Отношения между людьми все чаще открыто основываются на расчете и соображениях собственной выгоды.

С этической точки зрения это грустно. Но мне кажется, что меняются не столько люди, сколько социальные условия их жизни.

В советское время человек, у которого были свободные деньги (что было не так уж часто), охотно одалживал их друзьям и знакомым, разумеется, без всяких процентов. Это не было ни подвигом, ни жертвой. Вложить скопленные деньги было некуда, купить на них было нечего, банковский процент был низким. К тому же большинство людей, которые жили от получки до получки, свои долги возвращали.

С переходом к рынку положение изменилось. В умелых руках деньги стали приносить немалый доход, одалживать их «за так» жалко, особенно если нужно снимать их с депозита. К тому же финансовая нестабильность сделала возвращение долгов, даже при безупречной личной честности должника, проблематичным. Ваши старые друзья так же честны, как раньше. Но теперь некоторые из них стали заниматься новой, непривычной для них деятельностью, часто сопряженной с риском. Почему вы должны рисковать своими сбережениями, которые могут пропасть в результате чужой опрометчивости? Горький опыт делает человека не столько скупым, сколько осторожным. В результате взаимная выручка стала более редкой, а точнее — превратилась из дружеского акта в коммерческий, где важна не столько личность друга, сколько гарантии надежности его дела.

Влияет на характер дружбы и изменение содержания **личной идентичности**. Отличительной родовой чертой советского человека считалась его принадлежность к социуму, преданность государству и

политическому режиму. «Простой советский человек» старался быть или казаться «как все», не отличаться от других. Идентификация с социальным целым, которую мы опрометчиво принимали за «нутряной» коллективизм, не предполагала жесткой идентификации с конкретными социальными слоями и группами. Но уже в 1970–1980-е гг. эти частные идентификации и групповые интересы стали усиливаться, тогда как идентификация с государством-обществом (эти понятия обычно не различались) становилась формальной, скорее словесной, чем реальной. Крушение советского строя еще больше усилило эти процессы и сделало кризис идентичности явным.

Пытаясь перевести «социалистический коллективизм» в более приемлемые для консервативного сознания термины, некоторые ученые утверждали, что имманентным свойством русского характера в противоположность западному индивидуализму является «соборность». «Мы народ воистину коллективистский, мы можем существовать только вместе с социумом, который мы постоянно устраиваем, охорашиваем, волнуемся и переживаем за него, который, в свою очередь, окружает нас теплом, вниманием, поддержкой... Чтобы стать личностью... мы должны стать *соборной личностью*» (Касьянова, 1994, с. 180).

«Соборность» — это православный коллективизм, призванный заменить коллективизм коммунистический, подобно тому, как понятие «коммунистической идейности» сменилось понятием «духовности». Ссылки на соборность как исконное русское качество, якобы предполагающее доброжелательность и взаимопомощь, льстят национальному самолюбию: мы добрее и отзывчивее других народов!

Однако, как показывают социологические исследования, наличие у россиян этой черты весьма сомнительно. «В свое время принято было говорить о “коллективности” человека советского. Этой черты мы попросту не обнаружили. Между тоталитарным государством и одиноким индивидом не занимали сколько-нибудь важных позиций никакие социально-психологические общности, связанные с профессией, занятием, интересами и т. д.» (Левада, 1993, с. 26).

Ценностные ориентации россиян глубоко противоречивы. На уровне общих деклараций массовый респондент в 1994 г., как и в советское время, выражал «лояльность коллективу — этой первичной ячейке принудительного и двусмысленного единомыслия». 59% опрошенных целиком или в основном согласны с тем, что «в России люди привыкли относиться друг к другу по-свойски, не думая о выгоде» (против — ровно вдвое меньше, 30%). Почти столько же (58 против 22%) соглашается с тем, что «у нас привыкли делать все сообща, а потому не терпят тех, кто ставит себя выше коллектива» (Левада, 2000, с. 415).

Но стоит только поставить вопрос более конфликтно и лично, как картина меняется. «Только 20% полагает, что человек “должен поступать так, как решило большинство” даже вопреки собственному мнению; для 56% более близка другая точка зрения — “человек волен думать и действовать, как он сам считает правильным”. Демонстративный коллективизм уступает место декларативному индивидуализму» (там же).

Еще более индивидуалистично настроена молодежь. Отвечая на вопрос, какие качества им присущи, 15–29-летние россияне в 1999 г. поставили коллективизм на последнее (7-е) место. Его признали характерным для себя только 24,8% опрошенных (Чупров, Zubok, Уильямс, 2003, с. 198–199). Даже меньше, чем «бескорыстие» и «законопослушание», которым наша молодежь никогда не отличалась. Разумеется, эти самохарактеристики нельзя понимать буквально, они отражают скорее притязания, чем констатацию факта. Тем не менее они характерны.

Социальное и имущественное расслоение умножает социально-психологические барьеры не только между богатыми и бедными, но и между Я и Другими вообще. «Это ведет к гипертрофии социальной версии “астенического синдрома”, к неспособности и нежеланию воспринимать “чужие” беды и страдания, более того — к настойчивому стремлению отгораживаться от них» (Левада, 2000, с. 527). Порождаемые неустойчивостью социального бытия равнодушие и холодность распространяются и на отношения человека к тем, кого он называет своими друзьями.

Однако этот процесс отнюдь не линейный. В системе важнейших жизненных ценностей современной российской молодежи дружеское общение занимает одно из первых мест.

При анкетном опросе в марте 2001 г. 1133 сельских старшеклассников, отвечая на вопрос, что значит «жить хорошо», 77,6% сказали: «Иметь верных друзей». Эта потребность уступает только желанию «иметь благополучную семью» и «быть материально обеспеченным». Перечисляя главные жизненные ценности, сельские старшеклассники поставили на первое место семью, а на второе — друзей (Силласте, 2003, с. 356–359).

По совокупности нескольких массовых опросов 71% респондентов считают общение терминальной и 29% — инструментальной ценностью (Чупров, Zubok, Уильямс, 2003, с. 193). Хотя под «общением» часто понимается простая тусовка, сюда включаются и более близкие отношения. В структуре духовных ценностей молодежи «общение с близкими, друзьями» устойчиво занимает первый или

второй ранг (от 90 до 93% всех ответов), соперничая лишь с «общением с любимым человеком» (там же, с. 195). Однако в 2002 г. по сравнению с 1999 г. понимание общения как терминальной ценности на 4% уменьшилось, тогда как инструментальное понимание его как средства выросло с 26,9 до 30,8% (Зубок, 2003, с. 263). Одновременно молодые люди стали приписывать себе больший прагматизм и рационализм: рост с 33,8 до 42,8% (там же, с. 63). Возможно, это говорит о том, что молодые люди стали оценивать себя и других более реалистично.

Постсоветская жизнь породила *новые*, своеобразные и даже странные по западным меркам **формы индивидуализма**. Западный человек интуитивно знает, что конкуренция — это тоже форма кооперации. Кроме того, ему с детства внушают правила альтруизма, что нужно помогать ближнему.

Несмотря на то что американцы живут в атмосфере постоянной жесткой конкуренции, если средний американец может помочь другому не в ущерб себе, он это, скорее всего, сделает хотя бы ради повышения собственного самоуважения.

В СССР реальной конкуренции не было. Когда она появилась, доминирующим мотивом многих людей стал страх конкуренции и желание, чтобы никого, кто делает что-либо похожее, не было на расстоянии пушечного выстрела. Такая психологическая установка на монополизм отрицательно влияет не только на качество производимых товаров и услуг, но и на характер человеческих взаимоотношений. Даже в научном сообществе, где без обмена информацией и кооперации никак не обойтись, многие люди стали вести себя как собаки на сене, скрывая все то, что могло бы пригодиться другим.

Испытания равнодушием не выдержали даже некоторые «старые дружды». Вернувшись в 1993 г. после двухлетнего пребывания в США, я обнаружил, что ни мои знания, ни моя работа, ни я сам никому не нужны. Друзья юности ничем не могли мне помочь, они работали в других областях или жили в другом месте, а из друзей-сослуживцев, с которыми меня связывали общие профессиональные интересы, политические взгляды и десятилетия совместной работы, никто не поинтересовался, как и на что я живу. Всю информацию о грантах и тому подобных вещах, которых не было в моей прошлой жизни и без которых сегодня невозможно работать и даже просто физически выжить, я получал от посторонних, случайных людей. В конечном счете это пошло мне на пользу: я усвоил, что в этом славном новом мире нужно полагаться только на самого себя, но моего морального состояния это не улучшило.

Не обошла влиянием институт дружбы и всеобщая **криминализация** страны. Не случайно одним из самых популярных кинематографических образов мужской дружбы стало воровское братство. Слово «братки» сейчас употребляется едва ли не чаще, чем «друзья» и «товарищи». И это не просто форма речи. Переход из сложившегося в Афганистане или Чечне воинского братства в бандитское сообщество оказался для многих слишком коротким и легким, да и так ли существенна разница между воровским общаком и криминальным бизнесом? Жить «по понятиям» (= «по дружбе») или по закону — вот в чем вопрос. Но если деловое партнерство не отличается от криминальной круговой поруки, о какой рыночной экономике, правопорядке и социальной стабильности можно говорить?

Мир, в котором мы живем, не является ни теплым, ни мягким, ни надежным. Но он никогда и не был таковым. Из множества бардовских песен советских времен мне особенно запомнились «Пилигримы» Евгения Клячкина на слова Иосифа Бродского:

Мир останется прежним,
Ослепительно снежным
И сомнительно нежным.

В том, что привычный канон «русской дружбы» меняется в том же направлении, что и на Западе, нет ничего катастрофического. Глобализация мира не лишает его многогранности и многоцветности. США, Германия и Япония — страны с развитой рыночной экономикой, тем не менее национальные культуры общения у них разные. Темпераментные итальянцы дружат и общаются совсем не так, как англосаксы. Не утратит своей самобытности и русская дружба. Только обсуждать это лучше не с похмелья и не в шовинистическом угаре.

Дружба, как и любовь, всегда казалась людям островком тепла в море всеобщего холода. От того, что никакой общественный строй не может закрепить ее конституционно и преподнести человеку на блюде с голубой каемочкой, ее ценность только увеличивается. Личные отношения нужно рассматривать в личностном контексте, поэтому от исторической социологии дружбы я перехожу к ее психологии.

Однако наличие у россиян этой черты весьма сомнительно. О том, как мы «охорашиваем» свой социум, свидетельствует чудовищное экологическое состояние страны, грязь на улицах и в подъездах и многое другое. «Ничья» земля никого не волнует. О том же говорят и социологические данные.

Часть II

Чувства и отношения

7. Психология дружбы

Курс слов, как и курс денег,
подвержен постоянным переменам.

Гилберт Адэр

Что же такое дружба с точки зрения психологии? Все ее житейские определения суть метафоры, каждая из которых высвечивает какой-нибудь один ракурс проблемы. «Друг-товарищ» подразумевает наличие совместной деятельности и общих интересов. «Друг-зеркало» подчеркивает функцию самопознания, партнеру в этом случае отводится пассивная роль отражения. «Друг-сострадальник» олицетворяет эмоциональное сопереживание. «Друг-собеседник» высвечивает коммуникативную сторону дружбы, самораскрытие и взаимопонимание. «Друг-*alter ego*» подразумевает как ассимиляцию, уподобление другого себе, так и идентификацию, уподобление себя другому, саморастворение в другом.

Каждая из этих метафор по-своему правомерна. Но обозначают ли они разные **типы** дружбы, или разные ее **компоненты**, или разные **стадии** развития одного и того же взаимоотношения? Реальный прогресс в изучении психологии дружбы начинается не с уточнения определений, а с дифференциации вопросов.

Возникшая в конце XIX в. психология дружбы, как, впрочем, и другие науки о человеке, первоначально (и вплоть до середины XX в.) ставила вопросы *общего характера*: каков источник дружбы, как соотносятся ее рациональные и эмоциональные компоненты и чем поддерживается однажды возникшее отношение? Исследователи этого периода собрали большой эмпирический материал о том, как разные люди — преимущественно дети и подростки — понимают дружбу и выбирают друзей. Но интерпретация эмпирических данных большей частью не выходила за рамки представлений обыденного сознания и не увязывалась с какими-либо специальными психологическими теориями.

Аттракция

Аналитический период психологии дружбы, начавшийся в конце 1950-х гг., был связан с социально-психологическими исследованиями **межличностной аттракции**. Слово «аттракция» (*attraction*), как

и древнегреческое «филия», буквально означает «притяжение, влечение». В социальной психологии понятие «межличностная аттракция» определяют как когнитивный (познавательный) компонент эмоционального отношения к другому человеку, или как некоторую социальную установку, или, наконец, как эмоциональный компонент межличностного восприятия (социальной перцепции).

Основной вопрос психологии аттракции: «Что привлекает людей друг к другу?» — содержательно неоднозначен. Он охватывает и **потребности субъекта**, побуждающие его выбирать того или иного партнера; и **свойства объекта** (партнера), стимулирующие интерес или симпатию к нему; и особенности **процесса взаимодействия**, благоприятствующие возникновению и развитию диадических (парных) отношений; и **объективные условия** такого взаимодействия (например, принадлежность к общему кругу общения). Эта многозначность проблемы обусловила **тематическую пестроту** психологических исследований аттракции. Из 403 эмпирических ее исследований, опубликованных в 1972–1976 гг. в американских научных журналах, 147 были посвящены формированию у людей **впечатлений** друг о друге, 128 — процессам словесного и поведенческого взаимодействия, **встречам и контактам** и лишь 127 — более или менее длительным дружеским (33) или любовным (94) **отношениям** (Huston, Levinger, 1978).

Столь же многообразными были и теории аттракции (Гозман, 1987; Huston, 1974). Одни описывали преимущественно ее интраиндивидуальные, внутренние предпосылки, другие — механизмы общения, третьи — стадии его развития, четвертые — конечные результаты. В зависимости от исходных теоретико-методологических установок авторов дружба рассматривалась то как своеобразная форма **обмена**, то как удовлетворение **эмоциональных потребностей**, то как информационный процесс **взаимного познания**, то как **социальное взаимодействие** индивидов, то как уникальный и неповторимый **диалог личностей** (подробный анализ социально-психологических теорий см.: Андреева, 1996, 2000).

Сторонники самой простой, **поведенческой модели** аттракции, характерной для **необихевиоризма** (Д. Хоманс, Д. Тибо и Г. Келли), считают важнейшим условием всякого парного взаимодействия обмен вознаграждениями (положительное подкрепление) и издержками (отрицательное подкрепление). Чтобы личные отношения развивались и поддерживались, партнеры должны получать друг от друга и от самого процесса взаимодействия максимум поощрений и мини-

мум издержек. Эксперименты, поставленные в соответствии с этой теоретической ориентацией, стараются взвесить прежде всего объективные следствия, «исходы» процесса дружеского взаимодействия: удастся ли партнерам получить искомое «вознаграждение» в виде удовольствия, «уменьшения напряженности», практической пользы и т. п.

Более сложные модели (например, Д. Клора и Д. Бирна, А. Лотт и Б. Лотт), анализируют не только «исходы», но и **типы стимулов** — соотношение таких факторов дружбы, как сходство личных черт, близость социальных установок и характер эмоционального взаимодействия партнеров. Однако их общей методологической основой остается теория научения.

Для объяснения такого сложного явления, как дружба, данный подход слишком элементарен. Его прообраз — деловое партнерство, в котором партнер выступает как средство удовлетворения эгоистических потребностей субъекта, и не предполагается ни глубины, ни интимности, ни моральных обязательств друг перед другом. Да и самый «обмен» рассматривается на уровне отдельных, изолированных потребностей и желаний индивида, без учета их места в жизненном мире целостной личности. Это своего рода психологический эквивалент старой философской теории «разумного эгоизма».

Хотя «обмен» — деятельностью, мотивами, ценностями и т. п. — объективно присутствует в любых межличностных отношениях, в более гибких теориях дружбы он фигурирует в качестве частного, подчиненного элемента.

Психодинамическая теория, представленная, в частности, психоанализом, усматривает истоки дружбы, как и всех прочих привязанностей, в неосознаваемых **эмоциональных потребностях** личности. Основоположник психоанализа Зигмунд Фрейд считал, что все человеческие влечения и привязанности, будь то дружба, родительская любовь или преданность идее, имеют в конечном счете инстинктивную природу, являясь формами полового влечения, либидо, которое он, впрочем, определял весьма широко.

Близка к психоанализу и созданная британским психоаналитиком Джоном Боулби **теория привязанности** (*attachment*) (Bowlby, 1969, 1973). *Attachment* обозначает прежде всего безотчетную эмоциональную привязанность, зависимость одного человека от другого. Прообразом таких отношений Боулби считал привязанность ребенка к матери. Кроме клиники, он опирался на данные этологии. В дальнейшем категория привязанности психологизировалась. Она широко используется в психологии эмоций, особенно любви, и в изуче-

нии индивидуального стиля общения, который формируется в раннем детстве и в дальнейшем окрашивает все эмоциональные отношения личности (см. Первин, Джон, 2000, с. 182–187). С 1999 г. издается специальный научный журнал *Attachment and Human Development*.

Авторы более поздних психоаналитических теорий мотивации, сложившихся в рамках неофрейдистских концепций, признают наличие у человека особых межличностных, коммуникативных потребностей. Например, американский психолог Уильям Шутц, автор модели «фундаментальной ориентации межличностных отношений», утверждает, что человек обладает определенным соотношением трех межличностных потребностей: в принадлежности (аффилиации), контроле и любви. Уровень каждой из этих потребностей закладывается в раннем детстве, предопределяя будущие коммуникативные свойства и реальное общение взрослого. Решающую роль «значимых других» в формировании личности подчеркивает основатель «межличностной теории психиатрии» Гарри С. Салливан.

В целом психодинамическая теория аттракции лучше подходит для описания безотчетных и неподконтрольных разуму привязанностей, нежели для свободно создаваемых дружеских отношений. В психоаналитических концепциях «другу» чаще всего отводится роль зеркала, на которое субъект проецирует собственные неосознаваемые черты, или идеального образца для подражания, идентификации. Кроме того, эта концепция склонна абсолютизировать «травматические» последствия отрицательного детского опыта, оставляя в тени процессы и механизмы межличностных отношений взрослых.

Если поведенческий подход фиксирует «молекулярные» процессы межличностного взаимодействия, а психодинамический — внутриличностные потребности, то **когнитивная психология** анализирует информационную и процессуальную сторону общения, пытаясь ответить на вопрос, *как именно* происходит межличностная коммуникация. Представители этого направления (Фриц Хайдер, Теодор Ньюком, Элайн Уолстер, Зик Рубин и др.) исследуют прежде всего познавательные и символические моменты человеческих взаимоотношений: социальные установки, ценностные ориентации, знаки, значения и т. д.

В отличие от «наивной» психологии, которая пыталась выводить аттракцию, влечение людей друг к другу непосредственно из их **объективных** сходств или различий, когнитивная психология подчеркивает значение процессов **атрибуции** (приписывания).

По мнению ее теоретиков, в дружбе важно не столько фактическое совпадение или несовпадение индивидуальных черт, сколько их восприятие, то, какие качества друзья приписывают один другому и какова тенденция такой атрибуции (в друзьях мы склонны видеть только хорошее, а во врагах — только плохое). «Обмен подкреплениями», который необихевиористы трактуют наивно-механистически, в свете когнитивной «теории справедливости» предстает более сложным психологическим процессом: желание получить от общения максимум удовлетворения индивид обычно соизмеряет со своими представлениями о справедливом обмене, и это побуждает его заботиться не только о собственной выгоде, но и об интересах партнера.

Когнитивная психология положила начало систематическому изучению «языка дружбы» — тех терминов, в которых люди осмысливают и описывают свои взаимоотношения и представления друг о друге, а также «личностных конструктов» (Гарольд Келли, Стивен Дак и др.) — специфических оппозиций, противоположных понятий, используемых субъектом для категоризации себя или других людей. Из этих понятий складывается его имплицитная (молчаливо подразумеваемая) теория личности. Например, категоризация окружающих по оси «люди цели» — «люди эмоций» отражает представление индивида об антагонизме целенаправленности и эмоциональности, и это представление определяется, по-видимому, спецификой его личного жизненного опыта. Знание «репертуарных позиций» индивида, структуры значимых для него социальных ролей и их субъективного смысла позволяет психологу заглянуть в его внутренний мир и его интимное окружение. Важное значение для психологии дружбы имеет также **межличностная компетенция** — освоение индивидом необходимых навыков общения, умение завязывать знакомство, раскрываться и понимать других.

Символический интеракционизм (Джордж Герберт Мид, Джордж Мак-Колл и др.) выдвигает на первый план социально-структурные (ролевые) и культурно-символические (значения) аспекты личных отношений в связи с развитием самосознания. Поскольку личность формируется и осознает себя только во взаимодействии с другими людьми, приверженцы этого направления видят цель изучения дружбы в расшифровке психологического содержания этого процесса — уяснении, почему данное Я привязывается к данному Другому. Межличностная аттракция, по определению Мак-Колла, отличается от формальных или деловых взаимоотношений тем, что в ней присутст-

вует Я, желающее на основе своей положительной привязанности к Другому установления личных взаимно активных отношений с ним.

Интеракционисты оперируют такими категориями, как «принятие роли другого», «ролевое поведение», «определение ситуации» и «самость». Принятие роли предполагает способность поставить себя на место другого лица, представив себе требования его социальной позиции, испытываемые им чувства и смысл, который имеет для него данная роль и поведение. Исполнение роли подразумевает овладение системой правил, от соблюдения которых зависят эффективность и уместность соответствующих поступков, жестов и т. п., а определение ситуации — координацию собственных намерений и целей с намерениями и целями остальных участников взаимодействия. Это возможно лишь при наличии устойчивой системы самооценок и одновременно способности взглянуть на себя глазами других. Подобный подход плодотворен при изучении таких явлений, как развитие межличностной компетенции, зависимость личных отношений индивида от его положения и популярности в группе, связь дружбы с уровнем развития самосознания.

Хотя по своим исходным посылкам все перечисленные подходы к осмыслению психологических аспектов межличностного взаимодействия различны, а кое в чем даже противоположны, вместе с тем они *взаимодополнительны*, каждый из них имеет определенное рациональное зерно.

Любой отдельно взятый акт межличностного взаимодействия и весь этот процесс в целом можно рассматривать и как поведенческий процесс сближения и соотнесения двух независимых друг от друга субъектов, и как познание одного субъекта другим, и как удовлетворение какой-то внутренней эмоциональной потребности субъекта, и как процесс символического взаимодействия, в ходе которого индивиды не просто обмениваются информацией, а усваивают точки зрения и жизненные перспективы друг друга, расширяя тем самым границы собственных Я.

При этом более сложная теоретическая модель потенциально включает в себя элементарные (как свои аспекты или частные случаи). Так, модель общения как взаимодействия самосознательных Я и Ты включает в себя процессы их взаимного познания (поскольку самосознание предполагает самопознание, а усвоение жизненной перспективы другого невозможно без уяснения его роли и позиции) и удовлетворения эмоциональных потребностей (поскольку образ Я охватывает и эмоционально-оценочные компоненты). Когнитивист-

ская модель, в свою очередь, предполагает наличие элементарных процессов обмена и подкрепления, описываемых бихевиористской схемой, и т. д.

Однако, несмотря на интересные частные результаты, самым важным и неожиданным выводом психологии аттракции оказалось доказательство отсутствия факторов, *жестко* детерминирующих уровень аттракции. Ее причины действительны лишь в определенном диапазоне условий и в сочетании с другими переменными. Будучи объективно обусловленным, человеческое общение, в том числе и такая его форма, как дружба, определяется в то же время и волей его участников, их желанием, тем, какой стиль поведения они выберут, и другими непредсказуемыми, зависящими только от них особенностями.

Психология личных отношений

В начале 1980-х гг. психологам стало ясно, что исследование отдельных установок и потребностей мешает разглядеть целостность жизненного мира личности, а сведение межличностных отношений к серии «взаимодействий» затемняет их глубинный личностный смысл (Duck and Sants, 1983; Duck, 1988). Лабораторные методы больше подходят для анализа статичных, неразвивающихся однократных встреч посторонних людей, чем естественных, жизненных отношений. В лабораторных исследованиях практически невозможно учесть развитие личных отношений во времени, а также активные усилия и потребности их участников. Дружеские отношения и их «уровни» выступают при этом не как живые, динамические, изменчивые, имеющие субъективный смысл процессы, а как некие стабильные «состояния». Это вызвало к жизни новую парадигму **личных отношений**.

В философско-методологическом плане данное направление было близко, с одной стороны, к идеям западной «гуманистической психологии», а с другой — к диалогическому пониманию общения, которое развивали на базе идей М. М. Бахтина, Л. С. Выготского и А. А. Ухтомского российские философы В. С. Библер и М. С. Каган, психологи А. Н. Леонтьев, А. В. и В. А. Петровские, культурологи Л. М. Баткин, Ю. М. Лотман и др. Но перевод философских идей в русло эмпирической науки — дело трудное.

Как особое направление научных исследований психология личных отношений впервые оформилась в одноименном коллективном 5-томном труде под редакцией Стивена Дака и Робина Гилмура (Duck and Gilmour, 1981–1984). Первый том был посвящен природе личных отношений и методологии их исследования, второй — разви-

тию личных отношений на протяжении существования данного отношения и в течение жизненного пути, третий — расстройству личных отношений, четвертый — их расторжению и пятый — их налаживанию и восстановлению. Наряду с англо-американскими, в книге было и две главы российских ученых: Г. М. Андреевой и Л. Я. Гозмана о социальном контексте межличностных отношений, и моя — о нерешенных проблемах изучения юношеской дружбы. Хотя собственно дружбе в книге было посвящено только 6 глав, построенных по возрастному признаку, она помогла «вписать» психологию дружбы в более широкий понятийный контекст. Эта работа продолжилась в основанном Даком в 1984 г. специальном междисциплинарном журнале *Journal of Social and Personal Relationships*. В 1985 г. организовано Международное общество для изучения личных отношений (к сожалению, для сотрудничества с ними у отечественных психологов не было денег).

Каковы основные черты новой научной парадигмы?

1. Круг явлений, охватываемых понятием «личные отношения», гораздо уже и определеннее феноменов «межличностной аттракции». Речь идет не о случайных краткосрочных контактах, а только об **относительно устойчивых, развивающихся** взаимоотношениях.
2. В отличие от функционально-ролевых отношений личные отношения **индивидуальны, персонализированы**; в ходе их становления и развития образуется новый субъективный, личностный смысл, обогащающий обоих участников, чего не происходит при простом информационном или поведенческом обмене.
3. Личные отношения необходимо изучать в **естественной среде** с учетом **фактора времени**, причем не только в восходящей (знакомство, углубление, поддержание отношения), но и в нисходящей (ухудшение, ослабление, разрыв отношения) стадиях развития.
4. Поскольку речь идет о субъектно-субъектных отношениях, их развитие складывается не автоматически, в соответствии с какими-то универсальными нормами, а в зависимости от **сознательных усилий и коммуникативной стратегии партнеров**.
5. За иллюзией стабильного состояния и плавного перехода из одной стадии отношения в другую скрывается **драматический процесс** изменений, неопределенностей, переговоров, атрибуций и т. п.
6. Значение и смысл этих процессов сплошь и рядом не осознаются, а их последствия по-разному интерпретируются участниками отношения. Поэтому важно различать их **объективную детермина-**

цию, субъективную мотивацию и ретроспективную легитимацию (объяснение и оправдание).

Хотя изучение объективных *предпосылок* дружбы, ее подразумеваемых *правил, стадий* развития и психологических *механизмов* и сегодня остается разобщенным и проходит в разных научных дисциплинах, мы знаем об этих процессах значительно больше, чем 100 или 50 лет тому назад.

Объективные предпосылки дружбы

Как и все прочие личные отношения, дружба во многом зависит от системы социальных связей, круга непосредственного общения личности, обусловленных территориальной близостью, социально-групповой принадлежностью — и совместной деятельностью. Однако психологическая значимость этих факторов неодинакова.

Американский социальный психолог Теодор Ньюком в порядке эксперимента расселял студентов-первокурсников Мичиганского университета по комнатам в разных сочетаниях по принципу сходства или несходства установок, а затем изучал динамику их взаимоотношений. Оказалось, что на ранних стадиях знакомства аттракция больше зависит от пространственной близости, чем от сходства установок, однако в дальнейшем положение меняется и сходство установок перевешивает влияние соседства (Newcomb, 1961).

Влияние пространственной близости на личные отношения в большинстве случаев опосредуется и дополняется другими названными факторами — **групповой принадлежностью и совместной деятельностью**, связанной с определенным разделением функций, кооперацией и взаимопомощью. Как и обыденное сознание, научная психология различает деловые, функциональные отношения и личные, индивидуальные привязанности, а также обусловленное принадлежностью к одному и тому же коллективу товарищество и основанную на индивидуальном выборе и личной симпатии дружбу.

Деловые отношения, или, как называют их вслед за А. С. Макаренко, некоторые психологи, отношения ответственной зависимости, подчинены достижению какой-то внеиндивидуальной цели — производственной, учебной и т. д. Они всегда специализированы, и личность участвует в них как исполнитель определенной социальной функции, роли. Принадлежность к данному коллективу и вытекающее из нее чувство солидарности с другими его членами (товари-

щество) не обязательно предполагают личную симпатию к каждому из них в отдельности, без чего немыслима дружба. «Вопрос отношения товарища к товарищу, это не вопрос дружбы, не вопрос любви, не вопрос соседства, а это вопрос ответственной зависимости» (Макаренко, 1958, с. 210).

Однако различие дружбы и товарищества относительно. Тесная кооперация и взаимопомощь в совместной деятельности легко и незаметно перерастают во взаимную симпатию. Коллектив сплачивается не только общей заинтересованностью его членов в результатах их совместной деятельности, но и чувством групповой солидарности, сопричастности к целому. Степень эмоциональной идентификации индивидов с группой — один из главных показателей сплоченности группы. А идентификация с группой невозможна без взаимной поддержки и заботы об отдельных ее членах. «Чувство локтя» — важнейший общий компонент товарищества и дружбы. Поэтому товарищеские отношения не просто фон, а живая питательная среда для возникновения и развития индивидуализированной дружбы.

Недаром большую часть друзей люди приобретают именно в процессе совместной деятельности, в своих производственных или учебных коллективах, причем значение этого вида общности значительно перевешивает роль территориально-бытовых факторов. Об этом свидетельствуют, в частности, приведенные в разделе 5 социологические данные.

Важное значение совместной деятельности и коллективной принадлежности для возникновения дружбы доказывается и социально-психологическими экспериментами, например, классическим экспериментом американского социального психолога Музафера Шерифа (Sherif and Sherif, 1953).

Группа мальчиков 11–12-летнего возраста, взятых из разных школ и ранее никогда не встречавшихся друг с другом, была вывезена в загородный лагерь. В течение 3 дней подростки имели возможность совершенно свободно общаться друг с другом, у них складывались определенные привязанности, возникали группировки, игровые компании и т. д. После того как между ребятами установились определенные личные взаимоотношения, был проведен социометрический тест, в ходе которого каждый назвал своих лучших друзей. Затем ребята были разделены на две команды таким образом, чтобы $\frac{2}{3}$ лучших друзей каждого оказались в противоположной команде. Каждая команда получила собственное задание, общение между членами разных команд было сведено к минимуму, а сами команды поставлены в отношения соревнования и соперничества.

Через несколько дней мальчиков снова просили назвать своих лучших друзей, подчеркнув, что они могут выбирать не только из собственной команды, но и из другой. На сей раз выбор оказался совершенно другим. Членство в команде решительно перевесило первоначальные личные симпатии: число «лучших друзей» из собственной команды составило в одном случае 95%, в другом — 88%.

Эксперимент свидетельствует, что индивидуальное предпочтение полностью определяет выбор друзей там, где отсутствуют сложившиеся коллективы и группы. Но если индивид уже находится в составе какой-либо группы, имеющей собственные цели, определенное распределение ролей и т. д., это накладывает отпечаток и на его личные предпочтения. Как правило, он выбирает друзей из числа тех людей, с которыми чаще общается в повседневной деятельности и с которыми его связывает чувство групповой солидарности.

Разумеется, реальная жизнь сложнее экспериментальной ситуации. Каждый человек одновременно принадлежит не к одному, а к нескольким разным коллективам (производственным, общественно-политическим, семейно-бытовым) и имеет целый ряд референтных групп, с которыми он соотносит свое поведение. Между тем количество близких друзей ограничено. Отсюда — проблема **индивидуального выбора**, с которого, собственно, и начинается психология дружбы, в отличие от психологии коллективной деятельности или психологии общения.

Кодекс дружбы

Как и все прочие человеческие отношения, дружба регулируется определенной системой правил. Кодекс древней институционализированной дружбы формулировался четко и ясно. Сегодня правила дружбы большей частью молчаливо подразумеваются. Тем не менее их соблюдение очень важно для поддержания и оценки глубины дружеских отношений. Каковы же эти правила?

Английские психологи Майкл Аргайл и М. Хендерсон (Argyle, Henderson, 1984) путем серии опросов установили, какие из 43 предполагаемых общих правил поведения считаются наиболее важными для дружбы среди англичан, итальянцев, японцев и жителей Гонконга (мужчин и женщин в возрасте от 18 до 25 и от 30 до 60 лет). Затем по критериям соблюдения или нарушения этих правил ученые сравнили успешные, продолжающиеся отношения дружбы с распавши-

мися, а также дружеские отношения, высоко или низко оцениваемые их участниками. И наконец, проверили, нарушение каких правил чаще всего приводит к разрыву дружбы или воспринимается как причина ее прекращения.

Исследователи исходили из следующих гипотез.

- Как и все прочие отношения, дружба предполагает набор неформальных правил. Эти правила позволяют друзьям поддерживать определенный уровень того или иного положительного подкрепления, а также избегать ревности к третьим лицам.
- Существуют правила, обеспечивающие сохранение тайны и уважение к индивидуальности другого.
- При всех межкультурных различиях разные культуры имеют сходный неформальный кодекс дружбы.
- Правила взаимного вознаграждения позволяют различать тесную интимную дружбу от менее интимной.
- Правила женской дружбы придают большее значение самораскрытию и эмоциональной поддержке, чем аналогичные правила мужской дружбы.
- В дружбе молодых людей помощь и совместное времяпрепровождение имеют большее значение, чем в дружбе лиц старшего возраста.
- При разрыве дружеских отношений люди чаще приписывают нарушение правил другим, чем себе.
- При разрыве дружбы нарушение правил, обеспечивающих положительное подкрепление, упоминается реже, чем нарушение правил, регулирующих конфликтные ситуации, например обман доверия или вторжение в личные сферы.
- Нарушение некоторых правил воспринимается как естественная причина прекращения дружбы; например, несоблюдение норм доверия и взаимного уважения ведет к ухудшению отношений, а нарушение правил, предотвращающих конфликты, вроде запрета вторгаться во внутренний мир партнера, — к разрыву.

В общем и целом гипотезы подтвердились. Из 27 общих правил дружбы, сформулированных на основе первого этапа исследования, наиболее важными оказались 13, которые были распределены на четыре группы: обмен, интимность, отношение к третьим лицам, взаимная координация. Результаты этого представлены в табл. 7.1.

Таблица 7.1

Неписанные правила дружбы (по М. Аргайлу)

	Неписанные правила дружбы
Обмен	Делиться новостями о своих успехах
	Выказывать эмоциональную поддержку
	Добровольно помогать в случае нужды
	Стараться, чтобы другу было приятно в твоём обществе
	Возвращать долги и оказанные услуги*
Интимность	Уверенность в друге и доверие к нему
Отношение к третьим лицам	Защищать друга в его отсутствие
	Быть терпимым к остальным его друзьям*
	Не критиковать друга публично**
	Сохранять доверенные тайны**
Координация	Не ревновать и не критиковать прочие личные отношения другого**
	Не быть назойливым, не поучать*
	Уважать внутренний мир и автономию друга**

Самыми важными представляются 6 правил, не отмеченных звездочками, так как они отвечают всем 4-м критериям: а) единодушно признаются важными для дружбы; б) отличают продолжающуюся дружбу от распавшейся и в) высоко оцениваемые отношения от низко оцениваемых; г) несоблюдение этих правил считается вероятной и уважительной причиной прекращения дружбы.

Правила, отмеченные 1-й звездочкой, отвечают 3-м критериям, но не позволяют отличить близких друзей от менее интимных. Иными словами, они важны для обычных уровней дружбы, но при особенно тесных отношениях могут быть нарушены: близкие друзья не считаются друг с другом одолжениями, прощают нетерпимость к общим знакомым и даже некоторую назойливость.

Правила, отмеченные 2-мя звездочками, отвечают 2-м критериям: они считаются важными и их нарушение может способствовать прекращению дружбы, однако оценка глубины дружеских отношений от них не зависит. Эти правила — избегать публичной критики, хранить доверенную тайну, не ревновать к третьим лицам и ува-

жать личный мир другого — неспецифичны для дружбы, они действуют во многих других личных отношениях и ситуациях.

Изучение неписаного кодекса дружбы имеет важное теоретическое и практическое значение. Очевидно, что дружба предполагает соблюдение всех основных правил человеческого общежития, действующих и в менее тесных общинных, групповых и личных отношениях. Однако соотношение, значимость и иерархия этих правил неодинаковы. По мере углубления и индивидуализации дружеских отношений элементарные общие нормы «обмена» утрачивают часть своего значения, уступая место более сложным и тонким правилам интимности.

При всем отличии современных дружеских отношений от древней институционализированной дружбы понятию дружбы внутренние присуща идея *исключительности, экстраординарности*, допускающая возможность нарушения и превышения некоторых более элементарных, общепринятых норм и правил. Другьям позволено многое из того, что неминуемо осложнило и даже испортило бы отношения с менее близкими людьми — соседями, товарищами по работе и т. д.

Но за счет ослабления требований к внешним нормам поведения и к эквивалентности «обмена» резко повышается уровень **нравственно-психологических** требований. И поскольку важнейшие специфические правила дружбы — делиться своими переживаниями, оказывать моральную поддержку, добровольно помогать в случае нужды, заботиться о друге, доверять ему и быть уверенным в нем, защищать друга в его отсутствие — являются альтруистическими, их принятие и соблюдение предполагает достаточно высокий уровень нравственного сознания личности, а также зрелость самого дружеского отношения. Иными словами, *социальная психология подтверждает, что дружба — это нравственное отношение, иной она быть не может.*

Сходство или различие?

Еще Платон и Аристотель задавались вопросом: что делает одного человека привлекательным для другого и, в частности, ищет ли он в друге собственное подобие или, напротив, дополнение? Экспериментальные психологические исследования дружбы конца XIX—начала XX в. также долгое время концентрировались вокруг этой проблемы.

С точки зрения житейского здравого смысла оба мнения одинаково правдоподобны. Понимание друга как *alter ego* молчаливо предполагает принцип сходства: люди, расходящиеся между собой в существенных характеристиках, вряд ли могут быть особенно близки. Однако *alter ego* — не просто второе, а именно *другое* Я; друзья призваны не дублировать, а взаимно обогащать один другого. А коль скоро это так, прежде чем обсуждать вопрос о сходстве или несходстве друзей, нужно уточнить целый ряд вопросов.

1. **Класс** подразумеваемых сходств. Идет ли речь об общности пола, возраста, социального положения, профессии, образования и других объективных, непсихологических признаков? Или об общности ценностных ориентации, взглядов, интересов? Или о сходстве характеров, темперамента, личностных черт и т. п.? Это ведь совершенно разные вещи.
2. **Степень** предполагаемого сходства. Имеется ли в виду полное совпадение качеств или какое-то более ограниченное сходство?
3. **Значение и смысл** данного сходства для самой личности. Чем важнее данное качество для личности, тем выше требования, которые она, вероятно, предъявляет в этом отношении к своим друзьям. Человек, живущий напряженной эстетической жизнью, вряд ли сможет дружить с тем, кто не выносит искусства. А для того, кто видит в искусстве только развлечение, эстетические вкусы его друзей, пожалуй, несущественны.
4. **Объем, широта** диапазона сходств. Сходство друзей может ограничиваться одной какой-либо сферой, а может охватывать сразу несколько черт — и социальные характеристики, и ценностные ориентации, и личностные черты.

Кроме того, необходимо уточнить, идет ли речь об **установках** и о том, какими люди представляют самих себя и своих друзей, или об **их реальных качествах**.

Разные люди видят себя в дружбе, как и в других отношениях, по-разному. Если для юного Шиллера дружба — «созерцание себя в зеркале другой души», то Ромен Роллан, напротив, отрицает стремление к подобию: «Пусть другие, подобно Нарциссу, любят себя своим отражением в зеркале! Я же ищу глаза, которые мне говорят: “Я — не ты!” Тогда стоит войти! И если подобное желание является обоюдным, две скрещенные шпаги приводят к наивысшему слиянию двух человеческих существ» (Роллан, 1966, с. 24).

Но самовосприятие не всегда достоверно. Многочисленные социально-психологические исследования показывают, что в установках людей, в тех требованиях, которые они предъявляют к своим друзьям, ориентация на сходство решительно преобладает над ориентацией на дополнение. Подавляющее большинство людей предпочитает дружить с людьми своего возраста, пола, социального положения, образования и т. д. Почти столь же желательно совпадение или по крайней мере сходство основных ценностных ориентации, интересов и черт характера.

Как проявляется эта установка в реальном поведении? Действительно ли друзья больше похожи друг на друга, чем на окружающих, или им это только кажется? В том, что касается объективных характеристик (пол, возраст, социальное положение, образовательный уровень), однородность действительно преобладает. Люди в большинстве случаев дружат с представителями собственного «круга» — возрастного, социального, культурного. Несколько меньшая, но все-таки значительная степень сходства наблюдается также в социальных установках и ценностных ориентациях друзей. Хотя здесь нет полного совпадения, друзья, как правило, придерживаются более или менее общих взглядов по наиболее важным для них вопросам.

Хотя личностные особенности многообразны и не всегда поддаются строгому обозначению, при сравнении психологических черт 30 дружеских пар американских старшеклассников и студентов с чертами случайно выбранных 30 пар друзья оказались значительно более похожими, чем случайные пары (Izard, 1960). При сравнении уровней межличностного понимания и самосознания нескольких групп детей от 8,5 до 13,5 лет с показателями их сверстников, которых испытуемые называли своими друзьями, причем этот выбор был в одних случаях взаимным, а в других — односторонним, и детей, которые не фигурировали в числе их друзей, «взаимные друзья» оказались более похожими друг на друга, чем «односторонние друзья» и «не-друзья»; особенно велики такие различия у детей более старшего возраста (Kurdek and Krile, 1982).

В самом крупном исследовании этого типа (Kandel, 1978) сопоставлялись сходства и различия дружеских пар 1800 американских старшеклассников. Их просили назвать своего лучшего друга, а затем рассказать о своих домашних условиях, отношениях с родителями, учебных интересах, способах проведения досуга, социальных установках и психологических состояниях. Сравнение ответов друзей показало, что они очень похожи друг на друга по своим социально-

демографическим свойствам (социальное происхождение, пол, раса и возраст). Значительное сходство наблюдается также в некоторых аспектах поведения, особенно если оно отклоняется от социальной нормы и нарушает какие-то запреты (например, курение), в учебных интересах и степени участия в групповой жизни сверстников. Что же касается психологических черт (оценка своих личных качеств и отношений с родителями), то здесь сходство друзей значительно меньше.

Это подтверждают и новейшие исследования детских взаимоотношений (Haselager, Hartup et al. 1998). Вероятность, что двое маленьких детей подружатся, непосредственно зависит от степени сходства их поведенческих черт. Сходство когнитивных черт и стиля игры также способствует сближению. У школьников эта ориентация на сходство усиливается. Сравнение школьников с их друзьями и недрузьями выявило значительно большее сходство друзей по таким свойствам, как просоциальное и антисоциальное поведение, застенчивость, зависимость, депрессия и достижительность (стремление к успеху). Это сходство распространяется и на восприятие людей и отношений: оценки, даваемые друзьями, ближе, чем те, которые дают посторонние дети.

Гомофилия (любовь к подобию в отличие от **гетерофилии**, любви к различию) имеет как социальные, так и психологические причины (Hartup, 2004).

Во-первых, сходство друзей формируется социальными условиями: в школах и других общественных учреждениях дети подбираются по некоторым общим признакам (возраст, уровень образования и т. д.).

Во-вторых, детей больше привлекают дети, которые похожи на них самих.

В-третьих, противоположности обычно не привлекают детей; дети, как правило, не любят тех, кто от них отличается (отсюда — проблема чужаков и изгоев).

В-четвертых, когда дети становятся друзьями, тесное общение и взаимодействие усиливает их сходство друг с другом.

Однако это зависит также от особенностей детей, характера их взаимодействия и измеряемых поведенческих черт.

Это верно и относительно взрослых. Большинство наших личных отношений складывается в процессе длительного взаимодействия, организованного вокруг каких-то центров, очагов совместной деятельности, причем круг вовлеченных в эту деятельность людей во многих отношениях однороден (Feld, 1982). Чем однороднее круг общения, тем вероятнее, что формирующиеся в нем дружеские пары и триады окажутся во многом сходными.

Траектории развития дружеских отношений

Относительная однородность круга общения, из которого вербуются друзья, не снимает вопроса: является ли это сходство друзей результатом изначального *выбора* похожих на себя партнеров или их взаимной адаптации, *приспособления* друг к другу?

Наши представления о степени своего сходства или различия с другими людьми далеко не всегда достоверны. Те, кого мы предпочитаем, кажутся нам, как правило, более похожими на нас самих, чем те, кого мы отвергаем. Социометрические исследования показывают, что при попытке предсказать, кто из знакомых или товарищей окажет им предпочтение, а кто отвергнет их, люди обычно (около 70% испытуемых) бессознательно предполагают взаимность выбора. Оказывая предпочтение другому лицу, выбирая его в качестве партнера по игре, спутника по путешествию и т. д., мы невольно ожидаем, что он в свою очередь выберет нас. От антипатичного человека, напротив, мы ждем неприятия, отвержения.

Фактически такая взаимность встречается реже, чем мы предполагаем. Особенно легко ошибиться в атрибуции сложных личностных качеств. Нередко двое влюбленных кажутся себе весьма похожими друг на друга просто потому, что каждый приписывает другому свои собственные качества, то есть оба считают себя похожими, но суть сходства трактуют по-разному. Друзья часто преувеличивают степень своего взаимного самораскрытия и т. д.

«Взаимопроникновение» или «пересечение» личных свойств друзей тесно связано с длительностью и глубиной их взаимоотношений. Стадии или ступени диадического взаимодействия Я и Другого наглядно передает схема (рис. 7.1) американского психолога Джорджа Левинджера (Levinger, 1980).

На начальной, нулевой стадии межличностных контактов Другой психологически еще не существует для Я, не представляет для него интереса. Затем возникает односторонняя аттракция, познавательный интерес или эмоциональное влечение, расположение к другому. Аттракция стимулирует поверхностный поведенческий контакт, взаимодействие субъектов, остающихся тем не менее чужими друг для друга. Общность деятельности, интересов и установок постепенно порождает реальное взаимопресечение личностей от частного, незначительного до весьма широкого, когда два Я до некоторой степени сливаются в неделимое Мы.

Ступени диадического взаимодействия

0. Нулевой контакт

Два несвязанных лица

1. Осознание

Односторонние установки или впечатления, без взаимодействия

2. Поверхностный контакт

Двусторонние установки, некоторое взаимодействие

3. Взаимоотношение

Пересечение двух личностей, образующее дружеское «Мы»

Рис. 7.1. Ступени диадического взаимодействия по Д. Левинджеру

Развивая эти идеи, Левинджер предложил формальную модель цикла личного отношения, состоящего из 5 фаз.

1. Аттракция, предшествующая зарождению отношения.
2. Период формирования отношения.
3. Продолжение отношения, означающее:
 - а) его рост и укрепление;
 - б) сохранение достигнутого уровня;
 - в) снижение уровня и устойчивости.
4. Ослабление или ухудшение отношения.
5. Прекращение отношения в результате смерти одного из партнеров или разрыва.

От чего зависят разные траектории развития дружбы? Добрых полстолетия в психологии господствовало представление, что характер дружбы целиком определяется индивидуальными чертами партнеров и пропорцией, в которой они «смешиваются». Однако, как справедливо замечают английские психологи С. Дак и А. Сэнтс (Duck and Sants, 1983), эта модель слишком проста даже для химии. Хотя смешение эссенции серной кислоты с водой всегда дает раствор серной кислоты, порядок и способ смешения элементов далеко не безразличны: при добавлении воды в кислоту температура жидкости

резко повышается, происходит всплеск, а при добавлении эссенции в воду происходит только незначительное нагревание. В человеческих отношениях способ и последовательность соединения индивидов не менее существенны, чем сложившиеся до взаимодействия их личные качества.

С углублением личных отношений качественно меняется не только тип психологических «фильтров», сквозь которые осуществляется «отсев» друзей, но и сами критерии личной совместимости, субъективная значимость отдельных, воображаемых или реальных, психологических сходств и различий.

В исследовании С. Дака и Г. Крейга (Duck, Craig 1978) 40 английских студентов-первокурсников (20 мужчин и 20 женщин), которые раньше не были знакомы друг с другом, трижды заполняли социометрическую матрицу (выбор друзей) и одновременно 3 личностных теста, причем данные социометрического выбора каждый раз сопоставлялись с результатами тестирования. В первой серии опыта (через месяц после поступления в вуз) никакой зависимости между выбором друзей и сходством их тестовых показателей с показателями самих испытуемых не обнаружилось. Во второй серии (через 3 месяца после поступления) выявилось сходство ценностных ориентаций друзей: студенты выбирают тех, чьи ценностные ориентации близки к их собственным. На третьей фазе опыта (через 8 месяцев) значение таких сходств уменьшилось, зато выявилось сходство более глубоких «личностных конструкторов».

На традиционный вопрос, является ли сходство друзей *предпосылкой* дружбы или *результатом* взаимной адаптации, нельзя ответить, потому что он неверно поставлен. На разных стадиях знакомства люди располагают неодинаковым объемом информации друг о друге, и разница эта не только количественная, но и качественная. Психологические фильтры, через которые «просеиваются» кандидаты в друзья, также многоуровневы. В начале знакомства при выборе друзей имеют значение сравнительно поверхностные свойства (например, внешность, манера держаться), тогда как в дальнейшем перевес оказывается на стороне менее явных, но более глубоких личностных качеств. Иначе говоря, на ранних стадиях развития дружеских отношений индивид озабочен тем, как он выглядит в сравнении с другим, и спрашивает себя, хотел ли бы он походить на этого другого. Позже встает вопрос о характере отмеченного сходства и его достаточности для поддержания длительных дружеских отношений.

Сами «уровни» и «стадии» развития дружбы тоже неуниверсальны. **Устойчивость** (длительность) взаимоотношения, **частота** встреч и контактов и их психологическая **глубина (интимность)** — **качественно разные параметры, которые могут изменяться в разных направлениях.**

Это ясно видно при изучении вариантов и причин расстройств или прекращения дружбы (Ickes, 1984). В одном случае это резкий, бурный разрыв, в другом — постепенное уменьшение интенсивности (частоты) общения, в третьем — снижение уровня его интимности при сохранении внешней формы и частоты встреч. При этом в одних случаях неудача выглядит заранее predetermined «несовместимостью» партнеров, которые плохо знали друг друга, в других случаях все объясняется допущенными ошибками, случайной ссорой и т. п., в третьих — приписывается внутренним психологическим изменениям (ослабление взаимного интереса, появление новых, более сильных привязанностей), в четвертых — ссылаются на непредсказуемые внешние события, вроде смены местожительства.

Из этих, казалось бы, тривиальных соображений вытекают важные теоретические и практические выводы. Реальные дружеские отношения не развиваются автоматически, по одной и той же траектории, отвечающей нашим моральным представлениям: чем устойчивее дружба, тем она интимнее, вернее, исключительнее и т. д. Дружба — психологически чрезвычайно тонкое, сложное, текучее отношение, которое невозможно свести ни к какой отдельно взятой системе внешних, социально-средовых или внутренних, индивидуально-психологических детерминант.

Это значит, что о поддержании и сохранении дружбы необходимо *заботиться*.

Динамика дружбы во многом зависит от сознательной установки партнеров: как они *определяют* природу своих отношений, например, видят ли в них дружбу, любовь или простое знакомство, какие цели они преследуют, как они направляют настоящее и будущее дружеских отношений — стараются поддерживать, углублять их или пускают на самотек. Дружеские, как и все личные, отношения слагаются из множества мелких, повседневных решений и действий, о значении которых люди не задумываются и последствия которых осознают только задним числом, ретроспективно, в «спрямленной» и зачастую иллюзорной форме.

По просьбе психологов (Duck and Miell, 1984) английские студенты в течение 20 недель ежедневно записывали в дневник свои

чувства и переживания, связанные с их дружескими отношениями. Оказалось, что, хотя оба друга часто испытывали неуверенность в том, как к ним относится другой, изменения в состоянии своих взаимоотношений они связывали исключительно с колебаниями чувств и настроений друга. Значение собственных действий и реакций, как правило, недооценивается и не осознается, а в ретроспективных отчетах о развитии дружеских отношений сомнения и колебания полностью исчезают. «Отредактированные» воспоминания рисуют последовательную картину «положительного развития» или «ухудшения» отношений так, как они воспринимаются субъектом в данный момент. То есть мы невольно подгоняем прошлое развитие отношений, как и образ собственного Я, под то, какими они кажутся нам сегодня.

Самораскрытие

Изучение дружбы не как стабильного состояния, а как *процесса* тесно связано с психологией **самораскрытия и понимания Другого**.

Самораскрытие — сознательное и добровольное открытие другому собственного Я, своих субъективных состояний, тайн и намерений — одна из фундаментальных психологических потребностей личности, удовлетворение которой издавна ассоциировалось с дружбой. Но предметом интенсивных экспериментальных исследований эта проблема стала только в середине 60-х гг. XX столетия (Chelune and Associates, 1979).

Вначале (например, американский психолог Стэнли Джуард; Jourard, 1971) самораскрытие изучали главным образом с точки зрения его степени, исходя из предположения, что высокое самораскрытие играет в жизни человека, как правило, положительную, а низкое — отрицательную роль, обрекая личность на одиночество и другие неприятности. Более глубокое изучение показало, что самораскрытие многомерно. Его можно оценивать, как минимум, по 5 самостоятельным параметрам.

1. Объем сообщаемой личной информации.
2. Степень ее интимности для субъекта.
3. Продолжительность, темп и скорость самораскрытия.
4. Эмоциональная тональность самораскрытия (хващество, бравада или, наоборот, смущение, стыд).
5. Гибкость самораскрытия, способность личности регулировать свою откровенность в зависимости от реакции собеседника и ситуации общения.

Самораскрытие зависит от целого ряда моментов: *кто, кому, что именно, насколько полно, когда, при каких обстоятельствах* и *для чего* открывает. Степень самораскрытия в общении с посторонним человеком, отцом, матерью, близким другом, лицом своего или противоположного пола будет неизбежно разной. Неодинаковыми будут и привилегированные темы, сюжеты самораскрытия.

Согласно теории американского исследователя Ирвина Альтмана (Altman and Taylor, 1973), существует определенная связь между широтой и глубиной (интимностью) самораскрытия и типом партнера по общению: чем исключительнее личное отношение, тем полнее раскрываются в нем наиболее интимные, чувствительные, скрытые от посторонних аспекты Я за счет сокращения обмена эмоционально менее значимой и менее интимной информацией.

Дружба считается наиболее глубоким, интимным отношением. В ее определениях постоянно подчеркивается момент **доверия**: друг — человек, на которого «можно положиться» и которому «можно сказать все». Но хотя экспериментальные исследования подтверждают, что максимум самораскрытия достигается именно в общении с друзьями, здесь также имеются свои границы.

Прежде всего, друзья нередко преувеличивают степень взаимного самораскрытия, интимности и знания друг друга. Кроме того, они часто воспринимают свои отношения асимметрично. Описывая распавшиеся дружеские связи, люди склонны приписывать себе более активную роль в оказании эмоциональной поддержки и добровольной помощи бывшему другу, а ему — большую степень самораскрытия, потребности делиться своими успехами и совместно проводить время. Это придает ретроспективным описаниям дружбы эгоцентрический оттенок. Да и не только ретроспективным.

В нашем с В. А. Лосенковым исследовании юношеской дружбы испытуемые дописывали несколько неоконченных предложений типа «Друг — это тот, кто...». Содержание ответов было очень разным, но их форма в подавляющем большинстве случаев была эгоцентрической: испытуемые говорили о том, что друг делает или должен сделать для них («кто меня любит», «на кого можно во всем положиться» и т. д.), и гораздо реже перечисляли то, что они сами делают или готовы сделать для друга («кого я люблю», «кто может на меня положиться» и т. п.).

Содержание и уровень взаимного самораскрытия во многом зависят от **ситуации общения**. Например, теплая, уютная комната благоприятствует интимности, тогда как формальная, холодная обстановка

ее парализует. Важный положительный фактор — наличие прямого визуального контакта (взгляд в глаза) и телесной близости (прикосновение) с собеседником, а также его внешняя привлекательность, внимание с его стороны и его социальный статус. Младшие легче и охотнее исповедуются старшим, дружественное внимание которых им представляется лестным; признание собственной слабости перед старшим меньше задевает самолюбие, чем в общении с равными по возрасту или по рангу.

Очень сложен вопрос о **взаимности** самораскрытия. Общее правило взаимности гласит, что откровенность и проявленное доверие большей частью вызывают у партнера ответный отклик (откровенность за откровенность), повышая тем самым общий уровень интимности отношения. Но за этим тоже стоят проблемы.

Одни психологи, например, С. Джурард, объясняли феномен взаимности тем, что доверие, будучи лестным, вызывает симпатию, расположение к тому, кто его оказал, и знаком симпатии служит взаимная откровенность.

Другие (Chaikin and Derlega, 1974) объясняют его в духе теории справедливости: поскольку всякая откровенность считается ценной, человек, выслушавший чужую исповедь, чувствует себя обязанным отплатить той же монетой, независимо от степени своей симпатии к собеседнику.

Третьи психологи связывают взаимность самораскрытия главным образом с механизмами подражания и подкрепления: откровенность служит положительным стимулом, на который индивид реагирует взаимным самораскрытием, что в свою очередь стимулирует первого субъекта на продолжение интимной беседы.

Имеющиеся эмпирические данные лучше подтверждают второе объяснение.

Однако самораскрытие может иметь разный личностный смысл. Как показали исследования Валерьяна Дерлеги и Януша Гжелака (Derlega and Grzelak, 1979), оно может быть средством:

- спонтанной эмоциональной разрядки и катарсиса;
- самопознания, прояснения собственных чувств и позиций;
- получения социального одобрения, подкрепления со стороны другого;
- развития и укрепления личных отношений;
- социального влияния и воздействия на других (вызвать жалость ради получения каких-то выгод).

Немаловажен и ситуативный момент **своевременности** самораскрытия. Хотя в большинстве случаев откровенность воспринимается положительно, слишком полное или чересчур поспешное самораскрытие, не соответствующее стадии развития взаимоотношений или не учитывающее состояния собеседника и приемлемого для него уровня диалога, воспринимается как нарушение границ интимности, бесстыдство или даже как попытка вторжения во внутренний мир Другого, что побуждает его замкнуться или вообще прервать данный контакт. Иными словами, в дружеском общении всегда необходим **такт**. Человек, навязывающий другому непрошеную интимность, легко может натолкнуться на отпор, как в лермонтовской эпиграмме «К* (из Шиллера)»:

Делись со мною тем, что знаешь,
И благодарен буду я.
Но ты мне душу предлагаешь:
На кой мне черт душа твоя!..

Лермонтов, 1983, т. 1, с. 117

Романтический культ полной душевной открытости, при всей ее привлекательности, чреват не меньшими психологическими трудностями, чем викторианская норма эмоциональной сдержанности и замкнутости. *Оптимальным* с точки зрения душевного здоровья личности является состояние, когда индивид сочетает высокий уровень искренности в отношениях с немногими близкими людьми со средним уровнем самораскрытия в отношениях с остальными. Герметичность, замкнутость, когда во внутренний мир не впускается никто, и слишком высокий уровень самораскрытия, когда у личности не остается ничего потаенного, как правило, свидетельствует о каких-то психологических затруднениях (Cozby, 1973).

Понимание, симпатия и эмпатия

Не менее чем самораскрытие сложна и проблема **понимания Другого**. Ученые подходили к ее осмыслению с разных сторон. В начале 1960-х гг. американский психолог Гордон Олпорт (Allport, 1964, р. 506–511) предложил список черт, облегчающих, по его мнению, личности адекватное восприятие и оценку других людей.

1. **Жизненный опыт**, общая зрелость. Взрослый человек может понять подростка, обратное же невозможно.
2. **Сходство** между оценивающим и оцениваемым субъектами.

3. **Интеллект.** Люди с более высоким умственным развитием способны лучше понять и оценить партнера, чем менее развитые.
4. **Сложность** собственных мыслительных процессов облегчает понимание чужого опыта.
5. **Знание самого себя** в какой-то степени предохраняет против стереотипных и формальных суждений о других.
6. **Социальная приспособленность и эмоциональная устойчивость.** Люди тревожные, с неустойчивой психикой склонны проецировать на других собственные качества.
7. **Созерцательность** характера позволяет воспринимать других дружелюбно, но «со стороны», более или менее беспристрастно.
8. **Эстетическая ориентация**, в отличие от практически-действенной, побуждающей человека стремиться не столько к пониманию другого, сколько к воздействию на него.
9. **Интрацептивность**, то есть впечатлительность, повышенная чувствительность к внутреннему миру, своему собственному и чужому. Поскольку это качество развито у женщин больше, чем у мужчин, некоторые считают, что женщины интуитивно точнее воспринимают и оценивают людей, чем мужчины.

Позднейшие исследования внесли существенные поправки в данную схему. Выяснилось, например, что интрацептивность и эстетическая ориентация нередко находятся в противоречии с интеллектуальными показателями. Группе ленинградских студентов предложили оценить в терминах «больше», «меньше» и «одинаково», насколько им самим и их однокурсникам свойственны такие черты, как интеллект и экстрапунитивность (склонность обвинять в своих трудностях и неудачах других, в отличие от интрапунитивности — самообвинительности), а затем высказанные суждения сравнили с объективными тестовыми показателями испытуемых. Результат оказался парадоксальным: студенты с меньшей интеллектуальной продуктивностью оценивают себя и других более адекватно, чем те, у кого уровень интеллекта выше! (Магун, 1977).

Может быть, это объясняется разной направленностью интересов: люди, более внимательные к своим и чужим переживаниям, меньше включены в предметную деятельность, и это снижает их интеллектуальные показатели? Или познание человека в большей мере зависит от эмоциональных свойств личности, нежели от формальных свойств ее интеллекта? Не рискуя делать смелые обобщения,

подобные олпортовским, современная психология не дает ответа на эти вопросы.

Впрочем, умение разбираться в людях, основанное на отчужденно-исследовательском к ним отношении, нужнее судье или психиатру, чем другу. Объективности мы ждем от посторонних, с которыми нас связывают преимущественно деловые отношения. В дружбе больше ценится сочувствующее понимание, готовность принять другого целиком, даже с его недостатками («Какой он мне друг, если он меня судит?»).

По образному определению немецкого философа Карла Ясперса, дружеская коммуникация — это «битва за безграничную искренность», в ходе которой субъект открывается Другому и одновременно — самому себе. Это отношение принципиально субъективно и закрыто для посторонних.

Как писал М. М. Пришвин, «гигиена любви состоит в том, чтобы не смотреть на друга никогда со стороны и никогда не судить о нем вместе с кем-то другим» (Пришвин, 1969, с. 167). Это — прямая противоположность принципу объективного познания, предполагающего отстранение и анализ.

Субъективная реальность человеческого Я не может быть полностью объективирована в предметной деятельности. Она обязательно предполагает общение с каким-то реальным или воображаемым Ты. Чем сложнее и многограннее личность, тем сильнее ее потребность в такой встрече и тем специфичнее средства этой коммуникации. Человек не может ни осмыслить, ни даже прочувствовать свою внутреннюю жизнь иначе, как через Других, близких ему людей, общение с которыми или страх утраты которых открывает ему смысл и ценность собственного бытия.

Психологи давно уже заметили, что в повседневной жизни все люди применяют своеобразный «двойной стандарт». Поведение чужих, посторонних «Они» обычно объясняется «объективно» — логикой внешних обстоятельств, социальными факторами (роль, общественное положение), общими законами психологии или свойствами характера этих людей. Напротив, говоря о самих себе или о своих близких, воспринимаемых как «Мы», люди чаще апеллируют к внутренним, субъективным состояниям и мотивам, логика которых может быть понята только «изнутри». Выражение «Поймите меня!» означает: «Станьте на *мою* точку зрения, посмотрите на вещи *моими* глазами».

Проблема соотношения объективирующего *объяснения* и субъективирующего *понимания издавна* занимает важное место в философии и науках о человеке. «Объясняя» человека, мы *сводим* его индивидуальность к каким-то физиологическим или социальным предпосылкам или *подводим* ее под некоторую общую норму. «Понимание», напротив, признает внутренний мир *автономной* реальностью, *выводя* из него постулаты и свойства личности.

Несколько огрубляя вопрос, можно сказать, что прообразом объяснения служит отношение «Я — вещь» или «Я — Другой», в котором другой человек берется не в качестве Лица, а в качестве объекта, тогда как прообразом понимания является отношение «Я — Ты», участники которого ведут между собой *диалог*. Понимание Другого здесь совпадает с самопознанием и предполагает симпатию.

Переживаемая реальность внутреннего мира личности, раскрывающаяся в общении с другим лицом, не может быть адекватно выражена в понятиях. Смысл всегда богаче своей материализации в словах. Недаром говорится, что «мысль изреченная есть ложь». Чем интимнее отношение, тем больше в нем значит **эмоциональный контакт**.

В любом развитом языке имеется ряд понятий, обозначающих различные оттенки душевной близости, общности, совместности переживаний и чувств: со-переживание, со-чувствие, со-страдание. Все они описывают процесс, когда один человек не просто «расшифровывает» эмоциональное состояние другого, но как бы сам настраивается на чужую волну, растворяется в другом и воспроизводит его переживания в себе.

В этом процессе очень много нюансов и оттенков. Немецкий философ Макс Шелер в книге «Сущность и формы симпатии» (Scheler, 1948) различал:

- 1) «совместное чувствование», обусловленное общностью переживаний;
- 2) эмоциональное заражение (например, в возбужденной толпе);
- 3) идиопатическую идентификацию, уподобление Другого себе, психологическое растворение его в собственном Я;
- 4) гетеропатическую идентификацию, саморастворение Я в Другом, стремление жить отраженной жизнью другого;
- 5) взаимное слияние, когда границы между двумя Я стираются и люди чувствуют себя в буквальном смысле слова единым существом (например, в момент любовного экстаза).

Собственно симпатия, по Шелеру, — это состояние эмоциональной близости к Другому при сохранении чувства психологической дистанции: симпатизируя другому, человек вместе с тем сознает различие своей и его индивидуальности.

Расчленить столь тонкие нюансы эмоциональных переживаний в эксперименте невозможно. Однако психологи интенсивно изучают явление эмпатии (вчувствования). Первоначально термин «эмпатия» обозначал момент эстетического восприятия, когда субъект настолько поглощен созерцанием прекрасного, что как бы сливается с произведением искусства, теряя ощущение своей отдельности. После того как это явление стало предметом специальных исследований, этот термин получил многозначное толкование (Гаврилова, 1975; Davis, 1996; Hakansson and Montgomery, 2003).

Одни авторы называют эмпатией непосредственный эмоциональный отклик индивида на переживания или экспрессивные знаки другого лица, возникающий независимо и до осознания источника и смысла таких переживаний. Например, вид плачущего человека вызывает непроизвольное сочувствие или, во всяком случае, эмоциональный дискомфорт, даже если мы ничего не знаем о причине слез.

Другие психологи сближают эмпатию с «пониманием». При этом одни считают понимание аспектом эмпатии, тогда как другие видят в эмпатии эмоциональный компонент понимания (Davis, 1996). Спорным остается и вопрос о том, как эмпатические переживания связаны со свойствами субъекта, *empathizer'a*, и объекта, «мишени» эмпатии, перспективы которых не совпадают. Эмпатия — не только внутриличностный, но и межличностный феномен (Hakansson and Montgomery, 2003).

Усложнилось в последние годы и понятие **интимности**. В обиходной речи «интимными» чаще всего называют сексуальные отношения, но это слово имеет гораздо более широкий круг значений. Социологи, говоря о «трансформации интимности» (Giddens, 1992), имеют в виду прежде всего культурно-исторические процессы, изменения в системе ценностей. Психологов же (Prager, 1995) интересует преимущественно операционализация понятий, возможность эмпирического различения таких явлений, как интеракции и отношения, поведение и переживание и т. п., и то, как разные аспекты и компоненты интимности проявляется в разных типах взаимоотношений, например в любви и дружбе.

Спор идет не просто об определениях. Психология вплотную подошла к изучению самых тонких и сложных процессов межличностного общения, которые раньше были исключительным достоянием

искусства. Общий пафос существующих подходов состоит в том, что личность и ее отношения несводимы к элементарным психическим процессам; они имеют свой субъективный, личностный смысл. Говоря философским языком, человеческую «субъективность можно разглядеть только под ее же углом зрения, приобщившись к ней как к аналогу, подобию собственного способа деятельности» (Иванов, 1977, с. 87).

Экспериментальная наука имеет дело с «данностями», которые могут быть взвешены, измерены, разложены на элементы. Мир человеческих чувств и отношений плохо поддается таким операциям. «Человек никогда не совпадает с самим собой. К нему нельзя применить формулу тождества: *А есть А*. По художественной мысли Достоевского, подлинная жизнь личности совершается как бы в точке этого несовпадения человека с самим собою, в точке выхода его за пределы всего, что он есть как вещное бытие, которое можно подсмотреть, определить и предсказать помимо его воли, «заочно». Подлинная жизнь личности доступна только *диалогическому* проникновению в нее, которому она сама ответно и свободно раскрывает себя» (Бахтин, 1963, с. 79).

«Вопрос задается здесь познающим не себе самому и не третьему в присутствии мертвой вещи, а самому познаваемому. Критерий здесь не точность, а глубина проникновения» (Бахтин, 1979, с. 409). Поэтому здесь нет и не может быть однозначных, окончательных ответов.

Дружба — живой, постоянно развивающийся диалог, столь же неповторимый и единственный, как участвующие в нем лица. Сущность такого взаимного «приручения» прекрасно описал в «Маленьком принце» Антуан де Сент-Экзюпери:

«Ты для меня пока всего лишь маленький мальчик, точно такой же, как сто тысяч других мальчиков, — сказал Лис. — И ты мне не нужен. И я тебе тоже не нужен. Я для тебя всего только лисица, точно такая же, как сто тысяч других лисиц. Но если ты меня приручишь, мы станем нужны друг другу. Ты будешь для меня единственный в целом свете. И я буду для тебя один в целом свете...» (Сент-Экзюпери, 1964, с. 492).

Утверждение единственности, несравненности друга равносильно признанию его **абсолютной ценности**. Именно в этом заключается одновременно **нравственный императив** и **психологическая ценность дружбы**. Но на разных стадиях жизненного пути эта ценность осознается и переживается по-разному.

8. Детские дружбы

...Потребность в человеке рождается с желанием найти для себя в другом человеке источник радости, отдавая что-то свое.

В. А. Сухомлинский

Как же формируется потребность и способность к дружбе в процессе развития ребенка? Как меняются свойства дружеских отношений с возрастом и какую роль они играют в процессе становления и развития личности? Хотя эти вопросы имеют важное практически-педагогическое значение, изучение общения и дружбы маленьких детей очень долго недооценивалось психологами.

Психоаналитическая теория мало интересовалась общением ребенка со сверстниками, потому что ее внимание было приковано к взаимоотношениям ребенка с матерью. Когнитивная психология (Ж. Пиаже), изучая главным образом развитие детского интеллекта, также придавала контактам ребенка со взрослыми большее значение, чем со сверстниками. Та же картина до 1970-х гг. наблюдалась и в отечественной психологии (Лисина, 1978, с. 268).

Между тем коммуникативные навыки и соответствующие свойства личности ребенка формируются в общении не только с родителями и другими взрослыми, но и со сверстниками. Чем яснее мы осознаем, что ребенок не пассивный объект нашего воздействия, а *субъект* развития, тем важнее представляется общение ребенка со сверстниками, в ходе которого формируются эмоциональная восприимчивость, самосознание и навыки межличностной кооперации. Отсюда — рост интереса к психологии детского общения, включая дружбу (Рван и Коломинский, 2000; Foot, Chapman and Smith, 1980; Rabin, 1980; Youniss, 1980; Asher & Gottman, 1981; La Gaipa, 1981).

Параметры и аспекты

Генезис дружеских привязанностей ребенка имеет ряд относительно автономных параметров.

1. **Поведенческие** характеристики дружбы: круг людей, из которых выбираются друзья, уровень селективности такого отбора; преоб-

ладающие формы общения (диады, триады или многолюдные компании); степень устойчивости таких образований и т. д.

2. **Когнитивные** аспекты дружбы: представления о дружбе, характерные для данного возраста; термины, в которых описываются друзья и взаимоотношения с ними; уровень взаимопонимания, доступный на данном этапе развития, и т. п.
3. **Эмоциональные** аспекты дружбы: характерная для данного возраста тональность дружеских отношений; уровень развития эмпатии и т. д.
4. **Коммуникативные** аспекты дружбы: уровень межличностной компетенции индивида; доступный ему спектр ролевого взаимодействия и соответствующие коммуникативные навыки (умение заводить знакомство, переходить от низших уровней общения к высшим и т. д.).
5. **Ценностно-нормативные** аспекты дружбы, связанные с развитием самосознания: тип личностных потребностей, удовлетворяемых дружбой; характер основных «личностных конструкторов»; нравственный кодекс и основные ценности дружбы.

В современной психологии развития детская дружба рассматривается либо как аспект, функция и показатель индивидуального развития ребенка, либо в контексте развития групповых, коллективных отношений, либо в русле сравнительных исследований, основанных на наблюдении за функционированием детских и юношеских групп, компаний и пар *в естественных условиях*. При этом у одних авторов на первый план выходит эволюция детских **понятий, языка и образов** дружбы, у других — динамика нормативных **ожиданий и требований**, предъявляемых к друзьям, у третьих — место дружбы в системе групповых взаимоотношений (общество сверстников), у четвертых — положение друзей в иерархии **значимых других** (родителей, учителей и т. д.), на которых ориентируются дети разного возраста.

В связи с увеличением количества исследований в последние годы психологи разработали новые, более обобщенные и автономные параметры, по которым можно количественно и качественно сравнивать общение и дружбу детей разных возрастов (Hartup, 1996, Hartup, 2004).

- **Наличие друзей** или их отсутствие позволяет оценить положение ребенка среди сверстников, уровень его общительности, сравнить лидеров и аутсайдеров, а также выявить характерный для него коммуникативный стиль.

- **Идентичность друзей**, с кем ребенок дружит, позволяет представить соотношение социально-демографических и индивидуально-психологических, личностных сходств между друзьями, определить степень и критерии селективности в выборе друзей и скрытые за ними социальные и психические потребности.
- **Качество дружбы**, то есть содержание дружеских отношений, позволяет отличить поверхностные поведенческие проявления дружбы от более глубоких мотивационных структур. При этом возникают новые параметры для сравнительного анализа.
- В связи с изучением «темных сторон дружбы» внимание ученых привлекает и такое явление, как **вражда**: почему и по каким психологическим законам возникают и поддерживаются взаимные **антипатии**, каково их влияние на групповую жизнь и психологическое развитие личности ребенка и т. д. (Hartup & Abecassis, 2002; Abecassis, Hartup, Haselager et al., 2002).

У истоков детских привязанностей

Потребность в общении и эмоциональном контакте, составляющая психофизиологическую основу дружбы, появляется у младенца с первых дней его жизни. Как указывал еще Л. С. Выготский, любая потребность младенца неизбежно становится потребностью в другом человеке. Уже на 2–3-м месяце жизни ребенок эмоционально реагирует на приближение к нему взрослого — смеется, издает какие-то звуки и т. д. Еще через 2–3 месяца эта реакция становится избирательней: он отличает «своих» людей от «чужих» и по-разному реагирует на них.

Первый партнер и объект эмоциональной привязанности ребенка, естественно, взрослый, особенно мать. Однако общение с другими детьми также играет немаловажную роль в формировании личности ребенка (Развитие общения у дошкольников, 1974; Лисина, 1978; Lewis and Rosenblum, 1975).

Детские поведенческие реакции на взрослых и сверстников рано дифференцируются. Уже новорожденные выделяют плач другого младенца из числа прочих раздражителей: проигрывание магнитофонной записи детского плача произвольно вызывает у младенца ответный плач. На первом году жизни формируются лишь отдельные элементы того, что в дальнейшем можно будет назвать социальным поведением. Сначала младенец просто смотрит на сверстника, в 3–4 месяца он уже тянется к нему, прикасается; у 6-месячных детей

сверстник может вызывать обращенную к нему улыбку и определенные формы вокализации; годовалые дети уже могут предлагать и брать у сверстника игрушки, улыбаться и подражать друг другу. Однако от изолированных действий по отношению к сверстнику до социального взаимодействия с ним — дистанция огромного размера.

Хотя дети моложе 2 лет еще не умеют взаимодействовать друг с другом и их контакты состоят главным образом в столкновениях из-за игрушек, они уже проявляют интерес друг к другу. Это подтверждает следующий эксперимент (Bronson, 1975). В лабораторию, где было много игрушек, собирали матерей с детьми от года до полутора лет (по 4 на 1 сеанс) и предоставляли малышам свободу действий. Ребенок мог оставаться со своей матерью или тянуться к другому взрослому или ребенку. Хотя предпочитаемым партнером по физическому контакту оставалась для ребенка мать, смотрели малыши значительно чаще на сверстников; обмен игрушками (предлагали свои или брали чужие игрушки) также происходил преимущественно со сверстниками. Тем не менее большинство контактов между годовалыми-полуторагодовальными детьми выглядят эмоционально нейтральными. Положительные эмоции, выраженные в улыбках и смехе и придающие взаимодействию детей игровой характер, появляются в среднем между полутора и двумя годами.

Полутора-двухгодовалые дети явно отличают детей от взрослых и по-разному относятся к ним. Незнакомые взрослые чаще вызывают у них страх и смущение, а знакомые ровесники — интерес и положительные эмоции. Дети охотнее делятся игрушками со сверстником, чем со взрослым, а со знакомым ребенком — скорее, чем с неизвестным (Kagan, Kearsley and Zelazo, 1975). По-видимому, уже на втором году жизни ребенок вырабатывает какую-то когнитивную схему собственного Я, на основании которой он устанавливает свое сходство с другими детьми, что стимулирует его к общению с ними.

Первые контакты между детьми еще весьма примитивны. Американские психологи Эдуард Мюллер и Томас Люкас (Mueller & Lucas 1975) различают в их развитии 3 стадии. Сначала в центре таких отношений находится какой-то **объект** (например, игрушка). Завладев им, ребенок может вообще забыть о партнере, с которым у него еще нет подлинного взаимодействия. На этой стадии дети просто подражают друг другу, чередуя свои действия. Затем возникает **случайный обмен действиями**: ребенок уже активно ищет контакта с партнером, реагирует на него и провоцирует его реакции, но этот обмен остается неупорядоченным, в нем нет строгой ролевой дополнительности. Лишь на 3-й стадии возникает собственно **взаимодействие**, то

есть **обмен поступками**, когда внимание ребенка сосредоточено не только на объекте или партнере, а и на самом **процессе деятельности**. Это предполагает взаимность и дополнительность реакций: не простое подражание другому, а осмысленный обмен жестами, игрушками, принятие определенных ролей и т. д.

Одновременно интенсифицируется речевое общение. Хотя речевой контакт между детьми отнюдь не заменяет взрослого как основного учителя языка, он имеет, по-видимому, самостоятельное значение в формировании речевой культуры и коммуникативных навыков ребенка.

Как ни элементарны младенческие контакты со сверстниками, ребенок в них значительно более активен и самостоятелен, чем в отношениях со взрослыми.

Общение детей моложе 2 лет доступно только внешнему наблюдению; о нем судят лишь по тому, насколько часто младенцы приближаются или прикасаются друг к другу, обмениваются игрушками и т. п. Изучая детей детсадовского возраста (3–7 лет), уже можно сопоставить данные прямого наблюдения с результатами социометрических методов и некоторых тестов, тем самым зафиксировать сдвиги не только в **структуре** общения, но и в его **мотивации**.

Правда, социометрическое исследование подразумевает конкретную деятельность или роль и не обязательно распространяется на другие взаимоотношения. Кроме того, популярность как одна из характеристик, фиксируемых во многих социометрических исследованиях, вовсе не синоним коммуникативного благополучия. Ребенок, как и взрослый, может быть популярен и тем не менее иметь мало близких друзей, и наоборот. Популярность и «отверженность» часто обусловлены разными причинами, причем неблагоприятное положение (изоляция или отверженность) в коллективе значительно более устойчиво и имеет долговременные психологические последствия. Наконец, для многих детей, как и для взрослых, *качественное* содержание дружеских отношений, зависящее от субъективных критериев, важнее, чем количество друзей.

Социально-возрастные особенности дружбы

Прежде всего происходит дифференциация круга общения и индивидуализация выбора друзей.

Двухлетки и трехлетки еще не умеют согласовывать свое поведение. Их игровые группы, если они не поддерживаются взрослыми, легко разрушаются; их привязанности, хотя и избирательны, обуслов-

лены случайными, временными обстоятельствами, а мотивы связаны с какими-то единичными поступками, затрагивающими личные интересы ребенка, скажем такого типа: «Мне больше всех нравится Вова. Он мне дал колесо». Если Вова заберет свое колесо, отношение к нему может измениться. Однако недостаток коммуникативных навыков, который особенно проявляется при групповом взаимодействии, предполагающем согласованность действий нескольких детей, не исключает даже у самых маленьких сильных эмоциональных привязанностей. Разлука с друзьями часто вызывает у малышей плохое настроение, грусть, растерянность, поиски потерянного друга. Эмоциональные компоненты аттракции явно опережают умственное развитие ребенка.

У 4–6-летних детей появляется **осознанная потребность** в обществе именно сверстников, которых уже не заменяют ни взрослые, ни игрушки. Характерен ответ 6-летнего мальчика на предложение матери заменить собой отсутствующих товарищей: «Мне надо ребенок, а ты не ребенок».

Вместе с расширением круга общения ребенка растет его **избирательность**. Л. В. Артемова, наблюдавшая общение 128 детей от 3 до 7 лет в нескольких детских садах Киева, выявила, что уже на 4-м году жизни у них отчетливо выражено наличие двух кругов общения: более узкого и более широкого, причем большую часть времени дети проводят в более узком кругу сверстников (Артемова, 1970).

Симпатии и антипатии становятся осмысленнее и устойчивее, а их мотивы — более обобщенными. Так, если у младших дошкольников эгоцентрические мотивы (типа «Он мне нравится, потому что угощает меня конфетами») составляют 87% всех ответов, то у старших их доля снижается до 39% (Кульчицкая, 1970). На первый план выступают мотивы, включающие в себя элементы ценностно-нормативных характеристик (типа «Мне нравится Витя, он никогда не бьет детей», «Я буду играть со Светой, она всегда хорошо отвечает на заданиях и все знает»). Хотя эти мотивы явно подсказаны взрослыми, они гораздо обобщеннее первых и менее эгоцентричны.

Принцип «давать и получать» в широком смысле слова (психологи называют это «симметричная взаимность») представлен у детей всех возрастов. Однако дошкольники обычно описывают свои взаимоотношения в терминах конкретных взаимодействий («мы играем»), ученики начальной школы чаще делают это в терминах верности, надежности и проводимого совместно времени, а у младших подростков к этому присоединяется мотив симпатии, самораскрытия

и другие компоненты интимности. Понятия «совместности» и «взаимности» различаются.

Московские психологи Т. А. Репина и А. Ф. Горяинова изучали обоснование выбора 877 дошкольниками наиболее привлекательных для них сверстников по детсадовской группе и критерии их оценок «самых хороших» и «не очень хороших» детей. Оказалось, что в оценке дошкольником сверстника важнее всего те навыки и умения, которые обеспечивают ребенку успех в групповой деятельности (прежде всего в игровой), а также сам факт интересной совместной деятельности с данным сверстником (такие мотивы составили 74% всех ответов). На втором месте стоят нравственные качества (20%) и на третьем — внешняя привлекательность (6%). Младшие дошкольники (3–5 лет) чаще, чем старшие, обосновывали свой выбор внешней привлекательностью сверстника и его успехами в выполнении режимных моментов (аккуратность, дисциплинированность). С возрастом у ребенка развивается способность оценивать нравственные качества товарищей не только по отношению к себе, но и по отношению к другим, к коллективу в целом (число эгоцентрических мотивов уменьшается с 52 до 27%, а число «коллективистских» — увеличивается с 8 до 57%) (Репина, Горяинова, 1975).

Однако нужно учитывать, что **мотивировка**, то есть ретроспективное объяснение ребенком своего поведения и отношения к товарищам, не всегда точно отражает его реальные **мотивы**. При исследовании общения 45 дошкольников от 3 до 7 лет с тремя сверстниками, один из которых удовлетворял потребность детей в доброжелательном внимании, второй — потребность в игровом сотрудничестве, а третий — в сопереживании, оказалось, что наибольшее предпочтение вызывает сверстник, проявляющий к нему доброжелательное внимание; программы игрового сотрудничества и сопереживания заняли соответственно второе и третье места (Смирнова, 1980). С возрастом избирательность привязанностей растет, освобождается от ситуативных воздействий и становится более устойчивой.

Нормативные ожидания и ценности дружбы

Характер общения ребенка во многом зависит от того, способен ли ребенок принять на себя роль другого и какую именно. Ребенку в возрасте 3–7 лет друг мыслится как наличный **игровой партнер**. В этот период отношения сильно зависят от территориальной близости; ребенок еще не умеет отличать точку зрения других детей от своей соб-

ственной, его отношение к сверстникам **эгоцентрично**. Следующая стадия (4–9 лет) характеризуется **односторонней помощью**: дети уже способны отличать чужие интересы от своих собственных, но еще не готовы признать необходимость обоюдного, равного обмена; ребенок ценит друзей за то, что они делают для него. Несколько позже (6–12 лет) дружбу понимают как **взаимовыгодную кооперацию**: дети осознают необходимость взаимопомощи, но придают собственным интересам большее значение, чем принципу взаимности. Далее (9–15 лет) на авансцену выходит потребность совместно переживать, **делиться сокровенным**; ребенок начинает смотреть на свои дружеские отношения с точки зрения третьего лица, понимая их как сотрудничество ради общих интересов и одновременно — как исключительное, всеобъемлющее отношение. Наконец, в подростковом возрасте (старше 12 лет) дружбу понимают как автономную **взаимозависимость**: подросток сознает, что не может удовлетворить в дружбе все свои эмоциональные и психологические запросы; поэтому друзьям дозволено устанавливать независимые отношения с третьими лицами, что делает участников дружеского союза одновременно зависимыми и автономными друг от друга (Selman, 1980).

Сходные тенденции проявляются в нормативных ожиданиях. Изучив требования, предъявляемые к друзьям детьми от 6 до 14 лет, канадские психологи выявили, что дружба проходит **три главные стадии развития** (Bigelow and La Gaipa, 1980). Сначала это **ситуативное отношение**, главными предпосылками которого являются общая деятельность, взаимная оценка и территориальная близость. Затем дружба приобретает **договорный характер**, когда на первый план выдвигаются соционормативные ценности, неукоснительное соблюдение правил дружбы и высокие требования к характеру друга. Наконец, на третьей, **«внутренне-психологической»** стадии первостепенное значение приобретают личностные черты и свойства — искренность, верность и способность к интимности.

Однако связь «стадий дружбы» с возрастом партнеров весьма условна. Как справедливо отмечает А. В. Мудрик, «возрастные типы общения» и их ценностно-смысловые доминанты сплошь и рядом пересекаются, накладываясь друг на друга (Мудрик, 1984).

Дружба и товарищество

Усложнение и индивидуализация общения продолжают в школьном возрасте. Организованная коллективная жизнь облегчает выработку коммуникативных навыков даже тем детям, которые раньше

их не имели. В то же время внутри организованных и направляемых взрослыми детских коллективов всегда складываются неформальные микрогруппы, основанные на личных симпатиях и общности интересов и значительно более устойчивые, чем у дошкольников.

Состав и структура таких микрогрупп с возрастом меняется. По наблюдениям киевского психолога А. В. Киричука и его сотрудников, среди первоклассников преобладают пары, во 2–3-м классе — группы из 3 и более сверстников. С 6-го класса начинается обратный процесс: в связи с ростом интимности общения число участников таких микрогрупп снова уменьшается (Киричук, 1970).

Усиливается с возрастом и процесс **психологического «расслоения»**, поляризация детей. А. В. Киричук разделил всех обследованных им детей в зависимости от числа полученных ими социометрических выборов на 5 групп. Большинство, естественно, сосредоточено в «средних» группах. Но наибольший, притом неуклонный рост с возрастом обнаружили как раз крайние группы — «звезды», которым оказывают предпочтение многие, и «отвергнутые», которых почти никто не выбирает. Такая поляризация, имеющая важные психологические последствия, отражает рост межличностной избирательности и одновременно структурной определенности детских коллективов (ср.: Реан, Коломинский, 2000, с. 139–221).

Растет с возрастом и устойчивость индивидуальных предпочтений. В рамках нашего исследования юношеской дружбы А. В. Мудрик (Мудрик, 1974) повторил, с некоторыми видоизменениями, эксперимент американских психологов (Horrocks & Buker, 1951; McKinney, 1968). Детям разного возраста (американские психологи обследовали детей от 5 до 18 лет, А. В. Мудрик — школьников с 1-го по 10-й класс) предлагалось назвать в порядке оказываемого предпочтения 3 своих лучших друзей, 3 любимых цвета, 3 вида спорта, 3 школьных предмета, 3 развлечения и т. д. Через некоторое время (в американском эксперименте через 2 недели, в советском — через 3 месяца) опыт повторялся, и ученые имели возможность высчитать коэффициент неустойчивости выбора. Выяснилось, что в целом устойчивость в выборе друзей, как и большинства других предпочтений, с возрастом повышается, хотя эта зависимость не является линейной.

Повышение устойчивости дружеского выбора и отношений, вероятно, объясняется более общим процессом стабилизации с возрастом предпочтений и интересов. Но это может быть связано также с большей осознанностью собственных эмоциональных состояний и вообще своего Я: ссора, разрушающая детскую дружбу, подростком может

быть оценена как несущественная. Меньше влияет и отсутствие непосредственных повседневных контактов с другом.

Канадские психологи (Leinhardt, 1972) в течение нескольких лет ежегодно социометрически изучали динамику детского выбора, начиная с младшей детсадовской группы (3-летки) и кончая шестиклассниками (11-летки). Каждый ребенок делал по три выбора, отвечая на вопросы: «С кем ты предпочел бы играть в помещении?», «С кем ты предпочел бы играть вне школьного здания?», «С кем ты предпочел бы сидеть рядом на уроке музыки?». Оказалось, что транзитивность (перенос) дружеских чувств с возрастом усиливается: положительное отношение к сверстнику в одной ситуации (например, выбор его партнером по игре) переносится и на другую ситуацию (он выбирается также соседом по парте). Это придает детским предпочтениям и возникающим на их основе микрогруппам большую структурную определенность, одновременно ограничивая число их участников.

Понимание и сопереживание

Возрастная динамика межличностных отношений и их мотивов зависит также от умственного развития ребенка. Люди часто умиляются тому, как чутко улавливают настроение окружающих, плачут или смеются вместе с ними маленькие дети. Однако большей частью здесь проявляются элементарные механизмы психического заражения или подражания, от которых до сопереживания — дистанция огромного размера. Из-за ограниченности своего жизненного и познавательного опыта маленький ребенок еще не способен поставить себя на место другого. Он не столько входит в положение другого, сколько просто приписывает другому свои собственные мотивы.

Американский психолог Альфред Болдуин (Baldwin, 1969) создавал конфликтные ситуации, где дошкольники должны были оценивать мотивы чужих поступков, последствия которых были, с точки зрения ребенка, отрицательными. Как правило, дети приписывали другим злой умысел, враждебные намерения по отношению к себе. Мысль, что кто-нибудь принимает решение соответственно своим собственным, а не его, ребенка, интересам (например, покупает не игрушку, а что-то другое), не укладывается в детском сознании. Другие люди и их переживания входят в жизненный мир ребенка лишь постольку, поскольку они так или иначе затрагивают его интересы.

Малыши легко «отталкивают» чужое страдание, отказываются досматривать до конца грустные пьесы, требуют, чтобы у книжки

обязательно был счастливый конец. К. И. Чуковский мудро заметил, что маленькие дети принимают близко к сердцу судьбу своих любимых сказочных персонажей не по доброте, а потому, что непосредственно отождествляют себя с ними (Чуковский, 1958, с. 135). Ребенок *не сочувствует* Другому, а, скорее, *чувствует себя* этим Другим. Это обстоятельство обусловлено тем, что психологи вслед за Ж. Пиаже называют эгоцентризмом детского мышления, имея в виду, что ребенок не в состоянии поставить себя на место другого, принять точку зрения (роль) другого человека. Такой детский эгоцентризм не следует отождествлять с эгоизмом, потому что собственное Я ребенка на этой стадии развития еще не осознано и не противопоставлено «другому».

Для понимания генезиса дружбы важно выявить природу альтруизма и соотношение его познавательных и эмоциональных компонентов. Долгое время многие психологи отрицали самостоятельное значение альтруистической мотивации, объясняя доброжелательность и готовность помочь другому в терминах эгоистического расчета (вспомним теории разумного эгоизма) или как результат социального научения, лишенный каких бы то ни было природных, филогенетических предпосылок.

В 1970-е гг. подход к проблеме изменился. Биологи и этологи, анализируя факты альтруистического поведения животных, пришли к заключению, что оно весьма существенно для выживания вида как целого. А психологи констатируют наличие у человека некоторых врожденных альтруистических реакций или их прообразов.

Простейшая такая реакция — так называемый **эмпатический дистресс** — есть непроизвольное реагирование на болезненные эмоциональные состояния другого. Рудиментарные формы его являются, по-видимому, врожденными (вспомним эксперименты с плачущими младенцами). Позже к ним присоединяется опыт, приобретенный в результате научения: зная, что такое боль, ребенок может сочувствовать другому. Элементарная параллельная аффективная реакция постепенно превращается в относительно осознанную, основанную на симпатии заботу об обиженном, которую американский психолог Мартин Хоффман назвал симпатическим дистрессом (Hoffman, 1978).

Симпатический дистресс нельзя свести к простым эгоистическим мотивам, направленным на получение чувственного удовлетворения, материальной выгоды или социального одобрения. Во-первых, он вызывается состоянием эмоционального расстройства не столько у себя, сколько у другого лица. Во-вторых, непосред-

венной целью вытекающего из него поведения является помощь другому, а не себе. В-третьих, получение эмоционального удовлетворения зависит в данном случае от действий, направленных на уменьшение страданий другого.

Развитие альтруистической мотивации имеет свои когнитивные предпосылки. Чтобы элементарный эмпатический дистресс перерос в осмысленную симпатию, а примитивная идентификация с другим — в понимание, ребенок должен предварительно достичь определенной ступени умственного развития и уровня самосознания. Тот же М. Хоффман выделяет 3 стадии этого процесса.

На первом этапе развития (около одного года) ребенок уже осознает других людей как отдельные физические сущности, но еще не осознает их психической автономии. Поэтому его эмоциональные реакции на переживания другого не могут быть дифференцированными. Желая помочь другому, ребенок автоматически исходит из того, что переживания другого тождественны его собственным. Для того чтобы утешить печального взрослого, полуторагодовалый ребенок предлагает ему свою любимую игрушку. Годовалый ребенок зовет на помощь плачущему сверстнику свою мать, хотя мать его друга присутствует тут же, и т. п. Тем не менее здесь уже налицо определенное чувство заботы о другом, а не только о себе.

На второй стадии (примерно с 2–3 лет) ребенок уже начинает сознавать, что другие люди имеют свои внутренние состояния и настроения, отличные от его собственных. Это повышает интерес ребенка к другому человеку как таковому, дифференцируя детские эмоциональные реакции. Но ребенок этого возраста еще не умеет вычленил ни свои, ни чужие переживания из той ситуации, в которой они проявляются и воспринимаются. Поэтому его сочувствие является краткосрочным, ограничено непосредственным моментом.

Лишь на 3-м этапе (между 6 и 9 годами) ребенок начинает осознавать, что другие люди, как и он сам, имеют устойчивые, не зависящие от ситуации характеры и убеждения и что их непосредственные переживания можно понять только в контексте их более широкого жизненного мира. Это открывает возможность синтеза непосредственной реакции на эмоциональное состояние другого человека с осознанным представлением о нем как о личности, что составляет необходимое условие понимания.

Способность ребенка воспринимать и оценивать других людей претерпевает особенно быстрые сдвиги между 7 и 10 годами, когда он научается делать заключения относительно мыслей, чувств, лич-

ностных качеств и общих поведенческих склонностей других людей. Позже, в 12–16 лет, на этой основе складываются обобщенные модели и представления (психологи называют их **имплицитной теорией личности**). Происходит закономерный переход от восприятия и оценки человека в поведенческих терминах к пониманию его внутренних психических состояний, а затем — к пониманию единства личности (Livesley & Bromley, 1973; Peevers & Secord, 1973; Barenboim, 1977).

Параллельно этому меняются детские представления о дружбе и самый характер дружеских отношений. Замечено, что дети вообще описывают симпатичных им сверстников детальнее, используя больший набор характеристик, чем описывая тех, кого они не любят. О нелюбимом сверстнике достаточно сказать «Он подлый», тогда как симпатичному человеку характеристики даются с известной долей обоснования. В этом смысле дружба служит своеобразной школой человековедения в отличие от вражды, которая может довольствоваться немногими стереотипами.

Систематическое изучение детских описаний («языка») дружбы позволяет выявить возрастные сдвиги как в ее моральном кодексе (какие нравственные требования к ней предъявляются), так и в ее содержании (насколько психологично это отношение).

Московский психолог Р. Д. Тригер проанализировала 799 сочинений на тему «Мой друг», написанных по единому плану школьниками 3–6-х классов. Наибольшую динамику с возрастом обнаружили требования к общности внутренней жизни (с 1,2% суждений в 3-м до 11,7% в 6-м классе). При ухудшении взаимоотношений с другом третьеклассники ссылаются на отсутствие сочувствия и понимания в 2,5% случаев, у шестиклассников же эта цифра вырастает втрое, хотя этот мотив все еще в 10 раз менее значим, чем невыполнение неписаного «кодекса товарищества».

Это вполне совпадает с данными канадских психологов. Интенсивное дружеское общение — не только внутренняя потребность ребенка, но и школа его нравственного развития. Дружба не просто обогащает жизненный опыт и самосознание ребенка, но и побуждает его заботиться о другом, искать совместности переживаний и т. д. С возрастом (от 6 до 14 лет) альтруистические мотивы дружбы заметно усиливаются (Youniss, 1980). Уже у старших дошкольников наряду с прагматическим стилем общения, основанным на принципе обмена («добро — за добро, зло — за зло»), имеются элементы альтруистического стиля, когда дети бескорыстно удовлетворяют потребности

другого человека, добровольно отказываясь от вознаграждения (Субботский, 1981).

Одна из предпосылок альтруистического стиля отношений — достаточно высокая степень независимости ребенка. Хотя альтруистические нормы внушаются в качестве желательных с раннего детства, их выполнение не поддается жесткому внешнему контролю и не сопровождается немедленным «воздаянием». Самостоятельность и независимое поведение у детей сначала проявляются по отношению к равным, сверстникам, и лишь затем — к взрослым, которые задают ребенку правила поведения, требуют послушания и т. п. Таким образом, мы снова, уже в который раз, убеждаемся во взаимосвязи дружбы и нравственного сознания.

Однако дети разные и развиваются они тоже по-разному. И развитие это не всегда безоблачно. Оценивая жизненный мир ребенка по нормативным канонам своего мира, взрослые часто упрощают, идеализируют и одновременно примитивизируют детство, втискивая его «в мундир душевной ясности и беззаботности» (Корчак, 1980, с. 54). Между тем даже во многих благополучных семьях дети нередко чувствуют себя одинокими и заброшенными. Художественная и автобиографическая литература описывает это точнее, чем «среднеарифметические» показатели «научной» психологии.

«Детские несчастья — особый род одиссеи. Их печаль, тонкость, неожиданная мрачность, страхи, а рядом: железные законы “больших”, покачивающиеся где-то в неизмеримой высоте со всей своей почти божественной непостижимостью... Тут же рядом — шалость, трепещущая фантазия (которая все просится на волю), а на шаг еще дальше — какие-то жуткие срывы, чуть ли не пропасти», — пишет тонкий знаток детской психологии писатель Сергей Бобров (Бобров, 1966, с. 217–218).

А вот признание английского философа Бертрانا Рассела: «Все мое детство я испытывал растущее чувство одиночества и отчаяния: встречу ли когда-нибудь человека, с которым мог бы говорить. Природа и книги, и позже математика спасли меня от полной безнадежности...» (Russel, 1967, p. 30). Эти индивидуальные случаи не так уж исключительны. Истинные мысли и чувства ребенка, писал польский педагог Януш Корчак, «затеряны среди перенятых им у взрослых слов и форм, которыми он пользуется, вкладывая в них совершенно иное, собственное содержание» (Корчак, 1980, с. 27).

Поэтому не стоит излишне увлекаться «стадиальными» моделями дружбы, жестко привязанными к тому или иному хронологиче-

скому возрасту, и данными массовых опросов, результаты которых зависят от множества случайных обстоятельств. «Детская», «подростковая» и «юношеская» дружба, конечно, отличаются друг от друга, но не больше, чем отличаются друг от друга разные индивиды.

Психологические функции детской дружбы

До сих пор я говорил преимущественно о том, *что* влияет на детскую дружбу и каковы ее психологические свойства. А *как* она сама влияет на психическое состояние и личность ребенка? Психологические исследования показывают, что роль дружбы в формировании личности ребенка исключительно велика. При этом нужно разграничить несколько факторов.

Первый фактор — **наличие друзей**. Как мы видели, друзья появляются в жизни ребенка очень рано. Уже ползунки часто обнаруживают четко выраженные индивидуальные предпочтения. Слово «друг» появляется в детском словаре на 3-м или 4-м году жизни. По разным данным, около $\frac{3}{4}$ воспитанников детских садов имеют более или менее определенных друзей. У тинейджеров доля имеющих друзей возрастает до 80–90%, причем в числе друзей обычно выделяются один или два «лучших друга» и несколько «близких» или «хороших» друзей (Hartup, Stevens, 1997).

Если у дошкольников **круг дружеского общения** невелик (в среднем 1,7 друзей у мальчиков и 0,9 — у девочек), то у школьников он расширяется до 3–5 «лучших друзей» и остается относительно стабильным до окончания школы (Hallinan, 1980). Впрочем, эти данные трудно сравнивать, потому что они не учитывают качественных характеристик отношений.

Продолжительность отношений с друзьями с возрастом увеличивается, причем дети, которые имеют друзей в одном возрасте, большей частью имеют их и в более старшем возрасте.

Мета-анализ основных исследований детских и подростковых дружб (Newcomb, Bagwell, 1995) показывает, что дружеские отношения качественно отличаются от отношений между детьми, не связанными узами дружбы. Дружеские отношения выглядят **более положительными** (больше разговоров, улыбок и смеха), имеют другие **механизмы разрешения конфликтов** (друзья чаще прибегают к переговорам, чем к навязыванию своих решений силой), в них больше предметной активности (ориентация на совместную деятельность и решение задач) и иные **свойства взаимоотношений** (больше равенства

и взаимности). Иными словами, отношения с близкими друзьями качественно отличаются от отношений с простыми «знакомыми», и эта разница увеличивается с возрастом.

Дружба благотворно влияет на развитие личности. Установлено, что наличие друзей положительно коррелирует с целым рядом психических качеств. Дети, имеющие друзей, более общительны, готовы к сотрудничеству, альтруистичны, уверены в себе и значительно менее одиноки, чем те, у кого друзей нет (Newcomb, Bagwell, 1995; Hartup, 1996). Направление причинно-следственных связей нам часто неизвестно, но можно предполагать, что здесь присутствует взаимозависимость. Лонгитюдных исследований данной проблемы мало, но они показывают, что уже простое «наличие друзей» в детском возрасте является самым надежным фактором, позволяющим предсказать высокий уровень самоуважения, положительные семейные установки и отсутствие депрессии в юности. Некоторые исследования показывают, что отвержение сверстниками в раннем подростковом возрасте точнее предсказывает уровень социальной компетентности (от агрессивности до социальной самоизоляции) молодого взрослого, чем его статус в отношениях с друзьями (Hartup, Stevens, 1997).

Вместе с тем влияние дружбы на развитие личности ребенка зависит от того, *с кем он дружит*. Друзья повышают социальную компетентность ребенка только в том случае, если они сами социально компетентны. То же самое установлено относительно таких черт, как социальная приспособленность и психологическая гибкость. Связь с антисоциальными друзьями усиливает антисоциальное поведение ребенка больше, чем общение с неагрессивными друзьями, особенно если ребенок сам агрессивен и отвергнут сверстниками. Многие зависят от характера взаимодействия в рамках дружеской диады или триады. Например, агрессивные мальчики и их друзья создают больше стимулов для нарушения каких-то правил и возникновения конфликтов, чем неагрессивные мальчики и их друзья. Неагрессивные друзья проявляют больше положительной вовлеченности в решение содержательных задач и большую кооперативность во взаимодействии друг с другом, чем агрессивные мальчики и их друзья (Hartup, 2004).

Очень существенны также *свойства самих дружеских отношений*, строясь они на основе сотрудничества и взаимной поддержки или являются конфликтными и авторитарными. Дружеская поддержка и гармония способствуют хорошей социальной адаптации, общительности, вовлеченности в общественные дела, популярности, хоро-

шей общественной репутации и самоуважению, а также избеганию агрессии (Hartup, Abecassis, 2002). Более дифференцированные исследования показывают, что «просоциальные дружбы» статистически связаны со школьными достижениями и популярностью среди одноклассников, «антисоциальные дружбы» — с отвержением сверстниками и делинквентностью, а «социально-изолированные дружбы» — с тревожностью, пониженным самоуважением, депрессией и отвержением со стороны сверстников.

Свойства дружбы влияют на ребенка лишь в определенном *социальном и психологическом контекстах*. Например, при каких-то драматических событиях в школе (вроде перехода в другой класс) поддержка со стороны друга усиливает общительность ребенка, помогает ему выработать более положительное отношение к одноклассникам и стать у них популярнее, но лишь в том случае, если его дружеские отношения устойчивы.

То же самое можно сказать и об антисоциальном поведении. Абстрактные жалобы родителей на вредное влияние «плохих друзей» часто свидетельствуют лишь о том, что эти родители плохо знают, с кем и как общается их чадо. Кстати, судя по московским социологическим данным, современные родители избегают прямой конфронтации с друзьями своих детей. Большинство родителей не запрещают подросткам приводить своих друзей в дом, запретов на общение с друзьями мало, а более образованные родители представляют детям больше свободы, чем менее образованные (Проблемы толерантности в подростковой субкультуре, 2003). Но простой терпимости недостаточно, друзей своих детей желательно хорошо знать.

Как и у взрослых, детская дружба формируется в противоположность вражде. Применительно к детям слово «враг», предполагающее резко выраженную враждебность и недоброжелательность, возможно, слишком сильно. Яркие чувства вражды и ненависти испытывают не все люди. Чаще речь идет о неприязни, об односторонних или взаимных антипатиях, когда дети «не любят» и избегают друг друга. Самое большое психологическое исследование детских и подростковых антипатий, объектом которого были 2348 детей (средний возраст 11 лет) и 2768 подростков (средний возраст 14 лет 9 месяцев), было осуществлено в Нидерландах (Abecassis, Hartup, Haselager et al., 2002).

Причины возникновения и формы проявления детских антипатий весьма многообразны — от простого отсутствия общих интересов до жестокого соперничества. Устойчивость детских антипатий,

как и дружб, зависит от возраста. Поскольку дети часто разрешают свои конфликты силой, логично предположить, что с врагами они часто дерутся. Однако фактически дети дошкольного возраста сравнительно редко дерутся с одним и тем же противником. Наиболее распространенная стратегия обращения с нелюбимыми детьми — избегание контактов с ними.

В одном американском исследовании (Hayes et al., 1980, цит. по: Abecassis, Hartup, Haselager et al., 2002) 78 дошкольников просили назвать детей, которых они «больше всего не любят». Такие дети нашлись у 24% опрошенных, но взаимная неприязнь обнаружилась только у одной пары. У школьников неприязнь чаще бывает взаимной, причем неблагополучные дети становятся ее жертвами чаще, чем благополучные. В группе 8-леток, отвечавших на вопрос, с кем из детей «ты не хотел бы играть», объектами взаимной неприязни оказались 32% популярных детей, 39% детей, на которых обращают мало внимания, 70% средних детей, 95% отвергаемых и 100% так называемых «проблемных» детей (Hembree & Vandell, 2000, цит. по: Abecassis, Hartup, Haselager et al., 2002).

Взаимные антипатии у детей распространены довольно часто. В 6 недавних исследованиях их количество варьировало от 15 до 65% (Hodges and Card, 2003). Исследователи считают, что в среднем антипатию вызывают около 30% детей (Abecassis, Hartup, Haselager et al., 2002). Это больше, чем число детей, социально отвергаемых одноклассниками, но мы не знаем ни критерия этих антипатий, ни того, как они влияют на ребенка. Врагов имеют не только проблемные дети, имеющие трудности в отношениях с товарищами. По подсчетам известного американского психолога Уилларда Хартупа, взаимные антипатии есть у 13–32% популярных и средних детей.

Врагам и нелюбимым сверстникам часто приписывают свойства, которыми они в действительности могут и не обладать. Чаще всего в этом списке фигурируют такие черты, как враждебность (агрессивность), склонность утверждать собственную власть, угрожать и нежелание сотрудничать. Нелюбимым детям приписывается также непохожесть на респондента (дети вообще не любят тех, кто кажется им непохожим на них самих). Как создается и поддерживается такая групповая ненависть, прекрасно показано в фильме Ролана Быкова «Чучело». Ее психологические механизмы необходимо учитывать при профилактике расовой и этнической ненависти, которой в нашей стране очень много, причем ни школа, ни общество не уделяют этому должного внимания.

Квазиотношения

Наряду с реальными отношениями, предполагающими взаимность, в детских сообществах существуют 4 вида квазиотношений: а) аттракция, встречаемая безразличием; б) антипатия, встречаемая безразличием, в) аттракция, встречаемая антипатией, и г) воображаемая дружба (Hartup, 2004). Отношения *а* и *в* иногда называют односторонней дружбой, но точнее говорить об односторонней, безответной симпатии.

Самый интересный психологический феномен в этом ряду — **воображаемые друзья и товарищи**. Появление таких образов — свидетельство потребности в друге и напряженного поиска дружбы. Нередко они заменяют или компенсируют субъекту общение с реальными сверстниками.

Воображаемые друзья и компаньоны появляются очень рано. К 4 годам около 20% детей уже имеют воображаемых компаньонов и еще 20% персонифицируют таким образом какие-нибудь предметы (например, плюшевого мишку) (Gleason, Sebanc & Hartup, 2000). Первые исследования этого феномена опирались главным образом на психоанализ, особенно на его теоретические представления о происхождении и смысле детских фантазий. Однако они показали, что «воображаемые друзья» есть не только у проблемных, но и у вполне благополучных детей (Manosevitz, Prentice, Wilson, 1973; Taylor, 1999; Gleason, 2002).

Воображаемых друзей чаще всего создают первенцы и единственные дети, так что в какой-то степени они выполняют компенсаторные функции. Воображаемые друзья играют ту же роль, что и отсутствующие реальные друзья и сверстники. Их функции заметно отличаются от функций родителей и сибсов (братьев и сестер). Родители оказывают ребенку прежде всего инструментальную помощь, а появление младшего брата или сестры часто сопряжено с возникновением конфликтов. От друзей, реальных или воображаемых, ребенок не ждет ни того ни другого. Воображаемые друзья чаще реальных становятся для ребенка объектами заботы и попечения, позволяя ему играть более активную социальную роль.

Иногда роль воображаемых друзей выполняют литературные герои. И. А. Бунин писал, что «полжизни прожил в каком-то несуществующем мире, среди людей, никогда не бывших, выдуманных, волнуясь их судьбами, их радостями и печальми, как собственными, до могилы связав себя с Авраамом и Исааком, с пелазгами и этрусками,

с Сократом и Юлием Цезарем, Гамлетом и Данте, Гретхен и Чацким, Собакевичем и Офелией, Печориным и Наташей Ростовой! И как теперь разобраться среди действительных и вымышленных спутников моего земного существования? Как разделить их, как определить степени их влияния на меня?» (Бунин, 1966, с. 179).

Кстати, психологические функции реальных друзей также отличаются от функций сибсов. Отношения ребенка с братьями и сестрами часто считают своеобразным «мостом» к будущим контактам со сверстниками. Однако в отличие от дружбы эти отношения не являются для ребенка делом свободного выбора, поэтому в них гораздо больше конфликтов и проявлений агрессии (Dunn, 2002), чем в отношениях с друзьями.

Тем более не совпадают функции дружбы между детьми и отношений ребенка с родителями. Взаимоотношения между этими двумя видами привязанностей противоречивы. С одной стороны, установлено, что дети, которые в младенчестве имели прочные и теплые отношения с матерью, лучше приспособлены к формированию дружеских отношений с ровесниками, у них меньше тревожности и невротических реакций, которые отрицательно сказываются на любых эмоциональных контактах (Hartup, 2004). С другой стороны, слишком теплая родительская семья может служить препятствием к вступлению в суровый и соревновательный мир юношеской субкультуры.

Одним словом, детская дружба — уникальное психологическое явление, играющее чрезвычайно важную роль в формировании личности, никакие другие связи и отношения не могут ее заменить. Но она формируется и функционирует не сама по себе, а в системе других личных отношений ребенка, его семьи и социального мира.

9. Юность в поисках друга

Первое чувство, к которому
восприимчив заботливо
воспитанный юноша, —
это не любовь, а дружба.

Жан-Жак Руссо

Равнение на сверстников и борьба за статус

Отрочество и юность всегда считались привилегированным «возрастом дружбы». Ранняя юность означает рост самостоятельности, эмансипацию от родителей и переориентацию на сверстников. Это период бурного роста самосознания и обусловленной этим потребности в интимности. Все чувства и отношения данного возраста отличаются исключительно яркой эмоциональной окрашенностью.

Основным авторитетом, источником информации и эмоциональной поддержки для ребенка, как правило, бывают родители и другие взрослые. Поступление в школу и появление в жизни ребенка нового авторитета — учителя — не меняет сути дела — ориентации на старшего, взрослого.

Вырастая, ребенок разрывает пуповину прежних отношений, основанных на зависимости от взрослых, переоценивает и перестраивает их, включая в новую, более сложную систему, в которой сам он претендует на самостоятельную и центральную роль. Ориентация на сверстников резко усиливается в переходном возрасте. Младшие дети еще принимают различие двух миров — детского и взрослого — и неравноправность отношений между этими мирами как нечто естественное, само собой разумеющееся. Подросток уже не хочет считать себя ребенком, он все больше ориентируется на взрослые нормы и критерии. Вместе с тем дабы обеспечить себе автономию от старших, он всячески подчеркивает свои возрастно-групповые отличия, считая себя представителем особого, не детского и не взрослого, «третьего мира».

Юношеское желание выделиться, быть непохожим на взрослых точно передает признание 16-летнего москвича: «Я курю... чтобы считаться взрослым, вернее, быть на них похожим. А вот одеваемся мы так, чтобы не быть на них похожими. Почему такое противоречие? Мне кажется, что джинсы или майка с короткими рукавами —

не просто удобная одежда для нас, еще растущих по 4–5 сантиметров в год. Но это как будто и униформа, как будто мы — игроки одной команды или служащие цирка. Увидишь в толпе парня в джинсах, с сумкой через плечо, и сразу узнаешь: «свой». Так же и девчонок своих мы узнаем по некоторым внешним приметам».

По некоторым данным (Hartup, Stevens, 1997), подростки и юноши проводят в обществе сверстников до 29% всего времени, когда они бодрствуют.

Дело не только в количестве совместно проводимого времени. Если младшему подростку достаточно *участвовать* в коллективной жизни, *быть* с другими, то старшему необходимо *быть принятым* сверстниками, иметь у них определенный престиж. Низкий статус в группе или разрыв между притязаниями и реальным положением вызывает у подростка тревожность и переживается крайне болезненно.

Большинство подростков с этой задачей справляются. По данным недавнего большого социологического опроса учащихся 7-х, 9-х и 11-х классов московских школ (Проблемы толерантности в подростковой субкультуре, 2003), 3,5% школьников считают себя лидерами в классе, 54% говорят, что «многие старшеклассники их уважают». «Ограниченный круг приятелей» имеют 19,4% и лишь 6,4% чувствуют себя в классе одиночками. Причем численность последней категории снижается с 9,5% в 7-м до 4,5% в 11-м классе, тогда как доля тех, кто считает себя уважаемым, напротив, растет.

Однако школьный класс, да и сама школа, никогда не были для подростков ни единственной группой принадлежности, ни главной референтной группой. Наряду с организованными и руководимыми взрослыми школьными коллективами и организациями всегда существовали **неформальные стихийные группы**, формирующиеся на улице, во дворах и т. д., которые имели особенно большое значение для мальчиков. По данным И. С. Полонского, в 1970-х гг. в Курске через такие группы проходили не менее 80–85% всех ребят. По своему социальному составу эти группы и компании большей частью были смешанными. 29% состояли из одних школьников, 16% — из работающих подростков и учащихся профтехучилищ, остальные были смешанными: почти $\frac{9}{10}$ из них были разновозрастными, 36–38% исключительно мужскими, а остальные — смешанными (Полонский, 1980).

В постсоветской России, в связи с резким социальным расслоением общества и ростом детской безнадзорности, число таких неформальных объединений, часть из которых является откровенно девиантной, а то и преступной, резко возросло. Значительно усилилось и их влияние (см. Омельченко, 2000; Чупров, Zubok, Уильямс, 2003).

Рассматривать личные отношения подростка без учета его групповых принадлежностей (во множественном числе) и реального веса каждой из них нелепо и бессмысленно.

Но именно множественность референтных групп дает подростку известную степень автономии от каждой из них. Хотя ощущение групповой принадлежности психологически очень важно для подростка, жесткая конформность юношеских групп то и дело приходит в противоречие с потребностью сознавать и чувствовать себя индивидуальностью. «Я часто думаю, чем же мы “свои”, что у нас общего? — продолжает рассуждать цитированный выше московский мальчик. — Мы отличаемся от других своей манерой одеваться, то есть непохожи на “других”. Но при этом как две капли воды похожи друг на друга. Одни и те же диски слушаем, одинаковыми словами выражаем свой восторг или неприязнь, одни и те же слова говорим девочкам...»

Открытие Я и потребность в дружбе

Одна из причин активизации потребности в интимной дружбе — то, что юношеское Я решительно не совпадает с групповым Мы и зачастую определяется именно по контрасту с ним.

В нашем исследовании группа ленинградских девятиклассников оценивала, насколько определенные морально-психологические качества (доброта, трудолюбие, смелость, способность понять другого и т. д.) типичны для среднего юноши и девушки их возраста и для них самих. Как и ожидалось, образы собственного Я оказались психологически гораздо тоньше представляемого группового образа Мы. Юноши считают себя менее смелыми, менее общительными и жизнерадостными, зато более добрыми и способными понять другого, чем их воображаемые среднестатистические ровесники. Девушки приписывают себе меньшую общительность, но большую искренность, справедливость и верность.

Сходную тенденцию обнаружила у юных французов Бьянка Заззо. Большинство опрошенных ею юношей, независимо от возраста и образования, считают, что они больше своих ровесников склонны к одиночеству, острее испытывают потребность в дружбе, сильнее привязаны к семье и активнее стремятся к профессиональному успеху, зато им меньше, чем большинству, присущи смелость, любовь к риску и уверенность в себе. В самохарактеристиках девушек также фигурируют повышенная склонность к одиночеству, потребность в дружбе и большая, чем у юношей, непохожесть на других (Zazzo, 1966).

Иными словами, юношеский образ Я более интроспективен и менее стереотипен, чем групповое Мы. Вполне вероятно, что это характерно и для других возрастов.

Главное психологическое приобретение ранней юности — открытие своего внутреннего мира. Для ребенка единственной осознаваемой реальностью является внешний мир, куда он проецирует и свою фантазию. Для юноши внешний, физический мир — только одна из возможностей субъективного опыта, средоточием которого является он сам. Это ощущение образно выразила 15-летняя девочка, которая на вопрос психолога: «Какая вещь кажется тебе наиболее реальной?» — ответила: «Я сама».

Обретая способность погружаться в себя, в свои переживания, подросток открывает целый мир новых эмоций, красоту природы, звуки музыки, ощущение собственного тела. Но вместе с осознанием своей уникальности, неповторимости, непохожести на других приходит чувство одиночества, ощущение внутренней пустоты, которую чем-то необходимо заполнить. Отсюда — рост потребности в общении и одновременно повышение его избирательности, стремление найти того, с кем не только можно поговорить, но и вместе помолчать, насладиться тишиной природы, услышать свой внутренний голос не заглушенным суетливой будничной повседневностью. «Теперь нет желания появляться во дворе, где всегда шум и гам, хочется помечтать или подумать о чем-либо, постоять у картины, побродить по городу, а потом опять вернуться к ребятам».

В переходном возрасте существенно меняются представления о содержании таких понятий, как «одиночество» и «уединение». Дети обычно трактуют их как некое физическое состояние, когда «нет никого вокруг». Подростки наполняют эти слова психологическим смыслом, приписывая им не только отрицательную, но и положительную ценность (Wolfe, 1978).

Английский психолог Джон Колмэн предлагал 11-, 13-, 15- и 17-летним мальчикам и девочкам дописать неоконченные фразы: «Когда нет никого вокруг...» и «Если человек один...». Их ответы затем классифицировались на положительные (например: «Когда нет никого вокруг, я счастлив, потому что могу делать, что хочу») и отрицательные (например: «Если человек один, он начинает нервничать»). Оказалось, что от подросткового возраста к юношескому число положительных суждений растет, а негативных — уменьшается (Coleman, 1980).

Если подросток боится остаться один, то юноша начинает ценить уединение, причем способность быть одному связана с большей целе-

направленностью и самостоятельностью личности. В начале 1990-х гг. то же самое на собственном материале обнаружили итальянские психологи.

Однако не все подростки способны к уединению. Как показывают данные массовых опросов и клинических исследований, подростки и юноши при всей своей коллективности и даже стадности значительно чаще взрослых людей чувствуют себя одинокими и непонятыми (Brennan, 1982; Ostrov and Offer, 1982). Почти половина (43%) обследованных В. Н. Куницыной в 1991 г. 490 петербургских старшеклассников крайне не удовлетворены своим общением и отношениями в близком кругу и испытывают острое чувство одиночества (Куницына, Казаринова, Поголыша, 2001, с. 350).

«У меня стоит телефон, но он постоянно молчит, а так хочется слышать знакомый голос, знать, что ты кому-то нужен...»

Рост потребности в интимном общении меняет и содержание понятия дружбы. Уже у пятиклассников наряду с развитием групповых товарищеских отношений начинается обособление более интимных группок (из 2–3 человек), связанных общими тайнами, сокровенными разговорами и т. д. Ребята стараются не только *что-то делать* вместе, но постоянно беседуют друг с другом, прекращая разговор, если подходит кто-то посторонний. Если секретов нет, их специально придумывают: общая тайна цементирует рождающуюся дружбу, выделяя друзей из всего остального мира. Умение хранить тайну и верность — важнейшие критерии оценки друга в этом возрасте. Эта дружба часто неустойчива. Тем не менее, а может быть, именно поэтому поиск друга и мечты о дружбе занимают все большее место в переживаниях подростка.

Очень непосредственно отражается это в дневниковых записях школьницы из Ленинградской области Лизы Н. Сначала ее дневник, начатый в 12 лет, — простой перечень разных событий. Но скоро центральное место в нем начинает занимать поиск дружбы и любви.

Первые проявления этого еще совсем детские: «Как-то Женьке Федорову я говорила, что мне хочется друга. Это была не ложь, а правда, такого друга я найти не могу. Хотела дружить с Женькой, но он не хочет. Я у него не спрашивала, но вижу по нему. Со мной хочет сейчас дружить Танька, и мы с ней немного дружим. Но она — плохой друг; со сбора ушла чуть ли не первая, а в голове у нее одни мальчишки да виконт де Бражелон. Больше с ней нельзя даже ни о чем поговорить».

Мальчики и девочки, с которыми Лиза пробует дружить, быстро меняются. Иногда это ее огорчает. «Вообще мне хочется дружить со

всеми, плохими и хорошими, но настоящего друга я никак не могу найти». Накануне Лизиного 13-летия появляется запись: «Я нашла себе друга, вселого, верного, настойчивого» (это соседка по парте Галля В.). Но все-таки Лизу больше занимают мальчики. К 15 годам мысли усложняются, появляется стремление размышлять о жизни, о себе. Лиза — общительная и активная девочка, у нее хорошие отношения с матерью. Тем не менее ее все чаще навещает одиночество:

«Что-то странное стало твориться. Моя голова пухнет. Каждую свободную минуту я думаю, и все больше о жизни, о себе. Может, у меня наступает юность, я стала взрослой? Кончилось детство? Иногда из-за этих дум я не могу заснуть по ночам, лежу, ворочаюсь и думаю. У меня были и плохие мысли, но, возможно, правильные. Я стала чувствовать, что никому не нужна, даже своим лучшим, наверное, уже бывшим друзьям — Галке и Жене».

Чувство одиночества проистекает не от внешней изоляции или враждебного окружения, а от невозможности выразить полноту собственных чувств: «Как жаль, что сейчас мы стесняемся говорить друг другу все... Многое, очень нужное, скрываешь».

Лизин дневник относится к давнопрошедшим советским временам. Но такие чувства и переживания существуют и теперь. Как это отражается на требованиях, предъявляемых к дружбе?

Критерии и ценности юношеской дружбы

Полагая, что одним из показателей **уровня** предъявляемых к дружбе ожиданий и требований может служить ответ на вопрос, «насколько часто встречается настоящая дружба среди ваших сверстников?», мы включили этот вопрос в нашу анкету. Результаты представлены в табл. 9.1.

От 45 до 72% опрошенных старшеклассников и студентов считают, что «настоящая дружба» в их среде встречается редко. Резких возрастных отличий при этом не наблюдается. Зато заметны гендерные различия: в 7–9-х классах девушки считают дружбу значительно более редкой, чем юноши, зато в старших возрастах разница не только уменьшается, но девушки настроены даже оптимистичнее, чем юноши (40% положительных ответов у десятиклассниц и 41% — у студенток).

Однако уровень запросов ничего не говорит об их содержательных критериях. Значительно информативнее в этом плане было задание дописать незаконченное предложение: «Друг и приятель — не совсем одно и то же, так как...»

Таблица 9.1

Насколько часто встречается настоящая дружба среди ваших сверстников (горожане)?

Средний возраст	Гендер	Вариант ответа, %		Всего	N
		Часто	Редко		
14 лет (VII класс)	Мальчики	55,0	45,0	100,0	115
	Девочки	37,9	62,1	100,0	108
	<i>F</i>	6,47*	—		
15 лет (VIII класс)	Мальчики	51,0	49,0	100,0	105
	Девочки	28,0	72,0	100,0	107
	<i>F</i>	11,47***	—		
16 лет (IX класс)	Мальчики	54,2	45,8	100,0	101
	Девочки	37,0	63,0	100,0	154
	<i>F</i>	7,32**	—		
17 лет (X класс)	Мальчики	33,3	66,7	100,0	95
	Девочки	40,3	59,7	100,0	140
	<i>F</i>	1,28	—		
20 лет (студенты)	Мальчики	31,5	68,5	100,0	208
	Девочки	41,1	58,9	100,0	164
	<i>F</i>	3,68	—		

Примечание. В этой и следующих таблицах используются следующие знаки и сокращения:

F — обозначение статистической значимости различий между двумя показателями.

Астериски обозначают величину статистической значимости:

* $p < 0,05$ (допустимая ошибка не превышает 5 %),

** $p < 0,01$ –1%,

*** $p < 0,001$ –0,1%,

N — число испытуемых.

От 37 до 65% опрошенных в зависимости от возраста подчеркивали близость и доверительность дружбы («друг знает о тебе все», «друг намного ближе», «с приятелем никогда не поделишься тем, что доверяешь другу»). Остальные отмечали большую прочность, устойчивость дружбы («друга выбирают на всю жизнь»), взаимопомощь и верность («приятель подведет, друг — никогда»).

Таблица 9.2

Ответы на незаконченное предложение**«Друг — это тот, кто...»**

Средний возраст	Гендер	Характер ответов, %			Всего	N
		Понимание и сочувствие	Взаимопомощь	Другие ответы		
14 лет (VII класс)	Мальчики	16,0	72,3	11,7	100,0	115
	Девочки	25,4	58,5	16,1	100,0	108
	<i>F</i>	3,23	4,71*	—		
15 лет (VIII класс)	Мальчики	36,4	54,2	9,4	100,0	105
	Девочки	43,5	41,7	14,8	100,0	107
	<i>F</i>	1,04	3,05	—		
16 лет (IX класс)	Мальчики	38,5	45,8	15,7	100,0	101
	Девочки	50,3	39,0	10,7	100,0	154
	<i>F</i>	5,49*	1,20	—		
17 лет (X класс)	Мальчики	39,9	49,5	10,6	100,0	95
	Девочки	50,0	42,0	8,0	100,0	140
	<i>F</i>	2,28	1,28	—		
20 лет (студенты)	Мальчики	37,8	34,3	27,9	100,0	208
	Девочки	47,6	28,5	23,9	100,0	164
	<i>F</i>	3,32	1,55	—		

Примечание. * $p < 0,05$.

Еще более рельефную картину дает распределение ответов по предложению: «Друг — это тот, кто...». В определениях, не связанных заданными рамками сравнения, преобладают два мотива: а) ожидание взаимопомощи и верности и б) ожидание сочувствующего понимания со стороны друга. Результаты представлены в табл. 9.2.

Характерно, что с возрастом мотив понимания заметно усиливается (у юношей — с 16% в 7-м классе до 40% в 10-м, а у девушек — соответственно с 25 до 50%), причем у девушек он всегда выражен сильнее. Эта частичная (поскольку оба мотива переплетаются и предполагают друг друга) переориентация с инструментальных ценностей (взаимопомощь) на экспрессивные (понимание), несомненно, связана с развитием самосознания.

Таблица 9.3

Среднее число друзей на человек

Средний возраст	Гендер	Число друзей своего пола	Число друзей противоположного пола	N
14 лет (VII класс)	Мальчики	2,9	0,6	115
	Девочки	2,4	0,8	108
15 лет (VIII класс)	Мальчики	2,7	0,9	105
	Девочки	2,5	1,1	107
16 лет (IX класс)	Мальчики	2,6	0,6	101
	Девочки	2,4	1,0	154
17 лет (X класс)	Мальчики	2,7	0,6	95
	Девочки	2,2	0,9	140

Однако более тонкие и дифференцированные психологические запросы удовлетворить труднее. Не отсюда ли и рост сомнений в распространенности «настоящей дружбы»?

Из 162 крымских старшеклассников, охваченных нашей пробной анкетой, только 8 человек сказали, что у них нет близких друзей. Но когда потом ребята должны были указать, в какой мере их лично тревожат некоторые типичные для их ровесников проблемы, выяснилось, что «отсутствие настоящего друга» тревожит 29% мальчиков и 35% девочек. От «непонимания со стороны друзей» страдает каждый седьмой мальчик и каждая четвертая девочка и т. д.

Парадокс? Недостаток методики исследования? Нет, нормальное и типичное внутреннее противоречие юношеской психики. Да и только ли юношеской? Близость с теми, кого мы любим, очень редко кажется нам «достаточной».

Как реализуются эти установки в реальном поведении? Если дружба и приятельство разграничиваются более или менее строго, то число «друзей» не должно быть особенно велико. Действительно, среднее число однополых друзей у юношей от 7-го класса к 10-му несколько уменьшается (у девушек такой тенденции нет), а число «приятелей», наоборот, растет. Это свидетельствует о растущей **индивидуализации** и **избирательности** дружбы. При этом у девушек во всех возрастах друзей своего пола меньше, а друзей противоположного пола больше, чем у юношей. Результаты представлены в табл. 9.3.

Таблица 9.4

Среднее число однополых друзей у городских и сельских девятиклассников (16 лет)

Регион	Гендер	Число друзей, %						Всего	N
		0	1	2	3	4	5		
Город	Мальчики	2,9	23,4	30,8	17,0	13,8	12,1	100,0	101
	Девочки	3,9	29,2	27,9	22,2	7,1	9,8	100,0	154
Село	Мальчики	2,2	15,6	31,1	21,0	10,0	20,0	100,0	104
	Девочки	3,2	26,4	34,4	15,2	12,0	8,8	100,0	146

Стоящие за средними цифрами индивидуальные вариации в числе друзей очень велики. Среди ленинградских девятиклассников вообще не имели близких друзей, по их собственной оценке, 2,9% юношей и 3,9% девушек, по одному другу своего пола — 23% юношей и 29% девушек, двоих друзей — 31% юношей и 30% девушек. Таким образом, дружба выглядит достаточно избирательной и индивидуальной. Юноши с числом друзей свыше 4 составляют 12%, а девушки — 10% общего числа обследованных (табл. 9.4).

С кем дружат старшеклассники?

Соседство (по крайней мере, в городских условиях) играет в установлении и поддержании дружбы меньшую роль, чем совместная учеба. Внутрикласные отношения также не исчерпывают круг дружеских привязанностей старших школьников. Среди друзей своего пола у семиклассников одноклассники составляли 50%, а у десятиклассников — только 37%. В ответах на вопрос, где состоялось знакомство с внешкольными друзьями, прежняя совместная учеба занимает второе место после совместного летнего отдыха. Принадлежность к одному и тому же учебному коллективу как ведущий фактор формирования дружеских привязанностей с возрастом теряет былое значение, дружеское общение все больше выходит за школьные стены.

Выяснить психологические функции дружбы с помощью простых вербальных методов, типа самоотчета, невозможно. Даже при полной искренности человеку трудно раскрыть содержание своего общения, темы бесед с друзьями и т. п. Не говоря уже о том, что многое забывается, истинный смысл дружеского общения зачастую не осознается. Спрашивая ребят, как часто они обсуждают со своими

друзьями те или иные темы и какне у них существуют совместные формы деятельности, мы не питали иллюзий относительно психологической ценности полученных данных. Тем не менее эти сведения проливают некоторый свет на соотношение вербального общения и предметной деятельности.

В. А. Сухомлинский писал, что уже у 13–14-летних подростков основой дружбы чаще становятся духовные интересы и потребности, чем увлечение каким-то определенным видом труда (Сухомлинский, 1971, с. 219). Наши данные подтверждают это наблюдение.

Разумеется, всякое дружеское общение каким-либо образом объективировано. Не говоря уже о совместной учебе, порождающей много общих проблем и интересов, в дружеском общении старшеклассников важное место занимали общественная работа, совместный досуг, развлечения, спорт, а также различные любительские занятия и хобби. Но не случайно от 20 до 40% опрошенных оставили вопрос о совместной *деятельности с другом* (речь шла именно о совместных занятиях и увлечениях) без ответа. Дружба ассоциируется главным образом с разговорами, спорами, обменом мнениями, что подтверждает ее коммуникативно-личностный характер.

Возраст друзей

Для понимания психологических функций дружбы очень важны ее возрастные рамки. Хотя в принципе люди предпочитают друзей собственного возраста, понятие «сверстник» относительно. В 40–50-летнем возрасте разница в 5–6 лет совсем невелика, а 2–3 года и вовсе не заметны. Иное дело — в ранней юности.

Многие 15–16-летние юноши и девушки тянутся к старшим, вслушиваются в их слова и всматриваются в их поведение. Потребность в эмоциональном контакте со старшими нередко принимает форму страстного увлечения, когда во взрослом видят живое воплощение своего идеала.

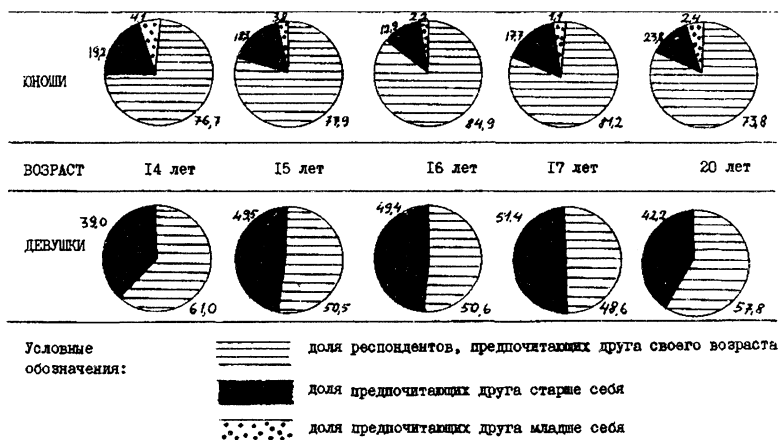
Шестнадцатилетний Н. А. Добролюбов в дневнике 1852 г. писал о своем семинарском преподавателе И. М. Сладкопевцеве: «Я никогда не поверял ему сердечных тайн, не имел даже надлежащей свободы в разговоре с ним, но при всем том одна мысль — быть с ним, говорить с ним — делала меня счастливым, и после свидания с ним, и особенно после вечера, проведенного с ним наедине, я долго-долго наслаждался воспоминанием и долго был под влиянием обаятельного голоса и обращения... Для него я готов был сделать все, не рассуждая

о последствиях» (Добролюбов, 1964, т. 8, с. 441). Эта привязанность сохранилась даже после отъезда Сладкопевцева из Нижнего Новгорода. Подобные увлечения встречаются и у современной молодежи.

Однако тяготение к сверстникам значительно сильнее. Многочисленные эмпирические данные отечественных и зарубежных исследований свидетельствуют, что среди друзей своего пола и у юношей, и у девушек преобладают сверстники.

Таков же и возраст воображаемого идеального друга. Отвечая на вопрос: «Человека какого возраста вы предпочли бы иметь своим ближайшим другом — старше себя, своего возраста или младше?» — юноши всех возрастов отдают решительное предпочтение сверстникам (75–85% всех ответов), значительно реже — старшим и совсем редко — младшим. У девушек на первом месте также стоит ровесница, но они значительно чаще, чем юноши, отдают предпочтение старшим (от 39 до 50% ответов, по сравнению с 13–19% у юношей), зато младших не выбирают вовсе (рис. 9.1).

Каков психологический смысл этих расхождений? Возраст «идеального друга» приоткрывает некоторые, не всегда осознаваемые психологические потребности. Ориентация на ровесника говорит о стремлении к более или менее равным отношениям. Такая дружба основывается на принципе сходства и равенства («с парнем моего возраста мне легче общаться», «ему можно все сказать, не боясь на-

Ответ на вопрос: «Человека какого возраста Вы предпочли бы иметь своим ближайшим другом — старше себя, своего возраста или младше?» (%)

Рис. 9.1. Возраст «идеального друга»

смешек», «с ним свободней, я могу показаться ему таким, какой есть, не стараясь выглядеть умнее»). Выбор более старшего друга, напротив, выражает потребность в примере, опеке, руководстве («старший может служить образцом», «он может поделиться опытом, рассказать о том, чего я еще не знаю», «на него можно положиться»).

Почему же так редка ориентация на младшего? Потребность в общении с младшими, желание руководить, делиться опытом, опекать в юношеском возрасте отнюдь не редкость. Более того, судя по нашим данным, юноши, имеющие младших братьев или сестер, выше, чем остальные, оценивают себя по таким качествам, как смелость, доброта, ум и самостоятельность, и ожидают более высоких оценок по этим качествам от своих родителей и друзей (у девушек такой связи не обнаружено). Общение с младшими, позволяя юноше проявить свои положительные качества и почувствовать себя взрослым и значительным, благотворно влияет на его самоуважение.

Но как ни приятно юноше чувствовать себя сильным и нужным, этот тип отношений не вполне отвечает его представлениям о дружбе. Для ранней юности типична идеализация друзей и самой дружбы. По данным ряда экспериментальных исследований, представление о друге стоит значительно ближе к идеальному Я подростка, нежели к его представлению о своем наличном Я. Младший для этой роли не подходит. Дружба с младшим воспринимается скорее как дополнение дружбы со сверстниками, чем как ее альтернатива. У тех, кто дружит исключительно с младшими, такой выбор в большинстве случаев вынужденный. Это либо результат отставания в развитии, когда по характеру своих интересов и поведению юноша объективно ближе к младшим, чем к сверстникам, либо следствие каких-то психологических трудностей: застенчивости, боязни свойственной мальчишеским компаниям соревновательности, несоответствия уровня притязаний и возможностей и т. п. Перенос эмоциональной привязанности на младших часто является известной психологической компенсацией.

Друзья и другие значимые лица

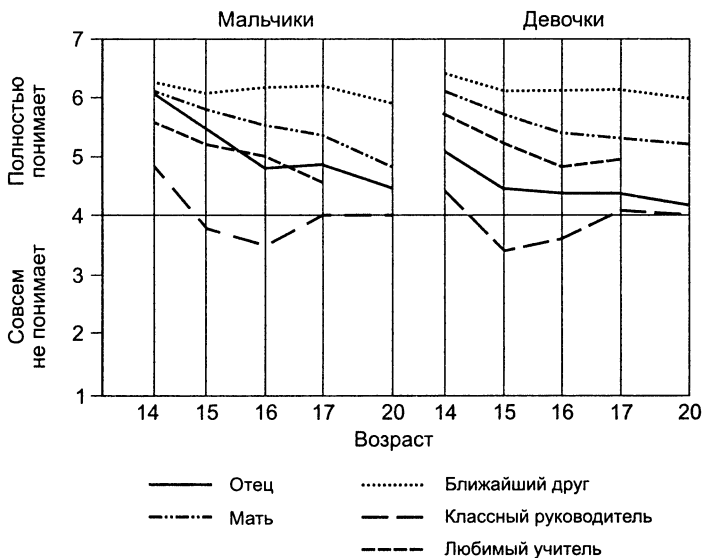
Какое же место занимает дружба в ряду других межличностных отношений?

Для выявления сравнительной степени психологической близости юношей и девушек с ближайшими друзьями и другими значимыми лицами (мать, отец, другие члены семьи, классный руководитель, любимый учитель) мы применили три семиранговые шкалы, измерявшие **уровень понимания** («Насколько хорошо понимают Вас пе-

речисленные лица?», от «полностью понимают» до «совершенно не понимают», **доверительности в общении** («Делитесь ли Вы с перечисленными лицами своими сокровенными мыслями, переживаниями, планами?»), от «всегда» до «никогда», и субъективной **легкости в общении** («Насколько уверенно, свободно и легко Вы чувствуете себя с перечисленными лицами?»), от «совершенно уверенно и свободно» до «крайне напряженно и несвободно».

Среднестатистические оценки, которые юноши и девушки дали тому, как их понимают окружающие люди, в целом оказались довольно высокими: почти во всех случаях они стоят ближе к положительному, чем к отрицательному полюсу. Подавляющее большинство опрошенных не чувствуют себя непонятыми, эмоционально и духовно изолированными. Романтический образ юноши как одинокого Чайльд-Гарольда сегодня явно не является статистически типичным (да и был ли он когда-нибудь таковым?). Тем не менее и у юношей, и у девушек всех возрастов «ближайший друг» (как правило, сверстник своего пола) занимает ведущее положение. Это хорошо видно на рис. 9.2.

В контрольном исследовании московских школьников с 5-го по 10-й класс, проведенном А. В. Мудриком, фиксировалось не только

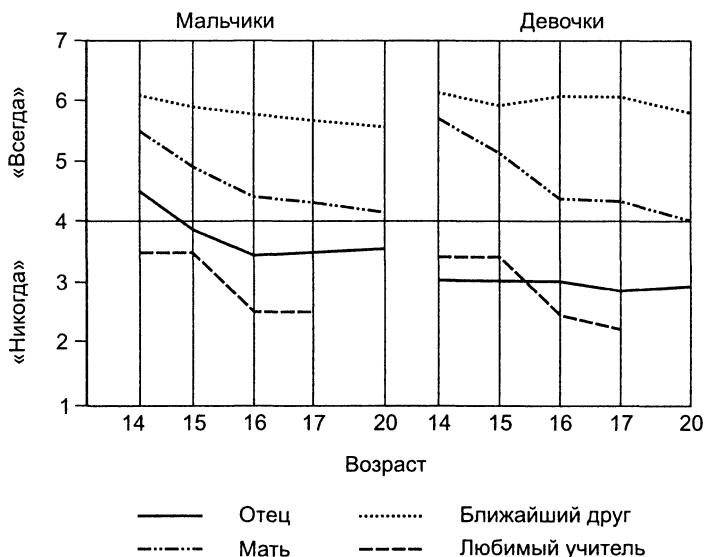
Ответ на вопрос: «Насколько хорошо Вас понимают перечисленные лица?»

Рис. 9.2. Шкала понимания

то, насколько хорошо, по мнению респондента, его (ее) понимают мать, отец, друг и другие значимые лица, но и *насколько важно* для него (нее) понимание со стороны этого человека, независимо от степени фактической близости с ним. Отвечая на второй вопрос, мальчики называли родителей (по отдельности) чаще, чем друга (ответы девочек противоречивы). Но как только оценивается *фактическая* психологическая близость (понимание и доверительность в общении), предпочтение отдается другу. Уровень понимания со стороны матери, занимающей по этой шкале второе место, отца, любимого учителя и других взрослых оценивается ниже, причем с возрастом (особенно между 14 и 16 годами) оценка понижается, тогда как положение друга остается более или менее стабильным.

Еще яснее выражена эта тенденция по шкале **доверительности**, представленной на рис. 9.3.

Резкое снижение доверительности в отношениях с родителями опять-таки приходится на период от 14 до 16 лет, после чего положение стабилизируется. Отчетливо выступают также различия в оценке психологической близости с матерью и отцом. Характерно, что

Ответ на вопрос: «Делитесь ли Вы с этими людьми своими сокровенными мыслями, переживаниями, планами?»

Рис. 9.3. Шкала доверительности

у девочек возрастное снижение доверительности общения с отцом отсутствует, так как уже в 14 лет она весьма низкая.

По шкале **легкости в общении** возрастные тенденции выражены менее определенно, но порядок рангов значимых лиц остается таким же.

Психологическую значимость родителей и друзей-сверстников надо сравнивать не только по **степени**, но с учетом **сферы деятельности**.

При анкетировании в 1970 г. крымских старшекласников (160 мальчиков и девочек 8–9-х классов) им было предложено ранжировать, с кем они предпочли бы проводить свое свободное время — с родителями, друзьями, в компании сверстников своего пола, в смешанной компании и т. д. Родители оказались у мальчиков на последнем месте (6-м), а у девочек — на 4-м месте. Зато советоваться в сложной житейской ситуации они предпочли в первую очередь с матерью; на 2-м месте у мальчиков оказался отец, у девочек — друг (подруга). Иначе говоря, с товарищами приятно развлекаться, с друзьями — говорить о своих переживаниях, но в трудную минуту лучше обратиться к маме.

Многочисленные позднейшие (в том числе и зарубежные) исследования рисуют сходную картину. Например, при опросе 164 московских старшекласников об их потребности в общении и об их реальных взаимоотношениях с разными значимыми лицами, общение со взрослыми, включая родителей, оказалось гораздо более формальным и регламентированным, чем общение со сверстниками. Это вызывает у юношей острую неудовлетворенность. Судя по этим данным, потребность подростков в неформальном общении с родителями удовлетворяется меньше чем наполовину. В ходе дополнительного интервью выяснилось, что общением с матерью удовлетворены только 31,1%, а с отцом — всего 9,1% опрошенных. Между тем отношения с родителями психологически очень важны: среди школьников, имеющих доверительные отношения с родителями, устойчивой самооценкой обладают 79,1%, а среди тех, у кого общение с родителями жестко регламентировано, — только 25%. Неадекватную самооценку в первой группе имели 8,3%, а во второй — 87,9% обследованных (Пахальян, 1987).

Другое исследование доверительного общения 114 московских старшекласников (было выделено 14 категорий значимых лиц и 36 обсуждавшихся тем) показало, что наиболее интимные, личные темы («случаи больших разочарований» и «отношения с представителями

противоположного пола») обсуждаются исключительно с друзьями. Общение с родителями выглядит более деловым, «предметным». С отцами подростки обсуждают преимущественно жизненные планы и учебные дела, а с матерями, кроме того, домашние проблемы и удовлетворенность собой (Общение и формирование личности школьника, 1987, гл. 3).

Не следует списывать это на недостатки российского семейного воспитания. Так обстоит дело практически всюду. Французский психолог Гектор Родригес-Томе специально изучал этот вопрос на собственном материале. Оказалось, что при возникновении трудностей материального или морального порядка подростки в первую очередь готовы обратиться к родителям. Зато эмоциональные (сентиментальные) проблемы обсуждаются преимущественно с товарищами и друзьями, это особенно характерно для старших, 16–18-летних подростков и для девочек (Rodriguez-Tomé, 1973).

Влияние и функции родителей и друзей вообще различаются не столько количественно, сколько качественно. Это одинаково необходимые и важные, но принципиально разные виды взаимоотношений, одно не заменяет другого. «Родители не друзья, а друзья не родители» (Youniss and Smollar, 1988, p. 159).

Тем более не могут заменить друзей школьные учителя. Любовь и уважение к ним зависят прежде всего от качества преподавания, доверительные же отношения возникают сравнительно редко. Так было всегда.

У большинства старшеклассников, опрошенных в 1960-х годах Т. Н. Мальковской, тесная эмоциональная связь существовала максимум с одним-двумя учителями, причем с возрастом эти отношения становились все более избирательными (Мальковская, 1969).

Из 164 девятиклассников, обследованных В. Э. Пахальяном (1987), наличие доверительного общения с учителями отметили только 8. Уровень ожиданий на этот счет также низок. Хотя лишь 4,3% опрошенных имеют доверительные отношения с учителями, 42,1% удовлетворены таким положением и на большее не рассчитывают.

Не имеют иллюзий на сей счет и современные старшеклассники. Судя по данным недавнего опроса (Проблемы толерантности в подростковой субкультуре, 2003, с. 198), взаимоотношения московских школьников 7-х, 9-х и 11-х классов с учителями спокойные, но не близкие. Только 27% опрошенных считают, что «отношение учителей носит демократический характер», 17% находят его жестким и авторитарным, 16% сказали, что «это им безразлично» и почти 40%

уклонились от ответа. Интересно, что хотя больше мальчиков, чем девочек (19,9% против 14,1%), считают стиль поведения учителей жестким и авторитарным, они чаще склонны относиться к этому безразлично (так ответили 21,1% мальчиков и 11% девочек).

Социально-средовые факторы

Какие социальные факторы влияют на иерархию значимых других? Как, например, влияет на дружеское общение старшеклассников их социальное происхождение, уровень образования их родителей и различия городских и сельских условий жизни? Существенных различий в дружбе старшеклассников в зависимости от уровня образования их родителей нами обнаружено не было. Этому есть три взаимодополнительных объяснения. Во-первых, в советском обществе социально-классовые различия были сравнительно невелики и к тому же всячески вуалировались. Во-вторых, многие социальные различия, существовавшие в семьях, нивелировались школьным коллективом, где были представлены дети из разных социальных слоев. В-третьих, сказалась, видимо, преимущественно «личностная» ориентированность нашего исследования.

Более результативным оказалось сравнение дружеского общения городских и сельских девятиклассников. Различия между ними интересны не только сами по себе, но и в связи с обсуждавшейся выше проблемой влияния на дружбу урбанизации. Если городская жизнь как таковая делает межличностное общение более поверхностным и экстенсивным, то дружба сельских школьников должна быть теснее, устойчивее и интимнее, чем у их городских сверстников. Реальная картина оказалась сложнее.

Сельская школа в большей мере, чем городская, концентрирует в себе дружеские связи своих воспитанников: удельный вес внешкольных дружб здесь ниже, чем в городе. В сельской школе значительно больше развиты междуклассные контакты (у ленинградских девятиклассников доля друзей — соучеников по школе, но не одноклассников — составляет меньше 4%, а у сельчан — 23%). Встречи друзей здесь чаще происходят в общественных местах, роль домашних условий и улицы (двора), высокая в условиях города, снижается. У сельских юношей удельный вес встреч с друзьями в общественных местах втрое, а с друзьями противоположного пола — вчетверо, выше, чем у ленинградцев. Та же тенденция наблюдается у девушек. Диапазон выбора друзей, равно как и способов общения с ними, на селе значительно уже, чем в городе.

Таблица 9.5

Ответы на вопрос «Как, по-Вашему, часто ли встречается настоящая дружба среди Ваших сверстников?» учеников 9 класса городских и сельских школ (16 лет)

Среда	Пол	Варианты ответа, %		Всего	N
		Часто	Редко		
Город	Мальчики	54,2	45,8	100	101
	Девочки	37,0	63,0	100	154
Село	Мальчики	68,1	31,9	100	104
	Девочки	71,1	28,9	100	146
Разница между городом и селом F	Мальчики	4,09*	—		
	Девочки	35,25***	—		
Гендерные различия	Город	7,22**	—		
	Село	0,22	—		

Примечание. * — $p < 0,05$; ** — $p < 0,01$; *** — $p < 0,001$.

Но влияет ли все это и как именно на индивидуальную избирательность и ценностные критерии дружбы?

Судя по нашим данным, сельские девятиклассники реже городских ощущали дефицит дружеского общения. Они чаще горожан положительно отвечают на вопрос о распространенности «настоящей дружбы» и выше оценивают сплоченность своих классных коллективов (табл. 9.5).

Казалось бы, это подтверждает мысль о большей экстенсивности «городской» дружбы. Но если сопоставить ценностные критерии дружбы городских и сельских школьников, такой вывод представляется сомнительным. У городских девятиклассников акцент на психологической близости с другом (мотив понимания) выражен гораздо сильнее, чем у сельских (разница составляет 15% у юношей, и 25% — у девушек) (табл. 9.6).

Кроме того, отношения с окружающими, включая и родителей, больше удовлетворяют сельских девятиклассников, чем городских ребят. Хотя ранг отдельных значимых лиц по всем трем шкалам психологической близости (понимания, доверительности и легкости в общении) в деревне тот же, что и в городе (на первом месте стоит друг, затем мать, отец и т. д.), все оценки здесь сдвинуты к положительному полюсу.

Таблица 9.6

Ответы на незаконченное предложение «Друг — это тот, кто...» учеников 9-х классов городских и сельских школ (16 лет)

Социальная среда	Гендер	Тип ответа, %			Всего	N
		Акцент на понижении	Акцент на взаимопомощи	Другие ответы		
Город	Мальчики	38,5	45,8	15,7	100	101
	Девочки	50,3	39,0	10,7	100	154
Село	Мальчики	22,3	62,3	14,5	100	104
	Девочки	25,6	56,8	17,6	100	146
Разница между городом и селом F	Мальчики	4,61*	5,12*	—		
	Девочки	21,8***	9,75**	—		
Гендерные различия	Город	5,49*	1,20			
	Село	0,22	0,66	—		

Примечание. * — $p < 0,05$; ** — $p < 0,01$; *** — $p < 0,001$.

На фоне высоких оценок, которые сельские ребята дают своим отношениям со взрослыми, психологическая близость с ближайшим другом выделяется не так резко, как в городе, да и сама роль друга кажется менее исключительной. У сельских юношей реже встречается парная дружба (15,6% против 23,4% в городе) и чаще — экстенсивная групповая дружба, объединяющая свыше пяти друзей (20% против 12% в городе) (табл. 9.7).

Видимость большей психологической близости сельских старшеклассников с родителями может объясняться не только и не столько

Таблица 9.7

Число друзей своего пола у городских и сельских девятиклассников (16 лет)

Регион	Гендер	Число друзей, %						Всего	N
		0	1	2	3	4	5+		
Город	Мальчики	2,9	23,4	30,8	17,0	13,8	12,1	100,0	101
	Девочки	3,9	29,2	27,9	22,2	7,1	9,8	100,0	154
Село	Мальчики	2,2	15,6	31,1	21,0	10,0	20,0	100,0	104
	Девочки	3,2	26,4	34,4	15,2	12,0	8,8	100,0	146

большей фактической открытостью или меньшей рефлексивностью сельчан, сколько влиянием **культурных стереотипов**. Сельский девятиклассник может быть даже менее откровенен с родителями, чем его городской сверстник, в крестьянских семьях психологическая дистанция между детьми и родителями по традиции поддерживается строже, чем в городских, особенно интеллигентских. Но, заполняя анкету, даже анонимную, он, возможно, не рискует проявить непочтительность к старшим, тогда как городской школьник рад подчеркнуть свою «независимость». Чтобы проверить эту догадку, необходимо дополнить шкалы психологической близости каким-то объективным измерением интенсивности и доверительности общения подростков с родителями в разных социально-культурных средах. Этого мы не делали.

Что меняется в юношеской дружбе?

Но стоит ли воспроизводить сейчас эмпирические данные 35-летней давности? За это время весь мир и, в особенности, Россия изменились настолько сильно, что эти данные, возможно, имеют только исторический интерес? Я так не думаю.

Разумеется, язык и стиль общения современных юношей и девушек совсем не тот, что 40 лет назад. Но фундаментальные закономерности формирования идентичности и связанные с ним коммуникативные потребности не утратили своего значения.

Если бы те свойства дружбы, которые ценили советские подростки, были уникальными, типичными только для России, их невозможно было бы обнаружить в западных странах. Между тем близкое по своей методологии к нашей работе исследование, проведенное в Нидерландах, обнаружило довольно похожие результаты. Вот как выглядит сравнение наших (российских) и нидерландских данных (Linden, van den, 1991, p. 90).

Из приведенной табл. 9.8 видно, что голландские подростки несколько выше российских ценят эмоциональные аспекты дружбы

Таблица 9.8

Ценности дружбы российских и голландских 15–16-летних подростков, %

Главные черты	СССР	Голландия
Понимание и близость	42,2	44,1
Помощь и поддержка	45,2	28,8
Другое	12,6	27,1

и в то же время придают значительно меньше значения помощи и поддержке. Может быть, они в них меньше нуждаются? По сравнению с российской голландская модель юношеской дружбы выглядит не более эгоистической, а более «городской» и, если угодно, «женственной» (о гендерных различиях речь у нас пойдет дальше).

А как выглядит юношеская дружба в современной России? Полностью сопоставимых данных на сей счет, к сожалению, нет.

При опросе в 2002 г. молодежи от 15 до 29 лет о мотивах общения со сверстниками (это гораздо шире, чем общение с друзьями), на 1-м месте оказалась взаимопомощь, на 2-м — взаимные интересы, увлечения, на 3-м, с очень небольшим отставанием, — желание поделиться, посоветоваться, на 4-м — совместное времяпрепровождение и на 5-м — личная привязанность (Зубок, 2003, с. 66). Перевести эти данные в более определенные психологические понятия невозможно.

Если судить по **структуре досуга** и **источникам** получения значимой **информации**, то похоже, что ценность друзей у сегодняшних школьников ниже, чем была раньше. Хотя у московских старшеклассников среди всех видов проведения свободного времени на первом месте стабильно находится «общение с друзьями», в 1991 г. так ответили 79,3%, а в 2000 г. — только 53,9% опрошенных (Собкин, Евстигнеева, 2002). Это объясняется прежде всего тем, что досуг школьников стал более разнообразным.

Уменьшилась и роль друзей как источников информации. Московские мальчики — одиннадцатиклассники среди «наиболее полезных и интересных источников информации» на 1-е место (50%) поставили Интернет, а друзей — только на 4-е место (29,6%). На мой взгляд, это нормально. Друзья могли быть главным источником информации только в бесписьменном или в тоталитарном обществе, где СМИ были монополизированы государством и использовались в целях индоктринации, вынуждая людей искать какие-нибудь отдушины. При советской власти почти вся интеллигенция слушала «вражьи голоса», а сейчас это уже (пока?) не обязательно. Но хотя подростки черпают новую информацию не столько из разговоров с друзьями, сколько в Интернете, они обсуждают ее с друзьями. Кроме того, у них появился новый канал общения, включая новые возможности поиска друзей. Что в этом страшного?

Обмен информацией никогда не был основной ценностью юношеской дружбы. А соотношение эмоциональных (понимание) и поведенческих (взаимопомощь) факторов дружбы у сегодняшних подростков и юношей выглядит примерно таким же, как раньше.

Андрей Грецов провел контент-анализ представлений (выделение путем экспертной оценки основных смысловых единиц ответов и затем вычисление частот их распространенности) о дружбе и любви учащихся двух общеобразовательных школ Санкт-Петербурга (72 человека, возраст 14–15 лет). Оказалось, что для 37% подростков при описании дружбы ключевым понятием является «доверие», 30% делают акцент на «взаимопонимании» и только 27% — на оказании помощи, особенно в трудных ситуациях. Это очень похоже на наши старые данные. Такая смысловая единица, как «взаимный интерес», приводящий к приятному общению, характернее для юношей, чем для девушек (частота встречаемости в общей выборке 15%, в выборке юношей — 27%). 18% подростков используют и другие характеристики (Грецов, 2002).

Для серьезного анализа этих данных недостаточно.

Дружба и самоуважение

Степень близости девятиклассников со значимыми другими мы изучали также с помощью самооценочной методики. Каждый испытуемый должен был оценить себя по 16 качествам (жизнерадостность, самостоятельность, доброта и т. д.) по 5-балльной шкале, а затем предсказать, как оценят его по тем же параметрам мать, отец, ближайший друг, любимый учитель, одноклассники. Наша гипотеза заключалась в том, что чем выше предполагаемая испытуемым степень понимания его определенным лицом, тем ближе будут ожидаемые им оценки со стороны этого лица к собственной самооценке.

Как и ожидалось, ближе всего к самооценке оказались ожидаемые оценки друга. Более того, близкий друг — единственный человек, от которого девятиклассник ждет более высоких оценок, чем его собственная самооценка. Это косвенно подтверждает предположение, что одной из главных неосознаваемых функций юношеской дружбы является **поддержание самоуважения**.

Юношеская дружба иногда бывает даже своеобразной формой психотерапии, позволяя молодым людям выразить переполняющие их чувства и найти подтверждение того, что кто-то разделяет их сомнения, надежды и тревоги.

Слушая телефонный разговор двух подростков, некоторые родители буквально выходят из себя от бессодержательности, незначительности сообщаемой информации: «Сорок минут трепа, и ни одного законченного предложения!» Эти люди не замечают и не понимают,

сколь важен этот «пустой» разговор для их сына или дочери, как их тянет к телефону, как меняется в зависимости от такого разговора их настроение.

Разговор кажется пустым, потому что его содержание не логическое, а *эмоциональное*. И выражено оно не столько в словах и предложениях, сколько в характерных интонациях, акцентах, недоговоренности, недомолвках, которые подросток при всем желании не смог бы перевести в понятия, но которые доносят до его друга-собеседника тончайшие нюансы его настроений, оставаясь бессмысленными и непонятными для постороннего слушателя. В этом отношении подобный «пустой» разговор куда важнее и значительнее, чем самая содержательная светская беседа о высоких материях, блистающая умом и знаниями, но не затрагивающая личных, жизненных проблем собеседников и оставляющая у них в лучшем случае ощущение приятно проведенного вечера. Недаром молодые люди так увлекаются мобильными телефонами. Это не только красивая и престижная игрушка, но и средство всегда быть со своими друзьями.

Но — обратная сторона медали! — многозначность подобной коммуникации делает ее отчасти иллюзорной. Юношеская потребность в самораскрытии часто перевешивает интерес к раскрытию внутреннего мира другого, побуждая не столько выбирать друга, сколько *придумывать* его. Подлинная интимность, то есть совмещение жизненных целей и перспектив друзей при сохранении индивидуальности и особенности каждого, возможна только на основе относительно стабильного образа Я. Пока этого нет, подросток мечется между желанием полностью слиться с другим и страхом потерять себя в этом слиянии. Это одинаково верно и для дружбы, и для любви.

По меткому выражению американских психологов Элизабет Дауван и Джозефа Эделсона, «юноша не выбирает дружбу, его буквально втягивает в нее» (Douvan, Adelson, 1966, p. 178).

Нуждаясь в сильных эмоциональных привязанностях, молодые люди подчас не замечают реальных свойств их объекта. «Людей выбирают в качестве объектов, а затем бросают, нисколько не заботясь об их чувствах, заменяя другими лицами. Оставленные объекты быстро и полностью забываются, но форма отношения к ним обычно воспроизводится в отношении к новому объекту вплоть до мельчайших деталей, с точностью, похожей на одержимость» (Blum, 1964, p. 141).

Представители различных теоретических направлений по-разному трактуют это. Психоаналитики объясняют неустойчивость юношеских увлечений тем, что они почти не связаны с реальными свой-

ствами их объекта. Для подростка объект увлечения — не столько конкретное лицо, сколько средство избавления от своей внутренней напряженности, хороший или дурной пример, способ самоуспокоения или доказательства собственных способностей. Социальная психология склонна объяснять это скорее сложностью процесса межличностного общения, социальной незрелостью и коммуникативной некомпетентностью партнеров.

Дифференциальная психология придерживается точки зрения, что требования к другу и дружбе зависят не только и не столько от возраста, сколько от типа личности. В ранней юности, пока индивид еще не научился корректировать собственные реакции, их «острые углы» проявляются наиболее резко.

Каждое из этих объяснений в определенной мере справедливо. Поскольку юношеская дружба ближе всего к романтическому идеалу, ей свойственны и все его издержки.

Как тонко заметил австрийский писатель Роберт Музиль, стремление светить самому в юности гораздо сильнее, чем желание видеть при свете. Юношеская дружба — «как яйцо, чувствующее свою великолепную птичью будущность уже в желтке, но представляющее внешнему миру пока всего лишь несколько невыразительным овалом, который нельзя отличить от любого другого» (Музиль, 1984, т. 1, с. 81). Чем эгоцентричнее дружба, тем вероятнее, что с возрастом в ней появятся нотки враждебности. «Несметное число лет назад мы восхищались друг другом, а теперь мы не доверяем друг другу, зная друг друга насквозь. Каждому хочется избавиться от неприятного впечатления, что когда-то он путал другого с самим собой, и потому мы служим друг другу неподкупным кривым зеркалом» (там же, с. 74).

Идентичность и интимность

Вопрос о соотношении генезиса самосознания и психологической интимности стал предметом спора двух выдающихся американских психологов и психоаналитиков Эрика Г. Эриксона и Гарри С. Салливэна (см. Кон, 1984).

Согласно теории Эриксона, становление идентичности, то есть целостного самосознательного Я, *предшествует* вызреванию у личности способности к устойчивой психологической близости с другим человеком. «Только когда формирование идентичности в основном завершено, становится возможной истинная интимность, которая фактически является одновременно и слиянием, и противопоставле-

нием индивидуальностей... Юноша, который не уверен в своей идентичности, избегает межличностной интимности или же склонен к такой интимности, в которой есть только видимость "совместности", но без подлинного слияния или реального самозабвения» (Erikson, 1968, p. 135).

Эмпирическая проверка теории Эриксона стала возможна после того, как канадский психолог Дж. Марша (Marcia, 1994) конкретизировал понятие **личной идентичности**, выделив четыре статуса, или уровня, ее развития:

- **диффузная идентичность** — индивид еще не сделал ответственного жизненного выбора (профессии и мировоззренческой позиции), его Я выглядит расплывчатым, неопределенным;
- **неоплаченная идентичность** — индивид принял определенную идентичность, миновав процесс исследования себя, он включен в систему взрослых отношений, но его выбор сделан не самостоятельно, а под воздействием извне;
- **отсроченная идентичность**, или идентификационный мораторий — индивид находится в процессе профессионального и мировоззренческого самоопределения;
- **достигнутая идентичность** — личность нашла себя и вступила в период практической самореализации.

Многочисленные исследования подтвердили, что разные уровни идентичности соотносятся с широким спектром индивидуально-личностных черт, включая стиль общения и характер личных отношений (Marcia, 1980; Kacerguis and Adams, 1980). Сопоставление степени интимности, глубины и взаимности личных отношений (интимные отношения, стереотипные отношения и состояние психической изоляции) юношей и девушек с уровнем развития их идентичности показало, что способность к интимности отличает прежде всего тех, кто находится в стадии «моратория» или достиг «зрелой идентичности», тогда как общение молодых людей с «неоплаченной» или «диффузной идентичностью» поверхностно и стереотипно. Среди юношей и девушек с «диффузной идентичностью» самый высокий процент изолированных. В число людей, поддерживающих интимные отношения с окружающими, не попал ни один человек с «диффузной», и — только 18% с «неоплаченной идентичностью». Уровень развития самосознания существенно сказывается на отношениях юношей и девушек с их родителями, друзьями и любимыми.

Но за возрастными различиями сплошь и рядом скрываются различия личностные. Хотя среди 12–13-летних подростков «диффузное Я» встречается чаще, чем среди юношей, переход к «зрелому Я» происходит медленно, сравнительно поздно, и не у всех. Свыше половины канадских студентов, обследованных Марша, сохранили первоначально зафиксированный у них низкий уровень самосознания и 6 лет спустя.

В противоположность Эриксону Салливан полагает, что именно психологическая интимность, подтверждение и одобрение со стороны близкого человека открывают личности ее истинную сущность и позволяют обрести устойчивое Я. Поэтому он придает особое значение тесной дружбе детей и младших подростков, видя в ней средство формирования отзывчивости к переживаниям другого и общей альтруистической установки (Sullivan, 1958, p. 264–271).

Взгляды Салливана также получили эмпирическое подтверждение. Например, сравнение группы мальчиков, имеющих близких друзей (близость дружбы измерялась степенью ее устойчивости, искренности и предпочтением друга в качестве партнера по досугу), с мальчиками, у которых таких друзей нет, показало, что первая группа отличается и более высоким уровнем альтруизма. В другом исследовании дети, имеющие близких друзей, обнаружили не только более высокий уровень альтруизма, но и большую способность эмоционально ставить себя на место другого (Mannarino, 1980). Сравнение степени интимности межличностных отношений группы взрослых людей с тем, какими они были в детстве, выявило значимые корреляции не с юношеским, а с предподростковым возрастом (8–9 лет), когда начинают созревать необходимые предпосылки интимности (Maas, 1968).

Хотя отношения младших школьников с их друзьями менее интимны, чем отношения с родителями (в юности соотношение обратное), в дружеских отношениях дети значительно самостоятельнее. Напряженный интерес к другу, стремление понять его и заботиться о нем (тогда как в отношениях с родителями дети чаще выступают как *объект* заботы) способствуют лучшему осознанию собственной личности и одновременно — формированию соответствующих навыков общения.

В целом же альтернатива, что формируется раньше — идентичность или интимность, — представляется мне слишком абстрактной и теоретически шаткой. Ведь оба феномена многомерны и многозначны. Социoproфессиональное самоопределение, без которого не-

мыслима идентичность, и формирование коммуникативных навыков далеко не всегда протекают синхронно.

Новейшие психологические исследования придают важное значение юношеской дружбе, но не склонны абсолютизировать ее влияние на развитие личности (Hartup, Stevens, 1997). Наличие друзей, дружеской поддержки и психологической близости с друзьями положительно коррелирует со школьными успехами, популярностью у сверстников, самоуважением и психосоциальной адаптацией и отрицательно — с наличием проблем с идентичностью, делинквентностью и депрессией (Berndt, Hawkins, Jiao, 1999; Kurdek and Krile, 1982; Windle, 1994). Но взаимосвязь этих факторов противоречива, а статистические корреляции зачастую не поддаются содержательной причинно-следственной интерпретации.

Например, психологическое благополучие может способствовать близости между друзьями, особенно если оба имеют высокое самоуважение, но противоположное также может быть верно. Проблемное поведение подростков, например, пьянство, может благоприятствовать как самораскрытию друзей (извечный вопрос пьяного: «Ты меня уважаешь?» Американцы в этом случае спрашивают: «Ты мне доверяешь?»), так и возникновению напряжения и разногласий («пьяная ссора»). Направление причинной связи в обоих случаях может быть и разным (Hartup, Stevens, 1997). Не разрешают этой проблемы и многочисленные лонгитюдные исследования юношеской дружбы.

10. Дружба взрослых

Но те, которым в дружной встрече
Я строфы первые читал...
Иных уж нет, а те далече,
Как Сади некогда сказал.

А. С. Пушкин

Дружба взрослых людей исследована значительно меньше, чем детская и юношеская, и занимаются ею чаще социологи (преимущественно в связи с изучением семейных отношений или особенностей городского стиля жизни), чем психологи. Это имеет свои исторические причины.

Возрастная динамика дружеского общения

Согласно представлениям, унаследованным от эпохи романтизма, юность — сплошной порыв, стремление, натиск, а взрослость — статичное состояние (само выражение «стать взрослым» как бы содержит оттенок окончательности), для которого характерны спокойствие, уверенность в себе и одновременно эмоциональное оскудение. Взрослый человек, пишут американские психологи Э. Дауван и Д. Эйделсон, утрачивает свойственную юности открытость и эмоциональную чуткость к внутренним переживаниям, своим и чужим. Поэтому дружба взрослых часто лишь «совместное бегство от скуки, пакт против изоляции, с оговоркой против интимности» (Douvan, Adelson, 1966, p. 178).

Оправдано ли это скептическое суждение? И да и нет.

Американский психолог Дэниел Левинсон, детально изучивший стиль жизни 40 своих соотечественников среднего возраста, нашел, что интимная дружба у этих мужчин практически отсутствует: они редко поддерживают тесные отношения с кем бы то ни было, а разница между «другом» и «знакомым» у них размыта (Levinson et al., 1978, p. 335). В то же время 68% читателей, заполнивших анкету журнала *Psychology today*, напротив, сообщили, что имеют от 1 до 5 близких друзей, причем у 22% из них эта дружба продолжается свыше 20 лет (Parlee, 1979).

Дружба взрослых и людей пожилого возраста качественно отличается от юношеской. Отсюда — целый ряд серьезных вопросов. Как изменяется с возрастом круг реального дружеского общения — число

друзей, их возраст, пол и социальные характеристики? Какие функции выполняет и какое место занимает дружба в системе личных отношений взрослого человека — семейных, родственных, соседских, трудовых и пр.? Зависят ли от возраста ценностные характеристики дружбы, степень ее интимности и психологической сложности? Как влияет наличие или отсутствие друзей на психическое благополучие личности, ее удовлетворенность жизнью, переживание счастья и т. п.?

Согласно большинству исследований, среди людей среднего возраста не имеют друзей лишь 6–7%. Среди пожилых (старше 65 лет) американцев число не имеющих друзей возрастает до 12% у женщин и до 22% — у мужчин; в Нидерландах друзей не имеют 19% опрошенных (Hartup, Stevens, 1997, ср. Dickens and Perlman, 1981; Reisman, 1981; Chown, 1981; Blieszner & Adams, 1992).

Судя по данным выборочных исследований, круг друзей у людей среднего возраста сужается, а расходуемое на общение с ними время уменьшается. Если подросток проводит в обществе друзей до 29% своего времени, то у людей среднего возраста соответствующая цифра — 7% (Larson & Bradney, 1988). Меняется и эмоциональный тонус дружбы.

«Пик» дружбы, когда она является наиболее исключительной, интенсивной и эмоционально значимой, везде и всюду приходится на юность и раннюю молодость. В активном среднем возрасте интенсивность дружеского общения и психологическая интимность дружбы в большинстве случаев снижаются.

Обыденное сознание склонно объяснять это эмоциональным оскудением личности. Как сказал один писатель, человек всегда чувствует себя дома в своем прошлом. Переживания юности, даже если вы хорошо помните ее горести и разочарования, навсегда сохраняют неповторимое обаяние. Но тоска по утраченной молодости и желание начать жизнь сначала далеко не всегда говорят о реальном оскудении чувств, тем более, что чувство собственного «остывания» навещает многих еще на школьной скамье. Пушкинский Ленский — не единственный, кто «пел поблеклый жизни цвет без малого в осьмнадцать лет».

Большую сдержанность и сухость дружбы взрослых людей нередко объясняют изменением соотношения разума и чувства. Однако, по данным сравнительной психологии, и в фило- и в онтогенезе эмоции и интеллект развиваются не в антагонизме друг с другом, а, скорее, параллельно. Чем выше уровень организации и развитости организма, тем выше его эмотивность. Это проявляется в расширении круга факторов, способных вызывать эмоциональное беспокойство,

большем многообразии способов проявления эмоций, продолжительности эмоциональных реакций, вызываемых кратковременным раздражением, и т. д. Чувства взрослого человека сложнее, тоньше, дифференцированнее, чем детские эмоции. Взрослый точнее, чем ребенок или юноша, воспринимает и расшифровывает чужие переживания. Однако его чувства лучше контролируются разумом. Иначе и быть не может.

Если бы взрослый с его сложными, дифференцированными чувствами и широкой сферой значимых отношений реагировал на все с непосредственностью ребенка, он неминуемо погиб бы от перевозбуждения и эмоциональной неустойчивости. Его спасают два вида психологической защиты. Во-первых, у него развиваются сложные и эффективные психофизиологические механизмы внутреннего торможения, сознательного и бессознательного самоконтроля. Во-вторых, культура облегчает индивиду эмоциональные реакции, «задавая» более или менее единообразные правила поведения и стандартизируя многие типичные ситуации (Hebb, Thompson, 1968).

Неоднократное повторение даже самой драматической ситуации, делая ее привычной, снижает ее эмоциональное воздействие. Хирург не черствеет представителей других профессий, тем не менее он не падает в обморок при виде крови, так как воспринимает ее в свете своих профессиональных установок. Дело не столько в *силе* эмоциональной реакции, сколько в ее *направленности*: вид крови возбуждает каждого человека, но хирурга это возбуждение стимулирует к активной профессиональной деятельности, а у кисейной барышни вызывает парализующий ужас.

Однако это имеет и обратную сторону. Как костяк, становясь прочнее, утрачивает свойственную ему на ранних стадиях развития гибкость, так и стандартизация эмоциональных реакций, обеспечивая сохранение психической устойчивости, постепенно притупляет их живость и непосредственность. Сент-Экзюпери недаром воплотил идею сочувствия и сопереживания не во взрослом, а в Маленьком принце.

Социально-психологические особенности дружбы взрослых

Сдвиги в характере дружбы связаны не столько с психофизиологическими, сколько с социально-психологическими процессами. Три момента особенно важны для понимания психологических отличий дружбы взрослых людей от юношеской дружбы.

1. Относительное завершение формирования самосознания.
2. Расширение и дифференциация сферы общения и деятельности.
3. Появление новых интимных привязанностей и отношений.

Образ собственного Я, который у юноши еще только формируется, у взрослого человека уже сложился в определенную устойчивую структуру. Жизненный опыт позволяет ему более реалистически оценивать себя, свои достижения и возможности. Взрослый человек научается соизмерять свои притязания с возможностями, его сознание более предметно, менее эгоцентрично, нежели юношеское, поэтому потребность в психологическом «зеркале» у него снижается.

Функция самопознания, столь важная в юношеской дружбе, теперь отходит на задний план, и дружеское общение в значительной мере теряет свою исповедальность. Чтобы снять юношеские проблемы и трудности, обусловленные преувеличением собственной уникальности, непохожести на других, иногда достаточно высказать их вслух, поделиться с другом. Проблемы, волнующие взрослого человека, значительно сложнее, простым разговором их не разрешить. Поэтому его общение с друзьями имеет более предметный характер.

В активном среднем возрасте акцент на психологической интимности как важнейшем признаке дружбы несколько ослабевает и дружеские отношения утрачивают свой ореол тотальности (у женщин это отчасти объясняется сосредоточением интересов на семейных делах, а у мужчин — на профессионально-трудовой деятельности). Но ценности дружбы отнюдь не сводятся к взаимопомощи и совместно-му времяпрепровождению. При любых опросах значительная часть (хотя много меньше, чем в юности) испытуемых взрослых заявляют, что ценят в дружбе прежде всего доверие и потенциальную возможность обсуждать свои личные проблемы. Это отличает дружбу от всех прочих личных отношений, не исключая и любовно-семейных.

Например, опрошенные Л. А. Гордоном и Э. В. Клоповым рабочие, служащие и инженеры независимо от их возраста и образования выше всего ценят в своих друзьях именно душевные качества — искренность, честность, отзывчивость, простоту. Такие высоко ценимые среди молодежи свойства, как веселость и общительность, у взрослых котируются ниже. Сравнительно редко встречаются и указания на интеллектуальные качества друзей (Гордон, Клопов, 1972).

Содержание и структура дружеского общения у взрослых зависят от множества конкретных обстоятельств. Один из главных показателей уровня культуры и интеллектуального развития — терпимость

к различиям. Это проявляется и в общении. Детская дружба может распасться из-за пустяка. Юноши уже готовы мириться с частными недостатками своих друзей, но сама дружба все-таки понимается как нечто тотальное. Отчасти здесь проявляется типичная для юности идеализация друга и дружбы, о которой говорилось выше, отчасти же это связано с вполне реальными обстоятельствами. Устремленные в будущее юноши делятся друг с другом прежде всего мечтами и жизненными планами. Чем неопределеннее эти образы будущего, тем легче найти человека, который готов полностью их разделить.

Жизненный мир взрослого человека гораздо сложнее подросткового. Его деятельность, круг его общения и сфера интересов неизбежно расчлняются, специализируются. Чем сложнее и многограннее человек, тем труднее найти другого, который был бы ему созвучен во всех отношениях. Отсюда — дифференциация дружеских отношений, когда с одним из друзей нас связывают общие интеллектуальные интересы, с другим — воспоминания молодости, с третьим — эстетические переживания и т. д. Каждое из таких отношений имеет свои границы, которые люди предпочитают не переходить. Однако это не мешает дружбе быть глубокой, искренней и устойчивой.

Дружба в системе личных отношений

В юности дружба, как мы видели, занимает привилегированное, даже монопольное положение в системе личных отношений и привязанностей. Она складывается, когда у человека нет еще ни собственной семьи, ни профессии, ни даже любви. Единственный «соперник» юношеской дружбы — любовь к родителям, но эти чувства лежат в разных плоскостях. С появлением новых, взрослых, привязанностей дружба постепенно утрачивает свое привилегированное положение.

Первая влюбленность не только не ослабляет потребности в дружбе, с которым можно поделиться своими переживаниями, но даже усиливает ее. «Мне кажется, что я немного влюблена в С., — пишет в своем дневнике девятиклассница. — И сейчас мне очень нужен кто-то, кому можно все это высказать, с кем поговорить».

Но как только появляется взаимная любовь, предполагающая как физическую, так и психологическую интимность, эта сфера отношений полностью или частично изымается из обсуждения с друзьями. Человек хочет сохранить эти переживания только для себя. Кроме того, объективация любовных отношений, превращение их в предмет обсуждения интуитивно воспринимается как нечто безнравст-

венное. Но если в любовных отношениях возникают какие-то трудности, они становятся предметом обсуждения.

Особенно резко меняется структура дружеских отношений со вступлением в брак. Прежде всего, встает вопрос: совместимы ли с семьей прежние друзья? А новые друзья выбираются уже с учетом приемлемости для обоих супругов. Семейная дружба, дружба парами или «домами», естественно, менее интимна, чем юношеская.

Молодые супружеские пары первое время по инерции продолжают ориентироваться на внесемейное общение. Половина опрошенных Л. А. Гордоном и Э. В. Клоповым молодоженов сказали, что, будь у них больше свободного времени, часть этой «прибавки» они использовали бы для встреч с друзьями. Но постепенно удельный вес внесемейного общения снижается, и, что особенно важно, оно все теснее связывается с общением домашним. Люди чаще встречаются не в общественных местах, а дома. В числе их гостей и тех, к кому они сами ходят в гости, ведущее место занимают родственники. Вне семейное общение (например, мужские компании, встречи в кафе или пивном баре) становится периферийным.

С появлением детей значительная доля эмоциональной привязанности переносится на них. По данным тех же Л. А. Гордона и Э. В. Клопова, основная тема разговоров с друзьями и знакомыми у взрослых мужчин — работа, а у женщин — семейные дела. Если в начале юности дружба оттесняет родительское влияние, то теперь ей самой приходится потесниться, чтобы дать место новым привязанностям. Более экстенсивные, «поисковые» формы общения сменяются более устойчивыми и замкнутыми.

Хорошей иллюстрацией этого может служить многолетняя переписка с матерью, с которой меня познакомил инженер В. Эта переписка началась в 1956 г., с поступлением 17-летнего юноши в вуз. Первая забота В. в новой жизни — поиск друзей.

«Друзей настоящих я себе не нашел, — пишет он матери. — Ребята в комнате со мной хорошие, не пьют, не курят, достаточно трудолюбивые и знающие, чем помочь. Но этого тем не менее недостаточно. Я сейчас особенно почувствовал, что не на кого надеяться. Другой раз нужен совсем не совет, а только уверенность в том, что его можно получить в любое время».

Проходит полгода — и уже возникла дружеская компания. Ребята вместе ходят в театры, музеи, обсуждают книги. Но этого мало. «Мы с Германом устраиваем бесконечные споры по вопросам искусства и философии. Это звучит довольно самоуверенно, но это неважно.

Главное в том, что мы можем высказывать откровенно очень смелые идеи, даже в тех вопросах, которые еще мало понимаем, не боясь оказаться в глупом положении друг перед другом. Если нам не хватает фактов (идей нам пока хватает) или понимания — идем в библиотеку. Вот только плохо, что нас трое мальчишек. Ни одну девчонку еще не удалось вовлечь в хороший спор».

Письма к матери при всей их откровенности не охватывают всех сторон жизни. О своих отношениях с девушками, влюбленностях, романах молодой человек предпочитает не распространяться. Но когда возникает любовь, он посвящает в нее мать. Сначала это рассказы о совместных развлечениях, турпоходах и т. п. Затем тональность писем меняется.

В июле 1962 г. только что окончивший вуз инженер пишет: «В отношении Л. все пока по-прежнему. Только меня тяготит немного то, что не вместе живем. И если я раньше доказывал, что наше положение сохраняет свежесть и новизну наших взаимоотношений, то теперь мне часто кажется, что это напрасная трата времени. Мне уже не хочется, чтобы наша жизнь состояла из свиданий. Мне хочется работать, и чтобы она была здесь. И когда я дома слушаю музыку, чтобы она тоже была здесь, и когда ем — тоже. Просто я привык, и это не охладило меня. И это, мне кажется, лучший из возможных исходов».

Итак, женитьба, с которой неизбежно связаны новые заботы и изменение образа жизни. Но в январе 1963 г. В. пишет матери: «Мы встретили Новый год дома, вдвоем, и не скучали. Вообще я все время приятно удивляюсь тому, что нам ни одной минуты не приходится скучать вдвоем. Говоря правду, я немного боялся именно этой стороны так называемой семейной жизни. Но интересных событий так много вокруг, что едва успеваем все обсуждать и обдумывать».

Перестройка структуры и иерархии личных отношений редко проходит гладко. Расставание с очарованием юношеской дружбы часто переживается болезненно.

«...Лишь до семнадцати, восемнадцати лет мила, светла и бескорыстна юношеская дружба, а там охладает тепло общего тесного гнезда, и каждый брат уже идет в свою сторону, покорный собственным влечениям и велению судьбы», — с грустью писал А. И. Куприн (Куприн, 1958, т. 6, с. 164).

Но не следует забывать об эгоцентричности молодости, которая часто побуждает юношу искать в друге не столько Собеседника, сколько зеркало или двойника. Нравственно-психологический прогресс дружеского общения заключается именно в освобождении с воз-

растом от такой установки. «...Пока человек не освободился еще от своего Двойника, он, собственно, и не имеет еще Собеседника, а говорит и бредит сам с собою; и лишь тогда, когда он пробьет скорлупу и поставит центр тяготения *на лице другого*, он получает впервые Собеседника. *Двойник умирает, чтоб дать место Собеседнику*» (Ухтомский, 1973, с. 385).

Только после этого полностью вырисовывается нравственный смысл дружбы и скрепляющих ее ценностей.

Поэтому, сравнивая взрослую дружбу с юношеской, надо говорить не столько об оскудении, сколько об усложнении чувств и о перемещении центра тяжести «привилегированных» сфер интимности. Ребенок получает максимум эмоционального тепла от общения с родителями. В ранней юности наиболее значимой сферой личного общения становится групповая или парная дружба. Затем на первое место выходит любовь. У взрослого круг личностно-значимых отношений становится еще шире, и какое из них психологически доминирует, зависит от индивидуальных особенностей человека и его жизненной ситуации.

Таким образом, в развитии межличностных отношений, как и самой личности, есть свои **стадиальные закономерности**. Один вид отношений подготавливает другой, более сложный, но может и препятствовать ему. Например, слишком теплые отношения в семье, дающие застенчивому подростку максимум психологического комфорта, иногда тормозят его вхождение в общество сверстников, где за положение и признание надо бороться. Тесная юношеская дружба порой также создает конфликтные ситуации. Пример: судьба «последнего в компании», который настолько поглощен своими друзьями и совместной с ними деятельностью, что не ищет других привязанностей. Его друзья один за другим влюбляются, женятся, а тот, кто полнее всего идентифицировался с группой как целым, остается один. Он запоздал с переходом в следующую стадию.

Дружеское общение во всех возрастах имеет высокую нравственно-психологическую ценность, наличие друзей считается одной из важнейших предпосылок психологического комфорта и удовлетворенности жизнью. Но в старших возрастах новые дружбы завязываются труднее. С возрастом понятие «лучший друг» все теснее сливается с понятием «старый друг». У пожилых людей «близкие друзья» — большей частью те же люди, с которыми они дружили раньше, новые дружбы возникают все реже и реже (Hess, 1972).

Дружба взрослых людей часто совмещается с семейными ролями, недаром ее считают необходимым аспектом супружеской любви. Однако длительная и не всегда добровольная близость зачастую притупляет интерес друг к другу. Кажется, что все слова уже сказаны, все мысли высказаны. Хотя в человеке постоянно возникает что-то новое, чем он хочет и мог бы поделиться, рутинизация отношений, страх быть непонятым или ложно истолкованным зачастую блокируют эту потребность.

С посторонним человеком, случайным дорожным попутчиком иногда поговорить легче, чем с домашними, потому что новый человек принимает вас «по номиналу», так, как вы себя подаете, а старый друг не может отбросить шлейф вашей биографии и собственных взаимоотношений с вами. Можно сколько угодно иронизировать насчет традиционных мужских компаний у пивных ларьков и sacramentalной формулы «Ты меня уважаешь?», но сама их распространенность говорит о каких-то неудовлетворенных коммуникативных потребностях.

Противоречив и нормативный канон общения. С одной стороны, слышатся призывы к осторожности, сдержанности в словах: «О чем невозможно говорить, о том следует молчать» (Витгенштейн, 1958, с. 97). С другой стороны, своевременно не высказанные слова мертвым грузом оседают на душе. Как сказал об одном из своих персонажей американский писатель Бернард Маламуд, «ему было нечего сказать, потому что он не сказал этого тогда, когда было его время говорить. То, чего ты не выразишь, превращается в невысказанное. Закрытый дом полон запертых комнат» (Malamud, 1979, p. 161).

Друзья и психическое благополучие

Наличие близких друзей на всем протяжении жизненного пути остается важнейшей гарантией против одиночества.

Из анализа автобиографий 400 канадских студентов видно, что, хотя само по себе прекращение или разрыв дружеских отношений сравнительно редко считается причиной одиночества, острое чувство одиночества, возникающее в результате кризиса в каких-то других (например, любовных) значимых отношениях, побуждает человека обращаться за помощью прежде всего к друзьям, и они действительно оказывают ему помощь. Если близких друзей у человека нет, любой жизненный кризис переживается гораздо болезненнее (Серма, 1989).

Сравнение остроты переживаемого одиночества 255 канадских мужчин и 431 женщины с особенностями их любовно-романтических, семейных, дружеских и товарищеских отношений показало, что чувство одиночества теснее всего связано с дефицитом дружеских отношений, тогда как, например, недостаток интимности в семье вызывает острое чувство одиночества только у молодых мужчин, остальные люди находят ему какую-нибудь компенсацию (Schmidt and Sermat, 1983).

В зрелом возрасте правила дружбы становятся менее жесткими, чем в юности. Для поддержания дружбы уже не нужны ни частые регулярные встречи, ни совместное времяпрепровождение. У взрослых и пожилых людей значительно чаще, чем у молодых, встречается разнополая и разновозрастная дружба. Терпимее воспринимается асимметричность дружеских отношений, различия в характере оказываемых друг другу услуг, степени взаимного доверия и т. п. Однако психологическая потребность в безусловном признании и эмоциональной поддержке с возрастом не ослабевает.

Друг — это человек, к которому «я могу войти, не надевая никакого мундира, не исповедуя никакого Корана и не отрекаясь ни от чего, что принадлежит моей внутренней родине. Рядом с тобой мне нет надобности ни каяться, ни оправдываться, ни доказывать... И я благодарен тебе за то, что ты принимаешь меня со всем, что есть во мне» (Сент-Экзюпери, 1964, с. 436).

Потеря друзей, вместе с которыми безвозвратно уходит в небытие часть нашей собственной жизни, соучастниками и свидетелями которой, часто единственными, они были, заставляет еще выше ценить оставшихся и придает мыслям о дружбе ностальгический оттенок. Взятые эпиграфом к этой главе поэтические строки 31-летнего Пушкина (Пушкин, т. 5, с. 191) почти дословно перекликаются со стихами 28-летнего Гёте:

Им не услышать следующих песен,
Кому я предыдущие читал.
Распался круг, который был так тесен,
Шум первых одобрений отзвучал...

Гёте, 1953, с. 36

Друзья уходят как-то, невзначай,
Друзья уходят в прошлое, как в память,
И мы смеемся с новыми друзьями,
А старых вспоминаем по ночам.

Вадим Егоров

Дружба в старости

Еще сильнее звучит эта тема в старости. Если в среднем возрасте дружба большей частью совмещается с другими, семейными и трудовыми, ролями и отношениями, то в старости она снова обретает исключительность, а ее психологическое значение резко возрастает (Chown, 1981).

Некоторые люди начинают чаще встречаться со старыми друзьями и проводят с ними больше времени, чем раньше. Это особенно характерно для тех, кто никогда не имел семьи или лишился ее (разведенные или вдовцы) (Dykstra, 1995; Gupta & Corte, 1994).

Общение старых людей с друзьями качественно отличается от их общения с детьми и внуками. Наличие близких друзей — такое же необходимое условие относительно счастливой старости, как приличное здоровье и материальное благополучие (Blehar, 1979; Кларк, Эндерсон, 1989; Биксон, Пепло, Рук, Гудчайлдс, 1989). Боязнь потерять старых друзей и трудность установления новых отношений — одна из главных причин того, что пожилые люди избегают менять место жительства, работы и т. д.

Дело не только в преклонном возрасте и сопутствующих ему неприятностях. В жизни каждого человека рано или поздно наступает момент, «когда он открывает, что он есть только то, что он есть. Однажды он узнает, что мир больше не предоставляет ему кредита под его будущее, не хочет позволить ему видеть себя тем, чем он мог бы стать... Никто не спрашивает его больше: что ты будешь делать? Все утверждают твердо, ясно и непоколебимо: это ты уже сделал. Другие, он вынужден узнать это, уже подвели баланс и вывели сальдо, кто он такой» (Amary, 1977. S. 65). Молодой человек еще «будет», человек среднего возраста — «есть», старый — уже «стал».

Хотя при социологических опросах старики реже юношей жалуются на одиночество, это объясняется не столько тем, что они психологически более благополучны, сколько тем, что они научились смирению и приспособливают свои притязания к уровню реальных возможностей.

Потребность в человеческом тепле, моральной поддержке и общении у стариков особенно велика, а удовлетворить ее трудно. Общеизвестно, что старые люди отличаются повышенной разговорчивостью. Это объясняется как психофизиологическими, так и социально-психологическими причинами: человек, проживший долгую жизнь и уже отошедший от большинства своих прошлых дел, жаждет поделиться

с другими жизненным опытом, который, естественно, кажется ему важным и ценным.

Но где найти заинтересованного слушателя? Члены семьи много раз слышали его истории, молодым они зачастую неинтересны, а сами старики, как и большинство людей, гораздо охотнее говорят, чем выслушивают других. «Вся моя жизнь теперь — бессмысленное сидение в четырех стенах, — пишет 80-летний мужчина. — Мне не с кем поговорить, хотя дом полон людей. Но им со мной неинтересно, я в семье как пятое колесо в телеге».

Многие старики были бы рады помочь другим. Но уже в 1970-х гг. в городской среде к пожилым людям в несколько раз чаще обращались за материальной помощью, чем за советом; объем оказываемых ими информационных услуг был в 2–3 раза меньше, чем у лиц среднего возраста (Баранов, 1981, с. 110). Сейчас, когда многим старикам фактически не на что жить, а их социальный опыт объективно обесценен сменой общественного строя, это переживается гораздо острее.

Болезненно сказывается в старости и тематическая узость дружеского общения. Если люди привыкли и дома с друзьями говорить в основном о работе, то выход даже одного из них на пенсию уже создает серьезную проблему: хотя друзья продолжают встречаться, говорить им вроде бы не о чем. Женщинам, интересы которых теснее связаны с семейными и бытовыми делами, выход на пенсию психологически дается легче, чем мужчинам.

Хотя дружеские отношения и в старости в большинстве случаев ориентируются на принцип сродства, общности жизненного опыта и т. п., они допускают больше вариаций относительно пола и особенно возраста друзей.

Многие пожилые мужчины заинтересованы в общении не столько с ровесниками, которых они хорошо понимают, но им нечего сказать друг другу, сколько с юношами или молодыми людьми.

В любви большая возрастная разница обычно воспринимается как непреодолимый барьер. Как сказала Марина Цветаева (Цветаева, 1984, т. 1, с. 110):

Я — емь. Ты — будешь. Между нами — бездна.

В дружбе возрастная разница принципиально возможна. Хотя отношения «старого и малого» из-за их явной асимметричности редко называют дружбой, они не противоречат нормативному канону дружбы и могут быть эмоционально значимы для обеих сторон. Старик ищет в юноше собеседника, с которым он может делиться своими

воспоминаниями и невостребованным жизненным опытом, а молодой человек находит в старике человека, которому можно безбоязненно открыться. Прообразом такой дружбы является психологическая близость между дедом и внуком, которая нередко выгодно отличается от напряженных и конфликтных взаимоотношений между отцами и сыновьями.

Однако реально такие дружбы редки. Молодым людям, если только они не находятся в состоянии душевного кризиса и одиночества, жизненная мудрость позапрошлого поколения так же мало интересна, как история Пунических войн, а старики слишком много говорят о себе и к тому же склонны к поучениям. «Юный друг», с которым старик мысленно разговаривает, относится скорее к категории воображаемых, чем реальных друзей. Наличие воображаемых друзей — одна из многих черт, сближающих старость с детством.

11. Мужская и женская дружба

Обычный уровень женщины отнюдь не таков, чтобы они были способны поддерживать ту духовную близость и единение, которым питается этот возвышенный союз; да и душа их, по-видимому, не обладает достаточной стойкостью, чтобы не тяготиться стеснительностью столь прочной и длительной связи.

Мишель де Монтень

Существует ли женская дружба?

Традиционная теория дружбы, уходящая корнями в античность, считала ее преимущественно и даже исключительно мужской добродетелью. Приведенное выше высказывание Монтеня типично для его эпохи. Возможность дружбы между женщинами философы начали понемногу признавать только в XVIII в., но и сегодня многие люди убеждены, что женская дружба существенно уступает мужской по глубине, силе и устойчивости.

Как сложилось это мнение?

О женской дружбе, как и о женской логике, высказывались главным образом мужчины, которые были склонны принижать женщин и недооценивать значение их субъективного опыта. Да и откуда им было о нем знать? О чем говорили на женской половине дома, мужчины не знали и знать не хотели, а женщины писать не умели и публично не высказывались.

Но дело не только в мужском шовинизме. Закрытые мужские сообщества и дружба имели священное, сакральное значение, прославлялись и поэтизировались. Передаваясь из поколения в поколение, эти легенды закреплялись в массовом сознании, которое превращало нормативные, идеальные представления в свойства, якобы присущие каждому мужчине. Женская дружба в отличие от мужской никогда и нигде не возводилась в ранг социального института, оставаясь сугубо интимным, бытовым феноменом.

Едва ли не единственная древняя история о дружбе между двумя женщинами рассказана в Библии. Уроженка иудейского Вифлеема Ноеминь вместе с мужем и двумя сыновьями, женившимися на местных женщинах, много лет жила «на полях моавитских». Когда ее муж и сыновья умерли, старая женщина решила вернуться на роди-

ну. Обе ее снохи, моавитянки, по велению долга последовали за ней, но Ноеминь отпустила их. Одна сноха, Орфа, послушалась и «возвратилась к народу своему и своим богам». А другая, Руфь, «сказала: не принуждай меня оставить тебя и возвратиться от тебя; но куда ты пойдешь, туда и я пойду, и где ты жить будешь, там и я буду жить; народ твой будет моим народом, и твой Бог моим Богом; и где ты умрешь, там и я погребена буду... Смерть одна разлучит меня с тобою» (Руфь, 1:16, 17). Верность Руфи была вознаграждена: с помощью Ноеминь она нашла в Вифлееме нового мужа и родила ему сына, от которого пошел будущий род Давида, что и обеспечило ей почетное место в Библии.

Андроцентрическая культура, центром которой был мужчина, прославляла женскую верность и преданность мужчине — мужу, отцу, сыну, возлюбленному, отношения между женщинами были ей безразличны. В условиях жесткой сегрегации мужского и женского миров, между обитательницами гаремов или женской половины дома неизбежно возникали индивидуальные отношения дружбы или вражды, но они не влияли ни на социальную структура общества, ни на его культурный символизм.

Наличие прочных и интимных привязанностей и романтических дружб между женщинами в прошлые исторические эпохи историки-феминистки открыли только в 1980-х гг. (Fadermann, 1981). Но даже после возникновения профессиональной истории женщин их взаимоотношения описываются преимущественно с мужской точки зрения и довольно уничижительно.

Рассказы о повседневной жизни русских дворянок конца XVIII—начала XIX в. сводятся к описанию того, как они сплетничают, разговаривают о домашних делах, обнимаются и целуются «согласно моде, а не по любви», «входят друг к другу без стука»,веряют друг другу собственные секреты и бесцеремонно стараются проникнуть в чужие тайны (Пушкарева, 1997, с. 225–227). Если же отношения между двумя женщинами были очень тесными, пересиливали семейные связи, их считают лесбийскими. Нередко так оно и было, но иногда это просто дань стереотипу: мир женщины — исключительно любовь, а дружба — мужское дело. В русском языке слова «друг» и «дружба» существовали уже в XII в., а слова «другиня» (подружка) и «друга» появляются лишь в XVI в. Упоминания о «приятельских» отношениях между мужчиной и женщиной обнаруживаются лишь в текстах XVII в. (Пушкарева, 1997, с. 281).

Но если гендерные различия сводятся к тому, что мужчины говорят между собой о женщинах, политике и спорте, а женщины — о муж-

чинах, детях и семейном бюджете, так уж они принципиальны? И при чем тут пол? Для того чтобы женщины заговорили о философии или политике, они должны иметь доступ в эти сферы жизни.

Мужчины в собственной среде

Тем не менее различия мужского и женского стиля общения не сводится к стереотипам.

Хотя **гомосоциальность** (группирование по принципу сходства) и **гомофилия** (эмоциональная привязанность к себе подобным) не являются исключительным достоянием мужчин и не ограничиваются гендерными отношениями и свойствами (см. комментарий), у мужчин эти черты развиты сильнее, чем у женщин, причем они оформляются и закрепляются социально (о мужских союзах и сообществах говорилось в первой части книги) и социализационно.

КОММЕНТАРИЙ

Эти термины неоднозначны. В феминистской литературе понятие гомосоциальности чаще всего связывают с именем Евы Сэджвик (Сэджвик, 2002), но этот термин появился в социальной психологии задолго до нее и обозначал просто общение с себе подобными, без всяких сексуально-эротических коннотаций. В социологии сексуальности гомосоциальность трактуется прежде всего как «период жизни, когда самооценка больше зависит от мнения лиц своего, чем противоположного, гендера» (Gagnon & Simon, 1973, p. 68). То есть акцент делается на характере референтной группы подростка. Новейший сексологический словарь (Francœur, 1995, pp. 283–284) определяет гомосоциальность как тенденцию некоторых лиц общаться преимущественно с людьми собственного пола, гендерную сегрегацию, которая в одних обществах поощряется, а в других — нет.

Еще многозначнее слово «гомофилия». В самом общем смысле оно означает эмоциональное тяготение, любовь к подобному, в отличие от гетерофилии, тяготеющей к различиям (см. Maisonneuve, 1966). Уже Аристотель обсуждал вопрос, с кем люди предпочитают дружить — похожими на себя или непохожими? В рамках социологии дружбы Р. Мертон и П. Лазарсфельд (Lazarsfeld and Merton, 1954) операционализировали это понятие, разграничив социально-демографические (пол, возраст, социальное положение, образовательный уровень и т. п.) и индивидуально-психологические (ценности, интересы и т. п.) сходства. Это значение термина принято в социологии брака, любви и сексуальности, где гомофилией называют тот факт, что «отношения чаще формируются между людьми со сходными свойствами» (Laumann, Gagnon, Michael and Michaels, 1994, p. 226), причем речь идет не об эмоционально-эротических, а о социодемографических чертах. Напротив, в психологической литературе «гомофилия» нередко трактуется как эмоциональный феномен и сближается с понятием гомозертизма.

Статистическое обобщение этнографических данных по 186 доиндустриальным обществам (Schlegel and Barry, 1990) показало, что в жизни мальчиков группы однополых сверстников везде и всюду играют значительно большую роль, чем в жизни девочек. Мальчики раньше отделяются как от родительской семьи, так и от общества взрослых мужчин, и имеют больше внесемейных занятий. Мужские дома и союзы, в которых происходит социализация мальчиков, часто охватывают уже предпубертативный возраст (8–12 лет). Чувство принадлежности и эмоциональная привязанность к своей мужской группе предшествуют возникновению более тесных и индивидуализированных дружеских отношений. Разновозрастные мальчишеские группы отличаются высокой внутригрупповой и межгрупповой соревновательностью, имеют четко выраженную иерархическую структуру и дисциплину. Напротив, 8–12-летние девочки более тесно связаны с родительской семьей и реже образуют большие стабильные группы, ограничиваясь более интимными неформальными отношениями. Структура и лидерство девичьих групп менее жестки, а их социальные функции менее определены, чем у мальчиков. Кроме того, девичьи группы обычно функционируют на основе принятых в данном обществе норм и правил, тогда как юношеские группы часто конфликтуют с ними. У мальчиков значительно больше антинормативного поведения, причем взрослые признают такое поведение (в известных пределах) нормальным и допустимым. Это благоприятствует и формированию соответствующих характерологических черт (Кон, 2001б, 2003б).

По мере исчезновения или ослабления одних специфически мужских институтов их немедленно заменяют другие. В Средние века место первобытных мужских домов и тайных обществ занимают рыцарские ордена. Позже их дополняют или сменяют студенческие братства, масонские ложи, пивные, кофейни, клубы. В индустриальном и постиндустриальном обществе число и удельный вес исключительно мужских сообществ и учреждений резко уменьшились. Мужчины и женщины все чаще работают и проводят время совместно. Закрытые мужские клубы считаются дискриминационными. В молодежной субкультуре стали слышнее женские голоса. Даже армия, включая военные училища, перестает (а в некоторых странах уже перестала) быть чисто мужским институтом.

Тем не менее потребность в закрытом для женщин общении с себе подобными у мужчин по-прежнему велика. Чем заметнее присутствие женщин в публичной жизни, тем больше мужчины ценят такие заня-

тия и развлечения, где они могут остаться сами с собой, почувствовать себя свободными от женщин, нарушить стесняющие их правила этикета, расслабиться, дать простор агрессивным чувствам и эмоциям. Хотя мужское общение сопряжено с известными социальными издержками (хулиганство, пьянство, акты вандализма), оно выполняет важные компенсаторные функции и не может быть искоренено только административно.

Принадлежность и верность своей мужской группе — важнейшая нравственная ценность мальчиков и юношей. Именно в таких группах мужчины вырабатывают тот специфический кодекс чести, на который они оглядываются, иногда корректируя его, в последующей жизни.

Мужское сообщество и дружба часто выступают как синонимы мужества и мужественности. Вот как определяет понятие «мужчина» 51-летний россиянин: «Настоящий мужчина — это друг. Мужчина вообще определяется дружбой — это одна часть, вторая часть — отношение к своей стране, к Родине, как бы это громко ни звучало, и третья часть — отношения личные. Вот, собственно, три позиции, которые определяют “настоящность”, если можно так выразиться. Настоящая мужская дружба — это когда мужчина помогает, когда его не просят. Друг должен понимать такой момент. Если он понимает и вовремя помогает, вот это и есть настоящая дружба. Человек, который не лезет в душу, не лезет в семью, не лезет в твои отношения с другими людьми, не лезет в твою работу». «Дружба — это надежность... Настоящий мужчина должен быть надежен во всех отношениях» (мужчина 46 лет) (Шабурова, 2002, с. 467).

Эти определения — не констатация факта, а нормативное предписание относительно мужской дружбы, в которой надежность и взаимопомощь должны сочетаться с поддержанием социальной и психологической дистанции: не спрашивать, не приставать, но быть тут, «когда нужно». Когда именно и что именно нужно, не уточняется, но молчаливо подразумевается, что женщинам эти черты несвойственны.

Гендерная сегрегация и возраст

Гендерная сегрегация, то есть относительная изоляция девочек от мальчиков — универсальный факт человеческого развития. В тех или иных формах она существует везде и осуществляется не только и не столько родителями и воспитателями, сколько самими детьми, спон-

танно, независимо от предписаний взрослых и даже вопреки им (Leaper ed. 1994; Массобу, 1998).

Здесь есть определенные возрастные закономерности.

До 2 лет гендерные предпочтения у детей еще не особенно заметны, хотя уже 14-месячные дети легче общаются с сиблингами своего пола. Явное предпочтение в игре сверстников своего пола появляется на 3-м году жизни, сначала у девочек, а потом у мальчиков. К 5 годам эти предпочтения уже определенно установлены: дети, особенно мальчики, явно предпочитают играть с детьми своего пола и активно сопротивляются усилиям родителей и воспитателей, заставляющих их играть с представителями противоположного пола. Это проявляется не только в специфически девчоночьих («дочки-матери») и мальчишеских («казаки-разбойники»), но и в гендерно-нейтральных играх.

С возрастом гендерная сегрегация усиливается. По данным серьезного лонгитюдного исследования (Массобу and Jacklin, 1987), у детей 4,5 года однополые игры встречаются втрое чаще разнополых, в 6,5 года их соотношение выглядит как 11:1. Между 8 и 11 годами мальчики и девочки почти все время играют отдельно друг от друга. Причем, начиная уже с 4 лет, эту сегрегацию инициируют и поддерживают прежде всего мальчики, осуждая и высмеивая тех детей, которые эти границы нарушают.

Гендерная сегрегация — феномен не только американской и европейской культуры. Кросс-культурное исследование социального поведения детей 10 разных культур Африки, Индии, Филиппин, Мексики и США, показало, что 3–6-летние дети проводят с детьми своего пола две трети, а 6–10-летние — три четверти игрового времени (Whiting and Edwards, 1988). Примерно так же выглядит сравнение общения детей в США, Швейцарии и Эфиопии (Omark, Omark and Edelman, 1973).

Группы девочек и мальчиков не только играют по-отдельности, но могут даже враждовать друг с другом. Места игр и развлечений у детей часто дифференцированы, выделяются особые «девчоночьи» и «мальчишечьи» места, внешне никак не обозначенные, но оберегаемые от посторонних и избегаемые ими. При объединении мальчиков и девочек для общей игры для нее часто выбирается нейтральное место между двумя территориями (Осорино, 1999).

В каком-то смысле гендерная сегрегация — просто частный случай гомофилии, ориентации на общение с себе подобными. Тут сказываются различия и в темпах созревания, и в направленности интере-

сов мальчиков и девочек, и наличие определенной системы культурных норм и запретов.

Даже в условиях совместного коллективного воспитания мальчики и девочки выбирают разные игры и предпочитают партнеров собственного пола. Создатель социометрии — социальный психолог и психиатр Д. Морено нашел, что у 4–5-летних детей выбор мальчиков девочками и наоборот еще довольно велик (до 27%), а начиная с 7-летнего возраста уровень неформального общения между ними постепенно снижается, мальчики и девочки изолируются друг от друга. Эта взаимная изоляция достигает апогея между 10 и 12 годами, когда взаимный выбор составляет всего лишь 3%. Примерно с 13 лет кросс-гендерное общение опять активизируется; отмечается значительный рост выборов (взаимных и односторонних) девочек мальчиками и наоборот. В целом частота выбора разнополых друзей от 5 до 17 лет, по Морено, минимальна в средних возрастах и максимальна в младших и старших.

Хотя конкретные данные разных исследователей расходятся, дифференциация общения по гендерному признаку и предпочтение в сверстников собственного пола несомненны. Об этом говорят и многочисленные отечественные исследования.

Несмотря на совместность воспитания, в дошкольных учреждениях во всех возрастных группах отмечено четкое различие в круге и характере общения. Три четверти контактов, устанавливаемых младшим дошкольником, приходятся на сверстников его собственного пола. С возрастом гендерная исключительность становится еще более выраженной: мальчики и девочки играют практически отдельно друг от друга. 91% всех избирательных контактов и устойчивых игровых объединений дошкольника приходится на детей своего пола (Репина, 1984).

Инициаторами и защитниками этой сегрегации чаще бывают мальчики: гендерные предпочтения в выборе игр, партнеров и направленности интересов складываются у них раньше и выражены гораздо сильнее, чем у девочек. Уже у 3–4-летних мальчиков две трети всех выборов соответствуют стереотипным представлениям о том, каким должен быть и чем должен заниматься мальчик. Девочки в этом отношении гораздо терпимее, они охотней берут в свою компанию мальчиков, играют в мальчишечьи игры и т. д. Характерно, что маленькие мальчики чаще смотрят на других мальчиков, чем на девочек, но девочки тоже чаще смотрят на мальчиков (Слободская, Плюснин, 1987).

Эта тенденция к самоизоляции продолжается и в школьные годы. Но наблюдению Я. Л. Коломинского, выбор младшеклассником друга противоположного пола большей частью имеет компенсаторный характер: мальчиков выбирают те девочки, а девочек — те мальчики, которые не пользуются симпатиями у детей своего пола. Это связано с давлением специфических возрастно-групповых норм. В опытах Коломинского мальчики чаще всего выбирали девочек (и наоборот) в таких ситуациях, когда одноклассники могли не знать о сделанном ими выборе; выбирая соседа по парте, дети более осторожны, чем при выборе друга, потому что опасаются насмешек товарищей: «Если я с ней сажусь, то ребята говорят, что я влюбляюсь» (Реан, Коломинский, 2000).

Психологическая интерпретация игровой гендерной сегрегации неоднозначна. Элинор Маккоби и некоторые другие психологи полагают, что дело не столько в том, что дети стремятся к подобию (мальчики тянутся к мальчикам, а девочки к девочкам), сколько в том, что их игровые стили изначально различны: мальчики предпочитают силовую возню и соперничество, в которых девочки чувствуют себя ущемленными, а мальчикам девичьи игры кажутся слишком вялыми и пассивными. Именно это побуждает детей предпочитать игровых партнеров собственного пола. Половая дифференциация в играх (с кем и как играют) существует и у многих животных, в том числе у приматов (Tiger, 1969; Wrangham and Peterson, 1996).

Маскулинность и фемининность

Биологически-ориентированная психология склонна выводить все или почти все коммуникативные свойства мужчин и женщин из универсальных законов полового диморфизма. По мнению Е. П. Ильина, «как бы ни влияло общество на формирование поведения людей разного пола, первоисточник этих различий надо искать в биологической предназначенности мужчин и женщин» (Ильин, 2002, с. 7).

Но понятие «предназначенности» — не столько биологическое, сколько теологическое. Закономерности общественного разделения труда и связанные с ними психологические особенности мужчин и женщин историчны и не вытекают из психофизиологии. Вряд ли кто-нибудь рискнет всерьез утверждать, что мотивация и поведение современной образованной и эмансипированной женщины принципиально те же, что у обитательниц гаремов. Абсолютизация природных различий делает практически бессмысленной не только

социальную и историческую психологию, но и теорию деятельности Л. С. Выготского и А. Н. Леонтьева.

По мнению большинства ученых, жесткая поляризация мужских и женских качеств не имеет под собой научных оснований, большинство эмпирически наблюдаемых различий между мальчиками и девочками относительно и обусловлено совместным действием природы и воспитания. Кроме того, разные психические свойства (психофизиологические реакции, когнитивные процессы, эмоции, интересы и т. д.) могут иметь принципиально разную детерминацию. Поэтому психологи говорят не столько о половых различиях, сколько о **различиях, связанных с полом**.

Для того чтобы избежать сведения тонких социокультурных различий «мужского» и «женского» к репродуктивной биологии, современная наука дополнила понятие пола категорией гендера, которая обозначает социально обусловленные роли, идентичности и сферы деятельности мужчин и женщин, зависящие не от природных половых различий, а от социальной организации общества, включая дифференцированную социализацию мальчиков и девочек. Однако соотношение «половых» и «гендерных» свойств проблематично. «Биологическое» и «социальное» не отделены друг от друга китайской стеной, а многие «мужские» и «женские» черты являются не столько интраиндивидуальными, имманентно присущими индивиду, сколько реляционными, интерактивными. Они формируются и проявляются исключительно в процессах социального взаимодействия, в конкретных социальных ролях и ситуациях. Эти свойства и категории, как и степень их поляризации, являются *аскриптивными* (приписываемыми, атрибутивными) и *прескриптивными* (предписываемыми) (Берн, 2001, Кон, 2003б, раздел IV; Кон, 2004).

Степень поляризации приписываемых мужчинам и женщинам гендерных черт неодинакова в разных обществах. Хотя маскулинность обычно ассоциируется с инструментальностью (деловитость, прагматизм, ориентация вовне), независимостью и агрессивностью, а фемининность — с экспрессивностью (эмоциональность, чуткость и т. п.) и мягкостью, разные культуры выглядят в этом отношении неодинаково жесткими, позволяя антропологам говорить о «маскулинных» и «фемининных» культурах.

Противопоставление «мужского» и «женского» — одна из всеобщих парных оппозиций человеческой психики, существующих во все времена и у всех народов: день и ночь, свет и тьма, добро и зло. Любые парные категории сначала кажутся взаимоисключающими: «мужское» *или* «женское». Затем выявляются их количественные

градации, между «черным» и «белым» появляется «серое», категории становятся полюсами некоторого связного процесса, заставляя говорить о **степени** маскулинности или фемининности. И наконец, выясняется, что названные явления **качественно многомерны**, так что один и тот же индивид может в определенных пределах обладать и фемининными, и маскулинными свойствами. В результате логические категории «мужского» и «женского» из *стереотипов*, под которые механически подводятся все индивидуальные различия, превращаются в *прототипы*, условные, крайние случаи.

Так было и в психодиагностике. В XIX в. маскулинные и фемининные черты считались строго дихотомическими, взаимоисключающими, а всякое отступление от норматива воспринималось как патология или шаг в направлении к ней (ученая женщина — «синий чулок»). Затем жесткий нормативизм уступил место идее континуума маскулинно-фемининных свойств. На этой основе в 1930–60-е гг. психологи сконструировали несколько специальных шкал для измерения маскулинности/фемининности (М–Ф) умственных способностей, эмоций, интересов и т. д. Все эти шкалы предполагали, что в пределах некоторой статистической нормы индивиды могут различаться по степени М и Ф, но сами свойства М–Ф представлялись альтернативными, взаимоисключающими: высокая маскулинность должна коррелировать с низкой фемининностью, и наоборот, причем для мужчины нормативна, желательна высокая М, а для женщины — Ф. В дальнейшем, однако, выяснилось, что далеко не все психические свойства поляризуются на «мужские» и «женские». Кроме того, разные шкалы (интеллекта, эмоций, интересов и т. д.) в принципе не совпадают друг с другом: индивид, высокомаскулинный по одним показателям, может быть весьма фемининным по другим.

Похоже на то, что современные тесты удовлетворительно измеряют и предсказывают такие аспекты маскулинности/фемининности, как инструментальность (ориентация на вещи, господство, утверждение себя как субъекта) и экспрессивность (ориентация на людей, забота, общение), но как эти свойства сочетаются с другими чертами мужского и женского поведения — неясно (Lippa, 2001).

Коммуникативные способности и стиль общения

Данные об отдельных коммуникативных качествах мужчин и женщин также неоднозначны, точнее — все они оказываются многомерными и зависящими от ситуации.

Что касается **уровня общительности**, способности вступать в контакт с другими лицами, в этих сферах до недавнего времени психологи отдавали предпочтение мужчинам. Мальчики с самого раннего возраста активнее девочек вступают в контакты с другими детьми, затевают совместные игры и т. д. Чувство принадлежности к группе сверстников и общение с ними для мужчин всех возрастов значительно важнее, чем для женщин.

Однако гендерные различия в уровне общительности не столько количественные, сколько качественные (Thorne, 1994; Ruble and Martin, 1998; Maccoby, 1998).

Общение девочек выглядит более пассивным, зато более дружественным и избирательным. Не совсем одинакова и **мотивация общения**. По некоторым данным, мальчики сначала вступают в контакт друг с другом и лишь потом, в ходе игрового или делового взаимодействия, у них складывается положительная установка, появляется эмоциональная тяга друг к другу. Девочки, наоборот, вступают в контакт главным образом с теми, кто им нравится, содержание совместной деятельности для них сравнительно второстепенно.

Мужское общение, как и весь стиль жизни, скорее предметны и инструментальны, чем экспрессивны. Содержание совместной деятельности и собственный успех в ней значат для мальчика больше, чем наличие индивидуальной симпатии к другим участникам игры. Мальчик выбирает прежде всего интересную игру, в которой он может проявить себя; ради этого он вступает в контакт, даже если партнеры ему не особенно нравятся.

Соревновательность проявляется и в дружеском общении мальчиков. В одном исследовании (Larson and Pleck, 1999) мальчики признали, что чувствовали соревновательность в 44% случаев общения с другими мальчиками, девочки же при общении с другими девочками чувствовали соревновательность лишь в 29% случаев. Даже если исключить отсюда переживания, возникающие во время спортивных и других соревновательных игр, которыми мальчики увлекаются сильнее девочек, мальчики оценивают свои чувства как соревновательные чаще, чем девочки (36% против 25%), а чувства сотрудничества — ниже (34% против 47%). Взрослые мужчины при общении с друзьями чувствовали соревновательность в 30%, а женщины — в 17% случаев.

Гендерные различия, такие же как в дружбе, существуют и во **вражде**. Мальчики чаще девочек испытывают антипатию друг к другу (Coie & Dodge, 1998). При исследовании большой группы голландских 10-леток выяснилось, что взаимные антипатии испытыва-

ли 25% мальчиков и только 9% девочек. У 14-летних подростков эта разница уменьшилась, составив 20 и 14%. В смешанных (между мальчиками и девочками) антипатиях гендерных различий не обнаружено (Abecassis, Hartup, Haselager et al., 2002).

Однако высокая соревновательность мужских сообществ не исключает такой же высокой **кооперативности**. Это две стороны одной и той же системы взаимоотношений. Хотя девичий стиль игры выглядит более кооперативным, идентификация с командой или группой у мальчиков сильнее (Maccoby, 1998, p. 40).

Структура общения и эмоциональная культура

Мальчики с ранних возрастов тяготеют к более широкому, а девочки — к более узкому кругу общения. Мальчики чаще играют большими группами, а девочки — по двое или по трое (Benenson, Apostoleris and Parnass, 1997). По данным лонгитюдного исследования, наиболее общительные мальчики 2,5 лет, находясь в обществе сверстников, предпочитали экстенсивные отношения и чаще играли с целой группой мальчиков, а самые общительные девочки, напротив, играли с одной или двумя подругами. Эти различия сохранились и 5 лет спустя, когда этим детям исполнилось по 7,5 лет (Waldrop and Halverston, 1975).

Социометрическое лонгитюдное исследование дружеских связей в нескольких школьных классах (возраст детей от 9 до 12 лет) показало, что дружеские пары девочек более исключительны, закрыты для посторонних, нежели мальчишеские компании. Зато мальчишеские компании имеют более строгий и устойчивый порядок, систему лидерства и т. п. (Eder, Hallinan, 1978). Эти выводы подтверждаются этологическими и этнографическими наблюдениями (Кон, 2003б).

Гендерная структура и стиль общения дополняются не совсем одинаковой **эмоциональной культурой**. В психологии, как и в быденном сознании, принято считать, что женщины превосходят мужчин в уровне **эмпатии**, **эмоциональной чувствительности** и **восприимчивости** (Ильин, 2002, с. 107–108). Это проявляется с самого раннего возраста. Новорожденные девочки, слыша плач другого младенца, обнаруживают более острую реакцию, чем мальчики. Четырехлетние девочки превосходят мальчиков в эмпатии. Что же касается потребности и способности к самораскрытию, передаче другим более интимной и личносно-значимой информации о себе и своем

внутреннем мире, то женщины во всех возрастах превосходят в этом мужчин.

Однако данные о повышенной эмоциональности и эмпатийности женщин не бесспорны и допускают разную интерпретацию (Берн, 2001, с. 106–109). Отчасти здесь может сказываться стиль мышления. Швейцарский психолог Жан Пиаже еще в 1930-х гг. обратил внимание на то, что мальчики и девочки неодинаково относятся к правилам групповой игры. Мальчики, с их более предметным и инструментальным мышлением, придают больше значения *соблюдению правил*, нарушение которых всегда вызывает в мальчишеской среде конфликт. Девочки в этом вопросе более терпимы, личные отношения для них важнее формальных правил. Это подтверждено множеством наблюдационных и экспериментальных исследований.

По данным Ж. Левер (Lever, 1976), мальчики чаще, чем девочки, играют на улице, играют в больших, смешанных по возрасту группах, играют в соревновательные игры, а их игры длятся дольше, чем игры девочек. При этом игры мальчиков длятся дольше не только потому, что они требуют более высокого уровня умений и реже бывают скучными, но и потому, что в случае возникновения в ходе игры споров мальчики способны разрешить их более эффективно, чем девочки. Хотя в ходе исследования казалось, что мальчики все время ссорились, игра ни разу не была прекращена из-за ссоры и ни одна игра не была прервана больше чем на 7 минут. Споры о законах и правилах игры нравятся мальчикам не меньше, чем сама игра, и даже второстепенные или неумелые игроки в равной степени принимали участие в этих периодически повторяющихся перепалках. Напротив, среди девочек вспышка споров обычно вела к прекращению игры.

Таким образом, Левер расширяет и подкрепляет выводы Пиаже: у мальчиков более глубокий интерес вызывает формальная выработка правил и совершенствование «справедливых» процедур разрешения конфликтов, тогда как девочкам свойственно более «прагматическое» отношение к правилам. Для них правило хорошо лишь до тех пор, пока оно удовлетворяет играющих. Девочки чаще мальчиков склонны делать исключения из правил и легче мирятся с нововведениями. В результате чувство незыблемости закона, которое Пиаже считает решающим для морального развития, развито у девочек намного меньше, чем у мальчиков.

Эта особенность сохраняется и в структуре морального сознания взрослых: мужские рассуждения и оценки обычно выглядят более безличными и жесткими, чем женские. При оценке человеческих ка-

честв для женщин наиболее значимы черты, проявляющиеся в отношении к другим людям, а для мужчин — деловые качества, связанные с работой (Князев, 1981).

Известная американская феминистка Кэрол Гиллиган даже поставила вопрос о том, насколько применима к женщинам теория стадияльного развития морали Лоуренса Колберга (см. о ней: Кон, 2003б, с. 121–127). В отличие от мужской этики, основанной на принципах *права и справедливости*, женская этика, по мнению Гиллиган (Гиллиган, 2000), является этикой *заботы и ответственности*. Хотя экспериментальные работы Гиллиган, ссылками на которые она обосновывала свою теорию, так и не были опубликованы, что вызывает у ее критиков серьезные сомнения в их качестве, ее идеи приобрели широкую популярность в мире. Независимо от степени их эмпирической обоснованности они позволяют представить женский стиль общения, включая дружбу, не как недоразвитую кальку мужских ценностей и отношений, а как равноправный альтернативный проект.

Какова бы ни была причинно-следственная связь, социальные представления о гендерных различиях мышления и поведения тесно связаны со стратегиями воспитания. Девочек всюду раньше и последовательнее приучают заботиться о других, например о младших детях. Это делает их эмоционально более отзывчивыми и одновременно — более ранимыми (слово «чувствительность» имеет оба значения). Люди, нуждающиеся в эмоциональной поддержке, чаще ищут и находят ее у женщин, чем у мужчин. На несчастье, постигшее самых близких людей — супругов и детей, мужчины и женщины реагируют одинаково остро, зато неприятности друзей и знакомых женщины замечают быстрее и переживают сильнее, чем мужчины.

Возможно, этим отчасти объясняется и тот факт, что женщины чаще испытывают **эмоциональные расстройства**. Раньше этот факт однозначно объясняли повышенной эмоциональностью женщин и их неумением преодолевать стрессовые ситуации, но известно, что во многих таких ситуациях женщины оказываются гораздо выносливее и сильнее мужчин (Kessler and McLeod, 1984).

Женщины значительно чаще мужчин жалуются на **одиночество** и непонятость, вдвое чаще испытывают состояние депрессии. Но важна не столько степень, сколько качество переживаний. Если мужчины в состоянии депрессии обычно жалуются на дефицит самораскрытия или объективные трудности — неспособность плакать, утрату интереса к людям, чувство социальной неудачи и болезненные соматические переживания, то в женских описаниях депрессии превалирует

мотив неудовлетворенности собой, нерешительности, отсутствия поддержки и т. д. (Chino and Funabiki, 1984).

Все это сказывается на характере **самораскрытия** мужчин и женщин. Оно, как и весь стиль межличностных отношений, зависит не только от гендерной идентичности индивида, но и от *конкретной ситуации общения, типа партнера, содержания коммуникации* и т. д. Когда речь идет о более или менее «нейтральных» вещах, мужчины и женщины одинаково откровенны. Но мужчины легче и охотнее женщины раскрываются перед малознакомыми, посторонними людьми, тогда как в общении с близкими и друзьями у них часто возникают проблемы.

Стиль общения тесно связан с необходимостью поддерживать принятый культурой **нормативный образ маскулинности или феминности**. Женский стиль общения традиционно нацелен на уменьшение социального расстояния и установление психологической близости с другими, женщине не стыдно жаловаться и искать сочувствия. Напротив, мужской стиль общения направлен в первую очередь на **поддержание социального статуса**, «сохранение лица», что обязывает мужчину скрывать свои слабости и подчеркивать достижения и притязания. Такая нормативная установка заставляет мужчин особенно тщательно скрывать такие свои черты и проблемы, которые выглядят «фемининными» (например, застенчивость или нежность), это резко снижает степень их потенциального самораскрытия (Derlega et al, 1981; William, 1985).

Особенно велики коммуникативные трудности у мальчиков-подростков.

В отличие от девочек мальчики-подростки не любят рассказывать свои сны, потому что почти все их сны — «стыдные» и смущающие: это либо грубый, примитивный секс; либо какие-то властные мотивы (Sayers, 1997).

Хотя уровень самоуважения и уверенности в себе у мальчиков во всех возрастах выше, чем у девочек, в ситуации стресса или травмы они чаще склонны реагировать агрессивно или же отрицать порождающую стресс проблему. Вместо того чтобы осмыслить причины своего беспокойства или напряжения, мальчик часто старается разрядить их с помощью агрессии, повышенных физических нагрузок или путем переключения на другую деятельность. Нередко эта неосознанная напряженность стимулирует также обращение к алкоголю или наркотикам. Девочки, которым железная сила не предписана, легче выражают переживаемые ими чувства страха и беспомощно-

сти, что помогает им осознавать и преодолевать порождаемые ими трудности (Frydenberg, 1997). Поэтому они часто психологически сильнее мужчин.

Иными словами, мужчин и женщин различает не столько разная психофизиологическая **эмоциональная реактивность**, сколько разная **эмоциональная культура**: от мужчин требуется максимум самоконтроля и сдержанности, тогда как у женщин проявление чувств допускается и предполагается. Соответствующие качества вырабатываются именно в детстве, в процессе общения детей друг с другом, которое чаще всего происходит в условиях гендерной сегрегации. Позже, когда мальчики и девочки начинают интенсивно интересоваться друг другом, эти выработанные черты зачастую становятся дисфункциональными, заставляя юношей и девушек отчасти пересчитываться, что получается не у всех и не всегда (Larson and Pleck, 1999).

Ценности мужской и женской дружбы

Социальная психология общения позволяет нам лучше понять специфические особенности и ценности мужской и женской дружбы.

В целом женщины во всех возрастах описывают дружбу в более тонких психологических терминах, подчеркивая ценности доверия, эмоциональной поддержки и интимности, тогда как мужчины делают акцент на солидарности и взаимопомощи.

Эти различия возникают довольно рано и тесно связаны с развитием самосознания. У девочек раньше, чем у мальчиков, появляются сложные формы рефлексии. Описывая сверстников, девочки употребляют более широкий набор терминов, их описания дифференцированное и сложнее, чем у мальчиков того же возраста (эта разница начинает выравниваться лишь к 9–10-му классу). Повышенная рефлексивность девочек порождает и более раннюю потребность *делиться* своими переживаниями, что составляет одну из главных функций дружбы. Девичья дружба в большинстве случаев более эмоциональна и интимна, чем дружба мальчиков (Furman, 1996).

Вот как выглядят особенности дружбы юношей и девушек по данным нашего исследования.

Прежде всего, **девичьи критерии дружбы тоньше и психологичнее юношеских**, а сами девушки чаще испытывают дефицит интимности. Девочки-старшеклассницы значительно чаще мальчиков склонны считать «настоящую дружбу» редкой (разница выравнивается только к 10-му классу). В определении понятия «друг» у девочек

во всех возрастах мотив понимания выражен сильнее, чем у мальчиков. У юношей акцент на взаимопомощь перевешивает мотив понимания вплоть до студенческих лет, у девочек же этот мотив преобладает уже с 8-го класса.

В самое слово «понимание» юноши и девушки вкладывают не совсем одинаковый смысл.

Типологизированные А. В. Мудриком (Мудрик, 1979) ответы московских школьников на вопрос о том, что значит «понимать человека», распределяются по пяти рубрикам.

1. Хорошо знать человека.
2. Сопереживать ему, чувствовать то же, что и он.
3. Иметь с ним общие интересы, думать, как он.
4. Помогать ему, быть ему другом.
5. Уважать и любить его.

Мальчики в своих ответах подчеркивают преимущественно момент объективного знания («понимать человека — значит хорошо его знать») или интеллектуального сходства («думать, как он, иметь общие интересы»). У девочек определеннее всего звучит тема сочувствия, сопереживания. В разговорах с друзьями у девушек доминируют личностные темы. Они чаще, чем юноши, жалуются на одиночество и непонимание друзей.

По-видимому, у девушек не только раньше возникает потребность в интимной индивидуализированной дружбе, но и вообще **девичья дружба больше ориентирована на эмоционально-экспрессивные ценности.**

При анализе теста на неоконченное предложение «Друг — это тот, кто...» было выявлено два главных мотива: 1) ожидание взаимопомощи и верности и 2) ожидание сочувствующего понимания. С возрастом второй мотив усиливается у мальчиков с 16% в 7-м до 40% в 10-м классе, а у девочек с 25 до 50%. Однако у девочек мотив «понимания» во всех возрастах звучит сильнее, чем у мальчиков.

Такая же тенденция выявлена у голландских подростков (средний возраст 15,6 лет). Мотив доверия подчеркнули 51% девочек против 33% мальчиков, а мотив понимания — 47 против 22% (Linden, 1991, pp. 90–92).

Как сказывается **повышенная эмоциональность** девичьей дружбы на ее **устойчивости**? Статистически достоверных массовых сопоставлений устойчивости женской и мужской дружбы — при вы-

ровненных ее критериях — в науке нет. Возможно, что повышенная эмоциональность женской дружбы и в самом деле делает ее неустойчивой. Потребность в близости по очень широкому кругу вопросов, детальное обсуждение малейших нюансов собственных взаимоотношений усложняют их, а неизбежные в человеческих взаимоотношениях расхождения и недопонимания, помноженные на высокую общую эмоциональность, возможно, подрывают устойчивость дружбы. Более сдержанная и суровая мужская дружба, в которой душевные излияния не приняты и при взаимопонимании в главном детали обычно не уточняются, согласие молчаливо предполагается, возможно, и в самом деле более прочна.

Но это предположение отнюдь нельзя считать доказанным. А. В. Киричук (Киричук, 1970) и Т. А. Репина (Репина, Горяинова, 1975), пользуясь разными методами и независимо друг от друга, установили обратное соотношение: у дошкольников и младших школьников микрогруппы девочек устойчивее, чем мальчишеские.

Сравнение устойчивости набора предпочтений школьников с 1-го по 10-й класс (Мудрик, 1974) также показало, что во всех возрастах и по всем объектам, кроме любимых видов спорта, девичьи предпочтения устойчивее мальчишеских. Выше у них и показатель устойчивости в выборе друзей. Это согласуется с существующим среди психологов мнением, что устойчивость в выборе друзей зависит от общей стабильности предпочтений, которая женщинам присуща в большей мере, чем мужчинам.

Особенно сложен вопрос о различиях в степени **самораскрытия и психологической интимности**. Хотя потребность в самораскрытии, по-видимому, одинаково сильна у мужчин и женщин, традиционное определение мужской роли, обязывающее мужчину быть суровым, сильным, энергичным, несентиментальным и сдержанным, накладывает на него ряд ограничений, побуждая к эмоциональной сдержанности и препятствуя развитию способности к сопереживанию. Это проявляется в отношениях со всеми значимыми другими, включая ближайших друзей (Youniss and Smollar, 1985).

Острее всего эта проблемы стоят у подростков и юношей из социальных и этнических групп, имеющих особенно жесткий и агрессивный канон маскулинности. Это хорошо показало состоявшееся из нескольких панельных интервью (с интервалом в 3 года) исследование группы нью-йоркских подростков из этнических меньшинств (афроамериканцы, пуэториканцы) (Way, 1997). Живущие в трудных условиях ребята испытывают острую потребность в психологической интим-

ности, но не смеют раскрыться своим друзьям, опасаясь показаться слабаками. 79% обследованных мальчиков сказали, что не доверяют другим ребятам, а 58% из-за этого не имеют близких друзей, хотя многие мечтают об этом. В их рассказах о дружбе часто звучат мотивы недоверия, предательства или утраты. Жесткая соревновательность, обязывающая подростка выглядеть сильным, порождает эмоциональную закрытость. Культ сексуального успеха не позволяет мальчику признаться в наличии у него психосексуальных проблем. Общая боязнь нежности и особенно страх, чтобы товарищи не приняли его за «голубого», блокирует проявление любых тонких чувств в отношениях с товарищами.

Хотя с возрастом многие подростковые проблемы утрачивают былое значение, интимность мужской дружбы нередко остается иллюзорной. Многие мужчины верят, что друзья их понимают, но избегают обсуждения больных вопросов. Взрослые женщины в среднем считают свое общение с близкими людьми более тесным и стабильным, чем мужчины, причем у 57% опрошенных женщин психологическая близость с возрастом увеличилась и только у 7% уменьшилась, тогда как среди мужчин увеличение близости отметили 25%, а уменьшение — 51% опрошенных (по данным Е. А. Хорошиловой и Н. А. Логиновой, цит. по: Бодалев, 1984, с. 73–75).

Большинство исследователей придерживаются мнения, что, несмотря на более широкий круг друзей у мужчин, их дружеские отношения менее интимны, чем у женщин. Когда 306 английских супружеских пар среднего возраста попросили назвать фамилию близкого друга, 60% мужей назвали фамилию дружеской пары, а 63% жен — имя конкретного человека, причем жены подчеркивали в этих отношениях прежде всего доверие, а мужья делали акцент на совместной деятельности и развлечениях (Crawford, 1977; Reisman, 1981). Пожилые и старые женщины значительно чаще, чем их сверстники-мужчины, имеют интимных друзей, хотя круг личных связей и внесемейных контактов у мужчин шире.

Таким образом, вопреки стереотипу, женская дружба, безусловно, существует, отличаясь от мужской прежде всего по степени интимности и экспрессивности. Но эти различия — тонкие и весьма индивидуальные. Кроме того, возможны ошибки атрибуции: мы принимаем за «реальные» поведенческие и мотивационные свойства черты, которые просто *приписываются мужчинам и женщинам* в соответствии с традиционными гендерными стереотипами. Многие женщины представляются (изображают себя) более нежными и эмоциональ-

ными, а мужчины — более суровыми и сильными, чем на самом деле, и этот перформанс вводит в заблуждение как посторонних наблюдателей, так и их самих.

Смешанная дружба

Очень сложной является и проблема смешанной (кросс-гендерной, разнополой) дружбы.

На вопрос: «Возможна ли, по-вашему, настоящая дружба (без влюбленности) между юношей и девушкой?» — более чем три четверти опрошенных нами учащихся 7–10-х классов ответили утвердительно. Но с возрастом сомнения на этот счет усиливаются: свыше половины юношей-студентов отвечают на тот же вопрос отрицательно.

Та же картина и у взрослых. Говоря о друзьях, люди обычно молчаливо подразумевают лиц своего пола. Например, опрошенные Л. А. Гордоном и Э. В. Клоповым взрослые, перечисляя своих друзей, называли: мужчины — исключительно мужчин, а женщины — только женщин.

Это не значит, что смешанной дружбы вообще не бывает. Однако ей обычно приписывается особый статус. Как писал французский просветитель XVII в. Жан де Лабрюйер, «хотя между людьми разных полов может существовать дружба, в которой нет и тени нечистых помыслов, тем не менее женщина всегда будет видеть в своем друге мужчину, точно так же как он будет видеть в ней женщину. Такие отношения нельзя назвать ни любовью, ни дружбой: это — нечто совсем особое» (Лабрюйер Ж. де, 1974, с. 245). Английские понятия *boy-friend* или *girl-friend* всегда подразумевают любовно-сексуальные отношения.

Что затрудняет смешанную дружбу?

Прежде всего, социальные стереотипы, которые делают гомосоциальность в известной мере принудительной, особенно для мальчиков. Хотя в современном взрослом обществе нет такой жесткой демаркации мужского и женского миров, какая существовала раньше, в детстве и юности грани между «мальчиковой» и «девичьей» культурами достаточно очевидны. При этом для мальчика и юноши принадлежность к однополой группе или компании гораздо важнее, чем для девочки и девушки. Девочка, отвергнутая своими сверстницами, может компенсировать это признанием и успехом у мальчиков. Мальчики же получают подтверждение своей маскулинности только в собственной компании сверстников; ни успех у девочек, ни парная

дружба не избавляют от чувства неполноценности того, кого отвергают сверстники (да и внимание девочек нередко зависит от престижа у ребят).

Исключительность и закрытость мальчишеских компаний, ограничивающих кросс-гендерную коммуникацию, — серьезное препятствие для разнополой дружбы. Хотя взаимный интерес и количество контактов между мальчиками и девочками в старших классах резко возрастают, эти отношения редко переходят в интимную дружбу, а те, что получают такое название, большей частью предполагают влюбленность.

Нормативная и поведенческая гомосоциальность имеет и свои психологические причины. Вследствие своего более раннего физического и психического созревания девочки существенно опережают своих одноклассников-мальчиков. Они читают лирические стихи в том возрасте, когда большинство мальчиков еще находится на стадии чтения детективов (а то и вовсе ничего не читают). Психологическим сверстником девочки-подростка является не одноклассник, а мальчик на 1,5–2 года старше ее. Кроме того, половое созревание придает, пусть не всегда осознаваемую, сексуальную окраску всем переживаниям подростка. Обсуждать эти переживания с человеком другого пола трудно, а то и вовсе невозможно.

В ранней юности чувственное влечение и потребность в человеческом тепле, интимной близости с другим человеком, как правило, еще разобщены: объектами эротического интереса являются лица противоположного пола, а потребность в психологической интимности полнее и легче удовлетворяется со сверстником собственного пола.

Поэтому взаимоотношения 15–17-летних юношей и девушек психологически весьма напряжены. Французская исследовательница Бьянка Заззо задавала своим испытуемым вопрос: «В общении с кем вы чувствуете себя наиболее уверенно?» Оказалось, что увереннее всего юноши и девушки чувствуют себя с родителями (половина всех ответов), дальше идут сверстники своего пола (30% ответов), затем — другие взрослые (10% ответов) и на последнем месте стоят сверстники противоположного пола (8% ответов).

Несмотря на то что интерес к девушкам и число контактов с ними у юношей старше 17 лет возрастают, их застенчивость не уменьшается. Девушки чувствуют себя с юношами более уверенно. Хотя только 9% из них назвали общество юношей средой, в которой они испытывают максимум уверенности в себе, у юношей таких ответов еще меньше (6%). Из числа девушек, которые не считают, что им легче всего общаться с родителями, 21% лучше всего чувствует себя в обществе

юношей. Юношей, которые лучше всего чувствуют себя в обществе девушек, почти вдвое меньше — 11% (Zazzo, 1966, р. 340–341).

По данным нашего исследования, как юноши, так и девушки увереннее всего чувствуют себя в общении с друзьями. Однако сравнение самооценок девятиклассников с оценками, которых они ожидали от разных значимых других (родители, ближайшие друзья, одноклассники и одноклассницы), показало, что, хотя и мальчики и девочки ждут более благоприятных оценок со стороны однополых сверстников, у мальчиков разница в ожидаемых оценках со стороны одноклассников и одноклассниц, а также неуверенность в этих оценках выше, чем у девочек.

Еще яснее гендерные различия выступают в образе идеального друга.

Таблица 11.1

Пол идеального друга

Средний возраст	Пол респондента	Предпочитают друга, %			Всего	N
		своего пола	противоположного пола	неопределенный ответ		
14 лет (VII класс)	Мальчики	41,9	22,9	35,2	100,0	115
	Девочки	27,3	37,0	35,7	100,0	108
	<i>F</i>	5,38*	5,38*	—		
15 лет (VIII класс)	Мальчики	48,7	21,3	30,0	100,0	105
	Девочки	38,1	27,1	34,8	100,0	107
	<i>F</i>	2,56	0,90	—		
16 лет (IX класс)	Мальчики	72,0	14,0	14,0	100,0	101
	Девочки	31,5	56,4	12,1	100,0	154
	<i>F</i>	48,69***	64,92***	—		
17 лет (X класс)	Мальчики	61,4	14,6	24,0	100,0	95
	Девочки	8,3	65,1	26,6	100,0	140
	<i>F</i>	84,84***	68,97***	—		
20 лет (студенты)	Мальчики	58,8	13,4	27,8	100,0	208
	Девочки	22,3	39,1	38,6	100,0	164
	<i>F</i>	54,55	33,12	—		

Примечание. * — $p < 0,05$; ** — $p < 0,01$; *** — $p < 0,001$.

Как видно из табл. 11.1, почти все мальчики и значительная часть девочек предпочитают иметь своим ближайшим другом мальчика, причем доля девочек, предпочитающих друга противоположного пола, во всех возрастных категориях выше, чем доля мальчиков. По мере взросления эта разница лишь усиливается. В 7–8 классах треть ребят еще затрудняется выбором. В 9–10 классах лишь 14% мальчиков выбирают в качестве «идеального друга» девочку, а процент девушек, предпочитающих дружить с мальчиком, возрастает до 56% — в 9-м и 65% — в 10 классе.

Фактически же и у юношей, и у девушек число друзей противоположного пола в 2–4 раза меньше, чем число друзей своего пола. Однако доля друзей противоположного пола у девятиклассниц все-таки почти вдвое выше, чем у их одноклассников-юношей.

Смешанная дружба по многим параметрам существенно отличается от *однополой*. Прежде всего это касается социальных и возрастных характеристик.

Доля школьниц в общем числе подруг у девочек больше, чем у мальчиков, которые часто имеют внешкольных друзей. В смешанной дружбе соотношение обратное: три четверти подруг девятиклассников — школьницы, у девочек же среди их друзей-юношей школьники составляют меньше половины, остальные — это военнослужащие, студенты и т. д. Это связано также с повышенной ориентацией девочек на дружбу с более старшими юношами. Смешанная дружба отличается от однополой и по другим характеристикам: встречи чаще вне дома, иная тематика разговоров и т. д.

Неодинаковое отношение юношей и девушек к смешанной дружбе не случайно. Дружба представляет собой своеобразную школу психологической интимности, которая вначале легче достижима с человеком своего, нежели противоположного, пола. У девушек эта фаза начинается и заканчивается раньше, чем у юношей. То, что кажется 15-летним девушкам потребностью в дружбе, фактически выражает уже потребность в любви (часто слово «дружба» используется в качестве эвфемизма). Отсюда и предпочтение «идеального друга» противоположного пола, и жажда психологической интимности, в то время как их сверстники-юноши еще поглощены мальчишеской групповой жизнью и к психологической интимности с девушками не готовы. Почти 57% ленинградских девятиклассников и 43% девушек этого возраста не назвали в числе своих друзей ни одного лица противоположного пола. Еще реже их называют в числе ближайших друзей. Примерно так же выглядят зарубежные данные (Kreutz, 1964; Wurzbacher, 1968; Youniss and Smollar, 1985) (табл. 11.2).

Таблица 11.2

Возраст идеального друга

Средний возраст	Пол	Предпочитают друга, %			Всего	N
		своего возраста	старше	младше		
14 лет (7 класс)	Мальчики	76,7	19,2	4,1	100,0	115
	Девочки	61,0	39,0	0,0	100,0	108
	<i>F</i>	6,86**	—	—		
15 лет (8 класс)	Мальчики	77,9	18,3	3,8	100,0	105
	Девочки	50,5	49,5	0,0	100,0	107
	<i>F</i>	17,83***	—	—		
16 лет (9 класс)	Мальчики	84,9	12,9	2,2	100,0	101
	Девочки	50,6	49,4	0,0	100,0	154
	<i>F</i>	40,91***	—	—		
17 лет (10 класс)	Мальчики	81,2	17,7	1,1	100,0	95
	Девочки	48,6	51,4	0,0	100,0	140
	<i>F</i>	27,93***	—	—		
20 лет (студенты)	Мальчики	73,8	23,8	2,4	100,0	208
	Девочки	57,8	42,2	0,0	100,0	164
	<i>F</i>	26,83***	—	—		

Примечание. * — $p < 0,05$; ** — $p < 0,01$; *** — $p < 0,001$.

Ломка традиционных гендерных ролей и совместное обучение, расширяющее круг общения и совместной деятельности мальчиков и девочек, облегчают личные контакты между ними. Исследования показывают, что многие традиционные барьеры между мальчиками и девочками во всех постиндустриальных странах уменьшаются (Кон, 2001а). Тем не менее смешанная дружба и сегодня сопряжена с определенными психологическими трудностями и встречается не так часто.

Привилегированное положение и особая эмоциональность юношеской дружбы в известной мере обусловлены неразвитостью других каналов межличностной коммуникации. Первые любовные увлечения, особенно у юношей, часто поверхностны, связаны главным образом с потребностью самоутверждения в своей мужской роли и да-

леко не всегда сочетаются с человеческой, душевной близостью. Компания сверстников своего пола остается для многих юношей психологически более значимой. С появлением любви значение и эмоциональный накал дружбы несколько снижаются, друг становится прежде всего хорошим товарищем.

Сравнение уровня самораскрытия 62 американских студентов-старшекурсников в их общении с отцом, матерью, членами семьи и ближайшим друзьями своего и противоположного пола (Komarovsky, 1974, 1976) показало, что у молодых мужчин в отличие от подростков дружба с девушкой предполагает большую психологическую интимность, чем однополая мужская дружба: «Девушка чувствительнее, поэтому мне легче ей довериться», «С девушкой я могу говорить о таких вещах, над которыми парни просто посмеются».

Потребность в такой дружбе с возрастом усиливается, причем перенос психологической интимности с друга-юноши на друга-девушку происходит сейчас в более юном возрасте, чем было раньше. Это соответствует общей тенденции более ранней переориентации подростков на смешанный тип общения. Однако этот сдвиг не меняет принципиальной последовательности стадий развития.

Потребность в мужской дружбе чувствуют не только подростки. Один мой знакомый юноша рано начал интересоваться девочками и пользоваться у них успехом, одноклассники даже дали ему за это кличку «скотч». В то же время его отношения с мальчиками оставались на уровне группового приятельства, без особой интимности. Лет в шестнадцать, когда отсутствие близких друзей стало его тревожить, я сказал ему, что интимная мужская дружба бывает не у всех, что в его случае пик потребности в ней, вероятно, уже позади и наиболее доверительные отношения у него будут с женщинами. Я ошибся. То, что не получилось у него в школе, парень наверстал в университете, где у него сложилась теплая дружеская компания с веселыми мальчишниками, выпивками, баней и т. д. Теперь он точно знает, что у него есть настоящие друзья, с которыми он может обсуждать свои жизненные планы, политические вопросы и, конечно, отношения с девушками (при любой конфликтной ситуации на этом фронте ребята тянутся друг к другу). В этой мужской дружбе есть и своя иерархия — ближайший (лучший) друг, второй друг и просто друзья-приятели. И хотя ребята не всегда и не во всем откровенны, психологически эти взаимоотношения для них не менее важны, чем романтические и сексуальные отношения с девушками. Настоящая мужская дружба — это так здорово! Женщина никогда не поймет тебя так, как друг...

12. Дружба или любовь?

Одни говорят, что любовь — это мальчик,
Другие — что это птица,
Третьи — что она движет всем миром,
А четвертые — что она ни на что не годится.
Я спросил у соседа, который
Похвалялся, что в любви он эксперт.
Но его жена с ним была не согласна
И сказала, что он импотент.

Уистен Хью Оден

Обсуждение особенностей смешанной дружбы подводит нас к более общей теоретической проблеме соотношения дружбы и любви. В спорах на эту тему, которые ведутся со времен античности, обозначалось по крайней мере пять основных позиций:

- 1) абсолютное различие: дружба и любовь — совершенно разные чувства и отношения;
- 2) полное отождествление: дружба и любовь — разные названия одного и того же;
- 3) частичное разграничение на основе подчинения любви дружбе: любовь — аффективная сторона дружбы;
- 4) частичное разграничение на основе подчинения дружбы любви: дружба — коммуникативная сторона любви;
- 5) идея взаимоперехода любви и дружбы как стадий межличностного отношения: дружба — подготовка любви (или наоборот).

Однако при этом большей частью не уточняется, что конкретно имеется в виду: различие принятых в данном обществе, социальной группе **нормативных канонов** любви и дружбы или же вариации **индивидуальных переживаний** и эмоциональных состояний. А ведь это совершенно разные системы отсчета.

Образы любви

Сравнение *нормативных канонов* любви и дружбы предполагает наличие каких-либо общепринятых критериев. Но идеал «настоящей любви» так же историчен, как понятие «истинной дружбы». Ее так же часто проецируют в прошлое или вообще сомневаются в ее пося-

сторонности. Если Шопенгауэр сравнивал «настоящую дружбу» с легендарными морскими змеями, то Ларошфуко уподобляет любовь привидениям: «Истинная любовь похожа на привидение: все о ней говорят, но мало кто ее видел» (Ларошфуко, де, 1974, с. 41).

Разные культуры утверждают принципиально разные каноны любви, высвечивая разные ее стороны (Сосновский, 1992; Шестаков, 1999; Кон, 2004; Hatfield, Rapson, 1996). В одних обществах всепоглощающая любовь поэтизируется, утверждается как нравственный и эстетический идеал, в других же она не только не считается необходимой предпосылкой брака, но даже рассматривается как нечто ненормальное. Еще больше варьируют представления о соотношении чувственных и духовных компонентов любви.

Многие религии Востока видели в чувственности путь к слиянию человека с Богом и разрабатывали целые кодексы эротических наслаждений. Напротив, христианство считает все телесное, чувственное низменным и греховным. «Чистая любовь», по учению средневековых богословов, должна быть исключительно духовной, да и то не слишком сильной, чтобы не отвлекать верующего от любви к Богу и выполнения религиозных обязанностей. По ту сторону официального бытия существовала народная «карнавальная» культура, в которой удовлетворение чувственных потребностей занимало весьма заметное место. Любовные переживания выглядят в ней нарочито сниженными, упрощенными, деиндивидуализированными.

Возникшая в XII в. в Провансе и быстро распространившаяся в Европе поэзия трубадуров с ее культом Прекрасной дамы, ради которой рыцарь готов идти на величайшие жертвы и подвиги, была вызовом и церковному аскетизму, и фривольности карнавальной культуры. Канон «куртуазной любви» подчеркивал значение эмоциональных отношений между мужчиной и женщиной, привнося в них мотивы нежности и заботливости. Но, будучи отрицанием церковного аскетизма и карнавальной фривольности, «куртуазная любовь» вместе с тем вобрала в себя черты того и другого. «Прекрасная дама» соединяла в себе реальную женщину, которой рыцарь хотел обладать, и Мадонну, которой можно только поклоняться издали. Отсюда преувеличенность, подчас даже болезненная экзальтированность этих отношений. Ритуал служения Прекрасной даме не мешал рыцарям удовлетворять свои земные потребности с другими женщинами, насиловать крестьянок, деспотически обращаться с собственными женами.

Разрыв между идеальным образом любви и ее действительностью сохраняется в европейской культуре и позже. В литературе и искусстве XIII–XV вв. широкое распространение получил культ духовной, платонической любви (любовь Данте к Беатриче, с которой поэт не обменялся в жизни ни единым словом, сонеты Петрарки, лишенные каких бы то ни было чувственно-эротических компонентов).

Гуманисты эпохи Возрождения выступают и против религиозного аскетизма, и против платонической, десексуализированной любви. То, что раньше считалось «плотским грехом», они утверждают как здоровую «телесную радость». Эротические переживания выходят из подполья, занимая подобающее им место в «высокой» культуре. Однако гуманистическая реабилитация плоти превращается в аристократической культуре XVII–XVIII вв. в рафинированное распутство. Искреннее чувство заменяется тщательно разработанным ритуалом галантности, единственная цель которой — физическое обладание. «В любви нет ничего хорошего, кроме ее физической стороны», — писал французский натуралист Ж. Л. Бюффон. Любовь становится спортом, увлекательной игрой, которой чувствительность и серьезность только вредят.

Разврат, бывало, хладнокровный
 Наукой славился любовной,
 Сам о себе везде трубя
 И наслаждаясь не любя.

Пушкин А. С., 1949, т. 5, с. 78

Однако это неизбежно влечет за собой пресыщение и разочарование. Ритуал надоедает, становится скучной рутинной:

Кому не скучно лицемерить,
 Различно повторять одно,
 Стараться важно в том уверить,
 В чем все уверены давно...

Там же

В противовес придворной галантности с ее условностью и лицемерием, сентименталисты утверждают поэзию простых и искренних чувств. Герой-любовник аристократической литературы, вроде знаменитого Казановы, заботится лишь о своих чувственных наслаждениях. Мольеровскому Дон-Жуану даже и это неважно: женщина для него просто дичь, овладение которой укрепляет его репутацию счастливого охотника. Сентиментализм требует от своего героя не удачливости и умения покорять, а способности тонко чувствовать, страдать,

жертвовать собой во имя любви. Робкая, почтительная нежность дает любящему гораздо больше, чем физическое обладание.

Романтизм поднимает любовь до уровня рока и религиозного откровения: именно в любви человек открывает свою истинную сущность, она же дает ему отраду и защиту против пошлости и жестокости окружающего мира. Появляется культ несчастной любви, любви без взаимности, которая рисуется столь возвышенной и прекрасной, что, даже умирая от нее, герой вызывает восхищение и зависть, как гетевский Вертер, самоубийство которого вызвало много подражателей.

Даже из этого беглого исторического обзора видно, что канон любви никогда не был чем-то однозначным и неизменным.

Художественная литература создала не только яркие образы, но и первые психологические типологии разных видов любви. Например, Стендаль в своей книге «О любви» сравнивает любовные переживания Дон-Жуана и Вертера.

Далекий от принижения Дон-Жуана, Стендаль признает, что его любовь требует немалых личных достоинств: бесстрашия, находчивости, живости, хладнокровия, занимательности и т. д. Но люди этого типа чаще всего бывают сухими эгоистами:

Дон-Жуан отвергает все обязанности, связывающие его с другими людьми. На великом рынке жизни это недобросовестный покупатель, который всегда берет и никогда не платит (Стендаль, 1959, т. 4, с. 568).

Превращая любовь в интригу или спорт, делая ее средством удовлетворения собственного тщеславия, он уже не может отдаваться ей сам.

Вместо того чтобы, подобно Вертеру, создавать действительность по образцу своих желаний, Дон Жуан испытывает желания, не до конца удовлетворяемые холодной действительностью, как это бывает при честолюбии, скупости и других страстях. Вместо того чтобы теряться в волшебных грезах кристаллизации, он, как генерал, размышляет об успехе своих маневров и, коротко говоря, убивает любовь вместо того чтобы наслаждаться ею больше других, как это думает толпа (там же, с. 566).

Любовь Вертера с его мечтательностью и склонностью к идеализации плохо приспособлена к реальной жизни и чревата неизбежными драмами и разочарованиями. Зато «любовь в стиле Вертера открывает душу для всех искусств, для всех сладостных и романических впечатлений: для лунного света, для красоты лесов, для красоты живописи — словом, для всякого чувства прекрасного и наслаждения им, в какой бы форме оно ни проявлялось, хотя бы одетое в грубый холст» (там же, с. 564).

От образов к типологиям

Любое нормативное определение любви молчаливо подразумевает какую-то оппозицию. Антитеза «любовь — вожеление» противопоставляет духовно-личностное начало чувственно-телесному; «любовь — увлечение» отличает глубокое и длительное чувство от поверхностного и краткосрочного; «любовь — симпатия» противопоставляет бурную страсть спокойному расположению и т. д. Однако разные лица и даже один и тот же человек в разных обстоятельствах определяют свои чувства и отношения по-разному. Отсюда и разные психологические теории соотношения дружбы и любви.

Зигмунд Фрейд подходил к проблеме функционально-генетически, утверждая, что все эмоциональные привязанности и увлечения человека, будь то родительская или сыновняя любовь, дружба, любовь к человечеству и даже привязанность к конкретным предметам и абстрактным идеям — суть проявления одного и того же инстинктивного влечения, либидо. Только в отношениях между полами это влечение пробивает себе путь к сексуальной близости, а в остальных случаях оно отвлекается от этой цели или не может достичь ее. Тем не менее первоначальную природу этих чувств всегда можно распознать по жажде близости и самопожертвования (Freud, 1953, p. 90–91).

Тезис о сексуальном происхождении всех человеческих привязанностей связан у Фрейда с расширительным пониманием самой сексуальности, в которой он видит единственный источник всякой психической энергии. Однако даже у животных разные «аффективные системы» — материнская и отцовская любовь к детям, детская любовь к матери, взаимные привязанности братьев и сестер и сексуальное влечение — не сводятся друг к другу, каждая выполняет в процессе индивидуального развития свои специфические функции.

Тем более невозможно вывести из одного-единственного начала все эмоциональные привязанности человека. Говоря словами А. С. Макаренко, человеческая «любовь не может быть выращена просто из недр простого зоологического полового влечения. Силы “любовной” любви могут быть найдены только в опыте неполовой человеческой симпатии. Молодой человек никогда не будет любить свою невесту и жену, если он не любил своих родителей, товарищей, друзей. И чем шире область этой неполовой любви, тем благороднее будет и любовь половая» (Макаренко, 1967, т. 4, с. 246).

Феноменологически, по характеру их переживания, любовные чувства еще более многообразны, чем дружеские. Наиболее разрабо-

танная, опирающаяся на эмпирические данные современная классификация различает 6 стилей, или «цветов», любви (Lee, 1973):

- **эрос** — страстная, исключительная любовь-увлечение, стремящаяся к полному физическому обладанию;
- **людус** — гедонистическая любовь-игра, не отличающаяся глубиной чувства и сравнительно легко допускающая возможность замены;
- **сторге** — спокойная, теплая и надежная любовь-дружба;
- **прагма** — совмещающая людус и сторге, рассудочная, легко поддающаяся сознательному контролю любовь по расчету;
- **мания** — иррациональная любовь-одержимость, для которой типичны неуверенность и зависимость от объекта влечения;
- **агапе** — бескорыстная любовь-самоотдача, синтез эроса и сторге.

Сами по себе эти понятия были известны еще Аристотелю. Но современные психологи, вместо того чтобы спорить, какая любовь «настоящая», выработали ряд тестов и измерили с их помощью любовные установки 800 молодых людей. Оказалось, что разные «цвета» любви можно эмпирически разграничить и что за ними стоят определенные психологические различия. Например, любовные чувства и установки молодых мужчин содержат больше «эротических» и «людических» компонентов, тогда как у женщин сильнее выражены элементы «сторге», «мании» и «прагмы». Самоотверженная «агапе» представлена у мужчин и женщин одинаково (Hendrick and Hendrick, 1986; Hendrick, Hendrick, Foot and Slapion, 1984).

Существуют и другие классификации любовных переживаний. Чтобы избежать шлейфа связанных со словом «любовь» ценностных ассоциаций, американский психолог Дороти Теннов (Теннов, 1979) ввела для обозначения страстной любви искусственный, не имеющий этимологических корней, термин «лимеренция» (*limerence*). Многолетние исследования, объектами которых стали несколько тысяч человек, показали, что лимеренция четко отличается от других эмоциональных состояний. Лимеренция возникает спонтанно, произвольно, не зависит от сознательного отношения к объекту и связана с определенными нейрохимическими процессами в мозге, которыми можно манипулировать психофармакологически или нейрохирургически. Психологически она переживается как состояние острой эмоциональной неустойчивости, с колебаниями и переходами от блаженной эйфории к мучительной неуверенности и ревности, что вызывает

чередование ссор и примирений. Лимеренция не ограничивается сферой сексуально-эротических отношений, мотив сексуального наслаждения в ней вторичен.

Новейшие нейрофизиологические исследования в какой-то степени подтверждают это предположение. Английские нейробиологи Андреас Бартельс и Семир Зеки (Bartels and Zeki, 2002), а вслед за ними американский психолог Элен Фишер с помощью магнитно-ядерного резонанса сканировали состояние мозга группы влюбленных студентов, которым показывали фотографии их возлюбленных. Выяснилось, что любовные переживания сопровождаются активацией участков мозга, содержащих повышенную концентрацию рецепторов дофамина, химического вещества, вызывающего состояние эйфории, страстного желания и одержимости. Нейрофизиологическая реакция на образ любимого отличается как от реакции на образы друзей и других близких людей, так и от сходных по типу эмоциональных состояний (сексуальное возбуждение, чувство счастья или эйфория, вызванная кокаином). Таким образом, «посюсторонность» любовных переживаний и их нетождественность сексуальным и дружеским чувствам доказаны психофизиологически.

Но это верно только относительно страстной любви. Отличить от дружбы по этим признакам «сторге», «прагму» или «агапе» вряд ли возможно. Кроме того, эмпирическое изучение любви порождает новые вопросы. Является ли «цвет любви» устойчивой личностной чертой или относительно изменчивой *установкой*, связанной с конкретным эмоциональным *состоянием*? Как сочетаются разные стили любви у одного и того же человека в зависимости от характера партнера и на разных стадиях любовных взаимоотношений (влюбленность и судружеская любовь)?

С одной стороны, существуют однолюбы, чувства и привязанности которых исключительно устойчивы, причем это касается и предмета любви, и ее эмоциональной окрашенности. С другой стороны, есть люди переменчивые, которые легко влюбляются и столь же быстро остывают.

Многое зависит и от свойств ситуации, в которой возникает влюбленность. Например, экспериментально доказано, что сознание опасности усиливает потребность в общении и эмоциональной близости с теми, кто эту опасность разделяет. Дальнейшее — дело когнитивной атрибуции: как человек определит свое состояние.

Даже разница между «любовью» и «увлечением» — в известной мере вопрос этикетки. Говоря себе «Это любовь», человек тем самым

формирует установку на серьезное, длительное чувство. Напротив, слова: «Это просто увлечение» — установка на нечто временное, краткосрочное. «Определение» своего чувства — не просто констатация факта, а своего рода самореализующийся прогноз.

Одним словом, единой теории соотношения дружбы и любви нет и быть не может. Тем более, что любовно-эротический и дружеский дискурс, слова, в которых люди описывают соответствующие чувства, лежат в сфере нормативной культуры, а индивидуальные психофизиологические реакции и эмоциональные переживания относятся к компетенции психологии эмоций (Hatfield, Rapson, 1996).

Любовь, дружба и симпатия

Хотя однозначное *объективное* разграничение свойств любви и дружбы затруднительно, психология достаточно тонко анализирует связанные с ними *субъективные* переживания. Французский социальный психолог Жан Мэзоннёв (Maisonneuve, 1966, р. 127–131), изучив многочисленные художественные и автобиографические описания любви и дружбы, пришел к выводу, что между «любовным» и «дружеским» временем и пространством есть определенные качественные различия.

«Любовное время» обычно кажется быстротечным, изменчивым, лишенным длительности, это «время, когда забывают о времени», его ритм определяется «биением сердец». «Дружеское время» выглядит более спокойным и однородным. Не порывая радикально с повседневностью, оно более конструктивно и перспективно.

Сходным образом конструируется и пространство любви и дружбы. Любовь стремится к полному уничтожению расстояния между любящими, сливая их в единое целое. Напротив, дружба, даже самая интимная, в силу своего духовного характера предполагает некоторую деликатность и сдержанность, сохранение феноменологического расстояния между друзьями. Дружеское «мы» представляется менее слитным, допуская определенные расхождения и психологическую дистанцию.

Социально-психологические исследования показывают, что эти переживаемые различия тесно связаны с разницей соционормативных определений любви и дружбы. Любовно-романтические отношения считаются более исключительными и обязывающими, чем дружеские. Они предполагают более точное и строгое осознание и определение субъектом собственных чувств, питаемых к партнеру — «люблю», «влюблен» или просто «нравится», — и сознательное при-

нятие решений, как именно развивать эти отношения. При наличии нескольких параллельных влюбленностей, привязанностей или связей человек обычно задает себе вопрос, какая из них для него важнее, дороже и ближе. В дружбе, при всей ее индивидуальности, взаимоисключающий выбор не обязателен, поэтому люди обращают меньше внимания на тонкие нюансы своих взаимоотношений, их развитие кажется им более плавным, не требующим принятия каких-то ответственных решений.

Детальное обследование взаимоотношений 16 дружеских и 16 любовно-романтических студенческих пар показало, что любовные отношения кажутся молодым людям значительно более исключительными, чем дружеские. Если испытуемый имел две любовные привязанности, то усиление одной из них неминуемо снижало эмоциональную значимость другой. В дружбе этого не происходит. Отмеченных в течение месяца колебаний в оценке уровня и значимости дружеских отношений было вдвое меньше, чем в любовных отношениях (Levinger, 1980). Но объясняется это не тем, что в дружбе таких колебаний объективно меньше, а тем, что люди их просто не замечают, потому что они не требуют принятия сознательных решений и продуманной линии поведения: звонить или не звонить, приглашать или не приглашать в театр, объясняться или не объясняться?

Очень важным элементом аналитического расчленения дружбы и любви является разграничение понятий «любви» и «расположения» (симпатия). В обыденном сознании слова «люблю» и «нравится» различаются в основном количественно, по степени: «люблю» = «очень нравится». Но эти слова различаются и качественно, по смыслу.

Расположение, выражаемое словом «нравится», — это положительная установка к другому лицу, в которой преобладает *оценочный* момент. Нравиться может только тот, кто обладает, а точнее, кому приписываются какие-то положительные или желаемые свойства. Если положительная оценка изменяется, притягательность объекта угасает.

Любовь может включать в себя положительную оценку объекта, идеализировать его, но может и не включать. Некоторые качества любимого человека могут даже активно не нравиться. Страстная любовь амбивалентна, она часто переплетается с ненавистью (знаменитое катулловское «ненавижу и люблю»). Недаром ее так по-разному описывают в художественной литературе.

Фрейд связывал напряженность любовных переживаний главным образом с «переоценкой» объекта влечения, обусловленной его

недоступностью. Согласно теории идеализации, страстная любовь по самой сути своей противоположна рациональному, объективному видению. Недаром ее издревле называли слепой.

О несовместимости любви и знания говорили многие философы и классики литературы: «...Истинная любовь не нуждается ни в симпатии, ни в уважении, ни в дружбе; она живет желанием и питается обманом. Истинно любят только то, чего не знают» (Франс, 1959, с. 562); «...Человек любит и уважает другого, покуда не может судить о нем, и любовная тоска — следствие недостаточного знания» (Манин, 1960, с. 499).

Психологические исследования подтверждают, что влюбленные часто идеализируют друг друга, особенно в начале романа, причем женщины склонны к идеализации больше, чем мужчины. Однако на последующих стадиях развития отношений идеализация ослабевает, уступая место более реалистическому восприятию друг друга.

Разграничение любви и симпатии имеет практическое значение для работы брачных консультантов. Американский психолог Зик Рубин (Rubin, 1970) разработал две отдельные шкалы — любви и симпатии, по 13 пунктов в каждой. «Любовная шкала» измеряет степень **привязанности** («Когда мне одиноко, моя первая мысль — разыскать X»), **заботы** («Если бы X чувствовал себя плохо, мой первый долг был бы поддержать его») и **интимности** («Я чувствую, что могу буквально во всем довериться X»). «Шкала симпатии» измеряет, насколько благоприятно испытуемый оценивает данного человека по ряду качеств и насколько он склонен считать этого человека похожим на себя. Изучение 182 пар студентов Мичиганского университета, связанных отношениями ухаживания, показало, что любовь и симпатия действительно не совпадают, и показатели по «шкале любви» позволяют предсказать вступление молодых людей в брак гораздо точнее, чем показатели «шкалы симпатии». Рубин сумел достаточно точно предсказать, какие из обследованных пар поженятся, а какие — разойдутся. Эта методика широко применяется психологами, в том числе в России (Алешина, Гозман, Дубовская, 1987).

Тем не менее любовь и лежащая в основе дружбы симпатия — не альтернативы. Американский психолог Элен Бершайд просила группу молодых людей составить 4 списка: а) всех своих друзей; б) всех людей, которых они любят; в) всех, кого они находят сексуально привлекательными и, наконец, г) всех, в кого они влюблены. Последний список оказался самым коротким, как правило, в нем только одно имя, зато это имя присутствует также во всех остальных списках.

Именно исключительность делает наши любовные чувства такими важными и сильными.

Короче говоря, хотя люди различают любовные и дружеские чувства, дружба и любовь переживаются неодинаково и имеют разные критерии оценивания, эти чувства и отношения переплетаются и накладываются друг на друга.

Друзья и возлюбленные

Как соотносится друг с другом наличие друзей и возлюбленных (сексуальный опыт)?

В ранней юности любовные и дружеские отношения часто выглядят альтернативными: эмоциональная романтическая дружба выступает как временная замена или психологическая компенсация отсутствия любовных отношений, сексуальная самореализация снижает накал однополой дружбы. Однако в долгосрочной перспективе любовь и дружба связаны друг с другом положительно.

Многочисленные исследования показывают, что наличие близких друзей своего пола в подростковом возрасте положительно коррелирует с наличием романтических отношений в юности и что однополая дружба в юношеском возрасте благоприятствует развитию любовных отношений у молодых взрослых (Neeman, Hubbard & Kojetin, 1991, цит. по: Hartup, Stevens, 1997). Иначе говоря, мальчики и девочки, у которых есть друзья (однополые) в детстве и отрочестве, имеют больше шансов на успешные любовные (гетеросексуальные) отношения в более старших возрастах.

Это можно рассматривать как подтверждение изложенной выше (глава 9) теории Салливэна. Но возможны и другие, дополняющие друг друга объяснения:

- 1) наличие теплых дружеских отношений со сверстниками своего пола повышает уровень самоуважения подростка, придает ему уверенность, которая в дальнейшем благоприятствует развитию успешных романтических отношений с лицами противоположного пола;
- 2) дружба помогает подростку развивать и совершенствовать свои коммуникативные навыки, что очень полезно и для любовных отношений;
- 3) успеху в любви, как и в дружбе, способствует общая привлекательность подростка. Такие типично маскулинные черты, как вы-

сокий рост, сила, предприимчивость, смелость, раскованность и любовь к риску дают обладающим ими мальчикам значительные преимущества перед сверстниками. По данным лонгитюдного исследования (Feldman, Rosenthal, Brown, Canning, 1995), мальчики, которые пользовались наибольшей популярностью среди сверстников в 6 классе, не только сохранили свое лидирующее положение в старших классах, но и раньше других начали сексуальную жизнь и имели больше сексуальных партнеров. Девушкам больше нравятся те мальчики, которые пользуются популярностью в мальчиковых группах.

С другой стороны, трудности сексуального порядка, включая задержку сексуального дебюта, которые молодой человек пытается скрыть, осложняют и его отношения с друзьями, делая их менее интимными. Среди обследованных Миррой Комаровски американских юношей, у которых главным конфидантом была девушка, не оказалось ни одного, кто еще не имел сексуального опыта, тогда как половина мужчин с самым низким уровнем самораскрытия оставались девственниками (Komarovsky, 1974, 1976).

Проблема соотношения любви и дружбы имеет и практический аспект. Некоторые молодые женщины, выйдя замуж, всячески стараются оторвать своего суженого от его прежней мужской компании. Понять эту потребность нетрудно. Тут и желание крепче привязать к себе мужчину, и ревность к его прошлым эмоциональным связям, и опасения насчет характера этих мальчишников (пьянство, вовлеченность в рискованные действия и т. п.). И все-таки лучше этого не делать.

Пытаясь оторвать своего избранника от прежних друзей, женщина берет на себя повышенные обязательства, предлагая заменить собой все то, что составляло прелесть его юности. На какой-то срок, вроде медового месяца, это может получиться. Но что будет потом? При нормальном процессе развития, семейная жизнь и другие обстоятельства сами собой сделают мужскую дружбу менее интенсивной (более редкие встречи, дифференциация интересов, новые социальные и бытовые обязанности и т. п.). Однако поддержание этих отношений способствует сохранению связей с собственной юностью. Если их оборвать насильственно, в сознании молодого мужчины образуется пустота. И когда на следующем витке жизни у него появится естественная ностальгия по ушедшей юности, одной из главных ценностей которой была дружба — «какие были ребята!» — ее утрата или ослабление воспринимается уже не как естественный процесс,

а как следствие происков «этой бабы». Думаю, что для обеих сторон разумнее постараться совместить любовь с прежними дружескими отношениям.

Дружба и однополая любовь

Один из самых деликатных аспектов нашей темы — соотношение дружбы и однополой любви.

Трудность этой темы отчасти связана со сложностями размежевания любовного языка и языка дружбы. До тех пор пока однополая любовь осуждалась и преследовалась, она не смела открыто назвать себя, вынуждая людей пользоваться эвфемизмами. Одним из таких эвфемизмов была дружба. Для обозначения особенно нежной и, как правило, гомоэротической дружбы такие отношения иногда называли «особенной дружбой» (см.: Кон, 2003а).

Однако всегда были, есть и будут такие чувства и отношения, которые *объективно* не допускают однозначного определения и остаются проблематичными не только для посторонних людей, но и для самих участников. В особенности это касается романтической дружбы.

Язык романтической дружбы, с ее повышенной эмоциональностью и экспрессивностью, практически неотличим от любовного языка. В некоторых случаях это только форма речи или этикета.

До XVII в., когда английские пуритане наложили строгие запреты на выражение эмоций, европейские мужчины не только пользовались в общении друг с другом «любовной» лексикой, но могли при встречах целоваться и обниматься. В романских странах вроде Италии и Испании, эти правила сохранились, а в англоязычных странах такое поведение стало восприниматься как «женственное», «гомо-сексуальное» и «неприличное». Эти нормативные ограничения существенно сузили коммуникативные возможности мужчин независимо от их сексуальной ориентации.

К сожалению, наука, как и массовое сознание, подвержена моде. До последней трети XX в. ученые предпочитали не замечать гомоэротическую природу многих знаменитых дружб. Затем маятник качнулся в противоположную сторону, любые намеки на нежность между мужчинами стали интерпретировать как проявление гомосексуальности. Иногда эти предположения обоснованы, иногда нет, чаще всего они остаются спорными. Особенно трудно толковать художественные тексты.

Например, знаменитое есенинское стихотворение «Прощание с Мариенгофом» (Есенин, 1961, т. 2, с. 115) формально говорит о дружбе, но по своей эмоциональной тональности явно принадлежит к любовной лирике:

Есть в дружбе счастье оголтелое
И судорога буйных чувств —
Огонь растапливает тело,
Как стсариновую свечу.

Возлюбленный мой! дай мне руки —
Я по-иному не привык —
Хочу омыть их в час разлуки
Я желтой пеной головы.

Ах, Толя, Толя, ты ли, ты ли,
В который миг, в который раз —
Опять, как молоко, застыли
Круги недвижущихся глаз.

Прощай, прощай. В пожарах лунных
Дождусь ли радостного дня?
Среди прославленных и юных
Ты был всех лучше для меня.

Как складывались отношения Есенина с мужчинами и женщинами и кого именно любил великий поэт — забота его биографов, обычный читатель волен толковать его стихи на свой собственный лад. Но для многих подростков и юношей точное определение природы их эмоциональных отношений и привязанностей жизненно важно. Между тем сделать это порой невозможно.

Еще Герцен подметил, что подростковая и юношеская дружба зачастую неотличима от любви:

Я не знаю, почему дают какой-то монополь воспоминаниям первой любви над воспоминаниями молодой дружбы. Первая любовь потому так благоуханна, что она забывает различие полов, что она — страстная дружба. С своей стороны дружба между юношами имеет всю горячность любви и весь ее характер: та же застенчивая боязнь касаться словом своих чувств, то же недоверие к себе, безусловная преданность, та же мучительная тоска разлуки и то же ревнивое желание исключительности (Герцен, 1956, т. 4, с. 82).

Этот феномен неоднократно описан в классической литературе. Вспомним толстовского Николеньку, Тонио Крегера из одноименного рассказа Томаса Манна или описание Роменом Ролланом дружбы Жана Кристофа и Отто:

Один в почной темноте Кристоф шагнул домой. Но сердце у него пело: у меня есть друг, есть друг. Он ничего не видел, ничего не слышал. Не думал ни о чем — только о друге. <...> Кристоф не знал никого прекраснее Отто. Все восхищало его в друге — тонкие руки, красивые волосы, свежий цвет лица, сдержанная речь, вежливые манеры и тщательная забота о своей внешности <...> Он пожертвовал бы ради Отто всем на свете. Он жаждал подвергнуться ради друга любой опасности и страстно мечтал, чтобы представился, наконец, случай испытать силу его дружбы. Во время прогулок он ждал какой-нибудь опасной встречи, чтобы броситься вперед и прикрыть собой Отто. Он с наслаждением принял бы смерть ради друга. <...> Он не сводил с Отто глаз, точно влюбленный. И, по правде говоря, он и был влюбленный. Кристоф не знал этого, так как не знал, что такое любовь. Но временами, когда мальчики оставались одни, их охватывало странное волнение — они испытали его еще тогда, когда в первую свою встречу сидели в сосновом лесу: кровь прилиwała к щекам Кристофа, он густо краснел. Он боялся. Не сговариваясь, мальчики стонились друг друга... (Роллан, 1955, т. 3, с. 176, 182, 183–184).

То, чего они не могли сказать друг другу в глаза, дополняют письма: Мое единственное счастье — это ты... Люби меня! Мне так необходимо, чтобы кто-нибудь любил меня! (Там же, с. 184.)

А разве не были любовными вызвавшие переполох у отцов-иезуитов письма, которыми обменивались Жак и Даниэль в романе Роже Мартена дю Гара «Семья Тибо»?

Никогда не забуду тех мгновений, слишком редких, увы, и слишком кратких, когда мы всецело принадлежали друг другу. Ты единственная моя любовь! Другой любви никогда у меня не будет, ибо тогда мной тотчас же овладели бы страстные воспоминания о тебе. Прощай, меня бьет лихорадка, в висках стучит, взор мутится... Не люблю ждать. Напиши мне как можно скорее. Хочу, чтобы ты ответил мне до 4 ч., если любишь меня, как я тебя люблю!! <...> Как высказать ту радость, которую доставило мне твое письмо? Разве не был ты мне другом и раньше и разве не стал теперь еще большим другом? Настоящей половиной меня самого? Разве не помог я сформироваться твоей душе, подобно тому, как и ты помог сформироваться моей? Боже, сколько в этом правды и силы, как чувствую я это, когда пишу тебе! Я живу! И все во мне живет — тело, ум, сердце, воображение — благодаря твоей привязанности, в которой никогда я не усомнюсь, о мой истинный и единственный друг! (Мартен дю Гар, 1957, с. 38–39.)

Между этими мальчиками нет и не будет физической близости. Оставшись вдвоем в номере гостиницы, они стесняются даже раздеться на глазах друг у друга, но можно ли сомневаться в истинной природе их чувства? И тем не менее их страстная дружба — только

предвосхищение другой любви, для которой они созреют немного позже.

Вряд ли сегодняшние подростки пишут друг другу подобные письма. Но романтическая дружба-любовь к людям собственного пола, не допускающая однозначных определений, не чужда и некоторым из них. У одних экзальтация с возрастом проходит или находит другой тип объекта. Другие же выясняют, что это — единственная любовь, на которую они способны, и они больше не называют ее дружбой. В отличие от подростков взрослые гомосексуалы прекрасно отличают любовные отношения от дружеских и стараются их не смешивать (Nardi, 1992), а в детстве геи и лесбиянки в отличие от гетеросексуалов чаще дружат с детьми противоположного пола. Если у родителей возникают тревоги насчет дружбы их детей, самая разумная стратегия — не оскорблять их подозрениями и предоставить им возможность без спешки определиться самим.

То, что переживания любви и дружбы не отливаются в строгие научные формулы, нормально и естественно. Тому, кто ждет таких формул, следует вспомнить добрый совет, который когда-то дала Жан-Жаку Руссо венецианская куртизанка: «...Оставь женщин и займись математикой» (Руссо, 1961, с. 281).

Это не значит, что психология высших человеческих чувств и личных отношений невозможна или бесполезна. Показывая, что эти чувства и отношения коренятся в сфере **субъективной реальности**, в области не столько наличного, сколько потенциального бытия личности, психология побуждает нас присматриваться к тем жизненно важным нюансам, которыми в суете будней мы склонны пренебрегать.

13. Скажи мне, кто твой друг...

Не я, и не он, и не ты,
И то же, что я, и не то же:
Так были мы где-то похожи,
Что наши смешались черты.

Инокентий Анненский

Тип дружбы и тип личности

Alter ego, к которому стремится человек, всегда выражает глубинные, большей частью неосознаваемые свойства его собственного Я. Поэтому тот или иной **тип дружбы** всегда соотносится с определенными **чертами личности**. Отсюда вытекает и традиционный подход к изучению личностных особенностей дружбы — сопоставление отдельных ее характеристик (число друзей, устойчивость взаимоотношений, степень их интимности и т. п.) с индивидуально-типологическими чертами личности.

Например, проведенный нами факторный анализ мнений о дружбе и структуры реального общения ленинградских девятиклассников позволил выделить 4 главные ориентации:

- 1) на экстенсивное групповое общение с большим числом приятелей своего и противоположного пола;
- 2) на групповую дружбу со сверстниками своего пола;
- 3) на дружбу со сверстниками противоположного пола;
- 4) на интимную парную дружбу.

Ориентации эти существенно различны. Например, юноши, ориентированные на экстенсивное групповое общение, как правило, не выбирают в качестве идеального друга девушку, и в первом круге их реального общения преобладают юноши. Тот, кто выбирает идеальным другом девушку, обычно имеет меньше друзей своего пола, склонен думать, что настоящая дружба встречается редко, и сам отличается повышенной рефлексивностью. Обостренная потребность в интимной парной дружбе сочетается с убеждением, что настоящая дружба встречается редко и т. д.

Чтобы выяснить психологический смысл этих различий, мы сравнили их с психологическими особенностями 68 юношей и 94 девушек, обследованных с помощью юношеского варианта, рассчитанного

на 14–18-летних, 16-факторного личностного теста известного американского психолога Рэймонда Б. Кэттелла (1905–1998) (см. о нем Первин, Джон, 2000, с. 270–281). Этот тест (*Junior–Senior High School Personality Questionnaire, HSPQ*) (Cattell and Cattell, 1969), который мы называли Юношеским личностным вопросником (ЮЛВ), содержащий 16 параметров (факторов) был переведен на русский язык и валидизирован (проверен на достоверность) В. А. Лосенковым (Кон, Лосенков, 1974б, с. 82–86).

Наиболее тесно связанными с дружбой оказались следующие факторы.

- **А. Общительность.** Тот, кто имеет высокий показатель по этой черте, общителен, любит коллективные действия, участлив, доверчив и искренен, легко приспосабливается к новой обстановке, любит повеселиться. Противоположный тип — замкнутый, избегающий групповых обсуждений и споров, недоверчивый и холодный в общении.
- **Д. Возбудимость.** Легко возбудимый, гиперактивный, импульсивный, отзывчивый, но одновременно раздражительный, требует к себе повышенного внимания, легко отвлекается от основного дела. Противоположный полюс — спокойный, флегматичный, неторопливый, непритязательный, держится в тени, устойчивое внимание.
- **Ф. Беспечность.** Разговорчивый, беспечный, любит шутку и веселье, быстрый, живой, искренний, любит привлекать к себе внимание. Противоположный полюс — осмотрительный, осторожный, молчаливый, с развитой рефлексией и самоконтролем.
- **Г. Чувство долга.** Высокое чувство ответственности, строго придерживается установленных норм и правил, трудолюбивый, исполнительный, все доводит до конца. Противоположный полюс — низкое чувство ответственности, при случае готов нарушить правила, ленивый, непостоянный, потакает своим слабостям.
- **Н. Уверенность в общении.** Уверен и смел в общении, любит шумные компании, заочным контактам предпочитает личные, имеет много приятелей. Противоположный полюс — робкий, тихий, застенчивый, избегает многолюдных компаний, личным контактам предпочитает опосредованные, ориентируется не на групповую, а на замкнутую парную дружбу.
- **Ж. Рефлексивность.** Склонность к самоанализу. Индивидуалистичный, внутренне скованный, рефлексивный, так называемый

фактор Гамлета. Противоположный полюс — живой, полнокровный, любит групповую активность, идентифицируется со спортивными командами и играми вроде регби.

- **Q₂. Самодостаточность.** Независимый, предпочитает сам принимать решения, проявляет большую самостоятельность во мнениях и поступках. Противоположный полюс — зависимый, некритически и легко принимает мнение большинства и присоединяется к групповой деятельности.
- **Q₃. Высокий самоконтроль.** Сдержанный, волевой, в поведении следует выработанным для себя принципам и правилам. Противоположный полюс — несдержанный, плохо контролирует свое поведение.
- **Экстраверсия—интроверсия.** Шкала измеряет широту и интенсивность межличностных коммуникаций, потребность во внешней стимуляции, обращенность личности вовне и внутрь себя.

Важнейшие результаты сравнения типов дружеского общения подростков со свойствами их личности представлены в табл. 13.1, а их подробный анализ дан Л. Я. Гозманом (Гозман, 1974).

Как видно из таблицы, **экстенсивный тип общения** положительно соотносится с такими свойствами, как общительность, беспечность и экстраверсия; склонные к этому типу общения юноши отличаются также менее развитым чувством долга и меньшим самоконтролем. Ориентация на **групповую дружбу со сверстниками своего пола** почти не дает значимых корреляций с индивидуальными свойствами, хотя юноши из этой группы отличаются несколько большей общительностью и несколько меньшей рефлексивностью и независимостью. Ориентация на **дружбу со сверстниками противоположного пола** сочетается у юношей с беспечностью, а у девушек также с общительностью, уверенностью в общении и экстраверсией и отрицательно — с независимостью. Потребность в интимной парной дружбе наиболее характерна для юношей и девушек, склонных к рефлексивности, у юношей она коррелирует также с высокой возбудимостью.

Коммуникативные свойства личности

Однако статистическая корреляция — не причинная связь. Многие черты, от которых зависит коммуникативный стиль личности, относительно устойчивы и постоянны (Block, 1981; Кон, 1984). Напри

HSPQ-факторы Типы общения	Экстенсивные отношения со сверстниками своего и противоположного пола		Групповая дружба с однополовыми сверстниками		Дружба со сверстниками противоположного пола		Ориентация на интимную дружбу	
	Юноши	Девушки	Юноши	Девушки	Юноши	Девушки	Юноши	Девушки
A. Общительность	+0,33**	+0,46**	+0,24*	+0,15	+0,00	+0,21	-0,10	+0,04
D. Возбудимость	+0,03	-0,10	+0,11	-0,02	-0,18	-0,08	+0,24*	+0,03
F. Беспечность	+0,22	+0,35***	+0,17	-0,01	+0,24*	+0,31**	+0,04	+0,08
G. Чувство долга	-0,33*	0,00	+0,10	+0,13	+0,05	+0,15	+0,03	+0,06
H. Уверенность в общении	+0,22	+0,16	+0,06	+0,07	+0,20	+0,34***	+0,09	-0,02
J. Рефлексивность	-0,21	-0,17	-0,34**	-0,09	-0,08	+0,01	+0,31*	+0,28*
Q ₂ . Самодостаточность	-0,19	-0,20	-0,33*	-0,20	-0,07	-0,35***	+0,22	+0,14
Q ₃ . Высокий самоконтроль	-0,30	-0,07	-0,07	+0,06	-0,16	-0,07	+0,01	-0,02
Экстраверсия	-0,05	+0,36***	+0,08	+0,12	+0,17	+0,32***	+0,08	+0,09

Примечание. * — $p < 0,05$; ** — $p < 0,01$; *** — $p < 0,001$. HSPQ — факторы, которые не дали значимых корреляций в эту таблицу не включены.

мер, индивидуальный уровень общительности и преимущественно экстенсивный или интенсивный стиль общения устойчиво сохраняются у детей от 2,5 до 7,5 лет (Waldrop, Halverston and Jr., 1975). Исследователи отмечают также преемственность уровня общительности годовалых мальчиков с характером их общения в 9–10 лет. Сравнение коммуникативных черт группы взрослых мужчин с тем, какими они были в 8 и 12 лет, показало, что более теплые, открытые и сердечные мужчины в 8-летнем возрасте поддерживали устойчивые дружеские отношения с другими мальчиками и в первом круге их общения были также девочки. Напротив, мужчины, склонные держать окружающих на расстоянии и избегать тесных эмоциональных контактов, в детстве не имели близких друзей и не играли с девочками (Maas, 1968).

Относительно устойчивы в дошкольном и в школьном возрасте такие черты, как популярность и — еще больше — непопулярность у сверстников, сильно влияющие на характер дружеских отношений. К числу стабильных личностных черт относятся самоуважение, степень принятия или непринятия себя, застенчивость, потребность в достижении и в принадлежности к группе, уровень самораскрытия, эмпатия, импульсивность, самоконтроль и, конечно же, экстраверсия и интроверсия (обращенность личности преимущественно вовне, на других людей и окружающий мир, или вовнутрь, к собственному Я) (Kagan, Moss, 1962; Block, 1981).

Но стабильность этих черт, их влияние на личность и характер ее общения не следует абсолютизировать. Во-первых, их соотношение и значимость существенно меняются с возрастом. Во-вторых, некоторые психологические свойства и формирующие их условия в известной степени взаимно нейтрализуют друг друга. То же самое можно сказать об условиях социализации.

Давно известно, например, что теплая, заботливая семья и эмоциональная близость с матерью облегчают ребенку в дальнейшем установление хороших отношений и со сверстниками (Elicker, Englund and Sroufe, 1992). Изучение поведения группы американских старшеклассников показало, что матери юношей, обладающих самой высокой степенью эмпатии, отличались терпимостью, редко прибегали к наказаниям и поощряли сыновей свободно обсуждать свои проблемы (Eisenberg-Berg, Mussen, 1978). Длительный отрыв маленьких детей (до 5 лет) от семьи, по-видимому, отрицательно сказывается на их эмоциональном развитии.

Согласно теории английского психолога Дж. Боулби, дефицит родительского тепла лишает ребенка необходимого ему чувства уверенности и безопасности, что способствует зарождению особого вида эмоциональной тревожности — «страха отделения», который может сохраняться на протяжении всей жизни. Обследование большой группы взрослых американцев косвенно подтверждает эту гипотезу: среди людей, хронически чувствующих себя одинокими, оказалось непропорционально много лиц, выросших без любящих родителей; особенно неблагоприятным прогностическим фактором оказался при этом развод (Рубинстайн и Шейнер, 1989).

Но разные привязанности могут конфликтовать друг с другом. Слишком тесная привязанность и зависимость ребенка, особенно мальчика, от матери нередко играет отрицательную роль, сковывая его инициативу в установлении контактов со сверстниками. При сравнении группы подростков, воспитывавшихся до 5 лет исключительно матерью, с теми, кто подвергался влиянию нескольких разных взрослых («диффузное материнство»), выяснилось, что сильное материнское влияние в раннем детстве коррелирует у мальчиков-подростков с интроверсией, ориентацией на взрослых и сильным самоконтролем, тогда как «диффузное материнство» благоприятствует экстраверсии, ориентации на сверстников, экспрессивному поведению.

Выбор друзей и характер взаимоотношений с ними во многом зависят от свойств интеллекта, темперамента и уровня самоконтроля, которые, в свою очередь, связаны с типом нервной системы. Но влияние это неоднозначно. Например, более импульсивные люди, обладающие слабым самоконтролем, легче идут на самораскрытие и сообщают о себе более доверительную информацию, чем неимпульсивные, однако это не гарантирует ни лучшего понимания другого, ни устойчивой эмоциональной близости (Kipnis and Goodstadt, 1970).

Экспериментально доказано, что люди с развитым самоконтролем, тщательно следящие за своим поведением, склонны выбирать друзей и партнеров по досугу прежде всего по их деловым качествам, необходимым в той или иной конкретной ситуации («Эрик — отличный парень, но в поход я пойду с Иваном, у него лучшие спортивные навыки»). Напротив, люди с низким самоконтролем, придающие меньше значения ситуативным факторам, выбирают друзей преимущественно по принципу симпатии («Хотя Эрик не ахти какой альпинист, с ним мне будет идти приятнее») (Snyder, Gangestad and Sympton, 1983).

Разумеется, реальный выбор зависит от многих конкретных условий, включая оценку важности и трудности предполагаемой задачи:

восхождение на Эверест — не прогулка с приятелем в горы. Тем не менее общий тип коммуникативной ориентации сказывается и на личных отношениях. Гипертрофированный самоконтроль, связанный с развитой потребностью в достижении, побуждает личность и свои дружеские отношения рассматривать более инструментально, в связи с конкретной деятельностью, тогда как более импульсивный человек отдает предпочтение непосредственной симпатии, даже в ущерб эффективности. Некоторые противоречия между развитием соревновательности и эмпатии психологи зафиксировали уже у 6–7-летних мальчиков (Barnett, Matthews and Howard, 1979).

Все это говорит о том, что расхождения в определениях, нормах и критериях ценности дружбы принципиально неустранимы, за ними стоят не только социокультурные, но и индивидуальные различия. При этом даже такие свойства, которые на первый взгляд выглядят недостатками, сплошь и рядом имеют положительную сторону.

Дружба и застенчивость

Едва ли не самая распространенная и тяжело переживаемая людьми коммуникативная проблема — **застенчивость** (Зимбардо, 1991; Куницына, Казаринова, Погольша, 2001; Jones, Cheek and Briggs eds., 1986; Cheek and Melchior, 1990). В обыденной речи застенчивость обычно описывается как смущение и эмоциональная напряженность, возникающие в процессе общения с другими людьми. У некоторых людей это состояние преходящее, ситуативное, у других это устойчивая черта личности.

По данным ряда психологических исследований, застенчивыми считают себя от 30 до 40% американцев. Из опрошенных известным американским психологом Филиппом Зимбардо 2500 студентов в возрасте от 18 до 21 года 42% считают себя застенчивыми (с учетом тех, кто преодолел эту особенность, цифра повышается до 73%), причем 60% из них рассматривают застенчивость как серьезную трудность. Особенно тяжело переживают ее юноши, так как застенчивость считается «немужским» качеством. Среди обследованных В. Н. Куницыной 1300 студентов и школьников застенчивыми оказались 25%, ситуативно-застенчивыми — 34%, незастенчивыми (свободными в общении) — 28% и беззастенчивыми (последнее качество нигде не считается положительным) — 13% (Куницына, Казаринова, Погольша, 2001, с. 356).

Хотя многие люди склонны преувеличивать свои коммуникативные проблемы, психологические исследования показывают, что те, кто считает себя застенчивыми, в большинстве случаев действительно отличаются пониженным уровнем экстраверсии, менее способны контролировать и направлять свое социальное поведение, более тревожны, склонны к невротизму (это касается только мужчин) и переживают больше коммуникативных трудностей. Неудивительно, что застенчивость считается нежелательным качеством. Три четверти застенчивых американцев сказали, что им не нравится это свойство и две трети рассматривают застенчивость как серьезную личную проблему. Зимбардо даже создал в Стэнфордском университете специальный центр и выработал методику лечения застенчивости (Зимбардо, 1991).

Однако застенчивость психологически неоднородна. Наиболее разработанная теория застенчивости выделяет 3 группы симптомов (Cheek and Melchior, 1990).

1. Соматический компонент застенчивости включает в себя такие симптомы как общее эмоциональное возбуждение и специфические физиологические реакции, вроде покраснения кожи, усиленного потоотделения и т. п.; от них страдают от 40 до 60% застенчивых студентов.
2. Когнитивный компонент застенчивости включает в себя такие симптомы, как сильное смущение в публичной ситуации, мысли о своей неполноценности и беспокойство по поводу предполагаемой негативной оценки окружающими. Эти симптомы называют от 60 до 90% застенчивых молодых людей.
3. Недостаточная социальная компетенция, отсутствие необходимых коммуникативных навыков — все это усугубляет эмоциональные трудности и создает дополнительные проблемы в общении.

Застенчивость отрицательно сказывается практически на всех личных отношениях субъекта, включая дружбу. Застенчивые люди не только имеют меньше друзей, но и меньше удовлетворены отношениями с ними (Jones and Carpenter, 1986).

Застенчивость тесно связана с другими чертами личности, которые не всегда поддаются коррекции и сами по себе могут не рассматриваться как отрицательные.

В одном психологическом эксперименте участникам предлагали выбрать тип человека, с которым они хотели бы совместно работать

и проводить досуг. Как правило, испытуемые, независимо от их собственных качеств, предпочитали экстравертированный тип личности. Но как только им приходилось выбирать не просто сослуживца или компаньона по развлечениям, а друга, картина менялась: не только люди, склонные к интроверсии, но и многие экстраверты отдавали в этом случае предпочтение интровертированному типу (Pilkonis and Zimbardo, 1979). Почему?

Интроверсия ассоциируется не только с застенчивостью и другими коммуникативными трудностями, но и с более тонкой душевной организацией. Это мнение никогда не подвергалось экспериментальной проверке, но его разделяют многие поэты и философы, которые сами, кстати сказать, нередко испытывали трудности в общении. Как тонко подметил Александр Блок (письмо Е. П. Иванову 13 сентября 1908 г.), «человек, сознавший одиночество или хотя бы придумавший его себе, — более открыт душою и способен воспринять, может быть, чего другой не воспримет» (Блок, 1963, т. 8, с. 252).

Наши недостатки — продолжение наших достоинств. Можно и нужно совершенствовать свои коммуникативные навыки, но радикально изменить свой стиль общения так же трудно, как и тип личности. И результат не всегда соответствует ожиданиям.

Такой случай хорошо описал Леонид Бежин в рассказе «Мастер дизайна». Юный герой этого рассказа, застенчивый и неловкий студент Юрий Васильев попадает в руки энергичного психолога, который вооружает его эффективными средствами общения и воздействия на окружающих. Юрий обретает уверенность в себе, преодолевает былые коммуникативные трудности, становится общительным и компанейским. Но вскоре выяснилось, что общение, организованное по рациональным правилам, не дает внутреннего удовлетворения и эмоционального тепла. «Душевный культуризм» формирует красивую внешность, но не внутреннюю силу.

Выходило, что застенчивость, делавшая таким трудным его общение с людьми, помогала ему общаться с самим собой, со своими мыслями... Он шел, он видел присыпанные снегом яблоки у лоточницы, он радовался тысяче вещей, которые теперь оставляли его равнодушным. Теперь он боялся одиночества, как боялся его все общительные люди. Ему было скучно с самим собой, и, оставшись один, он всякий раз брал телефонную трубку: «Дружище, заходи... двинем куда-нибудь вместе... давай всей компанией...». Он рабски зависел от этого «вместе... всей компанией» (Бежин, 1980, с. 176).

Одиночество и некоммуникабельность

Неоднозначен и феномен одиночества. Одиночество — такой же психологический антипод дружбы, как и — в ином контексте — вражда. В предыдущих разделах разговор шел о культурно-исторических, социально-средовых и половозрастных причинах одиночества. Но оно имеет также тонкие **индивидуально-личностные** детерминанты.

В научной литературе, как и в обыденной речи, слово «одиночество» часто обозначает совершенно разные явления (см.: Лабиринты одиночества, 1989). Во-первых, это объективное состояние вынужденной физической или социальной **изоляции**, исключенности из общения с людьми вообще или с какими-либо социально и личностно-значимыми категориями людей. Во-вторых, это добровольное **уединение**, обособление, ограничение «внешних» связей и контактов ради углубленной автокоммуникации, размышления, созерцания искусства, слияния с природой и т. п. В-третьих, это **одиночество-тоска** — мучительное чувство душевной и духовной изоляции, некоммуникабельности, непонятости, неудовлетворенной потребности в общении и человеческом тепле.

Как уже говорилось, потребность в уединении — естественное свойство всякой развитой личности.

Отступи, как отлив, все дневное, пустое волненье,
Одиночество, стань, словно месяц, над часом моим!

Брюсов, 1955, т. 1, с. 219

Потребность в нем развивается параллельно росту самосознания личности и сопровождается противоречивыми, но, в основном, положительными эмоциями. Как писал Райнер-Мария Рильке, рост одиночества «болезнен, как рост мальчика, и печален, как начало весны... Нести его нелегко, и почти всем суждены часы, в которые они его охотно променяли бы на любую — хотя бы самую обычную и дешевую общность, на хотя бы призрак близости с первым встречным, с самым недостойным...» (Рильке, 1971, с. 187). Но бежать от него — значит, бежать от самого себя.

Только в тишине собственной души человек осознает глубокий смысл своего личного бытия, а также реальную ценность общения.

Общество, даже самое лучшее, скоро утомляет и отвлекает от серьезных дум. Я люблю оставаться один. Ни с кем так не приятно общаться, как с одиночеством. Мы часто бываем более одиноки среди людей, чем в тиши своих комнат (Торо, 1979, с. 161).

Развитая культура не только обеспечивает индивиду объективные возможности для уединения (принцип приватизации), но и вырабатывает специальную психологическую технику внутреннего сосредоточения, медитации, особой психотерапии (например, японская школа «морита»). В состоянии уединения человек мысленно общается не только сам с собой, но и со своими идеальными, воображаемыми друзьями. Замечательно выразил это китайский поэт VIII в. Ду Фу:

Мне выпить надо,
Чтоб забылась скука,
Чтоб чувства выразить —
Стихи пужны.
Меня бы понял Тао Цянь
Как друга,
Но в разные века
Мы рождены.

Ду Фу, 1967, с. 87

Но кроме спокойного, умиротворенного самоуединения существует напряженное одиночество-тоска, которое сопровождается множеством разнообразных отрицательных эмоций — скуки, грусти, отчаяния, подавленности, жалости к себе, отверженности, неполноценности и т. п. Очень часто эти чувства испытывают наиболее сложные, душевно богатые люди, которым трудно выразить и объективировать свой внутренний мир.

Томас Манн писал своей будущей жене:

...Из-за «недостатка простодушия», непосредственности, бездумности, из-за всей нервности, искусственности, нелегкости своего нрава я не даю никому, даже самому доброжелательному человеку, сблизиться со мной или вообще хоть как-то со мною поладить... Много лет, и лет *важных*, я ни во что не ставил себя как человека и хотел, чтобы меня принимали во внимание только как художника... (Кате Принсгейм, начало июня 1904 г.; Манн, 1975, с. 10).

Иногда это доходит до полной некоммуникабельности.

Наряду с экспериментальной психологией и художественной литературой пониманию индивидуально-личностных факторов дружбы способствует изучение *биографических данных и личных документов исторических деятелей, мыслителей или художников*.

Делать это сложно. Далеко не все великие и достойные люди были счастливы в личной жизни. Кроме чисто методологических трудностей (насколько вообще надежна психологическая реконструкция целостной личности по фактам ее биографии и интимным докумен-

там), жанр психологической биографии нередко вызывает сомнения морального порядка: допустимо ли вообще разбирать личную жизнь великого человека, читать и обсуждать его интимные дневники, переписку и т. д., отнюдь не предназначенные для опубликования? Сомнения эти, безусловно, серьезны: бестактное копание в чужих делах оскорбляет нравственное чувство. Но без такого исследования подчас непонятны истоки и личностный смысл творчества художника. Кроме того, жизнь замечательных людей поучительна не только их общественными достижениями. Разве не важно, выражал ли тот или иной художественный образ, повлиявший на сознание миллионов людей, реальный жизненный опыт его создателя или его несбывшуюся мечту?

Интересно, что самые яркие художественные образы романтической любви и дружбы создали одинокие мечтатели, которым воображение полностью заменяло реальность. Применительно к любви это сделал Стендаль, а применительно к педагогике и дружбе — Жан-Жак Руссо. «Как могло случиться, что, имея душу от природы чувствительную, для которой жить — значило любить, я не мог до тех пор найти себе друга, всецело мне преданного, настоящего друга, — я, который чувствовал себя до такой степени созданным для дружбы?» — спрашивал себя 55-летний философ (Руссо, 1961, т. 3, с. 371). Любовь и дружба — «два кумира моего сердца...» (там же, с. 375). Но и то и другое остается для него недостижимой мечтой. Его чувства слишком напряжены и гипертрофированы, чтобы их можно было реализовать.

Первая моя потребность, самая большая, самая сильная, самая неутолимая, заключалась всецело в моем сердце: это потребность в тесном общении, таком интимном, какое только возможно; поэтому-то я нуждался скорее в женщине, чем в мужчине, скорее в подруге, чем в друге. Эта странная потребность была такова, что самое тесное соединение двух тел еще не могло быть для нее достаточным; мне нужны были две души в одном теле; без этого я всегда чувствовал пустоту (там же, с. 361).

Не имея возможности насладиться во всей полноте необходимым тесным душевным общением, я искал ему замены, которая, не заполняя пустоту, позволяла бы мне меньше ее чувствовать. За неимением друга, который был бы всецело моим другом, я нуждался в друзьях, чья порывистость преодолела бы мою инертность... (там же, с. 362).

Чрезвычайно завышенные притязания невозможно материализовать в отношениях с реальными людьми. Руссо преследует постоянная «боязнь обидеть или не понравиться, еще больший страх быть осмистанным, осмеянным, опозоренным...» (там же, с. 223).

Как бы хорошо ни относились к нему окружающие — а у Руссо было немало искренних доброжелателей, — отношения с ними для него только суррогаты воображаемой подлинной близости. «Совсем забывая о человеческом роде, я создал себе общество из существ совершенных, божественных как своей добродетелью, так и красотой, — друзей надежных, верных, каких никогда не находил здесь, на земле» (там же, с. 373).

Неудовлетворенные желания создают напряженность в отношениях с людьми, Руссо всегда и везде чувствует себя одиноким. «И вот я один на земле, — пишет он в “Прогулках одинокого мечтателя”, — без брата, без ближнего, без друга, без иного собеседника, кроме самого себя» (там же, с. 571).

Вдумчивому читателю «Исповеди» и без помощи психоанализа понятно, что некоммуникабельность Руссо связана прежде всего с его психосексуальными проблемами. Но трудности в общении могут иметь и другие причины.

Американский психолог Джеффри Янг (Янг, 1989), автор распространенного теста и метода психотерапии депрессивных состояний, различает 12 кластеров одиночества, каждый из которых имеет характерные эмоциональные, когнитивные и поведенческие признаки.

1. **Неспособность к уединению:** оставшись один, человек теряет себя, не знает, что с собой делать, испытывает мучительную скуку и пустоту.
2. **Низкое самоуважение:** пониженные самооценки («меня не любят», «я скучен» и т. п.) побуждают личность избегать человеческих контактов, в результате чего появляется хроническая печаль и чувство безнадежности. Это состояние бывает и у людей в высшей степени интересных и значительных.
3. **Социальная тревожность:** неуверенность в общении, застенчивость, постоянное ожидание насмешек или осуждения со стороны окружающих, единственным спасением от которых кажется уход в себя.
4. **Коммуникативная некомпетентность:** отсутствие необходимых навыков общения, неумение правильно вести себя в сложных межличностных ситуациях, вроде знакомства или ухаживания, часто сочетающееся с низкой эмпатией, результатом чего бывают разочарование и обманутые ожидания.
5. **Недоверие к людям:** люди кажутся человеку враждебными и эгоистичными, поэтому он не просто избегает их, но испытывает по отношению к ним озлобление и чувство горечи.

6. **Стеснительность:** *внутренняя скованность, «немота»*, неспособность к самораскрытию, чувство своей абсолютной психической «герметичности» и непонятости, заставляющее личность постоянно разыгрывать чьи-то «чужие» роли и чувствовать себя обманщиком.
7. **Трудности выбора партнера:** «негде встретить подходящего человека», «никто мне не нравится», неспособность завязать интимные личные отношения или постоянный выбор неподходящих партнеров, в результате чего возникает чувство бессилия и обреченности.
8. **Страх быть отвергнутым**, связанный с пониженным самоуважением и неудачным прошлым опытом; боязнь новых разочарований усугубляется безотчетным чувством вины и признанием своей малоценности.
9. **Сексуальная озабоченность:** убеждение (часто ложное) в своей внешней непривлекательности или беспомощности, которое усугубляется чувством стыда и затрудняет не только сексуальные, но и все прочие личные отношения.
10. **Боязнь эмоциональной близости:** опасение, что партнер «хочет больше, чем я могу ему дать», побуждает личность избегать углубления дружеских отношений, предполагающих взаимное самораскрытие.
11. **Неуверенная пассивность:** постоянные колебания, неопределенность в определении собственных чувств («Я сам не знаю, что я чувствую и чего хочу»), отсутствие настойчивости, инициативы в углублении и развитии отношения и настороженность к такого рода попыткам со стороны партнера.
12. **Нереалистические ожидания:** ориентация на слишком жесткие нормы и требования («все или ничего»), нетерпимость и нетерпеливость, в результате которых личные отношения не могут обрести устойчивость и часто разрываются без достаточно веских причин.

Хотя эти кластеры описательны, а соотношение их компонентов проблематично, их перечень показывает, что одиночество так же многолико, как и дружба, от него нет универсальных рецептов. Одному человеку полезно поменьше думать о собственном Я и включиться в деятельную групповую жизнь, а другому, наоборот, — остановиться, оглянуться.

Главная беда многих одиноких и склонных к депрессии людей заключается в том, что у них складывается специфический атрибутивный стиль — склонность объяснять свои неудачи в общении не конкретными ситуативными причинами, а своими якобы неизменными личными чертами (Anderson, Horowitz, de Sales French, 1983). Эта пораженческая установка блокирует, парализует попытки установить новые человеческие контакты с учетом прошлых ошибок. Если в других сферах жизни, например в учебе или труде, люди трезво оценивают причины своих побед и поражений и, учась на своих ошибках, могут достигать высоких результатов, то в сфере общения, где они особенно уязвимы, негативная установка превращается в самореализующийся прогноз: «У меня все равно не получится, поэтому не стоит и пробовать, чтобы не переживать новых разочарований». Всякое самовоспитание или психотерапия начинается с преодоления этой ложной установки.

Психологическая биография, как и экспериментальная психология, учит прежде всего терпимости, пониманию того, что люди разные, их нельзя ни подравнять под одну гребенку, ни исчерпать их индивидуальность с помощью нескольких «научных» ярлыков. Моральный кодекс дружбы универсален в своем максимализме, но его реализация всегда индивидуальна. «Доминанта на другое лицо», в которой А. А. Ухтомский видел высший принцип — одновременно психологический и нравственный — человеческого общения, предполагает в первую очередь сострадание, сочувствие, *соучастие*.

Заключение

Далеко ли ускачет заяц в лесу! Только до середины леса. Ибо дальше он, по сути, скачет уже из леса. О, не хвастайся, что ты углубился и углубляешься дальше. Не будь столь самоуверенным. Ты углубляешься в глубь этого мира, и вдруг ты выходишь на той его стороне. А ты и не знал, что был в центре. Знал бы — может, и не стремился бы дальше... Ведь самое главное — остаться на половине, на половине пути, на полуслове...

Имант Зиедонис

Мы рассмотрели важнейшие социально-исторические и психологические закономерности дружбы, стараясь всюду, где только возможно, опираться не на общие рассуждения, а на строгие факты науки. Научный анализ позволяет расчленить явление, выделить его составные части, отделить реальное от воображаемого, идеал — от действительности, сущее — от должного. Сопоставление данных разных наук проясняет сущность многих старых споров и антиномий, а некоторые из них вовсе снимает.

Исторические данные о жалобах на «оскудение» дружбы в древности заставляют усомниться не только в обоснованности теорий, связывающих этот процесс с урбанизацией и рыночной экономикой, но и в самом существовании такой тенденции. Раздельное изучение ценностно-нормативных канонов, языка дружбы и психологии реальных дружеских отношений проясняет соотношение ее социальных и психологических детерминант. Относительными, зависящими от социально-исторического и личностного контекста, оказываются как противопоставление инструментальных и экспрессивных функций общения, так и соотношение дружбы и любви.

Хотя эмпирические, опытные науки неплохо описывают и объясняют предпосылки, условия, процессы, механизмы и компоненты дружеских чувств и отношений, интерпретация их жизненного смысла всегда остается проблематичной и многозначной. Рационально объяснить дружбу — значит свести ее к неким утилитарным, нормативным или ситуативным соображениям, подвести под общее социальное или психологическое правило, закон. Наука обязана делать это, и ее прогресс неоспорим. Но при этом за скобками остается как раз

та нерассуждающая *самоценность*, в которой нравственное сознание усматривает *самую сущность дружбы*.

Противоречие существует уже на уровне обыденного сознания. С одной стороны, мы говорим, что необходимо знать своих друзей, не бояться указывать им на недостатки и т. д. С другой стороны, моральный кодекс дружбы осуждает взгляд на друга со стороны, обсуждение его характера, внутреннего мира и своих взаимоотношений с ним с посторонними и тем более манипулирование его личностью. Отношение к другу как к вещи этика считает безнравственным, приписывая дружбе абсолютную, самодовлеющую ценность.

Почему? В реальной действительности цели и средства, на разграничении которых покоится разделение ценностей на конечные, терминальные, и служебные, инструментальные, обратимы и могут меняться местами. Недаром спор о соотношении экспрессивных и инструментальных ценностей дружбы идет на протяжении всей истории существования данной категории, а в системе индивидуальной мотивации эти функции постоянно переплетаются. Однако как бы ни определялись конкретные функции дружбы, в чем бы ни усматривалась ее ценность, она неизменно занимает высшие места в иерархии нравственных ценностей. *Нравственное сознание человечества видит в ней не просто частный случай морального отношения, а живое воплощение нравственности, ее персонифицированную сущность, нравственность как таковую.*

Это представление коренится в имманентных свойствах нравственности как таковой, к числу которых относятся: идеальный характер нравственной санкции и обусловленная этим «незаинтересованность» морального мотива (отсутствие расчета на компенсацию); единство действенно-регулятивной и мировоззренческой, идеалопологающей функции; ведущая роль сознания вообще и субъективного мотива в частности; относительная автономия личности от воздействия и психологического давления извне; способность личности к самостоятельному осознанию, постановке и решению нравственной задачи; особая форма личной ответственности, то есть способность человека не только поддаваться влиянию и санкции, но и отдавать себе отчет в своих действиях (Дробницкий, 1974, с. 283–284).

Дружба как **моральное отношение** возникает лишь после того, как межличностная связь перестает считаться простым проявлением эмоционального влечения, социальной обязанностью или результатом рационального расчета. Ни влечение, ни ритуал, ни расчет не перестают от этого существовать и не утрачивают своего автономного

значения. Однако они *подчиняются* теперь более высоким нравственным соображениям. Отныне «настоящая дружба» становится эталоном, по которому оцениваются все реальные личные отношения. Как бы ни варьировался этот эталон, в нем всегда представлены такие **личностные** константы, как избирательность, индивидуальность, верность, независимость от ситуативных соображений.

Выступая всеобщим эталоном человеческих отношений, дружба являет собой воплощение альтруизма, сотрудничества, мира. Разумеется, эта всеобщность обманчива. Реальные межличностные отношения всегда предполагают сложную совокупность мотивов. Социально-психологические теории, описывающие дружбу как обмен, взаимное подкрепление или ролевое взаимодействие, отражают реальные поведенческие, эмоциональные и познавательные процессы, которые не исключают, а взаимно дополняют друг друга. Напротив, этическая аксиология (учение о нравственных ценностях) говорит о том, *что должно быть*. Моральный кодекс дружбы не что иное, как изображение *идеальных человеческих отношений* вообще.

Но если кодекс дружбы — воплощение моральных норм идеального человеческого общежития, то и *личные качества* друзей не могут быть этически нейтральными. Многие личностные свойства, от которых зависит общение индивида, формируются независимо от его воли и желаний и не могут быть поставлены ему лично ни в вину, ни в заслугу. Это особенно касается таких коммуникативных качеств, как общительность или замкнутость. Однако моральный кодекс дружбы несовместим с эгоизмом, предательством, нестойкостью убеждений. Если дружба предполагает честь и честность, можно ли не согласиться с Цицероном, что «дружба возможна только между честными людьми...» (Цицерон, 1975, с. 36)?

Образ дружбы, представленный в этике, идеален и потому неизбежно отличается от реальных дружеских отношений, какие мы видим в зеркале социологии, психологии и других наук. Однако нравственный кодекс дружбы — не просто плод воображения, а воплощение выработанных культурой представлений о том, какими *должны быть* человеческие взаимоотношения. И в той мере, в какой нам удастся быть на уровне этих принципов, мы реализуем этот кодекс и передаем его следующим поколениям.

Список литературы

- Аврелий Августин.* Исповедь. Издание подготовил А. А. Столяров. М.: Renaissance, 1991.
- Аверинцев С. С.* Любовь // Философский энциклопедический словарь. М.: БСЭ, 1983.
- Аксаков С. Т.* Собрание сочинений: В 4-х т. М.: Советский писатель, 1955.
- Алешина Ю. Е., Гозман Л. Я., Дубовская Е. М.* Социально-психологические методы исследования супружеских отношений. М.: Издательство МГУ, 1987.
- Альберони Ф.* Дружба и любовь. М.: Прогресс, 1991.
- Андреев Ю. В.* Мужские союзы в дарийских городах-государствах. СПб.: Алетейя, 2000.
- Андреева Г. М.* Социальная психология. М.: Аспект-пресс, 1996.
- Андреева Г. М.* Психология социального познания. М.: Аспект-пресс, 2000.
- Анненский И.* Стихотворения и трагедии. Л.: Советский писатель, 1959.
- Античная лирика.* Переводы с древнегреческого и латинского. М.: Художественная литература, 1968.
- Антология педагогической мысли христианского Средневековья:* В 2 т. М.: Аспект-пресс, 1994.
- Арбатова М.* Меня зовут Женщина. Проза. М.: Эксмо, 2004.
- Аристотель.* Сочинения: В 4 т. М.: Мысль, 1983.
- Аристофан.* Комедии: В 2 т. М.: Искусство, 1983.
- Артемова Л. В.* О характере взаимоотношений среди школьников // Коллектив, личность ребенка, внутриколлективные отношения. М.: Педагогика, 1970.
- Артемова О. И.* Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине. По австралийским этнографическим данным. М.: Наука, 1987.
- А. С. Пушкин в воспоминаниях современников:* В 2 т. М.: Правда, 1974.
- Байрон Д. Г.* Дневники. Письма. М.: Наука, 1963.

- Баранов А. В. Социально-демографическое развитие крупного города. М.: Мысль, 1981.
- Баткин Л. М. Итальянские гуманисты: стиль жизни, стиль мышления. М.: Наука, 1978.
- Бауман З. Индивидуализированное общество: Пер. с англ. М.: Логос, 2002.
- Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советский писатель, 1963.
- Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
- Бгажноков Б. Х. Коммуникативное поведение и культура // Советская этнография. 1978. № 5. С. 3–17.
- Бежин Л. Мастер дизайна // Новый мир. 1980. № 5.
- Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: АН СССР, 1953–1956.
- Берковский Н. Я. Романтизм в Германии. Л.: Художественная литература, 1973.
- Берн Ш. Гендерная психология. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2001.
- Биксон Т. К., Пепло Л. Э., Рук К. С., Гудчайлдс Ж. Д. Жизнь старого и одинокого человека // Лабиринты одиночества. 1989. С. 485–511.
- Блок А. Собрание сочинений: В 8 т. М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1960–1963.
- Бобров С. Мальчик. М.: Советский писатель, 1966.
- Бодаев А. А. Личность и общение. М.: Педагогика, 1984.
- Брагинская Н. В. Примечания к «Никомаховой этике» // Аристотель. Сочинения: В 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4.
- Брюсов В. Я. Избранные сочинения: В 2 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955.
- Бэкон Ф. Сочинения: В 2 т. М.: Наука, 1971.
- Вайль П., Генис А. 60-е и мир советского человека. М.: Новое литературное обозрение, 1996.
- Виалар П. И умереть некогда. Жатва дьявола. М.: Художественная литература, 1970.
- Виссон Л. Чужие и близкие в русско-американских браках. М.: Р. Валент, 1999.

- Виссон Л.* Русские проблемы в английской речи. Слова и фразы в контексте двух культур. М.: Р. Валент, 2003.
- Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М.: Мысль, 1958.
- Воспоминания о Марксе и Энгельсе. М.: Политиздат, 1956.
- Гаврилова Т. П.* Понятие эмпатии в психологии // Вопросы психологии. 1975. № 4.
- Гассенди П.* Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1966.
- Гегель.* Философская пропедевтика // Работы разных лет: В 2 т. М.: Мысль, 1971. Т. 2.
- Гегель.* Эстетика: В 4 т. М.: Мысль, 1969.
- Гельвеций К. А.* Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1973.
- Герцен А. И.* Сочинения: В 9 т. М.: Гослитиздат, 1956.
- Герцен А. И.* Еще раз Базаров // Собрание сочинений: В 30 т. М.: Наука, 1960.
- Гёте И. В.* Фауст. М.: Художественная литература, 1953.
- Гёте И. В.* Из моей жизни. Поэзия и правда // Собрание сочинений: В 10 т. М.: Художественная литература, 1976.
- Гиллиган К.* Место женщины в жизненном цикле мужчины // Хрестоматия феминистских текстов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000.
- Гинзбург Л.* О психологической прозе. Л.: Советский писатель, 1971.
- Гоббс Т.* Избранные произведения: В 2 т. М.: Мысль, 1964.
- Гозман Л. Я.* Об опыте измерения взаимосвязи особенностей дружеского общения и индивидуально-типологических свойств личности // Проблемы общения и воспитание. Вып. 2. Тарту: Изд-во ТГУ, 1974.
- Гозман Л. Я.* Психология эмоциональных отношений. М.: Изд-во МГУ, 1987.
- Гольбах П. А.* Избранные произведения: В 2 т. М.: Мысль, 1963.
- Гомер.* Илиада. М.: Художественная литература, 1960.
- Гордон Л. А., Клопов Э. В.* Человек после работы. М.: Мысль, 1972.
- Грецов А. Г.* Психология дружбы и любви глазами подростков // Материалы секции «Психология» Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». М.: Изд-во МГУ, 2002.
- Громыко М. М.* Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М.: Наука, 1986.

- Грушин Б. А.* Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина: В 4 кн. М.: Прогресс-Традиция, 2001. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева.
- Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1972.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 1999.
- Данте Алигьери.* Малые произведения. М.: Искусство, 1968.
- Добролюбов Н. А.* Собрание сочинений: В 9 т. М.: Гослитиздат, 1964.
- Докучаев И. И.* Введение в историю общения. Историография и методология изучения проблемы. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2001.
- Древние российские стихотворения, собранные Кирпичею Даниловым. М.: Гослитиздат, 1977.
- Дробницкий О. Г.* Понятие морали. М.: Наука, 1974.
- Ду Фу.* Лирика. Л.: Художественная литература, 1967.
- Дхаммапада. М.: Наука, 1960.
- Еврипид.* Трагедии: В 2 т. М.: Искусство, 1969.
- Есенин С.* Собрание сочинений: В 5 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961.
- Жан Поль.* Зибенкэз. Л.: Художественная литература, 1937.
- Жирмунский В. М.* Религиозное отречение в истории романтизма. М., 1919.
- Жуковский В. А.* Собрание сочинений: В 4 т. М.: Советский писатель, 1960.
- Зиедонис И.* Эпифании. М.: Советский писатель, 1977.
- Зимбардо Ф.* Застенчивость. М.: Педагогика, 1991.
- Зубок Ю. А.* Проблема риска в социологии молодежи. М.: Изд-во Московской гуманитарно-социальной академии, 2003.
- Иванов В. П.* Мировоззренческий аспект становления человека // Человек и мир человека. Киев: Наукова думка, 1977.
- Иконникова С. Н., Лисовский В. Г.* Молодежь о себе, о своих сверстниках. Л.: Лениздат, 1969.
- Ильин Е. П.* Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. СПб.: Питер, 2002.
- История буржуазной социологии XIX–начала XX века / Отв. ред. И. С. Кон. М.: Наука, 1979.

- Каган М. С. Мир общения. Проблема межсубъектных отношений. М.: Политиздат, 1988.
- Каит И. Сочинения: В 6 т. М.: Мысль, 1965.
- Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М.: Прогресс, 1987.
- Касьянова К. О русском национальном характере. М.: Институт национальной модели экономики, 1994.
- Кессиди Ф. Х. Был ли древний грек личностью? // Кессиди Ф. Х. К истокам греческой мысли. СПб.: Алетейя, 2001.
- Киричук А. В. Структура и динамика взаимоотношений в коллективе // Коллектив, личность ребенка, внутриколлективные отношения. М.: Педагогика, 1970.
- Кларк М., Эндерсон Б. Г. Одиночество и старость // Лабиринты одиночества. 1989. С. 453–484.
- Клейн Л. С. Другая сторона светила. Необычная любовь выдающихся людей. Российское созвездие. СПб.: Фолио-пресс, 2002.
- Князев В. Н. Представления личности о себе и значимых других как субъектах общения // Психологический журнал. 1981. № 4.
- Комарова Г. А. Русский Бостон. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2002.
- Комплексное исследование юношеской дружбы // Проблемы общения и воспитание. Вып. 2. Тарту: Изд-во ТГУ, 1974.
- Кон И. С. Общение и самосознание // Социально-психологические и лингвистические характеристики форм общения и развитие контактов между людьми: Тезисы Всесоюзного симпозиума. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1970.
- Кон И. С. Психология юношеской дружбы. М.: Знание, 1973а.
- Кон И. С. Дружба. Историко-психологический этюд // Новый мир. 1973б. № 7.
- Кон И. С. Понятие дружбы в Древней Греции // Вестник древней истории. 1974. № 3.
- Кон И. С. Психология ранней юности. М.: Просвещение, 1989.
- Кон И. С. Подростковая сексуальность на пороге XXI века. Дубна: Феникс+, 2001а.
- Кон И. С. Мужские исследования: меняющиеся мужчины в изменяющемся мире // Введение в гендерные исследования: Учебное пособие / Под ред. И. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001б. Часть 1.

- Кон И. С.* Лики и маски однополой любви. Лунный свет на заре. 2-е изд. М.: Олимп и АСТ, 2003а.
- Кон И. С.* Ребенок и общество. М.: Академия, 2003б.
- Кон И. С.* Подросток и сверстники // Психология подростка. Полное руководство / Под ред. А. А. Реана. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК; М.: ОЛМА-пресс, 2003в.
- Кон И. С.* Сексология. М.: Академия, 2004.
- Кон И. С., Лосенков В. А.* Проблемы исследования юношеской дружбы // Советская педагогика. 1974а. № 10. С. 35–45.
- Кон И. С., Лосенков В. А.* Проблемы исследования юношеской дружбы // Проблемы общения и воспитание. Вып. 2. Тарту, 1974б.
- Корчак Я.* Как любить детей. Минск: народная асвета, 1980.
- Крайг Г.* Психология развития. 7-е изд. СПб.: Питер, 2002.
- Ксенофонт.* Киропедия. М.: Наука, 1976.
- Ксенофонт.* Сократические сочинения. СПб.: Комплект, 1993.
- Ксенофонт.* Анабасис. М.; Л.: Наука, 1951.
- Кульчицкая Е. И.* Роль чувств симпатии и антипатии во взаимоотношениях детей дошкольного возраста // Коллектив, личность ребенка, внутриколлективные отношения. М.: Педагогика, 1970.
- Куницына В. Н., Казаринова Н. В., Погорьша В. М.* Межличностное общение: Учебник для вузов. СПб.: Питер, 2001.
- Лабиринты одиночества.* Пер. с англ. / Сост. и общ. ред. Н. Е. Покровского. М.: Прогресс, 1989.
- Лабрюйер Ж. де.* Характеры // Ларошфуко Ф. де. Максимы. Паскаль Б. Мысли. Лабрюйер Ж. де. Характеры. М.: Художественная литература, 1974.
- Лавик-Гудолл Д., ван:* В тени человека. М.: Географгиз, 1974.
- Ларошфуко Ф. де.* Максимы. М.: Искусство, 1974.
- Латышев И. А.* Семейная жизнь японцев. М.: Мысль, 1985.
- Лебедева Н. М.* Введение в этническую и культурную психологию. М.: Старый сад, 1998.
- Левада Ю. А.* Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х гг. М.: Мировой океан, 1993.
- Левада Ю.* От мнений к пониманию. Социологические очерки 1993–2000. М.: Московская школа политических исследований, 2000.
- Лийк К.* Использование домашнего пространства, взаимопонимание в семье и удовлетворенность // Социально-психологические основы средообразования: Тезисы конференции. Таллин, 1985.

- Лирика Древнего Египта. М.: Художественная литература, 1965.
- Лисина М. И. Генезис форм общения у детей // Принцип развития в психологии. М.: Педагогика, 1978.
- Лихтенберг Г. К. Афоризмы. М.: Наука, 1964.
- Лотман Ю. М. Проблема «обучения культуре» как ее типологическая характеристика // Труды по знаковым системам. Вып. V. Тарту: Изд-во ТГУ, 1971.
- Лотман Ю. М. Александр Сергеевич Пушкин. Л.: Просвещение, 1981.
- Лоусан Т., Гэррод Д. Социология А—Я: Словарь-справочник. М.: ФАИР-пресс, 2000.
- Лукиан Самосатский. Сочинения: В 2 т. СПб.: Алетейя, 2001.
- Магун В. С. О парадоксальных соотношениях между адекватностью суждений человека о себе и других людях и тестовыми показателями интеллекта // Личность и деятельность: Тезисы докладов к V Всесоюзному съезду психологов СССР. М., 1977.
- Макаренко А. С. Сочинения: В 7 т. М.: Педагогика, 1958.
- Мальковская Т. Н. Духовные интересы старшеклассников // Человек и общество. Вып. VI. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1969.
- Малл Т. Собрание сочинений: В 10 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960.
- Малл Т. Письма. М.: Искусство, 1975.
- Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955.
- Мартен дю Гар Р. Семья Тибо. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957.
- Материалисты Древней Греции. М.: Политиздат, 1955.
- Маховская О. Мобилофобия: Жизнь от звонка до звонка. Сотовая связь в России приобретает характер эпидемии // Новые известия. 2004. 13 мая.
- Минц Э. Г. Переписка с Вл. Пястом // Александр Блок. Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1981. Книга вторая. Литературное наследство. Т. 94. С. 175–197.
- Монтень М. Опыты. М.; Л.: Наука, 1954.
- Монтескье. Избранные произведения. М.: Политиздат, 1955.
- Моравиа А. Игра // Литературная газета. 1970. 16 сентября.
- Мориак Ф. Воспоминания. Бордо, или Отрочество // Не покоряться ночи: Художественная публицистика. М.: Прогресс, 1986.
- Морозова Н. Общее житей // Юность. 1960. № 3.

- Моруа А.* Из «Писем к Незнакомке» // Иностранная литература. 1974. № 1.
- Мосс М.* Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М.: Восточная литература РАН, 1996.
- Мудрик А. В.* К изучению устойчивости предпочтений школьников // Проблемы общения и воспитание. Тарту: Изд-во ТГУ, 1974. Вып. 2. С. 179–187.
- Мудрик А. В.* Половозрастная динамика содержания термина «понимание» у школьников // Теоретические и прикладные проблемы психологии познания людьми друг друга. Краснодар: Изд-во КГУ, 1979. С. 210–212.
- Мудрик А. В.* Общение как фактор воспитания школьников. М.: Знание, 1984.
- Муздыбаев К.* Экономическая депривация, стратегия ее преодоления и поиск социальной поддержки. СПб.: Филиал Института социологии РАН, 1997.
- Музиль Р.* Человек без свойств. М.: Художественная литература, 1984.
- Нагибин Ю.* Воспитание историй // Неделя. 1986. № 22.
- Нийт Т.* Общие тенденции развития теорий о взаимоотношении человека и среды // Человек. Среда. Общение. Таллин: Таллинский пединститут, 1980. С. 5–25.
- Новиков Вл.* Роман с языком. Три эссе. М.: Аграф, 2001.
- Общение и формирование личности школьника / Под ред. А. А. Бодалева и Р. Л. Кричевского. М.: Педагогика, 1987.
- Омельченко Е.* Молодежные культуры и субкультуры. М.: ИСПАН, 2000.
- О муже(Н)ственности: Сборник статей / Сост. С. Ушакин. М.: Новое литературное обозрение, 2002.
- Овидий.* Искусство любви // Овидий. Элегии и малые поэмы. М.: Художественная литература, 1973.
- Овчинников В.* Ветка сакуры. М.: Молодая гвардия, 1975.
- Овчинников В.* Корни дуба. Впечатления и размышления об Англии и англичанах // Новый мир. 1979. № 4.
- Огарев Н. П.* Моя исповедь // Литературное наследство. Герцен и Огарев. М.: Наука, 1953. Т. 61 (1).
- Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1972.
- Орлов Вл.* Пути и судьбы. Литературные очерки. Л.: Советский писатель, 1971.

- Осорина М.* Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб.: Питер, 1999.
- Отношения между сверстниками в группе детского сада. М.: Педагогика, 1978.
- Пахальян В. Э.* Потребность в общении со взрослыми // Формирование личности в переходный период: от подросткового к юношескому возрасту / Под ред. И. В. Дубровиной. М.: Педагогика, 1987. С. 95–109.
- Первин Л., Джон О.* Психология личности. Теория и исследования. М.: Аспект-пресс, 2000.
- Песнь о Роланде // Песнь о Роланде. Коронование Людовика. Нимская телега. Песнь о Сиде. Романсеро. М.: Художественная литература, 1976.
- Платон.* Сочинения: В 3 т. М.: Мысль, 1970–1972.
- Платон.* Диалоги. М.: Мысль, 1986.
- Плутарх.* Избранные жизнеописания: В 2 т. М.: Правда, 1987.
- Плутарх.* Об эроте // Сочинения. М.: Художественная литература, 1983. С. 544–582.
- Полонский И. С.* Социально-психологические основа воспитательной работы с подростками и юношами по месту жительства // Социально-психологические аспекты организации и самоорганизации первичного коллектива. Курск: КГПИ, 1980. С. 72–90.
- Пришвин М. М.* Незабудки. М.: Художественная литература, 1969.
- Проблемы общения и воспитание. Тарту: Изд-во ТГУ, 1974. Ч. I–II.
- Проблемы толерантности в подростковой субкультуре / Под ред. В. С. Собкина. М.: Центр социологии образования РАО, 2003.
- Пушкарева Н. Л.* Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X–начало XIX в.). М.: Ладомир, 1997.
- Пушкин А. С.* Собрание сочинений: В 10 т. М.: ГИХЛ, 1949–1962.
- Развитие общения у дошкольников (характеристика основных форм общения со взрослыми у детей от рождения до 7 лет) / Под ред. А. В. Запорожца и М. И. Лисиной. М.: Педагогика, 1974.
- Реан А. А., Коломинский Я. Л.* Социальная педагогическая психология. СПб.: Питер, 2000.
- Репина Т. А.* Особенности общения мальчиков и девочек в детском саду // Вопросы психологии. 1984. № 4. С. 62–69.

- Репина Т. А., Горяинова А. Ф.* Особенности ценностных ориентации и оценочных отношений у детей дошкольного возраста // Теоретические и прикладные проблемы психологии познания людьми друг друга. Краснодар: КГУ, 1975. С. 216–218.
- Рильке Р. М.* Ворисведе. Огюст Роден. Письма. Стихи. М.: Искусство, 1971.
- Роллан Р.* Воспоминания. М.: Искусство, 1966.
- Роллан Р.* Собрание сочинений: В 14 т. М.: Художественная литература, 1955.
- Рубинштейн К., Шейнер Ф.* Одиночество в двух городах Северо-Востока // Лабиринты одиночества. М.: Прогресс, 1989. С. 320–342.
- Руденская М., Руденская С.* Они учились с Пушкиным. Л.: Советский писатель, 1976.
- Руссо Ж.-Ж.* Педагогические сочинения: В 2 т. М.: Педагогика, 1981.
- Руссо Ж.-Ж.* Избранные сочинения: В 3 т. М.: Художественная литература, 1961.
- Рэдклифф-Браун А. Р.* Структура и функция в примитивном обществе. М.: Восточная литература РАН, 2001.
- Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под ред. В. А. Ядова. Л.: Наука, 1979.
- Семенов Ю. И.* Происхождение брака в семье. М.: Мысль, 1974.
- Сент-Экзюпери А. де.* Сочинения. М.: Художественная литература, 1964.
- Серма В.* Некоторые ситуативные и личностные корреляты одиночества // Лабиринты одиночества. М.: Прогресс, 1989. С. 227–242.
- Силласте Г.* Сельская школа и село в России в начале XXI века. М.: Центр образовательной литературы, 2003.
- Слободская Е. Р., Плюснин Ю. М.* Внутригрупповые механизмы социализации детей раннего возраста // Вопросы психологии. 1987. № 3. С. 50–57.
- Словарь по этике / Под ред. И. С. Кона. 5-е изд. М.: Политиздат, 1983.
- Смирнова Р. А.* Качественные особенности дружеских привязанностей дошкольников // Психология формирования личности и проблемы обучения. М.: Педагогика, 1980.
- Собкин В. С., Евстигнеева Ю. М.* Виртуальная атака. Компьютер в подростковой субкультуре // Первое сентября. 2002. 2 февраля. С. 2.

- Сосновский А. В.* Лики любви. М.: Мысль, 1992.
- Срезневский И. И.* Словарь древнерусского языка. М.: Книга, 1989. Т. 1–3.
- Старшая Эдда. М.; Л.: Наука, 1963.
- Стендаль.* Собрание сочинений: В 15 т. М.: Правда, 1959.
- Стефаненко Т. Г.* Этнопсихология. 3-е изд. М.: Аспект-пресс, 2003.
- Субботский Е. В.* Генезис личностного поведения у дошкольников и стиль общения // Вопросы психологии. 1981. № 2. С. 68–78.
- Сухомлинский В. А.* Рождение гражданина. М.: Молодая гвардия, 1971.
- Сэдзвик И. К.* Эпистемология чулана. М.: Идея-пресс, 2002.
- Титаренко А. И.* Предмет этики: основания обсуждения и перспективы исследования // Вопросы философии. 1982. № 2. С. 89–94.
- Тих Н. А.* Предыстория общества. Л.: Изд-во ЛГУ, 1970.
- Толстой Л. Н.* Детство, отрочество и юность // Собрание сочинений: В 12 т. М.: Художественная литература, 1958. Т. 1.
- Толстой Л. Н.* Дневники // Полное собрание сочинений. М.: Терра, 1992.
- Торо Г. Д.* Уолден, или Жизнь в лесу. М.: Художественная литература, 1979.
- Тоффлер А.* Столкновение с будущим // Иностранная литература. 1972. № 3.
- Трубачев О. Н.* Этимологический словарь славянских языков. Пра-славянский лексический фонд. Вып. 5. М.: Наука, 1978.
- Утехин И.* Очерки коммунального быта. М.: О.Г.И., 2001.
- Ухтомский А. А.* Письма // Пути в неизвестное: Сборник. Вып. 10. М.: Молодая гвардия, 1973.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1964. Т. 1–4.
- Философский энциклопедический словарь. М.: Изд-во БСЭ, 1983.
- Флоренский П. А.* Столп и утверждение истины. М.: Правда, 1990.
- Франс А.* Собрание сочинений: В 8 т. М.: Художественная литература, 1959.
- Хазанов А. М.* Обычай побратимства у скифов // Советская этнография. 1972. № 3.
- Хейдметс М.* Пространственный фактор в межличностных отношениях: попытка построения концепции // Человек. Среда. Пространство. Исследования по психологическим проблемам пространственно-предметной среды. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1979а. С. 4–28.

- Хейдметс М.* Обзор исследований о пространственном факторе в межличностных отношениях // Человек. Среда. Общение. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1979б. С. 129–161.
- Хейдметс М.* Социально-психологические проблемы жилой среды (аспект персонализации среды) // Человек. Среда. Общение. Таллин: Таллинский пединститут, 1980. С. 26–49.
- Хейзинга Й.* Осень Средневековья. М.: Наука, 1988.
- Цветаева М.* Сочинения: В 2 т. М.: Художественная литература, 1984.
- Цицерон.* О старости. О дружбе. Об обязанностях. М.: Наука, 1975.
- Чернова Ж.* Романтик нашего времени: с песней по жизни // О муже(N)ственности. М.: НЛО, 2002.
- Честерфилд.* Письма к сыну. Максимум. Характеры. Л.: Наука, 1971.
- Чуковский К. И.* От двух до пяти. М.: Советский писатель, 1958.
- Чупров В. И., Zubok Ю. А., Уильямс К.* Молодежь в обществе риска. М.: Наука, 2003.
- Шабурова О.* Мужик не суетится, или Пиво с характером // О муже(N)ственности. М.: НЛО, 2002.
- Шестаков В.* Эрос и культура. Философия любви и европейское искусство. М.: Терра-Книжный клуб, 1999.
- Шиллер Ф.* Собрание сочинений: В 8 т. М.; Л.: Художественная литература, 1956.
- Шталь И. В.* Гомеровский эпос. Опыт текстологического анализа «Илиады». М.: Мысль, 1975.
- Элиас Н.* Общество индивидов. М.: Праксис, 2001.
- Эриксон Э.* Идентичность, юность и кризис. М.: Прогресс, 1996.
- Эсхил.* Трагедии. М.: Искусство, 1978.
- Юм Д.* Сочинения: В 2 т. М.: Политиздат, 1966.
- Янг Д. И.* Одиночество, депрессия и когнитивная терапия: теория и ее применение // Лабиринты одиночества. М.: Прогресс, 1989.
- Яницкий О. Н.* Социология риска. М.: Изд-во LVS, 2003.
- Янкова З. А.* Городская семья. М.: Мысль, 1979.
- Янкова З. А., Родзинская И. Ю.* Проблемы большого города. М.: Мысль, 1982.

Abecassis M., Hartup W. W., Haselager G. J. T. et al. Mutual antipathies and their significance in middle childhood and adolescence // Child Development. 2002. V. 73. № 5. P. 1534–1556.

Adkins A. W. H. "Friendship" and "selfsufficiency" in Homer and Aristoteles // *Classical Quarterly*. 1963. V. 13. P. 30–45.

Ailes M. J. The Medieval Male Couples and the Language of Homosociality // *Masculinity in Medieval Europe* / Ed. D. M. Hadley. L.: Longman, 1999. P. 214–237.

Aimard M. Amitié et convivialité // *Histoire de la vie privée*. Paris: Seuil, 1986. T. 3. P. 455–499.

Allan G. A. A Sociology of Friendship and Kinship. L.: Allen & Unwin, 1979.

Allport G. Pattern and Growth in Personality. N. Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1964.

Altman I., Taylor D. A. Social Penetration: The Development of Interpersonal Relationships. N. Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1973.

Amery J. Über das Altern. Revolte und Resignation. Stuttgart: Klett-Cotta, 1977.

Anderson C. A., Horowitz L. M., de Sales French R. Attributional style of lonely and depressed people // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1983. V. 45. P. 127–136.

Argyle M., Henderson M. The rules of friendship // *Journal of Social and Personal Relationships*. 1984. V. 1. № 2. P. 211–237.

Attachment Behavior / Eds. T. Alloway, P. Pliner and L. Krames. N. Y.; L.: Plenum press, 1977.

Baldwin A. I. A cognitive theory of socialization // *Handbook of Socialization Theory and Research* / Ed. D. A. Goslin. Chicago: Rand McNally, 1969. P. 325–346.

Barenboim C. Developmental changes in the interpersonal cognitive system from middle childhood to adolescence // *Child Development*. 1977. V. 48. P. 1467–1474.

Barfield O. History in English Words. L.: Faber, 1956.

Barnett M. A., Matthews K. A., Howard J. A Relationship between competitiveness and empathy in 6- and 7-years old // *Developmental Psychology*. 1979. V. 15. P. 221–222.

Benenson J. E., Apostoleris N. H., Parmass J. Age and sex differences in dyadic and group interaction // *Developmental Psychology*. 1997. V. 33. P. 538–543.

Benenson J. E., Apostoleris N. H., Parmass J. Age and sex differences in dyadic and group interaction // *Developmental Psychology*. 1997. V. 33. P. 538–543.

Bennett N. Military masculinity in England and Northern France // Masculinity in Medieval Europe / Ed. D. M. Hadley. Longman, 1999. P. 1050–1225.

Berndt T. J., Hawkins J. A., Jiao Z. Influence of friends and friendships on adjustment to junior high school // Merrill-Palmer Quarterly. 1999. V. 45. P. 13–41.

Berscheid E., Walster E. A little bit about love // Foundations of Interpersonal Attraction / Ed. T. Huston. N. Y.; L.: Academic Press, 1974. P. 356–382.

Bigelow B. J., La Gaipa J. J. The development of friendship values and choice // Friendship and Social Relations in Children / Eds. H. C. Foot et al. N. Y.: Wiley, 1980. Ch. 1.

Billington J. H. The Icon and the Axe. An Interpretative History of Russian Culture. N. Y.: Vintage Books, 1970.

Blieszner R., Adams R. G. Adult Friendship. Newbury Park: Sage, 1992.

Block J. Some enduring and consequential structures of personality // Further Explorations in Personality / Eds. A. J. Rabin et al. N. Y.: Wiley, 1981. P. 27–43.

Bluher H. Die deutsche Wandervögelbewegung als erotisches Phänomen. Ein Beitrag zur Erkenntnis der sexuellen Inversion. Berlin: Weise, 1912.

Bluher H. Die Rolle der Erotik in der männlichen Gesellschaft. Jena: Diederichs, 1917–1919. B. 1–2.

Blum G. S. Psychoanalytic Theories of Personality. N. Y.: McGraw-Hill, 1964.

Boswell J. Christianity, Social Tolerance, and Homosexuality: Gay People in Western Europe from the Beginning of the Christian Era to the Fourteenth Century. Chicago: University of Chicago Press, 1980.

Boswell J. Same-Sex Unions in Pre-modern Europe. N. Y.: Villard Books, 1994.

Bowlby J. Attachment and Loss. N. Y.: Basic Books, 1969–1973. V. 1. Attachment. V. 2. Separation.

Brain R. Friends and Lovers. N. Y.: Basic Books, 1976.

Bray A. The Friend. Chicago: University of Chicago Press, 2003.

Brennan T. Loneliness at adolescence // Loneliness. A Sourcebook of Current Theory, Research and Therapy / Eds. L. A. Peplau, D. Perlman. N. Y.: Wiley-Interscience, 1982. P. 269–290.

Brentano C. Briefe / Hs. von S. Seebass. Nürnberg, 1951. B. 1.

Broderick C. Predicting Friendship Behavior. A Study of the Determinants of Friendship Selection and Maintenance in a College Population. Thesis. Cornell University, 1956.

Bronson W. C. Developments in behavior with age mated during the second year of life // *Friendship and Peer Relations* / Eds. M. Lewis and L. A. Rosenblum. N. Y.; L.: Wiley, 1975. P. 131–152.

Buhrmeister D. Intimacy of friendship, interpersonal competence and adjustment during preadolescence and adolescence // *Child Development*. 1990. V. 61. P. 1101–1111.

Burton B. Die materielle Kultur der Männlichkeit in einem Londoner Club // *Männerbände – Männerbünde* / Hsrg. G. Voelger, K. v. Welck. Köln: Rautenstrauch-Jost-Museum, 1990. S. 363–372.

Caplow I. Rule reinforcement without visible means: Christmas gift-giving in Middletown // *American Journal of Sociology*. 1984. V. 89. № 6. P. 1306–1323.

Cattell R. B., Cattell M. D. L. Handbook for the HSPQ. Champaign, Illinois, 1969.

Chaikin A. L., Derlega V. J. Self-Disclosure. Morristown: General Learning Press, 1974.

Cheek J. M., Melchior L. A. Shyness, self-esteem, and self-consciousness // *Handbook of Social and Evaluation Anxiety* / Ed. H. Leitenberg. N. Y.: Plenum Press, 1990. P. 470–482.

Chelune G. J. and Associates. Self-Disclosure. Origins, Patterns, and Implications of Openness in Interpersonal Relationships. San-Francisco: Jossey-Bass, 1979.

Childhood Gender Segregation: Causes and Consequences / Ed. C. Leaper. San Francisco: Jossey-Bass, 1994.

Chino A. F., Funabiki D. A cross-validation of sex differences in the expression of depression // *Sex Roles*. 1984. V. 11. P. 175–187.

Chown S. M. Friendship in old age // *Personal Relationships*. 2 / Eds. S. Duck, R. Gilmour. N. Y.; London, Academic press, 1981. P. 231–246.

Coelho G. V. A guide to literature on friendship; a selectively annotated bibliography // *Psychological Newsletter*. 1959. V. 10. P. 365–394.

Cohen Y. A. Patterns of friendship // *Social Structure and Personality. A case Book* / Ed. Y. Cohen. N. Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1961. P. 351–386.

Coie J. D., Dodge K. A. Aggression and antisocial behavior // Handbook of Child Psychology. Fifth edition. N. Y.: Wiley, 1998. V. 3: Social, Emotional, and Personality Development. P. 779–862.

Coleman J. Friendship and peer behavior in adolescence // Handbook of Adolescent Psychology / Ed. J. Adelson. N. Y.: Wiley, 1980.

Compatible and Incompatible Relationships / Ed. W. Ickes. N. Y., 1984.

Cooperation and Competition among Primitive Peoples / Ed. M. Mead. Boston: Allyn and Beacon, 1961.

Coser L. A. Greedy Institutions. N. Y.: Free Press, 1974.

Coser R. L. In Defence of Modernity; Role Complexity and Individual Autonomy. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1991.

Cozby P. C. Self-disclosure: a literature review // Psychological Bulletin. 1973. V. 79. № 2. P. 73–91.

Crawford M. What is a friend? // New Society. 1977. V. 42. P. 116–177.

Croog S. H., Lipson A., Leuine S. Help patterns in severe illness // Journal of Marriage and the Family. 1972. V. 34. P. 32–41.

Dauzat A. et al. Nouveau dictionnaire étymologique et historique. Paris: Seuil, 1964.

Davis M. Empathy: A Social Psychological Approach. Boulder: Westview Press, 1996.

Derlega V. J. et al. Sex differences in self-disclosure // Sex Roles. 1981. V. 7. P. 433–448.

Derlega V. J., Grzelak J. Appropriateness of self-disclosure // Chelune G. J. and Associates. Self-Disclosure. San-Francisco: Jossey-Bass, 1979. P. 151–176.

Dickens W. J., Perlman D. Friendship over the life-cycle // Personal Relationships / Eds. S. Duck, R. Gilmour. 2. N. Y.; London: Academic Press, 1981. P. 91–122.

Dirlmeier F. Philos und Philia in vorhellenistischen Griechentums. Diss. München, 1934.

Douvan E., Adelson J. The Adolescent Experience. N. Y.: Wiley, 1966.

Dow J. The image of limited production: envy and the domestic mode of production in peasant society // Human Organization. 1981. V. 40. № 4. P. 360–363.

Du Bois C. The gratuitous act: an introduction to the comparative study of friendship // The Compact. Selected Dimension of Friendship / Ed. E. Leyton. Newfoundland Social and Economic Papers. Toronto, 1974. № 3.

Duby G. Dans la France du Nord-Ouest. Au XIIe siècle: les "jeunes" dans la société aristocratique // *Annales. Economies. Sociétés. Civilisations*. 1969. № 5.

Duck S. Social and personal relationships // *The Handbook of Interpersonal Communication* / Eds. G. R. Miller, M. L. Knapp. Beverley Hills, CA: Sage, 1985.

Duck S. W. Personal Relationships and Personal Constructs. A Study of Friendship Formation. L.; N. Y: Wiley, 1973.

Duck S. W., Craig G. Personality similarity and the development of friendship: A longitudinal study // *British Journal of Social and Clinical Psychology*. 1978. V. 17. P. 237–242.

Duck S. W., Miell D. E. Towards a comprehension of friendship development and breakdown // *The Social Dimension: European Perspectives on Social Psychology* / Eds. H. Taffel, C. Frazer, J. Jaspars. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.

Duck S., Sants A. On the origin of the specious: are personal relationships really interpersonal states? // *Journal of Social and Clinical Psychology*. 1983. V. 1. № 1. P. 27–41.

Dumonceaux P. Langue et sensibilité au XVIIe siècle. L'évolution du vocabulaire affectif. Genève: Librairie Droz, 1975.

Dumézil G. Mitra-Varuna. Essai sur deux représentations indo-européennes de la souveraineté. Paris: Gallimard, 1948.

Dunde S. R. Symptom oder Destruktivkraft: Zur Funktion des Neides in der Gesellschaft // *Sociologia – Internationale*. 1984. V. 22. № 2. S. 217–233.

Dunn J. Sibling relationships // *Blackwell Handbook of Social Development* / Eds. P. K. Smith, C. H. Hart. Oxford: Blackwell, 2002. P. 223–237.

Dykstra P. Loneliness among the never and formerly married: the importance of supportive friendships and a desire for independence // *Journal of Gerontology: Psychological Sciences and Social Sciences*. 1995. 50B. S. 321–329.

Eder J., Hallinan M. T. Sex differences in children's friendships // *American Sociological Review*. 1978. V. 43. P. 237–250.

Egenter R. Gottesfreundschaft. Die Lehre von der Gottesfreundschaft in der Scholastik und Mystik des 12. und 13. Jahrhunderts. Augsburg: Dr. Benno Filser Verlag, 1928.

Eisenberg N., Strayer J. Empathy and Its Development. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

Eisenberg-Berg N., Mussen P. Empathy and moral development in adolescence // *Developmental Psychology*. 1978. V. 14. P. 185–186.

Eisenstadt S. N. Friendship and the structure of trust and solidarity in society // *The Compact* / Ed. E. Leyton. 1974. P. 138–145.

Eisenstadt S. N. Ritualized personal relations: blood brotherhood, best friends, compadre, etc.: some comparative hypotheses and suggestions // *Man*. 1956. July. V. 56. P. 90–95.

Eisenstadt S. N., Roniger L. Patrons, Clients and Friends: Interpersonal Relations and the Structure of Trust in Society. Cambridge: Cambridge University press, 1984.

Elicker J., Englund M., Sroufe L. A. Predicting peer competence and peer relationships in childhood from early parent-child relationships // *Family — Peer Relationships: Modes of Linkage* / Eds. K. D. Parke, G. W. Ladd. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1992. P. 77–106.

Enemies and the Darker Side of Peer Relations / Eds. E. V. E. Hodges, N. A. Card. San Francisco: Jossey Bass, 2003.

Erikson E. H. Identity, Youth and Crisis. N Y.: Norton, 1968.

Ernout A., Meillet A. Dictionnaire etymologique de la langue latine. Histoire des mots. Paris, 1959. T. 1. P. 29.

Faderman L. Surpassing the Love of Men. Romantic Friendship and Love Between Women from the Renaissance to the Present. N. Y.: Morrow, 1981.

Feist S. Vergleichendes Wörterbuch der Gotischen Sprache. 3. neu-bearb. Aufl. Leiden: Mouton, 1939.

Feld S. L. Social structural determinants of similarity among associates // *American Sociological Review*. 1982. V. 47. P. 797–801.

Feldman S. S., Rosenthal D. A., Brown N. L., Canning R. D. Predicting sexual experience in adolescent boys from peer acceptance and rejection during childhood // *Journal of Research in Adolescence*. 1995. V. 5. P. 387–412.

Firth R. Bond friendship in Tikopia // *Custom is King. Essays presented to R. R. Marrett* / Ed. L. H. D. Buxton. L.: Hutchinson, 1936. P. 259–269.

Fischer C. S. To Dwell Among Friends. Personal Networks in Town and City. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1982.

Ford C. Smoke from their Fires: the Life of a Kwakiutl Chief. New Haven: Yale University Press, 1941.

Foster G. M. Peasant Society and the Image of Limited Good // *American Anthropologist*. 1965. V. 67. № 2. P. 293–315.

Fraisse J.-C. Philia. La notion d'amitié dans la philosophie antique. Paris: Vrin, 1974.

Freud S. Group psychology and the analysis of the ego // *Standard Edition of the Complete Psychological Works of S. Freud*. L., 1953. V. XVIII. P. 90–91.

Freudenburg R. Männliche Freundschaftsbilder in der neueren Literatur // *Zur Geschichte der Männlichkeit. Wann ist der Mann ein Mann?* / Hrsg W. Erhart und Herrmann. Stuttgart-Weimar: J. B. Metzler, 1997. S. 270–291.

Friendship and Peer Relations / Eds. M. Lewis, L. A. Rosenblum. N. Y.; L.: Wiley, 1975.

Friendship and Social Relations in Children / Eds. H. C. Foot, A. J. Chapman, J. R. Smith. Chichester; N. Y.: Wiley, 1980.

Friendship in Medieval Europe / Ed. J. P. Haseldine. Stroud: Sutton, 1999.

Friendship in Medieval Europe / Ed. P. Haseldine. Stroud: Sutton, 1999.

Fritze W. Die frankische Schwur Freundschaft der Merowingerzeit // *Savigny Stiftung für Rechtsgeschichte, german. Abt.* 71. 1954.

Furlani G. Das Gilgamesch-Epos als Hymnus auf die Freundschaft // *Das Gilgamesch-Epos* / Hrsg. K. Oberhuber. Darmstadt, 1977. S. 219–236.

Furman W. The measurement of friendship perceptions: Conceptual and methodological issues // *The Company They Keep: Friendship in Childhood and Adolescence* / Eds. W. M. Bukowski, A. F. Newcomb, W. W. Hartup. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 41–65.

Fyans L. J., Jr., Mahr M. L., Salili F., Desai K. A cross-cultural exploration into the meaning of achievement // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1983. V. 44. P. 1000–1013.

Gagnon J. H., Simon W. Sexual Conduct. The Social Sources of Human Sexuality. Chicago: Aldine, 1973.

Gantar K. Amicus sibi 1. Zur Entstehungsgeschichte eines ethischen Begriffs in der antiken Literatur // *Ziva antika*. 1966. V. XVI. S. 135–174.

Geuter U. Homosexualität in der deutschen Jugendbewegung. Jugendfreundschaft und Sexualität im Diskurs vom Jugendbewegung, Psychoanalyse und Jugendpsychologie am Beginn des 20. Jahrhunderts. Frankfurt: Suhrkamp, 1994.

Giddens A. Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity press, 1989.

Giddens A. The Transformation of Intimacy. Stanford: Stanford University press, 1992.

Gleason T. R. Social provisions of real and imaginary relationships in early childhood // *Developmental Psychology*. 2002. V. 38. P. 979–992.

Gleason T. R., Sebanc A. M., Hartup W. W. Imaginary companions of preschool children // *Developmental Psychology*. 2000. V. 36. P. 419–428.

Granovetter M. The strength of weak ties // *American Journal of Sociology*. 1973. V. 78. P. 1360–1380.

Granovetter M. The strength of weak ties: A network theory revisited // *Sociological Theory* / Ed. R. Collins. San Francisco: Jossey-Bass, 1983.

Gregor T. Anxious Pleasures. The Sexual Lives of an Amazonian People. Chicago University Press, 1985.

Gresseth G. H. The Gilgamesh epic and Homer // *Classical Inquiry*. 1975. V. 70. P. 1–18.

Grimm Y., Grimm W. Deutsches Wörterbuch. Bd. 4. I. Ab. I. Hälfte Leipzig, 1878.

Gupta A., Corte C. The effect of a confidant and a peer group on the well-being of singles elders // *International Journal of Aging and Human Development*. 1994. V. 39. P. 293–302.

Hallinan M. T. Patterns of cliquing among youth // *Friendship and Social Relations in Children* / Eds. H. C. Foot, A. J. Chapman, J. R. Smith. Chichester, N. Y.: Wiley. 1980. P. 321–342.

Halperin D. M. Heroes and their pals // *One Hundred Years of Homosexuality and Other Essays on Greek Love*. N. Y.: Routledge, 1990. P. 75–87.

Handbook of Personal Relationships / Ed. S. Duck. N. Y.; L.: Academic Press, 1988.

Harlow H. F. Learning to Love. San Francisco: Jossey-Bass, 1971.

Harlow H. F., Mears C. The nature of complex, unlearned responses // *The Development of Affect* / Eds. M. Lewis, L. A. Rosenblum. N. Y.: Plenum Press, 1978. P. 257–274.

Hartmann J. Schillers Jugendfreunde. Stuttgart; Berlin, 1904.

Hartup W. W. Peer relationships in early and middle childhood // Handbook of Personal Relationships / Eds. D. Perlman, A. Vangelisti. N. Y.: Cambridge University Press, 2004.

Hartup W. W. The company they keep: friendships and their developmental significance // Child Development. 1996. V. 67. № 1. P. 1–13.

Hartup W. W., Abecassis M. Friends and enemies // Blackwell Handbook of Social Development / Eds. P. K. Smith, C. H. Hart. Oxford: Blackwell, 2002. P. 285–306.

Hartup W. W., Stevens N. Friendships and adaptations in the life course // Psychological Bulletin. 1997. V. 121. № 3. P. 355–370.

Haselager G. J. T., Hartup W. W. et al. Similarities between friends and nonfriends in middle childhood // Child Development. 1998. V. 69. № 6. P. 1198–1208.

Haseldine J. P. Love, separation and male friendship: Words and actions in Saint Anselm's letters to his friends // Masculinity in Medieval Europe / Ed. D. M. Hadley. Longman, 1999. P. 238–255.

Hatfield E., Rapson R. L. Love and Sex: Cross-Cultural Perspectives. Boston: Allyn and Bacon, 1996.

Heidel A. The Gilgamesh epic and Old Testaments parallels. Chicago: Chicago University Press, 1946.

Held J. F. Parallels between the Gilgamesh epic and Plato's Symposium // Journal of Near Eastern Studies. 1983. V. 42. № 2. P. 133–141.

Hellegouarc'h J. Le vocabulaire latin des relations et des parties politiques sous la République. Paris: Les Belles Lettres, 1963.

Hendrick C., Brown S. R. Introversion, extraversion and interpersonal attraction // Journal of Personality and Social Psychology. 1971. V. 20. P. 31–36.

Hendrick C., Hendrick S. A theory and method of love // Journal of Personality and Social Psychology. 1986. V. 50. № 2. P. 392–402.

Hendrick C., Hendrick S., Foot F. H., Slapion M. J. Do men and women love differently? // Journal of Social and Personal Relationships. 1984. V. 1. P. 177–196.

Herskovitz M. J. Dahomey. An Ancient West African Kingdom. N. Y.: Augustin, 1938.

Hess B. Friendship // Aging and Society / Eds. M. W. Riley, M. Johnson, A. Foner. N. Y.: Russell Sage Foundation, 1972. V. 3. P. 357–396.

Hoffman M. L. Toward a theory of empathic arousal and development // The Development of Affect / Eds. M. Lewis, L. A. Rosenblum. N. Y.: Plenum Press, 1978. P. 227–256.

Hornstein W. Vom “Jungen Herrn” zum “hoffnungsvollen Jüngling”. Wandlungen des Jugendlebens im 18. Jahrhundert. Heidelberg: Quelle & Meyer Verlag, 1965.

Horrocks J. E., Buker M. E. A study of friendship fluctuations of pre-adolescents // Journal of Genetic Psychology. 1951. V. 78. P. 131–144.

Huch R. Die Romantik. Leipzig, 1920. B. 1–2.

Huizinga J. The Waning of the Middle Ages. N. Y.: Viking, 1954.

Human Behavior and Environment: Advances in Theory and Research / Eds. I. Altman, J. F. Wohlwill. N. Y., 1976–1980. V. 1–4.

Huston T. L. Foundations of Interpersonal Attraction. N. Y.; L.: Academic press, 1974.

Huston T. L., Levinger G. Interpersonal attraction and relationship // Annual Review of Psychology. 1978. V. 29. P. 115–156.

Hyatt R. The Arts of Friendship: The Idealization of Friendship in Medieval and Renaissance Literature. Leiden, 1994.

Hebb D. O., Thompson W. B. The social significance of animal studies // Handbook of Social Psychology / Eds. G. Lindzey, E. Aronson. Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1968. V. 2. P. 729–774.

Indigenous Psychologies. The Anthropology of the Self / Eds. P. Heelas, A. Lock. N. Y.: Academic Press, 1981.

Inglehart R. Culture Shift in Advanced Industrial Society. Princeton: Princeton University Press, 1990.

Inglehart R. Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. Princeton: Princeton University Press, 1997.

Izard C. E. Personality, similarity and friendship // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1960. V. 64. P. 47–51.

Jones W. H., Carpenter B. N. Shyness, social behavior, and relationships // Shyness: Perspectives on Research and Treatment / Eds. W. H. Jones, J. M. Cheek, S. R. Briggs. N. Y.: Plenum Press, 1986. P. 227–238.

Jourard S. M. The Transparent Self. Rev. edition. N. Y.: Van Nostrand, 1971.

J Grimm Y., Grimm W. Deutsches Wörterbuch. Bd. 4. I Ab. I. Hälfte Leipzig, 1878.

Kacerguis M. A., Adams G. R. Erikson stage resolution: The relationship between identity and intimacy // *Journal of Youth and Adolescence*. 1980. V. 9. P. 117–126.

Kagan J., Kearsley R. B., Zelazo P. R. The emergence of initial apprehension to unfamiliar peers // *Friendship and Peer Relations*. 1975. P. 187–206.

Kagan J., Moss H. A. *Birth to Maturity: A Study of Psychosocial Development*. N. Y.: Wiley, 1962.

Kandel D. B. Similarity in real-life adolescent friendship pairs // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1978. V. 36. P. 306–312.

Kandel D. B., Lesser G. S. *Youth in Two Worlds. United States and Denmark*. San Francisco: Jossey Bass, 1972.

Kardiner A. *The Psychological Frontiers of Society*. N. Y.: Columbia University Press, 1963.

Kasarda J. D., Janowitz M. Community attachment in mass society // *American Sociological Review*. 1974. V. 39. P. 328–339.

Kemper T. D., Bologh R. W. The ideal love object: structural and family sources // *Journal of Youth and Adolescence*. 1980. V. 9. № 1. P. 33–48.

Kessler R. C., McLeod J. D. Sex differences in vulnerability to undesirable life events // *American Sociological Review*. 1984. V. 49. P. 620–631.

Kiefer T. M. Institutionalized friendship and warfare among the Tausug of Jolo // *Ethnology*. 1968. V. 7. P. 225–244.

Kipnis D., Goodstadt B. Character structure and friendship relations // *British Journal of Social and Clinical Psychology*. 1970. V. 9. P. 201–211.

Klapp O. E. *Collective Search for Identity*. N. Y., 1969.

Klein E. *A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language*. Amsterdam; London: Mouton, 1966. V. 1.

Khuckhohn P. *Die Auffassung der Liebe in der Literatur des 18. Jahrhunderts und in der deutschen Romantik*. Halle/Saale, 1931.

Komarovsky M. *Dilemmas of Masculinity. A Study of College Youth*. N. Y.: Norton, 1976.

Komarovsky M. Patterns of self-disclosure of male undergraduates // *Journal of Marriage and the Family*. 1974. V. 36. № 4. P. 677–686.

Kon I. S. *A baratsag*. Budapest: Kossuth, 1977.

Kon I. S. Adolescent friendship: some unanswered questions for future research // *Personal Relationships* / Eds. S. Duck, R. Gilmour. N. Y.; London: Academic Press, 1981. P. 187–204.

Kon I. S. Freundschaft: Geschichte und Sozialpsychologie der Freundschaft als soziale Institution und individuelle Beziehung. Hamburg: Rowohlt Verlag, 1979.

Kon I. S. Psicología de la amistad en la juventud // Revista del Instituto de la Juventud. Madrid, 1973. V. 50. P. 55–77.

Kon I. S., Losenkov V. A. Friendship in adolescence: Values and behavior // Journal of Marriage and the Family. 1978. V. 40. № 2.

Konstan D. Friendship in the Classical World. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

Kreutz H. Jugend: Gruppenbild und Objektwahl. Diss Wien: Wiener Universität, 1964.

Kritische Friedrich Schlegel Ausgabe / Hrsg. E. von Behler. Paderborn, 1959.

Kurdek L. A., Krile D. A developmental analysis of the relation between peer acceptance and both interpersonal understanding and perceived self-competence // Child Development. 1982. V. 53. P. 1485–1491.

La Gaipa J. J. Children's friendships // Personal Relationships. 1981. V. 2. P. 161–185.

Lankheit K. Das Freundschaftsbild der Romantik. Heidelberger kunstgeschichtliche Abhandlungen. Neue Folge, 1952. Bd. I.

Larson R., Bradney M. Precious moments with family members and friends // Families and Social Networks / Ed. R. M. Milardo. Newbury Park: Sage, 1988. P. 107–126.

Larson R., Pleck J. Hidden feelings: emotionality in boys and men // Nebraska Symposium on Motivation / Ed. D. Bernstein. Lincoln, NE: University of Nebraska Press, 1999. V. 45. Gender and Motivation. P. 26–74.

Laumann E., Gagnon J., Michael R., Michaels S. The Social Organization of Sexuality. Sexual Practices in the United States. Chicago: University of Chicago Press, 1994.

Lazarsfeld P. F., Merton R. K. Friendship as a social process: a substantive and methodological analysis // Freedom and Control in Modern Society / Eds. M. Berger, T. Abel, C. H. Page. Princeton: Van Nostrand, 1954. P. 18–66.

Lee J. A. The Colors of Love. Don Mills, Ontario, 1973.

Leinhardt S. Developmental change in the sentiment structure of children's groups // American Sociological Review. 1972. V. 37. P. 202–212.

Lepenies W. Melancholie und Gesellschaft. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1972.

Lever J. Sex differences in the games children play // *Social Problems*. 1976. V. 23. P. 478–478.

Levinger G. Toward the analysis of close relationships // *Journal of Experimental Social Psychology*. 1980. V. 16. P. 510–544.

Levinson D. J. et al. The Seasons of a Man's Life. N. Y.: Knopf, 1978.

Lewin K. Resolving Social Conflicts: Selected Papers on Group Dynamics. N. Y.: Harper, 1948.

Linden F. J., van den. Adolescent Lifeworld. Theoretical and empirical orientations in socialization processes of Dutch Youth. A selection of social-ecological studies. Amsterdam: Swets and Zeitlinger, 1991.

Lipp W. Männerbünde, Frauen und Charisma // *Geschlechterdrama im Kulturprozess / Männerbünde — Männerbünde Zur Rolle des Mannes im Kulturvergleich / Hrgs. G. Voelger, K. v. Welck*. Köln: Rautenstrauch-Jost-Museum, 1990 B. 1. S. 31–40.

Lippa R. A. On deconstructing and reconstructing masculinity-femininity // *Journal of Research in Personality*. 2001. V. 35. P. 168–207.

Litwak E., Szelenyi J. Primary group structures and their functions: kin, neighbours and friends // *American Sociological Review*. 1969. V. 74. P. 465–481.

Livesley W. J., Bromley D. B. Person Perception in Childhood and Adolescence. N. Y.; L.: Wiley, 1973.

Loneliness. A Sourcebook of Current Theory, Research and Therapy / Eds. L. A. Peplau, D. Perlman. N. Y.: Wiley Interscience, 1982.

Lots J. B. Die Stufen der Liebe. Eros. Philia. Agape. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1971.

Lowenthal M. F., Thurnher M., Chriboga D. Four Stages of Life. San Francisco: Jossey-Bass, 1977.

Männerbünde-Männerbünde. Zur Rolle des Mannes im Kulturvergleich / Hrg. G. Voelger, K. v. Welck. Köln: Rautenstrauch-Jost-Museum, 1990. 2 B-de.

Männergeschichte — Geschlechtergeschichte: Männlichkeit im Wandel der Moderne / Hg. T. Kuehne. Frankfurt/Main: Campus, 1996.

Maas H. S. Preadolescent peer relations and adult intimacy // *Psychiatry*. 1968. V. 31. P. 161–172.

Maccoby E. E. The Two Sexes: Growing Up Apart, Coming Together. Cambridge: Harvard University Press, 1998.

Maccoby E. E., Jacklin C. N. Gender segregation in childhood // *Advances in Child Behavior and Development* / Ed. H. Reese. N. Y.: Academic Press, 1987.

Macfarlane A. The Family Life of Ralph Josselin. Cambridge: Cambridge University Press, 1970.

MacNamara M. A. Friendship in St. Augustin. Friburg: The University Press, 1958.

Maisonneuve J. Psycho-sociologie des affinités. Paris: Presses Universitaires de France, 1966.

Malamud B. Dubin's Lives. Harmondworth: Penguin book, 1979.

Mannarino A. P. The development of children's friendships // *Friendship and Social Relations* / Eds. H. C. Foot, A. J. Chapman, J.-R. Smith. Chichester, N. Y.: Wiley, 1980. Ch. 2.

Manosevitz M., Prentice N. M., Wilson F. Individual and family correlates of imaginary companions in preschool children // *Developmental Psychology*. 1973. V. 8. P. 72–73.

Marcia J. E. Ego identity and object relations // *Empirical Perspectives on Object Relations Theory* / Eds. J. M. Masling, P. F. Bornstein. Washington DC: American Psychological Association, 1994. P. 59–104.

Marcia J. E. Identity in adolescence // *Handbook of Adolescent Psychology* / Ed. J. Adelson. N. Y.: Wiley, 1980.

Markowitz F. Russkaia družba: Russian friendship in American and Israeli contexts // *Slavic Review*. 1991. V. 50. № 3. P. 637–645.

Masculinity in Medieval Europe / Ed. D. M. Hadley. Longman, 1999.

McGuire B. P. Friendship and Community. The Monastic Experience 350–1250. Kalamazoo, Michigan: Cistercian publications inc., 1988.

McKinney J. P. The development of choice stability in children and adolescents // *Journal of Genetic Psychology*. 1968. V. 113. P. 78–83.

Mroczek D. K., Kolarz C. M. The effect of age on positive and negative affect: A developmental perspective on happiness // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1998. Vol. 75. № 5. 1333–1349.

Muchow H. H. Jugend und Zeitgeist. Morphologie der Kulturpubertät. Hamburg: Rowohlt, 1966.

Mueller E., Lucas T. A developmental analysis of peer interactions among toddlers // *Friendship and Peer Relations* / Eds. M. Lewis, L. A. Rosenblum. N. Y.; L.: Wiley, 1975. P. 223–258.

Murstein B. I., Spitz L. T. Aristotle and friendship. A factor-analytic study // *Interpersonal Development*. 1973/74. V. 4. P. 21–34.

Nardi P. M. Sex, friendship, and gender roles among gay men // *Men's Friendships* / Ed. P. M. Nardi. Newbury Park: Sage, 1992. P. 173–185.

Networks and Places: Social Relationships in the Urban Setting / Ed. C. S. Fischer. N. Y.: Free Press, 1971.

Newcomb A. F., Bagwell C. Children's friendship relations: a meta-analytical review // *Psychological Bulletin*. 1995. V. 117. № 3. P. 306–347.

Newcomb T. M. The Acquaintance Process. N. Y., 1961.

Nitschke A. Freundschaft II. // Ritter J. Hrsg. Historisches Wörterbuch der Philosophie; Stuttgart, 1972. Bd. 2. S. 108.

Noetzoldt-Linden U. Freundschaft: zur Thematisierung einer nachlässigten soziologischen Kategorie. Opladen: Westdeutsche Verlag, 1994.

Nygren A. Agape and Eros: The Christian Idea of Love and Its Transformations. Chicago: University of Chicago Press, 1982.

Omark R. D., Omark M., Edelman M. Formation of dominance hierarchies in young children // *Psychological Anthropology* / Ed. R. T. Williams. The Hague: Mouton, 1973.

Ostrov E., Offer D. Loneliness and the adolescent // *The Anatomy of Loneliness* / Eds. J. Hartog, J. R. Audy, Y. A. Cohen. N. Y.: International Universities Press, 1980. P. 170–185.

Packard V. The Nation of Strangers. N. Y.: McKay, 1972.

Parlee M. B. The friendship bond // *Psychology Today*. 1979. V. 13. P. 43–45, 49–50, 53–54.

Peevers B. II., Secord P. F. Developmental changes in attribution of descriptive concepts to persons // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1973. V. 27. № 1. P. 120–128.

Personal Relationships / Eds. S. Duck, R. Gilmour. L.; N. Y.: Academic Press, 1981–1984. V. 1–5.

Peters E. Notes toward an archeology of boredom // *Social Research*. 1975. V. 42. № 3. P. 493–511.

Pilkonis P. A., Zimbardo P. G. The Personal and Social Dynamics of Shyness // *Emotions in Personality and Psychopathology* / Ed. C. E. Izard. N. Y.: Plenum Press, 1979.

Pitt-Rivers J. Pseudo-kinship // *International Encyclopedia of the Social Sciences*. N. Y.: Macmillan Company & The Free Press, 1968. V. 8. P. 408–413.

Plog S. C. The disclosure of self in the United States and Germany // *Journal of Social Psychology*. 1965. V. 65. P. 193–203.

Prager K. J. The Psychology of Intimacy. N. Y.: Guildford Press, 1995.

Ramsoy O. 1968 Friendship // International Encyclopedia of the Social Sciences. N. Y.: Macmillan Company & The Free Press, 1968. V. 6. P. 12–17.

Rasch W. Freundschaftskult und Freundschaftsdichtung im deutschen Schrifttum des 18. Jahrhundert. Vom Ausgang des Barocks bis zu Klopstock. Halle/Saale: Max Niemeyer Verlag, 1936.

Reina R. E. Two patterns of friendship in a Guatemalan community // Society and Self. A Reader in Social Psychology / Ed. B. J. Stoodley. N. Y.: Free Press, 1962. P. 215–222.

Reisman J. M. Adult friendships // Personal Relationships / Eds. S. Duck, R. Gilmour. N. Y.; London, Academic Press, 1981. V. 2. Ch. 9.

Rey M. L'Amitié a la Renaissance: Italie, France, Angleterre, 1450–1650. Florence: European University Institute, 1999.

Reynolds V. Friendship among the primates // The Compact. Selected Dimensions of Friendship / Ed. E. Leyton. Newfoundland Social and Economic Papers. Toronto, 1974. № 3.

Riché P. La Vie quotidienne dans l'Empire Carolingien. Paris: Seuil, 1973.

Ritual Brotherhood in Ancient and Medieval Europe: A Symposium / Ed. E. A. R. Brown // Traditio. 1997. V. 52. P. 261–381.

Ritual Brotherhood in Ancient and Medieval Europe: A Symposium // Traditio. 1997. V. 52. P. 261–381.

Roberts J. M. Kinsmen and friends in Zuni culture: a terminological note // El Palacio. 1965. № 72. P. 38–43.

Rodriguez Tomé H. A propos des personnes significatives dans l'entourage des adolescents. Etude différentielle // L'Orientation scolaire et professionnelle. 2-ème année. 1973. № 4. P. 343–361.

Rosch E. Cognitive representations of semantic categories // Journal of Experimental Psychology. General, 1975. V. 104. P. 192–233.

Rosenblum L. A., Coe C. L., Bromley L. J. Peer relations in monkeys: the influence of social structure, gender, and familiarity // Friendship and Peer Relations / Eds. M. Lewis, L. A. Rosenblum. N. Y.; L.: Wiley, 1975. P. 67–98.

Rossiaud J. Fraternités de jeunesse et niveaux de culture dans les villes du Sud-Est a la fin du Moyen Age // Cahiers d'Histoire. 1976. № 2. P. 67–102.

Roth H.J. Die Zisterzienser als Männerbund // Männerbände — Männerbünde / Hrsg. G. Voelger, K. v. Welck. Köln: Rautenstrauch-Jost-Museum, 1990. B. 2. S. 347–354.

Rubin Z. Children's Friendships // Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1980.

Rubin Z. Liking and Loving. N. Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1973.

Ruble D. N., Martin C. L. Gender development // Handbook of Child Psychology. Fifth edition. Wiley, 1998. V. 3: Social, Emotional, and Personality Development. P. 933–1016.

Russell B. The Autobiography. Boston: Norton, 1967. V. 1.

Sakamoto G. A study of the Japanese national character. Part V // Annals of the Institute of Statistical Mathematics. Suppl. 8. Tokyo, 1975.

Salamon S. Family bounds and friendship bonds: Japan and West Germany // Journal of Marriage and the Family. 1977. V. 39. № 4. P. 807–820.

Sayers J. Adolescent bodies: boy's crazy memories and dreams // Body Talk. The material and discursive regulation of sexuality, madness and reproduction / Ed. J. M. Usher. L.: Routledge, 1997. P. 85–105.

Scheler M. Wesen und Formen der Sympathie. Bonn, 1948.

Schlegel F. Kritische Friedrich Schlegel Ausgabe / Hrsg. E. v. Behler. Paderborn, 1959.

Schmidt N., Sermat V. Measuring loneliness in different relationships // Journal of Personality and Social Psychology. 1983. V. 4. № 5. P. 1038–1047.

Schopenhauer A. Aphorismen zur Lebensweisheit // Sämtliche Werke in fünf Bänden. Leipzig, Grossherzog Wilhelm Ernst Ausgabe, o. J. Bd. 4. S. 371–580.

Schweizer T. Männerbünde und ihr kultureller Kontext im weltweiten interkultureller Vergleich // Männerbände — Männerbünde / Hrsg. G. Voelger, K. v. Welck. Köln: Rautenstrauch-Jost-Museum, 1990. B. 1. S. 23–30.

Schwimmer E. Friendship and kinship // The Compact / Ed. E. Leyton. 1974. P. 49–70.

Sedgwick E. K. Between Men. English Literature and Male Homosexual Desire. N. Y.: Columbia University Press, 1985.

Sedgwick E. K. Epistemology of the Closet. Berkeley: University of California Press, 1990.

Selman R. L. The Growth of Interpersonal Understanding. N. Y.: Academic Press, 1980.

Selman R. L., Selman A. P. Children's ideas about friendship: A new theory // *Psychology Today*. 1979. October.

Sherif M., Sherif C. W. Groups in Harmony and Tension. N. Y., 1953.

Sherrod D. The bonds of men: problems and possibilities in close male relationships // *The Making of Masculinities. The New Men's Studies* / Ed. H. Brod. Boston: Allen & Unwin, 1987. P. 213–339.

Shyness: Perspectives on Research and Treatment / Eds. W. H. Jones, J. M. Cheek, S. R. Briggs. N. Y: Plenum Press, 1986.

Silver A. Friendship and trust as moral ideal: an historical approach // *European Journal of Sociology*. 1989. V. XXX. P. 274–297.

Silver A. Friendship in commercial society: Eighteenth-century social theory and modern sociology // *American Journal of Sociology*. 1990. V. 9. № 6. P. 1474–1504.

Simmel G. Soziologie. 3. Ausg. Leipzig: Duncker & Humblot, 1923.

Simonds P. E. Peers, parents, and primates: the developing network of attachments // *Attachment Behavior* / Eds. T. Alloway, P. Pliner, L. Krames. N. Y.: Plenum Press, 1977.

Snyder M., Gangestad S., Simpson J. A. Choosing friends as activity partners: The role of self-monitoring // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1983. V. 45. P. 1061–1072.

Spaeth T. Männerfreundschaften- politische Freundschaften? Männerbeziehungen in der römischen Aristokratie des Prinzipats // *Wann ist der Mann ein Mann? Zur Geschichte der Männlichkeit* / Hrsg. W. Erhart und B. Herrmann. Stuttgart-Weimar: J. B. Metzler, 1997. S. 192–211.

Stoetzel J. Les valeurs du temps present: une enquete europeenne. Paris: IFOP, 1983.

Stone L. The Family, Sex and Marriage in England 1500–1800. N. Y.: Harper, 1977.

Sullivan H. S. The Interpersonal Theory of Psychiatry. N. Y.: Norton, 1958.

Swift J. The Correspondence of Jonathan Swift / Ed. H. Williams. Oxford University Press, 1964. V. 2.

Tönnies F. Gemeinschaft und Gesellschaft. Leipzig, 1887.

Taylor M. Imaginary Companions and the Children Who Create Them. N. Y.: Oxford University Press, 1999.

Tegnaeus H. Blood-Brothers: An Ethnosociological Study of the Institution of Blood-Brotherhood with Special Reference to Africa. N. Y.: Philosophical library, 1952.

Tenbruck F. H. Freundschaft. Ein Beitrag zu einer Soziologie der persönlichen Beziehungen, Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 16. Jg. 1964. S. 431–456.

The Compact. Selected Dimensions of Friendship / Ed. E. Leyton // Newfoundland Social and Economic Papers. № 3. Toronto, 1974.

The Complete Dictionary of Sexology / Ed. R. T. Francoeur. New Expanded Edition. N. Y.: Continuum, 1995.

The Development of Children's Friendships / Eds. S. R. Asher, J. M. Gottman. Cambridge: Cambridge University Press, 1980.

The Residential Areal Bond. Local Attachment in Delocalized Societies / Eds. P. Peachey et al. N. Y., 1984.

Thorne B. Gender Play: Girls and Boys in School. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1994.

Tiger L. Men in Groups. N. Y.: Random House, 1969.

Traub V. The Renaissance of Lesbianism in Early Modern Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Ullmann S. Le vocabulaire, moule et norme de la pensée // Problèmes de la personne. The Hague: Mouton, 1973. P. 260–263.

Varnhagen von Ense K. A. Tagebücher. Leipzig, 1900. Bd. 13.

Varnhagen von Ense K. A. Tagebücher. Leipzig, 1865. Bd. 2.

Verbrugge L. M. The structure of adult friendship choices // Social Forces. 1977. V. 56. P. 576–597.

Vernant J.-P., Vidal-Naquet P. Myth et tragedie en Grece ancienne. Paris, 1973.

Vincent-Briffault A. L'exercice de l'amitié: pour une histoire des pratiques amicales aux XVIIIe et XIXe siècles. Paris: Seuil, 1995.

Waldrop M. F., Halverston C. F., Jr. Intensive and extensive peer behavior: longitudinal and cross-sectional analysis // Child Development. 1975. V. 46. P. 19–28.

Wann ist der Mann ein Mann? Zur Geschichte der Männlichkeit / Hrsg. W. Erhart, B. Herrmann. Stuttgart-Weimar: J. B. Metzler, 1997.

Way N. Using feminist research methods to understand the friendships of adolescent boys // Journal of Social Issues. 1997. V. 53. № 4. P. 703–723.

Whiting B. B., Edwards C. P. Children of Different Worlds: the Formation of Social Behavior. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1988.

Whiting J. W. M. Becoming a Kwoma: Teaching and Learning in a New Guinea Tribe. New Haven: Yale University Press, 1941.

William D. G. Gender, masculinity-femininity and emotional intimacy in same-sex friendship // Sex Roles. 1985. V. 12. № 5–6. P. 587–600.

Wilson J. Two names of friendship but one starre: memorials to single-sex couples in The early modern period // Church Monuments, 1995. V. 10. P. 70–83.

Windle M. A study of friendship characteristics and problem behaviors among middle adolescents // Child Development. 1994. V. 65. P. 1764–1777.

Wolf E. P. Kinship, friendship and patron-client relations in complex societies // The Social Anthropology of Complex Society / Ed. M. Banton. L.: Tavistock, 1966. P. 1–22.

Wolfe M. Childhood and privacy // Children and Environment / Eds. I. Altman, J. Wohlwill. N. Y., 1978.

Wrangham R., Peterson D. Demonic Males. Apes and the Origins of Human Violence. Boston: Mariner Books, 1996.

Wurzbacher G. Gesellungsformen der Jugend. 3 Aufl. München: Yuwenta, 1968.

Youniss J. Parents and Peers in Social Development. A Sullivan-Piaget Perspective. Chicago: University of Chicago Press, 1980.

Youniss J., Smollar J. Adolescent Relations with Mothers, Fathers, and Friends. Chicago: University of Chicago Press, 1985.

Zazzo B. La psychologie différentielle de l'adolescence. Paris: Presses Universitaires de France, 1966.

Кон Игорь Семенович

Дружба

4-е издание, дополненное

Главный редактор	<i>Е. Строганова</i>
Заведующий редакцией	<i>Л. Винокуров</i>
Руководитель проекта	<i>Е. Цветкова</i>
Выпускающий редактор	<i>И. Смаришсва</i>
Литературный редактор	<i>М. Терентьева</i>
Художественный редактор	<i>Р. Яцко</i>
Корректоры	<i>Н. Дралова, Н. Соломина</i>
Верстка	<i>Т. Гусева</i>

Лицензия ИД № 05784 от 07.09.01.

Подписано к печати 11.08.04. Формат 60×90/16. Усл. п. л. 21.

Тираж 4000. Заказ 860

ООО «Питер Принт», 194044, Санкт-Петербург, пр. Б. Сампсониевский, дом 29а.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК 005-93, том 2
95 3005 — литература учебная.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО «Техническая книга»
190005, Санкт-Петербург, Измайловский пр., 29